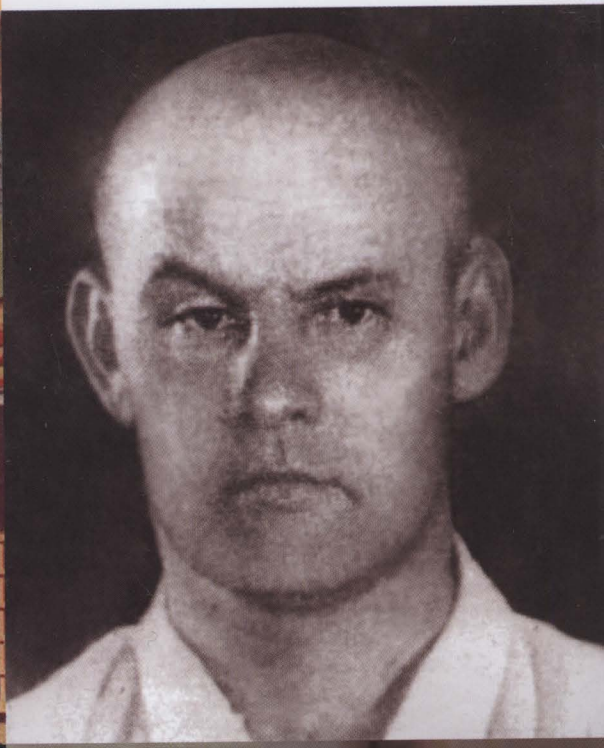
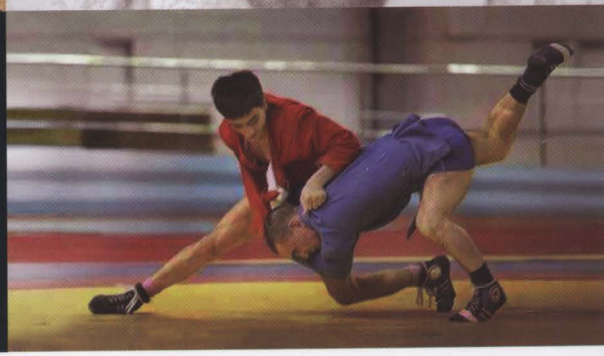
ОЩЕПКОВ





Александр Куланов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ОЩЕПКОВ А. Куланов

ЖЗЛ

Жизнь замечательных людей ®

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1867

(1667)

Александр Куланов

ОЩЕПКОВ

После смерти нашей не ищите прах наш в земле, а ищите дух наш в сердцах просветленных людей.

Джалаледдин Руми

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много лет назад автор книги, которую вы держите в руках, занялся изучением биографии замечательного человека: Василия Сергеевича Ощепкова — гения русского дзюдо и основоположника борьбы самбо. Очень медленно, шаг за шагом, не только в ходе этой работы, но и в ходе исследований других тем, добывались новые сведения о трагической судьбе героя, Мастера. Незаметно, но непрерывно накапливались новые знания, перепроверялись старые, публиковались статьи и книги. История Василия Ощепкова становилась известна все новым и новым людям. История непростая, драматическая: маленький мальчик, родившийся на каторжном острове Сахалине, каким-то загадочным образом оказался в Японии, где учился у выдающихся людей своего времени — первого православного священнослужителя в этой стране архиепископа Николая Японского и создателя борьбы дзюдо японца Кано Дзигоро. Живя в Токио, подросток превратился в былинного богатыря, «русского медведя», выдающегося спортсмена, мастерски владеющего единоборствами, и вернулся на родину, в Россию. Потом, в своей недолгой в общем-то жизни, он занимался еще очень многими вещами: был переводчиком, военным, разведчиком, даже торговцем, но главным делом всей жизни для него так и осталась борьба дзюдо, на основе которой он сумел создать совершенно новый вид боевого искусства — легендарное самбо. Легендарное настолько, что, когда однажды русский знакомый автора этих строк демонстрировал японцам древнюю, давно ими самими уже позабытую школу дзюдзюцу, они — японцы, ошеломленные каскадом сложных и уже не вполне понятных им приемов, почтительно спрашивали: «Скажите, это и есть знаменитое советское самбо?»

Основоположник «знаменитого советского самбо» погиб в 1937 году, в разгар сталинских репрессий. Погиб безвинно, брошенный в тюрьму по ложному обвинению, и гибель его стала началом новых мифов. Одну из самых ярких, впечатляющих легенд о Василии Ощепкове сегодня рассказывают именно в связи с его смертью: такой человек, великий мастер, не мог умереть в тюрьме просто так — он обязательно должен был утянуть с собой на тот свет десяток-другой палачей, что якобы и совершил, дав последний, эпический бой в камере. Так все было на самом деле или нет, терпеливый читатель узнает из этой книги. Пока же важно понять: даже рассуждать на эту тему стало безопасно только много лет спустя, когда не стало самого Сталина и чудовищная трагедия XX века — сталинские репрессии оказались лишь историческим этапом в жизни нашего народа. И сразу же появились люди, которые рассказывали о том, что самбо придумал вовсе не Василий Ощепков, а совсем другой человек, а потом другой и другой. И один из этих людей так убедительно повествовал о своих заслугах, что не было никакой возможности ему не поверить. И ему верили, верили охотно: писали книги, брали интервью, сняли фильм. Самбо стало брендом, пусть самого этого слова — бренд — еще и не знали. Стало одним из никогда не обесценивавшихся символов СССР, России, неизменным национальным достоянием, на которое не способны бросить тень смены эпох, правителей, курсов развития. Самбо всегда оставалось популярным среди заграничных специалистов: в самом начале знакомства с ним, когда в 1964 году на Токийской олимпиаде выяснилось, что советские дзюдоисты на самом деле — самбисты и техника их борьбы богаче, чем у родоначальников дзюдо; и когда президентом уже новой России стал Владимир Путин, в молодости одинаково мастерски владевший и самбо, и дзюдо, а для публики всегда важно «благословение великих мира сего»; и когда «Последним императором» единоборств журналисты многих стран назвали бывшего самбиста Федора Емельяненко. И всегда, вне зависимости от смены исторического фона, самбо, его рождение сопровождали легенды, которых с каждым днем становилось все больше, и сюжеты которых оказывались все затейливее.

Со временем журналисты и писатели сосредоточились и на личности самого Василия Ощепкова — казалось бы, что еще надо для восстановления истины? Но биография Василия Сергеевича, расцвеченная их фантазией, очень быстро стала очередной выдумкой, мифом, легендой. Вне-

запно «выяснилось», например, что он на самом деле был японским подданным, но при этом его судьбу «решал лично» император Николай II. «Оказалось», что на создание самбо его якобы благословил святой равноапостольный Николай Японский, а сам Василий Сергеевич был чуть ли не послом России в Японии. Досужие авторы-фантазеры отправляли его под личиной «православного ниндзя» в Китай и на Тибет изучать тайные школы кунг-фу, как будто нарочно противопоставляя эту легенду героике советского времени, когда считалось, что самбо было создано на основе грузинских, туркменских и еще неизвестно каких, но, очевидно, таких же тайных школ. И, конечно, снова и снова в статьях, книгах и фильмах возвращались к тому, что уж в тюрьме-то Ощепков «им всем показал»...

Апофеозом ненаучной фантастики в «ощепковедении» стало открытие в сентябре 2016 года памятника Мастеру во Владивостоке. Там, на праздничной церемонии, один высокопоставленный чиновник из Москвы сказал, что в основе самбо лежат движения не кого-нибудь, а амурского тигра: «Василий наблюдал за поведением и игрой тигрят в зоопарке. В результате у него родилась целая школа, состоящая из приемов, которые посвящены амурскому тигру, — тигриный удар, тигриный коготь, тигриный поцелуй и другие. Впоследствии великий японский режиссер Куросава Акира посвятил одну из своих кинокартин гению российского дзюдо и самбо, решившему соединить возможности человеческого тела с грацией и силой амурского тигра и обычной кошки в одном боевом искусстве»[1]... Чтобы шокировавшая журналистов информация о любви Василия Ощепкова к животным не забылась, в композицию памятника включили камень, где «отлили в граните» следующие слова: «Разрабатывая приемы самбо, В. С. Ощепков наблюдал и изучал моторику движений амурского тигра».

Никто не поинтересовался — был ли тогда во Владивостоке зоопарк, жили ли в нем тигры, а главное — не задумались, возможно ли в XX веке такое вообще: посмотреть на животное — и создать школу борьбы для человека. Поставили камень — как придавили им усилия всех, кто десятилетиями делал и делает все для восстановления доброго имени Василия Сергеевича, кто боролся за воссоздание подлинной истории российского дзюдо и советского самбо, придавили память о самом Мастере...

Но историю камнем не придавишь. Жизнь трагично проста и сложна одновременно, и чем правдивее рассказ

о ней, тем проще и горше бывает истина. В этой книге не будет ничего скандального. Да, Василий Ощепков был военным разведчиком, но здесь вы не найдете рассказов ни о стрельбе, ни о погонях — вряд ли они вообще были в его жизни. Он был трижды женат, но сохранился в памяти как примерный семьянин, обошелся без семейных скандалов и адюльтеров. Да, в его жизни были страсти, но все они кипели вокруг одного — вокруг борьбы. Именно это вспоминали те, кто его знал, кто работал вместе с ним, его ученики, члены семьи, те исследователи, кому посчастливилось еще застать этих людей живыми. Еще в послевоенные, послесталинские годы наследники мастерства Ощепкова: Андрей Будзинский, Николай Галковский, Георгий Звягинцев, а позже их друзья и последователи — Михаил Лукашев, Лев Семенов, Александр Будзинский всеми силами пытались восстановить попранную историческую справедливость, рассказать об истинном пути самбо, о его основателе — Василии Ощепкове. Они первыми начали воссоздавать подлинную историю того самого знаменитого советского самбо. Очень медленно, но правда — и о борьбе, и о ее основоположнике — начала открываться тем, кто хотел ее знать. Увы, таких людей — тех, кому история нравится больше фантастики, все еще немного, и все же эта работа идет, истина, пусть и не так быстро, как хотелось бы, открывается нам.

Полученных впечатлений от общения с этими людьми, добытых сведений, найденных документов за это время стало так много, что возникла необходимость написать эту книгу — не для того, чтобы открыть ею что-то новое в «деле самбо» и его создателя, а для того, чтобы хотя бы немного расчистить историческое поле от бесчисленных позднейших мифологических нагромождений. Ее главная задача — не удивить читателя новыми необыкновенными фактами, а сложить уже имеющиеся знания о биографии Василия Сергеевича Ощепкова в более или менее стройное жизнеописание. Все, что вы прочитаете здесь, подкреплено документами, фотографиями, прижизненными статьями, показаниями и рассказами очевидцев и свидетелей. Если где-то автор счел возможным высказать свои версии исторических событий, то это им оговорено особо, а само наличие таких версий обусловлено отсутствием документально подтвержденных данных о какой-то конкретной части биографии Ощепкова и наличием в этом периоде понятной исторической логики.

Да, важнейшим делом в судьбе Василия Сергеевича Ощепкова оказалось создание нового, уникального вида

единоборств, советского боевого искусства, позднее получившего название «самбо». Однако сам предмет его деятельности настолько сложный и многогранный, что не просто заслуживает, а обязан быть оформлен многими томами, посвященными истории происхождения и развития этого вида спорта. Процесс этот был начат много лет назад упомянутыми выше исследователями, а ныне успешно продолжается их прямым последователем, выдающимся современным историком борьбы и ученым-японоведом Алексеем Михайловичем Горбылевым. Он подготовил целую серию книг и отдельных публикаций по истории «системы Ощепкова», написал настоящую историю самбо. В них подробно и, в положительном смысле этого слова, дотошно объясняется и обосновывается происхождение каждого приема («техник», как говорят спортсмены), каждого исторического эпизода, каждой строки в непростой, порой специально запутанной, «биографии» самбо. Но хотя создание самбо неразрывно связано с биографией Василия Сергеевича Ощепкова, это не одно и то же. Окончательная оценка вклада в создание самбо самого Ощепкова и каждого из его учеников пусть останется делом квалифицированных историков единоборств. Автор книги, которую вы сейчас читаете, активно пользовался работами А. М. Горбылева и его бесценными советами, за что ему бесконечно благодарен, но он все-таки оставляет право написания «Истории самбо» профессионалу, а сам постарается рассказать читателю историю Мастера — живого, интересного, поистине замечательного человека, жизнь которого совпала с одним из самых трагических периодов истории нашей родины.

Именно поэтому в этой книге так много места уделено не последним годам жизни Василия Ощепкова, а его происхождению, детству, о котором мы знаем еще очень мало, его юности и началу взрослой жизни. Это было время, когда он учился в Токийской православной духовной семинарии, где его характер если и не закладывался, то окончательно формировался и шлифовался, где вырабатывались его взгляды на мир, на собственную судьбу, где воспитывались его патриотизм, чувство ответственности и даже необыкновенное аристократическое благородство, отмечаемые позже всеми, кто его хорошо знал.

Это еще и время работы на Сахалине и в Японии, когда Василий Сергеевич по собственной воле, а не повинуясь «деснице судьбы», выбрал путь «сменовеховства», решив служить первой родине — России, а не второй — Японии,

хотя в результате именно этот выбор много позже привел его к гибели. Думается, Ощепков уже тогда понимал опасность своего решения, и все же именно он стал первым советским нелегальным резидентом военной разведки в этой стране. Стоит добавить, что резидентом номер два, преемником Ощепкова, стал великий Рихард Зорге. Естественно поэтому, что, узнавая о деятельности Ощепкова как разведчика, мы вольно или невольно сопоставляем, сравниваем судьбы двух этих людей, находя отличия, неизбежно связанные с тем, что работали они в разное время, и сходство, потому что оба они были честными людьми, хорошими разведчиками и отдали все силы на благо своей родины, оставшись надолго ею забытыми.

Это время его работы преподавателем японской борьбы, как тогда говорили, «тренером-общественником», когда он сам для себя вывел главную формулу жизни и весь ее остаток провел, доказывая ее, создавая систему, которая должна была спасать жизни людей...

Короче говоря, эта книга — о человеке, а не о борьбе, а если уж и о борьбе, то о борьбе человека за самого себя, за выбор своего пути, за то, чтобы не быть игрушкой в руках судьбы, а попытаться самому вершить ее. Конечно, автор наверняка не избежал ошибок и неточностей, за что он заранее приносит свои извинения, но биографии великих, которые еще вчера жили бок о бок с нами (а автору повезло застать в живых некоторых учеников Ощепкова), не пишутся сразу набело. Исследования жизни Василия Сергеевича Ощепкова и истории самбо будут продолжаться еще долго, в архивах хранится немало документов, честь открытия которых будет принадлежать новым авторам, другим историкам. Важно другое: не врать, не сочинять свою историю вместо той, которую на самом деле прожил этот удивительный человек.

В завершение — несколько технических моментов. В тексте приводится много японских терминов и фамилий. Все они воспроизводятся в соответствии с официально принятой «поливановской» транслитерацией (то есть, например, «дзюдзюцу», а не «джиу-джитсу»), за исключением цитирования документов или специально оговоренных случаев. Японские фамилии пишутся перед именами (то есть в «Кано Дзигоро», Кано — фамилия).

Автор особо благодарит первого редактора книги Марию Бересневу, исключительно много сделавшую для того, чтобы ее текст и смысл были понятны каждому человеку, которому дорога история его отечества.

Глава первая

ОЩЕПКИ

Биография каждого человека начинается с истории его семьи, рода — с его корней. Так уж вышло, что наш герой появился на белый свет почти без роду без племени — незаконнорожденным. Потому и фамилию свою — Ощепков — получил от матери, а не как принято от отца. Фамилия эта не сказать что редкая, но и не слишком распространенная, локальная, четко указывающая на географию этих самых корней. Исследователи считают, что само слово «ощепóк» происходит из севернорусского наречия, его местных — вятских и уральских говоров. В старые времена в этих краях так называли поленья, от которых щипали лучины, большие щепки, обломки, черепки. В похожем значении использовали слово «ощéпок» на Верхней Волге: там оно означало большие осколки и даже... сушеного судака, который внешне напоминает большую неровную деревяшку. Кто знает, возможно, такое прозвище дали когда-то в незапамятные времена тому, кто продавал, например, такие ощепки для растопки печи или торговал сушеным судаком. А может быть, оно пристало к какому-то не очень порядочному человеку — «отщепенцу», от которого и пошли многочисленные потомки, столетиями остававшиеся в крестьянском сословии в предуральских губерниях и, конечно, знать не знавшие о прегрешениях пращура. «Ощепок» было прозвищем или мирским именем человека, потомки которого числились в документах уже Ощепковыми.

Один из первых таких документов относится к началу XVII века, когда в записях, связанных как раз с Северным Уралом, появляются «Ивашко Ощепков. Крестьянин сольвычегодский, 1629» и «Ивашка Мартемьянов сын Ощепков, 1623». Примерно в то же время следы Ощепковых проявляются и на Среднем Урале: сохранились упоминания

о ямщике Афанасии Ощепкове из Верхотурской слободы, о деревне Ощепковых (тоже ямщиков) на реке Тагиле, об Ощепковой слободе на реке Нице («...да новая слобода, что строит слободчик Пятко Ощепков»). Если верить легенде, раскольниками братьями Ощепковыми были основаны в этих краях Пышминская, Совина и Тупицынская слободы. К началу XVIII века Ощепковы упоминаются в различных списках и метриках все чаще, а еще через столетие фамилия становится одной из самых распространенных во всем Камско-Уральском регионе[2] (попадаются данные даже о жителях деревни с названием Ощепково), но при этом она по-прежнему крайне редко встречалась в других краях Российской империи. Так что сегодня даже можно быть уверенным: если вы встретите в своей жизни человека по фамилии Ощепков, кто-то из его предков, скорее всего, происходит из североуральских и пермских лесов.

Понятное дело, среди носителей столь массовой фамилии всегда было много разных людей: плохих и хороших, честных и жуликов, людей талантливых, заметных и тех, кто остался навсегда неизвестным. Первым прославил свой род ученый, профессор, создатель советской школы радиолокации Павел Кондратьевич Ощепков (1908—1992). Основатель Института интроскопии, он руководил целым рядом лабораторий и научных центров, в которых рождались передовые военные технологии, был безвинно осужден, но выжил, хотя реабилитации дождался только в 1992 году — за две недели до смерти. На его надгробии высечены слова: «Отцу радиолокации, интроскопии, энергоинверсии». Этот Ощепков хотя бы дождался оправдания. Судьба его однофамильца куда печальнее, но прежде, чем станет ясно почему, надо рассказать кое-что о его родителях.

В архиве Пермского края, откуда родом была мать нашего героя — Мария Семеновна Ощепкова, сегодня можно найти данные о двух женщинах, более или менее соответствующих условиям поиска. Дело в том, что известно о Марии Ощепковой очень немного, но считается, что родилась она в 1850 году. Это убеждение основано на записи в «Статейном списке» — специальном сопроводительном документе, с которым каторжница Мария Ощепкова прибыла на Сахалин (ныне он хранится в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока[3]). «Список» составлен 15 сентября 1889 года, и в нем указано, что на тот момент ей было 40 лет (очень возможно, что возраст установлен с ее же слов) и родом она происходила из Во-

робьевской волости Оханского уезда. Следовательно, родилась она примерно в 1849 году с погрешностью плюс-минус один год. Однако Мария Ощепкова 1850 года рождения в архиве Пермского края не упоминается вовсе. Зато есть записи сразу о двух ее полных тезках. Первая появилась на свет 29 марта 1848 года в деревне Аксеновке и была дочерью солдатки[4]. Вторая — родившаяся 2 марта того же года дочь крестьян Симеона Никифоровича и Анны Матвеевны из деревни Воробьи[5]. В метрической книге за 1866 год есть запись о бракосочетании 31 октября православной крестьянки из деревни Воробьи Ощепковой Марии Семеновны, 18 лет, то есть 1848 года рождения, дочери Ощепкова Семена Никифоровича (уже умершего к тому времени крестьянина), и крестьянина из деревни Даньково Ощепкова Петра Герасимовича (супруги оказались еще и однофамильцами, а возможно и дальними родственниками, что в деревнях было не редкостью)[6]. Следы первой Марии Семеновны при этом теряются. Которая из них та Мария Ощепкова, что нам нужна, и вообще есть ли она среди них, пока остается только гадать.

Долгое время единственным для нас источником знаний об этой женщине оставались строки, посвященные ей Михаилом Николаевичем Лукашевым в книге о создании самбо[7] (все остальные публикации на эту тему являются лишь фантазиями «по мотивам» изложенного в этом произведении). Исполненный искренней симпатии к своему главному герою — Василию Ощепкову, Михаил Николаевич часть этого доброжелательного чувства перенес и на его мать. Лукашев прямо связывал все лучшие качества Василия с именем Марии Семеновны, взрастившей в душе сына «доброе семя». В его книге она предстает «несчастной крестьянкой», воспитавшей Василия «в духе добрых старых русских крестьянских традиций», «которая ни в коем случае не могла иметь отношения к преступному миру, а попала в тюрьму, скорее всего, из-за своей вдовьей нищеты, да еще имея на руках своего первого ребенка». Причины ссылки Марии Ощепковой на страшную сахалинскую каторгу Лукашев представляет в том же духе:

«Что же касается Марии Семеновны Ощепковой, происходившей из Воробьевской волости, Оханского уезда, Пермской губернии, то, вероятно, бедствуя в своей вдовьей доле, она совершила какое-то преступление. Была осуждена Екатеринбургским судом и отбывать наказание отправлена “на заводы”. Но то ли слишком болела у нее душа об

оставшейся в деревне дочери Агафье, то ли невыносимо тяжким оказался для сельской жительницы непривычный фабричный труд в насквозь продымленном, угарном заводском воздухе, но смелая женщина совершила побег. Только вот неважным конспиратором оказалась эта бесхитростная крестьянская душа. Ее, конечно, выследили и снова арестовали. Уж теперь-то судейские чины увидели в несчастной крестьянке "самого опасного и изощренного преступника" и определили ей тяжелейшее и мучительное наказание: восемнадцать лет каторжных работ и шестьдесят плетей. Трудно понять, как она выдержала эту зверскую экзекуцию, которая отправляла на тот свет даже здоровенных мужиков...»

По поводу экзекуции не поспоришь, да и все остальное, возможно, так и было, но все же некоторые моменты здесь внушают сомнение, а потому обратимся к тем же архивным материалам, что использовал Михаил Лукашев, но взглянем на них повнимательнее.

В «Статейном списке» указаны дата и место осуждения, вынесенный приговор, приметы («Рост 2 аршина 6 вершков (1,69 метра. — *А. К.*), лицо чистое, широкое, глаза карие, волосы на голове и бровях русые, лоб крутой, нос длинный, рот большой, подбородок круглый, зубы все»), вероисповедание («православная»), семейное положение («вдова после первого брака»), профессия («мастерства не знала»). Судя по этому словесному портрету, сын был очень похож на мать (даже рост ее был весьма велик для русских женщин середины XIX века). Из этого же документа мы можем сделать некоторые выводы о том, за что именно была наказана Ощепкова. Впервые Мария Семеновна оказалась осуждена еще 31 марта 1884 года за не указанное в документах преступление, совершенное ею в сентябре 1883 года. Тогда ее приговорили «к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на заводах на семнадцать с половиною лет». В соответствии с действовавшим тогда «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» от 1845 года, лишь очень небольшое количество правонарушений могло повлечь за собой такую страшную кару. Вряд ли пермская крестьянка участвовала в антиправительственном заговоре и терроре. В преступление против православной веры тоже верится слабо. Остается только убийство с отягчающими обстоятельствами. Что толкнуло ее на преступление и было ли оно вообще? Этого мы пока не знаем: в картотеке Департамента полиции Министерства внутренних дел

Российской империи карточка на Ощепкову М. С., увы, не сохранилась.

Не вполне понятно и в какой момент оказался, как писал Лукашев, «невыносимо тяжким для сельской жительницы непривычный фабричный труд...». Судя по «Статейному списку», Мария на заводы то ли не попала, сбежав «по пути следования на каторжные работы» в феврале 1886 года, то ли под «путем следования» имелась в виду какая-то конкретная дорога от казарм, где жили заключенные, до завода и она ринулась в бега из-под конвоя на этом пути. Не слишком подходит под описание «бесхитростной крестьянки», у которой «болела душа» об оставленной дочери и которая должна была бы сразу ринуться домой, к дочери, то, что Мария Семеновна успешно скрывалась от правосудия в течение двадцати месяцев, то есть более полутора лет! Задержать ее сумели только в сентябре 1887 года в городке Камышлове Пермской губернии. Впрочем, она могла за это время побывать и в своей деревне, чтобы повидаться с дочерью. Побег действительно мог быть совершен Марией именно ради этого. Но, повторюсь, никаких документальных свидетельств, способных поддержать такую версию, пока не обнаружено.

20 июля 1889 года Мария Семеновна Ощепкова получила свой второй срок: еще 15 лет каторги за побег (всего набралось 32,5 года) и 60 плетей. Согласитесь: приговор, не очень вяжущийся с образом добросердечной, патриархальной русской крестьянки. Но уж ни в коем случае речь не может идти о «политкаторжанке» Ощепковой, как ее частенько пытаются представить некоторые журналисты, не приводя в подкрепление своих слов ни внятных доводов, ни тем более фактов. Заслуженное или нет, но это было наказание за уголовное, а не за политическое преступление, и бессмысленно делать из Марии Семеновны высокодуховного борца с царским режимом.

В 1890 году заключенная Ощепкова была отправлена на Сахалин из Одессы пароходом Добровольного флота — такова была обычная практика по доставке каторжан на окраину империи, куда еще не дотянулись линии железных дорог. Следуя, как особо отмечено в сопроводительных документах, «без оков» (куда она денется посреди моря?)[8], Мария Семеновна в трюме коммерческого парохода проследовала через Средиземное море, Индийский океан, мимо Африки и Аравии в «столицу каторги» — поселок Александровский Пост (или город Александровск) на

Сахалине, куда прибыла не позже 23 октября 1890 года — именно тогда местный врач засвидетельствовал получение ею тридцати из назначенных шестидесяти ударов плетьми. О том, как это выглядело, можно судить по рассказу маститого журналиста Власа Дорошевича, побывавшего на Сахалине позже, в 1897 году:

«На кобылу клали особенно строптивого арестанта, клявшегося, что он ни за что "не покорится начальству".

И каторга с интересом ждала, как он будет держать себя под розгами. Стиснув зубы, подчас до крови закусив губы, лежал он на кобыле и молчал. Только дико вращавшиеся глаза да надувшиеся на шее жилы говорили, какие жестокие мучения он терпел и чего стоит это молчание перед лицом всей каторги.

— Двенадцать! Тринадцать! Четырнадцать! — мерно считал надзиратель.

— Не мажь!.. Реже!.. Крепче! — кричал раздраженный этим стоическим молчанием смотритель.

Палач бил реже, клал розгу крепче...

— Пятнадцать... Шестнадцать... — уже с большими интервалами произносил надзиратель.

Стон, невольный крик боли вырывался у несчастного. "Срезался! Не выдержал!" Каторга отвечала взрывом смеха. Смотритель глядел победоносно:

— Сломал!»[9]

За десять дней до экзекуции Ощепковой Сахалин навсегда покинул писатель Антон Павлович Чехов. Он уехал, завершив первую в истории острова перепись населения — и каторжан, и ссыльнопоселенцев. Поэтому, увы, предположение Лукашева о том, что «фамилии Ощепковой и Плисака (ее, как сейчас принято говорить, гражданского мужа. — *А. К.*) вместе с, как теперь говорят, анкетными данными можно прочитать в статистических карточках Всероссийской переписи населения 1890 года, собственноручно заполненных А. П. Чеховым», оказалось безосновательно. Чехов совсем немного, но все же разминулся с матерью нашего героя, иначе она бы обязательно попала в его картотеку, которую он так кропотливо составлял на острове более двух месяцев.

Каторжанка Ощепкова осталась на Сахалине навсегда. В некоторых публикациях приводится цитата из «архивного фонда церквей о. Сахалин» о том, что «Ощепкова Мария умерла в селении Рыковском 24.04.1904 в возрасте 54 года. Причиной смерти явилось заболевание — рак почек и тубер-

кулез пузыря. Погребение совершил священник Александр Винокуров 27.04.1904 на Рыковском сельском кладбище»[10]. Хотя более подробной расшифровки первоисточника нет, но, судя по всему, этому можно верить. Если так, то на каторге Мария Семеновна пробыла около тринадцати с половиной лет — немалый срок, что и говорить, особенно с учетом местного климата. При этом, собственно на каторге, «в работах», Ощепкова состояла до 1 марта 1901 года, после чего, по амнистии «с применением Манифеста» была переведена в разряд ссыльнопоселенцев, то есть перешла в разряд вольных жителей острова, не имеющих, однако, права покидать его. Но ехать с Сахалина Марии Семеновне было некуда. Семьи и имущества в Воробьях у нее не осталось. Дочь Агафья, из-за которой, по версии Михаила Лукашева, мать получила каторгу, от нее отказалась в 1898 году[11]. И, наоборот, новый дом, новая семья, привязали ее к Сахалину.

Гражданским мужем Ощепковой стал «причисленный в крестьяне»[12] столяр Сергей Захарович Плисак. Мы не знаем об этом человеке почти ничего. В том числе не известны причины, которые привели его на каторжный остров. Можно предположить, что оказался он там, как и Мария Ощепкова, позже середины октября 1890 года, примерно в одно время со своей будущей незаконной женой, иначе попал бы в чеховские списки, а его там нет.

Существует множество рассказов о том, как «поженились» Мария и Сергей, основанных на одном и том же описании этого своеобразного обряда, бытовавшего в те годы на каторге и приведенного у Михаила Лукашева: «Вновь прибывших каторжанок всех возрастов выстраивали в шеренгу, а напротив них стояла шеренга “женихов” из ссыльнопоселенцев. Выбор, как везде и всегда, принадлежал только мужчинам. По команде каждый подходил к своей избраннице и становился рядом с ней. При неизбежном соперничестве мужчин в “сватовство” вмешивался окрик тюремного чина, выносившего окончательное и не подлежащее обсуждению решение. Если даже “невеста” годилась “жениху” в матери. С этого момента “сосватанные” женщины переходили в разряд так называемых “сожительных”. В остроге уже не сидели, а жили у своего ссыльнопоселенца. Законным браком это, разумеется, не считалось и никаких прав и обязанностей для сожителей не порождало. Должна была пройти через эту унизительную процедуру и сорокалетняя Мария Ощепкова. Но при всей дикости подобной обстановки, у нее с Плисаком сложилась семья на-

столько благополучная, насколько могла быть в подобных прискорбных обстоятельствах»[13].

Описание красивое, овеянное какой-то дикой романтикой, хотя не вполне понятно, на каких источниках основанное. У Чехова, бытописавшего прямо на каторге и сразу по возвращении в Москву, мы видим несколько иную картину того, как сходились между собой мужчины и женщины в условиях сахалинской каторги. Она гораздо менее романтична, но зато точна и наводит на размышления о преступлении Марии Ощепковой.

«Начну с каторжных женщин. К 1 января 1890 г. во всех трех округах преступницы составляли 11,5 процента всего числа каторжных. С колонизационной точки зрения эти женщины имеют одно важное преимущество: они поступают в колонию в сравнительно молодом возрасте; это в большинстве женщины с темпераментом, осужденные за преступления романтического и семейного характера: "за мужа пришла", "за свекровь пришла"... Это все больше убийцы, жертвы любви и семейного деспотизма. Даже те из них, которые пришли за поджог или подделку денежных знаков, несут, в сущности, кару за любовь, так как были увлекаемы в преступление своими любовниками.

Теперь, когда прибывает партия женщин в Александровск, то ее прежде всего торжественно ведут с пристани в тюрьму. Женщины, согнувшись под тяжестью узлов и котомок, плетутся по шоссе, вялые, еще не пришедшие в себя от морской болезни, а за ними, как на ярмарке за комедиантами, идут целые толпы баб, мужиков, ребятишек и лиц, причастных к канцеляриям. <...> Мужики-поселенцы идут за толпой с честными, простыми мыслями: им нужна хозяйка. Бабы смотрят, нет ли в новой партии землячек. Писарям же и надзирателям нужны "девочки"...

В первые же сутки, пока еще пароход не ушел в Корсаковск, происходит распределение вновь прибывших женщин по округам... Каторжных работ для женщин на острове нет. Правда, женщины иногда моют полы в канцеляриях, работают на огородах, шьют мешки, но постоянного и определенного, в смысле тяжких принудительных работ, ничего нет и, вероятно, никогда не будет... Каторжных женщин раздают поселенцам под видом работниц, на основании ст. 345 "Устава о ссыльных", которая разрешает незамужним ссыльным женщинам "пропитываться услугою (то есть зарабатывать на пропитание путем оказания услуг. — *А. К.*) в ближайших селениях старожилов, пока не

выйдут замуж". Но эта статья существует только как прикрышка от закона, запрещающего блуд и прелюбодеяние, так как каторжная или поселка, живущая у поселенца, не батрачка прежде всего, а сожительница его, незаконная жена с ведома и согласия администрации; в казенных ведомостях и приказах жизнь ее под одною крышей с поселенцем отмечается как "совместное устройство хозяйства" или "совместное домообзаводство", он и она вместе называются "свободною семьей". Можно сказать, что, за исключением небольшого числа привилегированных и тех, которые прибывают на остров с мужьями, все каторжные женщины поступают в сожительницы. Это следует считать за правило. Мне рассказывали, что когда одна женщина во Владимировке не захотела идти в сожительницы и заявила, что она пришла сюда на каторгу, чтобы работать, а не для чего-нибудь другого, то ее слова будто бы привели всех в недоумение...»[14]

Есть подобное описание и у Власа Дорошевича:

«Поселенцы, так называемые "женихи", все пороги в канцеляриях обили:

— Ваше высокоблагородие, явите начальническую милость, дайте сожительницу!

— Ну, дозвольте взять бабу. Все единственно.

— Да зачем тебе баба? Ты пьяница, игрок!

— Помил-те, ваше высокоблагородие, для домообзаводства!

Привезенных баб разместили. Добровольно следующие с детьми остались дрогнуть в карантинном сарае. Каторжанок погнали в женскую тюрьму. Перед окнами женской тюрьмы гулянье. "Женихи" смотрят "сожительниц нового сплава". Каторжанки высматривают "сожителей". Каторжанки принарядились. Женихи ходят гоголем.

— Сборный человек, одно слово! — похохатывают проходящие мимо каторжане "вольной", "исправляющейся" тюрьмы.

"Жених", по большей части, "весь собран": картуз взял у одного соседа, сапоги у другого, поддевку у третьего, шерстяную рубаху у четвертого, жилетку у пятого.

У многих в руках большая гармоника, верх поселенческого шика. У некоторых по жилетке даже пущена цепочка. У всех подарки: пряники, орехи, ситцевые платки.

— Дозвольте орешков предоставить. Как вас величать-то будет?

— Анной Борисовной!

— Вы только, Анна Борисовна, ко мне в сожительницы пойдите, каждый день без гостинца не встанете, без гостинца не ляжете. Потому — пронзили вы меня! Возжегся я очень.

— Ладно. Один разговор. Работать заставите!

— Ни в жисть! Разве на Сахалине есть такой порядок, чтобы баба работала? Дамой жить будете! Сам полы мыть буду! Не жизнь, а масленица. Бога благодарить будете, что на Сакалин (так в тексте. — *А. К.*) попали!

— Все вы так говорите! А вот часы у вас есть? Может, так, цепочка только пущена.

— Часы у нас завсегда есть. Глухие с крышкой. Пожалуйте! Одиннадцатого двадцать пять.

— А ну-ка, пройдитесь!

"Жених" идет фертом.

— Как будто криво ходите!

Будущие "сожительницы" ломаются, насмешничают, острят над "женихами". "Женихи" конфузятся, злятся в душе, но выказывают величайшую вежливость»[15].

Теоретически после описанного Чеховым и Дорошевичем распределения и мог состояться тот своеобразный обряд, рассказ о котором приводит в своей книге Лукашев. Современным авторам, никогда не видевшим подобного, но желающим как можно более трогательным образом изобразить встречу будущих родителей Васи Ощепкова, тут раздолье: по незнанию можно все, но именно поэтому все, что написано сегодня об этом, лишь «фантазии на тему». А ведь все тот же Антон Павлович Чехов сохранил для нас «провинциальный» колорит выбора сожительниц в отдаленном поселке Корсакове.

«В Корсаковском посту вновь прибывших женщин тоже помещают в особый барак. Начальник округа и смотритель поселений вместе решают, кто из поселенцев и крестьян достоин получить бабу. Преимущество дается уже устроившимся, домовитым и хорошего поведения. Этим немногим избранникам посылается приказ, чтобы они в такой-то день и час приходили в пост, в тюрьму, за получением женщин. И вот в назначенный день по всему длинному тракту от Найбучи до поста там и сям встречаются идущие к югу, как их здесь не без иронии величают, женихи или молодые. Вид у них какой-то особенный, в самом деле жениховский; один нарядился в красную кумачовую рубаху, другой в какой-то необыкновенной плантаторской шляпе, третий в новых блестящих сапогах с высокими каблуками, куплен-

ных неизвестно где и при каких обстоятельствах. Когда все они приходят в пост, их впускают в женский барак и оставляют тут вместе с женщинами. В первые четверть-полчаса платится необходимая дань смущению и чувству неловкости; женихи бродят около нар и молча и сурово поглядывают на женщин, те сидят потупившись. Каждый выбирает; без кислых гримас, без усмешек, а совершенно серьезно, относясь "по человечеству" и к некрасоте, и к старости, и к арестантскому виду; он присматривается и хочет угадать по лицам: какая из них хорошая хозяйка? Вот какая-нибудь молодая или пожилая "показалась" ему; он садится рядом и заводит с нею душевный разговор. Она спрашивает, есть ли у него самовар, чем крыта у него изба, тесом или соломой. Он отвечает на это, что у него есть самовар, лошадь, телка по второму году и изба крыта тесом. Только уж после хозяйственного экзамена, когда оба чувствуют, что дело кончено, она решается задать вопрос:

— А обижать вы меня не будете?

Разговор кончается. Женщина приписывается к поселенцу такому-то, в селение такое-то — и гражданский брак совершен. Поселенец отправляется со своею сожительницей к себе домой и для финала, чтобы не ударить лицом в грязь, нанимает подводу, часто на последние деньги. Дома сожительница первым делом ставит самовар, и соседи, глядя на дым, с завистью толкуют, что у такого-то есть уже баба...»[16]

Так ли, иначе ли познакомились будущие родители нашего героя, но вместе они прожили долгую, по сахалинским меркам, жизнь — более десяти лет. Муж или сожитель Марии Ощепковой (тут уж кому как нравится) Сергей Плисак умер в 1902 году, двумя годами ранее невенчанной супруги. Из того немногого, что сохранили о нем документы, мы знаем, что это был преуспевающий столяр, сумевший обзавестись в поселке несколькими домами. О сахалинской недвижимости, сыгравшей значительную роль в жизни Васи Ощепкова, еще будет сказано далее, а пока остановимся на другом важном моменте. Фамилия Плисак явно малороссийского происхождения. Сохранились документы, подтверждающие, что до февраля 1912 года опекуном Васи Ощепкова, оставшегося в двенадцатилетнем возрасте круглым сиротой, являлся некий Емельян Владыко[17]. Некоторые авторы прямо именуют его «дядей» Василия[18]. Откуда появилась информация о родстве, также неясно — ссылок нет, но версия эта любопытна, и вот почему. В сахалинской картотеке Чехова Емельян Владыко тоже не значится —

значит, и он прибыл позже, зато «дядя» попал в «Книгу памяти Сахалинской области», где числится в списке жителей острова, репрессированных при советской власти:

«Владыко Емельян Евдокимович, р. 1876 в Киевской губ. Проживал в Александровске-Сахалинском. Кладовщик геолого-разведочной партии. Арестован 1.12.1931. Осужден 16.04.1932 к лишению права проживания в Дальневосточном крае и Западно-Сибирском крае сроком на 3 г. Реабилитирован 19.07.1989»[19].

Владыко родился в Киевской губернии, а несложный интернет-анализ плотности расселения людей с фамилией Плисак показывает, что больше всего их живет на территории современной Киевской области Украины или недалеко от нее. Не исключено, что Сергей Плисак и Емельян Владыко действительно были если не родственниками, то во всяком случае земляками. Возможно, они попали на остров вместе, одновременно, и их связывали какие-то крепкие, может быть, даже родственные узы, заставившие Владыко стать опекуном Василия Ощепкова после скорой смерти его родителей. К Васиному счастью, отец оставил ему немалое, по александровским меркам, наследство...

Глава вторая

РОЖДЕННЫЙ В НЕВОЛЕ

Василий Ощепков во всех документах, сопровождавших его по короткой, но бурной жизни, записан как выходец из крестьянского сословия, сын столяра. Судя по некоторым данным, Сергей Захарович Плисак был не просто столяром, а отличным мастером и удачливым, как сказали бы сегодня, предпринимателем. Он нажил пусть небольшой, но капитал, а это даже в столичном, по сахалинским меркам, Александровске было не так легко. Дело в том, что мастеровым на Сахалине приходилось трудно — конкуренция на острове была слишком велика. Чехов заметил, что «...среди ссыльных много плотников, столяров, портных и проч., но большинство их сидит без дела или занимается хлебопашеством... Те изящные и дорогие поделки из дерева, которые были на тюремной выставке, показывают только, что на каторгу попадают иногда очень хорошие столяры; но они не имеют никакого отношения к тюрьме, так как не тюрьма находит им сбыт и не тюрьма обучает каторжных мастерствам; до последнего времени она пользовалась трудом уже

готовых мастеров. Предложение труда мастеров значительно превышает спрос. "Тут даже фальшивых бумажек сбывать негде", — сказал мне один каторжный. Плотники работают по 20 коп. в день на своих харчах, а портные шьют за водку»[20]. Впрочем, Влас Дорошевич увидел труд мастеровых несколько иначе: «...даже во Владивостоке у многих можно видеть очень приличную мебель работы корсаковских мастерских».

Коммерческие успехи Сергея Плисака говорят сами за себя: он явно сумел избежать общей судьбы бывших мастеровых, профессиональной деградации, выбился в люди. Неизвестно, насколько помогала ему в этом «жена» Мария (был ли у него еще один брак на родине — неизвестно), но на Сахалине у Сергея Захаровича появились и хороший дом, и заработок. Нет никаких сведений, но просто хочется предположить, что его семья жила хорошо, дружно, что Мария и Сергей относились друг к другу как настоящие супруги, а не были парой обреченных на выживание в условиях островной тюрьмы человеческих особей, брошенных в объятия друг другу волей судьбы, и сын их вырос честным, красивым человеком в искренней любви родителей к нему и друг к другу — вне зависимости от их официального статуса. «Сахалинский летописец» А. П. Чехов замечал, что «...как люди в большинстве патриархальные и религиозные, ссыльные предпочитают законный брак. Незаконные супруги часто просят у начальства дозволения перевенчаться, но по большинству этих прошений приходится отказывать по причинам, не зависящим ни от местной администрации, ни от самих ссыльных. Дело в том, что, хотя с лишением всех прав состояния поражаются супружеские права осужденного и он уже не существует для семьи, как бы умер, но тем не менее все-таки его брачные права в ссылке определяются не обстоятельствами, вытекающими из его дальнейшей жизни, а волею супруга не осужденного, оставшегося на родине. Необходимо, чтобы этот супруг согласился на расторжение брака и дал развод, и тогда только осужденный может вступить в новый брак. Оставшиеся же супруги обыкновенно не дают этого согласия: одни из религиозного убеждения, что развод есть грех, другие — потому, что считают расторжение браков ненужным, праздным делом, прихотью, особенно когда обоим супругам уже близко к сорока. <...> В том, что ссыльные не вступают в законный брак, часто бывают виноваты также несовершенства статейных списков, создающие в каждом отдель-

ном случае целый ряд всяких формальностей, томительных, во вкусе старинной волокиты, ведущих к тому лишь, что ссыльный, истратившись на писарей, гербовые марки и телеграммы, в конце концов безнадежно машет рукой и решает, что законной семьи у него не может быть. У многих ссыльных совсем нет статейных списков; попадаются такие списки, в которых совсем не показано семейное положение ссыльного или же показано неясно или неверно; между тем, кроме статейного списка, у ссыльного нет никаких других документов, на которые он мог бы ссылаться в случае надобности»[21].

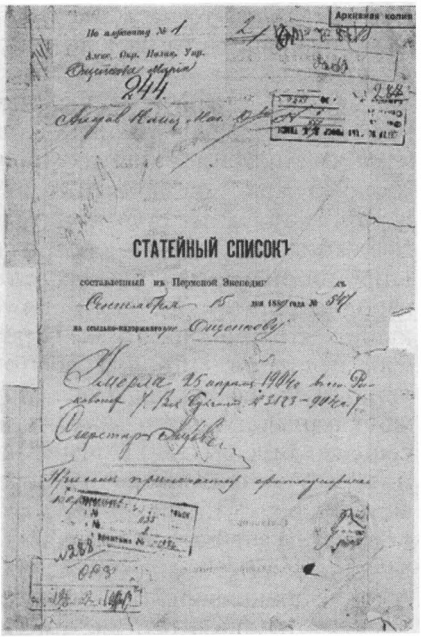
На Сахалине было принято фиксировать семейное положение по двум позициям: «на материке» и «на острове». В учетных карточках, введенных доктором Чеховым для переписи сахалинского населения, соответствующая графа тоже была расширенная, с пометкой: «Одиннадцатая относилась к семейному состоянию: женат, вдов, холост? Если женат, то где: на родине, на Сахалине? Слова "женат, вдов, холост" на Сахалине еще не определяют семейного положения; здесь очень часто женатые бывают обречены на одинокую безбрачную жизнь, так как супруги их живут на родине и не дают им развода, а холостые и вдовые живут семейно и имеют по полдюжине детей; поэтому ведущих холостую жизнь не формально, а на самом деле, хотя бы они значились женатыми, я (А. П. Чехов. — *А. К.*) считал не лишним отмечать словом "одинок"»[22]. Вся эта каторжно-судебная, коверкавшая и без того изломанные судьбы сахалинская казуистика неожиданно, но закономерно проявится потом в биографии, точнее, в анкете Василия Ощепкова. В сентябре 1923 года, заполняя анкету для разведывательного отдела 5-й армии, в графе «семейное положение» он напишет: «холост и одинок»[23]. Лиричная и трогательная на первый взгляд формулировка, вызывающая массу аллюзий на душещипательные мелодрамы начала XX века с музыкальным настроением арии Мистера Икс из «Принцессы цирка» Имре Кальмана, на самом деле была суха и объективна. Василий Ощепков, уроженец Сахалина, недавно с Сахалина вернувшийся и вновь туда собирающийся, никак не мог отвыкнуть от каторжного языка и даже служебную анкету заполнял по требованиям не советской военной, а царской каторжной администрации: холост на материке, не женат на острове.

Но это все в будущем. Пока же, прежде чем усвоить канцелярский язык и его угловатые обороты, будущему

«гению дзюдо» еще предстояло выжить в условиях северной каторги. Нетрудно догадаться, что шансов даже на появление на свет у маленького Васи не было почти никаких. В 1892 году Марии Ощепковой исполнилось 42 года (или даже больше — вплоть до сорока четырех, ибо, как мы помним, путаница в дате ее рождения вполне возможна). Сколько было Сергею Плисаку, вовсе не известно. В любом случае, при средней продолжительности жизни в 1896 году в 31—32 года[24], 42 года — возраст деторождения для женщины в конце XIX века в дальнем закоулке Российской империи, на каторге, пусть и в условиях поселения, совершенно неподходящий, скорее даже экстремальный. Ведь Сахалин не случайно был местом ссылки для закоренелых преступников: место гиблое, условия не то что для жизни, для смерти — и то не слишком подходящие. Да еще не просто Сахалин, а Сахалин северный, где находится ныне город Александровск, а тогда стояли тюрьма и поселок Александровский Пост, разительно отличающийся от южной половины, на которой климат более или менее благоприятен для людей. На севере, где тайга переходит в тундру, испокон веков селились лишь небольшие местные племена: гиляки, нивхи, айны. Где уж тут рожать... уцелеть бы. Но вот неожиданное, и снова у Чехова: «Говорят, что на Сахалине самый климат располагает женщин к беременности; рожают старухи и даже такие, которые в России были бесплодны и не надеялись уже иметь когда-либо детей»[25]. Скорее всего, не надеялись и не планировали ребенка и Сергей Захарович с Марией Семеновной. Но то ли действительно климат здесь такой, то ли еще какие-то условия сыграли в том свою роль, но каторжанка Ощепкова, у которой в России, на материке, осталась дочь Агафья, неожиданно, как тогда говорили, «понесла».

Василий Сергеевич Ощепков родился в поселке Александровский Пост на исходе голодного для всей России 1892 года[26]. Родился, по старому стилю, 25 декабря — стало быть, в светлый праздник Рождества Христова. По новому стилю, из-за смещения дат, день рождения нашего героя приходится на 6 января 1893 года — на православный сочельник. Любой верующий человек сказал бы, что в жизни Василия Сергеевича все должно было сложиться хорошо и удачно, ибо родился он не просто под счастливой, а под Рождественской звездой... Но звезды предполагают, а люди, в том числе со звездами на фуражках, располагали судьбами себе подобных по собственному усмотрению.

Статейный список
каторжанки
Марии Ощепковой.
РГИА ДВ



СТАТЕЙНЫЙ СПИСОКЪ

Метрика о рождении
Василия Ощепкова

ВЫПИСЬ ИЗЪ МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, О РОДИВШИХСЯ, ЗА 1892 ГОДЪ.

Хотя поначалу-то в судьбе маленького Васи все и впрямь складывалось очень даже неплохо, можно сказать, «перспективно».

Переведенный в «крестьянское сословие» столяр Сергей Плисак, очевидно, пользовался в Александровске уважением. Из документов опекунства известно, что ему принадлежали два дома в сахалинской столице: в центре города — на улице Большой (ныне — о, ирония судьбы! — Дзержинского) под номером то ли 10, то ли 11, и на улице Кирпичной (номер неизвестен). По меркам небольшого городка, Плисак был человеком если и не зажиточным, то крепко стоящим на ногах. Поэтому, когда у него родился сын, несмотря на то, что ребенок числился незаконнорожденным из-за формального запрета каторжанам и каторжанкам на вступление в брак, крестными выступили значительные персоны. «"Георгий Павлов Смирнов — старший писарь Управления войска острова Сахалин", фигура заметная среди унтер-офицерского корпуса», — писал о них Михаил Лукашев, и «девица Пелагея Яковлева Иванова» — дочь надворного советника, что, согласно действовавшей тогда «табели о рангах», соответствовало военному чину подполковника. Крестил же ребенка в самый канун Нового года — 31 декабря только что назначенный новый местный благочинный, то есть старший над всеми окрестными священниками, отец Александр Унинский[27]. Где происходили крестины, доподлинно неизвестно. Но есть версия, которая может хотя бы отчасти объяснить особое отношение высоких лиц из администрации к народившемуся у каторжан ребенку. Дело в том, что первые богослужения в Александровском Посту проводились с начала 1880-х годов миссионером иеромонахом Ираклием в еще не приспособленных для того местах: «В хорошую погоду служил он на площади, а в дурную — в казарме или где придется, одну обедницу»[28]. Затем местные жители возвели небольшой храм, сгоревший в одночасье 28 ноября 1890 года. Строительство же новой — большой церкви Покрова Пресвятой Богородицы по проекту выпускника Санкт-Петербургской академии художеств, впоследствии известного русского архитектора Ивана Чарушина, началось в 1891 году и закончилось освящением 23 июня 1893 года. Значит, на Рождество 1892 года храм был возведен, но еще не освящен. Кто знает, может быть, обряд над Васей совершался под крестом еще не достроенного собора, в возведении которого как раз и принимал участие его отец-столяр, а потому и отношение

к ребенку — и в семье, и со стороны — было особое? Ведь одно из самых больших потрясений ждало А. П. Чехова на Сахалине, когда он узнал, как начинается жизнь маленьких аборигенов. Позволим себе последнюю и самую обширную цитату из его сочинения, чтобы не только узнать, но и представить, в каких условиях родился Вася Ощепков под Александровской каторжной звездой:

«Дети же, рожденные в ссылке, не называют себя никак; со временем они припишутся к податным сословиям и будут называться крестьянами или мещанами, теперь же их социальное положение определяется так: незаконный сын ссыльнокаторжной, дочь поселенца, незаконная дочь поселки и т. д. Когда одна дворянка, жена ссыльного, узнала, что ее ребенка записали в метрическую книгу сыном поселенца, то, говорят, горько заплакала.

Рождение каждого нового человека в семье встречается неприветливо; над колыбелью ребенка не поют песен и слышатся одни только зловещие причитывания. Отцы и матери говорят, что детей нечем кормить, что они на Сахалине ничему хорошему не научатся, и "самое лучшее, если бы Господь милосердный прибрал их поскорее". Если ребенок плачет или шалит, то ему кричат со злобой: "Замолчи, чтоб ты издох!" Но все-таки, что бы ни говорили и как бы ни причитывали, самые полезные, самые нужные и самые приятные люди на Сахалине — это дети, и сами ссыльные хорошо понимают это и дорого ценят их. В огрубевшую, нравственно истасканную сахалинскую семью они вносят элемент нежности, чистоты, кротости, радости. Несмотря на свою непорочность, они больше всего на свете любят порочную мать и разбойника отца, и если ссыльного, отвыкшего в тюрьме от ласки, трогает ласковость собаки, то какую цену должна иметь для него любовь ребенка! Я уже говорил, что присутствие детей оказывает ссыльным нравственную поддержку, теперь же еще прибавлю, что дети часто составляют то единственное, что привязывает еще ссыльных мужчин и женщин к жизни, спасает от отчаяния, от окончательного падения...

Под какими влияниями воспитываются сахалинские дети и какие впечатления определяют их душевную деятельность, читателю понятно из всего вышеописанного. Что в России, в городах и деревнях, страшно, то здесь обыкновенно. Дети провожают равнодушными глазами партию арестантов, закованных в кандалы; когда кандальные везут тачку с песком, то дети цепляются сзади и хохочут. Играют

они в солдаты и в арестанты. Мальчик, выйдя на улицу, кричит своим товарищам: "равняйсь!", "отставить!" Или же он кладет в мешок свои игрушки и кусок хлеба и говорит матери: "Я иду бродяжить". "Гляди-кось, часом солдат подстрелит", — шутит мать; он идет на улицу и бродяжит там, а товарищи, изображающие солдат, ловят его. Сахалинские дети говорят о бродягах, розгах, плетях, знают, что такое палач, кандальные, сожитель.

Сахалинские дети бледны, худы, вялы; они одеты в рубища и всегда хотят есть... Жизнь впроголодь, питание иногда по целым месяцам одною только брюквой, а у достаточных — одною соленою рыбой, низкая температура и сырость убивают детский организм чаще всего медленно, изнуряющим образом, мало-помалу перерождая все его ткани; если бы не эмиграция, то через два-три поколения, вероятно, пришлось бы иметь дело в колонии со всеми видами болезней, зависящих от глубокого расстройства питания...»[29]

В этой жуткой чеховской картине все же можно увидеть «лучики света», связанные в первую очередь с отношением некоторых ссыльных родителей к своим, ни в чем не виноватым, часто нежданным, но оттого нередко еще более любимым детям. Очень похоже, что, пока родители Васи Ощепкова были живы, он успел получить от них естественную для нормальной семьи порцию ласки, родительской любви, заботы, простого — детского, человеческого счастья. Да и не один Вася вырос в такой обстановке. Ведь сами каторжные тоже людьми были очень разными — среди них встречались не только уголовники, но и «политические». Среди обеих категорий попадались передовые, по тем временам, представители своих сословий, да и просто случайные люди, получившие столь суровое наказание за не самые значительные преступления. Русская тюрьма во все времена — корявый, уродливый, но все-таки слепок общества, а потому социальная и интеллектуальная атмосфера Сахалина конца позапрошлого века была отнюдь не такой однородной, как кажется с высот сегодняшних дней и как это может показаться после цитат из Чехова. Именно цитат, ибо если серьезный читатель обратится к самой книге «Остров Сахалин», он найдет там немало примеров возвышенного духа и благородного поведения невольных насельников острова. В суровой, часто кошмарной жизни русской каторги ковались характеры с разными полюсами. Не случайно именно там — на Сахалине — выросли такие

известные люди, как героический исследователь Антарктиды, неутомимый и непреклонный соратник Роберта Скотта Дмитрий Гирев, чьим именем назван один из пиков ледяного континента, или народоволец и исследователь айнов, российский ученый польского происхождения Бронислав Пилсудский. «Каторжное воспитание» почувствовал на себе поэт Даниил Хармс, чей отец, Иван Ювачев, тоже был народовольцем, каторжанином, писателем, хорошо знавшим, кстати, родителей Трофима Юркевича — близкого, даже ближайшего друга Васи Ощепкова. Отец Трофима попал на остров за убийство, совершенное в состоянии аффекта, отбыв срок, перешел на положение поселенца и стал учителем в местной школе, воспитавшим не одно поколение коренных сахалинцев. Так что не каждому родившемуся за «краем земли» была уготована скорбная участь — и Сахалин знал примеры успеха. Судя по дальнейшим событиям, юный Василий попал именно в такое окружение.

Нередко, а в работах сахалинских краеведов особенно часто, встречаются упоминания о том, что в возрасте семи лет «Василия отдали на учебу в Александровское реальное училище, где занятия проходили "с 20 октября по 15 мая". Среди учебных предметов в этом училище была и гимнастика»[30]. Уж не там ли Ощепков полюбил спортивные занятия? Хорошо известны даже снимки этого училища — двухэтажное бревенчатое здание заметно выделялось на одноэтажной и невзрачной Большой улице. Но вот бывший директор Сахалинского краеведческого музея В. М. Латышев, одним из первых на острове приступивший к исследованию биографии Ощепкова, сообщает: «На Сахалине не было реальных училищ. Существовали одногодичные (одноклассные) и двухгодичные (двухклассные) школы и только в 1913 году открылась четырехклассная. Мне попадалась публикация, что была частная четырехклассная школа, где якобы учился В. С. Ощепков вместе с сыном немецкого инженера Ф. Ф. Клейе, который вел разведочное бурение нефтяных скважин»[31]. С другой стороны, александровский краевед Григорий Смекалов нашел упоминания о реальном училище в Александровске[32] и даже предоставил фото этого учебного заведения, датированное 23 апреля 1903 года. Очень может быть, что среди учеников, запечатленных на снимке, стоят на крыльце и наши герои и где-то там есть и Вася Ощепков, но, к сожалению, лиц не разобрать — уж очень мелко. Зато можно разглядеть, что дети одеты в робы, напоминающие форму реаль-

ного училища. Можно констатировать, что так или иначе маленький Вася Ощепков в бытность свою в Александровске где-то учился — либо в школе, либо действительно в реальном училище, и если там были такие профессиональные и неравнодушные к судьбам детей учителя, как Степан Григорьевич Юркевич, то он получал вполне достойное, по меркам тех лет, образование. Получал — до какого-то времени. По крайней мере до начала Русско-японской войны 1904—1905 годов.

В последнее время в интернет-публикациях все чаще встречается совершенно бредовая— иначе не назовешь, не основанная ни на каких документах, а единственно только — на отвратительном знании истории и географии своей родины следующая «версия» развития событий: якобы по результатам Русско-японской войны в 1905 году Сахалин отошел к Японии и все его жители, включая, конечно, юного Василия Ощепкова, стали гражданами Страны восходящего солнца. После этого «японец» Ощепков невесть какими путями был направлен на учебу в Токио (ну как же — японец ведь!). На самом же деле по условиям заключенного после войны Портсмутского мирного договора Россия потеряла только южную часть острова — к югу от 50-й параллели. Никакого непосредственного влияния на судьбы сахалинцев, живших к северу от новой границы, а именно там оказался Александровск-Сахалинский, это событие не имело. Уж тем более никаких японских паспортов у местных жителей в ту пору быть не могло. Тринадцатилетний Вася Ощепков не был японским гражданином и не мог на этом основании быть отправлен в Японию на учебу. Другое дело, что пароходы «Доброфлота», доставлявшие на Сахалин в том числе каторжников, на обратном пути нередко заходили и во Владивосток, и в японский порт Цуруга, что в префектуре Фукуи, в то время служивший главными морскими воротами Японии, обращенными в сторону России. Заходили в Александровск и японские суда. Вот этой-то регулярно действовавшей линией связи между двумя странами и решили воспользоваться те, в чьих руках было будущее Василия — он сам, его учителя и его опекун (или опекуны). Им было ясно, что смышленому мальчишке надо продолжать получать образование. Но где? География российского дальневосточного края была в те годы устроена так, что ближайшим крупным «образовательным центром» к Сахалину был... Токио. Естественно поэтому, что именно туда Ощепков и отправился.

Заставший в живых третью супругу Ощепкова Михаил Лукашев писал: «Вдова Василия Сергеевича, Анна Ивановна, вспоминала, как он с юмором рассказывал о своей первой поездке в Страну восходящего солнца. Как, совершенно не зная языка, объяснялся с матросами, пытаясь сесть на японский пароход»[33]. Этот забавный на первый взгляд рассказ свидетельствует о важных вещах: с самого начала своей карьеры Василий Ощепков не был обязан ничем никаким генералам, петербургским «вершителям судеб», уж тем паче — государю императору (и до этого один журналист дописался!), якобы прозорливо заметившему на Сахалине молодое дарование и откомандировавшему его в Токио «учиться на шпиона»[34]. Ничего этого не было, никто его не «откомандировывал», никто о нем не думал — ни бог, ни царь, ни каторжный начальник. Имела место забота одного или нескольких опекунов, приметивших, что парень растет неплохой, несмотря на ссыльнокаторжное происхождение, способный, и был у них один из немногих шансов сделать из него человека — отправить если уж не на материк, то на другие острова — японские.

Говорят воспоминания Анны Ивановны Ощепковой и еще об одном: решение отправиться в Японию было спонтанным, поэтому и пытался Василий срочно сесть на японский пароход, не зная совершенно ни японского, ни какого-либо иного иностранного языка. Причина такого внезапного решения известна: в июле 1907 года после первого года обучения на каникулы из Токио приехал на Сахалин Трофим Юркевич — старый друг и сын школьного учителя[35]. Рассказы о жизни в Токийской православной духовной семинарии о Николае Японском «всколыхнули сонный городишко». Особенно много интересного мог узнать от своего друга Василий Ощепков. Узнать и захотеть отправиться за море вместе с ним. Дело оставалось за деньгами, за опекуном. Или все-таки за опекунами?

Мы помним, что, по всем имеющимся, надо признать — не слишком многочисленным и обширным, данным, опекуном Василия являлся Емельян Владыко. Но... Основатель и глава Русской православной духовной миссии в Японии архиепископ Николай писал: «1907 г. 1 сентября явился в миссию мальчик Василий Ощепков, сын сосланной на Сахалин, ныне круглый сирота, с письмом от своего опекуна, учителя новомихайловского училища в Александровском посту на Сахалине, потомств. почетного гражданина В. П. Кострова и просьбою о принятии в семинарию. При-

нят»[36]. Значит, опекунов было два? Что ж, тогда Василию повезло вдвойне (спасибо Сергею Захаровичу еще раз!) — у него была хорошая образовательная база для тех лет. С такой не стыдно было податься и в Токио. Или не в Токио? Ныне нередко встречаются публикации с упоминанием о том, что Ощепков учился в древней столице Японии — в Киото. Настало время разобраться с тем, куда все-таки приехал Василий в 1907 году, что представляла собой Православная духовная семинария и почему она находилась именно там, где находилась.

Глава третья

СЕМИНАРИЯ

Слова владыки Николая не допускают двойственного толкования: 1 сентября 1907 года сахалинский подросток Вася Ощепков прибыл именно в Русскую православную духовную миссию в Японии. Располагалась она в то время в Токио, на царящем над городом холме Суругадай, и там же, в одном комплексе зданий с миссией, находилась и Православная духовная семинария. Основателем и «куратором» ее был первый проповедник православия в Японии архиепископ Николай Японский. Несмотря на то что не сохранилось никаких упоминаний о том, как относился Василий Ощепков к владыке Николаю, что он о нем думал, как воспринимал свое обучение у него, без хотя бы краткого рассказа о святителе и о самой семинарии, об особенностях учебы и воспитания в ней, об отношениях русских и японцев на Суругадай, будет неполным рассказ о самом Василии Сергеевиче, о его жизненном пути. Без понимания того, как и чему учился здесь Ощепков, невозможно разобраться в решениях, которые он на этом пути принимал, нельзя понять, как и почему потом менял направления вектор его судьбы. А потому нам снова придется вернуться назад во времени и обратиться к событиям, предшествовавшим прибытию Васи Ощепкова на японскую землю.

8 марта 1891 года на территории Русской православной духовной миссии в Токио, на самой высокой точке центра Восточной столицы (так переводится название этого города на русский язык) состоялось освящение только что построенного православного собора Воскресения Христова. Это событие увенчало тридцатилетнюю историю проповеди православия в Японии, начавшуюся в 1861 году

прибытием на северный остров Хоккайдо молодого иеромонаха Николая, в миру — Ивана Дмитриевича Касаткина. Приехав на «божественные острова» в период почти герметичной изоляции Японии от всего остального мира и запрета на проповедование любых религий, кроме национальной — синто, и давно пустившего здесь корни буддизма (да и тот испытывал сильнейший прессинг властей), Николай столкнулся с невиданными и непредвиденными им трудностями. Ему мешали, его не слушали, на него покушались. Случилась даже совершенно апостольская история о том, как злодей-язычник Савабэ Такума — самурай, настоятель синтоистского* храма и бежавший от суда убийца купца, попытался убить Николая, но в итоге стал первым христианином, которого окрестил будущий святитель, и священником, приняв символическое в той ситуации имя Павел. Позже наши современники, не различающие христианство и язычество, будут как очевидцы рассказывать о том, что Николай остановил меч Савабэ заклинанием, а потому православный монах априори может считаться «небесным покровителем японских боевых искусств в России». Ничего не поделаешь, людям нужны легенды. На самом же деле была и всю жизнь продолжалась тяжелая, монотонная работа — просветительская, организаторская, даже финансовая. После того как проповедь христианства в Японии была разрешена, одной из главных проблем стала катастрофическая нехватка денег на самые неотложные нужды, не оставляющая любое достойное дело и по сей день. Удручающим для миссионеров препятствием стал и сам по себе японский язык, про который один из португальских проповедников сказал, что он настолько труден в изучении, что в его изобретении можно заподозрить дьявола, решившего не допустить таким образом распространения веры Христовой на Японских островах. И все же русский монах Николай оказался терпеливее и талантливее тех миссионеров, ибо справился и с этим препятствием, сам в совершенстве овладев японским языком, переведя на него за полвека своего подвижничества почти всю Библию, едва ли не все православные богослужебные книги, многие тома богословской литературы, сделав так, что служба в Японской православной церкви поныне ведется на японском языке.

---

* Синто — национальная религия Японии, близкая к анимистическим культам. В православии считается язычеством.

Переехав в 1872 году из Хакодатэ в Токио, уже архимандрит Николай начал строительство Православной миссии на арендованном участке земли недалеко от императорского дворца. В 1875 году была открыта Токийская православная семинария с программой обучения, аналогичной русским семинариям, но предусматривавшей постепенный переход преподавания на японский язык и исключавшей изучение классических мертвых языков. В 1884 году началось строительство собора в честь Воскресения Христова, через семь лет ставшего центром церковной жизни для 18 тысяч японских православных и прозванного ими в честь основателя «Николай-до», а в японском произношении — «Никорай-до», то есть «дом, собор Николая»[37].

Храм возвели в нескольких десятках шагов от семинарии, здания которой, в том числе два общежития для учеников, расположившиеся в деревянных домиках в традиционном японском стиле, были выстроены еще раньше. На учебу принимались молодые японцы в возрасте от четырнадцати до шестидесяти лет. Со временем, чтобы выпускники, не окончившие установленных семи лет обучения (до 1910 года), не попадали на военную службу (призывным возрастом в Японии был тогда 21 год), в классы стали принимать и подростков тринадцати лет. Преподавание велось на японском языке, хотя поначалу из-за отсутствия переводов богослужебных книг использовался и русский. Но ко времени, когда сюда приехал Вася Ощепков, уже все предметы без исключения читались на японском, при этом русский язык продолжали преподавать. Преподавателями работали бывшие выпускники семинарии, среди которых особое место занимал Сэнума Какусабуро, в крещении Иоанн (Иван Акимович). Для управления духовным учебным заведением был создан совет преподавателей, который руководил его учебно-методической и хозяйственной деятельностью и предоставлял отчеты о своей работе главе миссии. К нему же каждый день являлся с докладом и ректор, в результате чего владыка Николай, как правило, был полностью в курсе всего происходящего в семинарии и хорошо знал способности и недостатки каждого ученика на протяжении всех трех с лишним десятков лет своего руководства необычной «школой на Суругадае».

Порядок в семинарии был установлен почти военный, что вполне согласовывалось с теми условиями, в которых существовало большинство японских школ того времени, а семинария обязана была следовать правилам местного ми-

нистерства образования. Учебный процесс и внеклассное время даже в самых обычных школах и колледжах жестко контролировались министерством образования Японии с четким пониманием того, что именно в школах готовились кадры для бурно развивающейся и чрезвычайно воинственной державы. Япония, готовившаяся стать настоящей империей, планирующая, а затем и ведущая вполне успешные захватнические войны, была заинтересована в большом количестве дисциплинированных, правильно обученных и выносливых солдат и «тружеников тыла». Система образования была организована как странный, на наш взгляд, симбиоз традиционных самурайских школ и прусских учебных заведений, замешенный на духовной основе так называемого «государственного синто». Однако в этой системе присутствовали и разумные, рациональные начала, и не случайно поэтому во всех японских школах — и семинария не была здесь исключением — особое внимание уделялось дисциплине, гимнастике, развитию выносливости и закаливанию учеников. Более того, семинаристы даже выделялись по этому показателю среди японских однокашников. В каникулы они отправлялись организованным порядком отдыхать к морю или на специально для них построенную в европейском стиле дачу в местечке Тоносава у подножия горы Фудзи, где всегда производили приятное впечатление на местных жителей. 15 (28) августа 1903 года, например, владыка записал в своем дневнике: «Прибыли сегодня и ученики, которых я отправил на каникулы в Босю, все с здоровым видом, загоревшие и бодрые... Вели себя ученики так добропорядочно, что заслужили похвалу в местной газете: "Много-де нынче собралось проводить время жаров в Босю, но всех лучше и благороднее ведут себя духовные воспитанники с Суругадай"»[38].

Не менее приятное впечатление на местное население производили семинаристы и в самой столице. Часто заезжавшие в миссию путешественники с удовольствием отмечали по-монашески аскетичную, но уютную и достойную обстановку семинарии; общежития, где ученики спали по-европейски — в кроватях; увешанные в строгом порядке географическими картами и таблицами классы, в которых семинаристы сидели на занятиях по-японски — на полу; всегда образцово чистый двор, веселые и непринужденные лица учеников, одетых, в зависимости от занятий, либо в прусского типа мундирчики с фуражками, либо в традиционные японские кимоно и широкие штаны — хакама[39].

Искреннее радение православного архиепископа о своих учениках сочеталось в семинарии с совершенно конфуцианской моделью внутрисемейных отношений, где основой бытия являются покровительство и забота старших о младших в ответ на беспрекословное подчинение и дисциплинированность последних. Такая, почти идиллическая картина внешнего состояния и внутреннего психологического климата семинарии хорошо отображена в опубликованных все в том же 1891 году воспоминаниях одного из бывших семинаристов — Сергия Сёдзи:

«И вот сбылось мое желание: я стал воспитанником семинарии и поселился в Суругадае... Новые мои товарищи, вместе со мною поступившие в семинарию, очень мне понравились: все они с первой встречи показались мне искренними и добрыми. Всех их было около пятидесяти. Из них три четверти были юношами взрослыми; остальные были такие же дети, как и я, и их поместили всех вместе в одну большую комнату, составлявшую особое царство молодцов, как называл нас преосвященный Николай, когда посещал наше жилище. Разумеется, наша молодцовская комната была самой веселой и шумной во всей семинарии, но зато занимались мы и успевали в учении также молодецки. Хотя старшие из вновь поступивших помещались отдельно от нас, но мы все весьма скоро познакомились между собою, и из нас составилась как бы одна семья, связанная истинно братскою дружбою... Такова была товарищеская среда, в которой очутился при начале моего учения в семинарии. Во главе же семинарской семьи стоял... сам преосвященный Николай...

Быстро текло время среди трудных для нас занятий русским языком, Священной историей Ветхого Завета и другими новыми для нас предметами. Между тем взаимная дружба между воспитанниками все росла и укреплялась. А наше царство молодцов становилось все веселее и шумнее. Наступил ноябрь; и, хотя еще не было снегу, чувствовалось приближение зимы. Начались утренние морозы, и по вечерам стали неудобными игры на площадке с гимнастическими приборами. Но молодцы не унывали. Во время вечернего перерыва занятий они собирались в большой зале; к ним присоединялись многие из старших, и там веселые игры заменяли им гимнастические упражнения; после получасового вольного моциона они бодро принимались за предстоящие им полуторачасовые занятия. Иногда, бывало, проходит в это время через залу преосвященный Ни-

колай. "С добрым вечером!" — приветствуем мы его громко и дружно и непременно по-русски. Преосвященный, со свойственной ему живостью и веселостью, ответит на наш привет. Старшие из находящихся тут учеников, естественным образом, при входе владыки принимают вид более степенный и чинный.

Но вот прошли полтора часа тихих вечерних занятий. Совершена и общая вечерняя молитва. К десяти часам вечера все воспитанники разошлись по спальням... В разных углах спальни поднимается где тихий говор, где сдержанный хохот, где оживленный спор вполголоса между соседями по койкам. Но вдруг все голоса смолкают. В спальню вступил преосвященный Николай. Он тихо проходит между койками, столь же тихо удаляется, и вскоре затем вся спальня погружается в глубокий сон»[40].

Цементировалась тяга к учебе и дисциплине общей для семинаристов целью — стать православными священнослужителями. При этом епископ Николай долгие годы вынашивал идею об открытии семинарии и для «язычников», то есть для японцев, не желавших креститься и оставшихся в рамках привычных им национальных религий — синто и буддизма, с целью дать им российское по структуре и наполнению образование. Этот план так никогда и не был реализован по причине отсутствия средств на него, а жаль. Аналогичные проекты западных миссионеров превратились со временем в престижные и процветающие ныне университеты: Дзёти (Святой Софии) и Аояма гакуин в Токио, Досися — в Киото[41].

Подвижничество святителя Николая отличало четко выраженное несоответствие между его личным отношением к вере, необыкновенным энтузиазмом и выдающимися способностями — с одной стороны, и возможностями, прежде всего финансовыми, которыми располагала Русская церковь, — с другой. В этом история популяризации христианства в Японии западными миссионерами разительно отличалась от проповеди православия. Сам же Николай Японский не раз говорил, что чувствует в себе дар ученого-японоведа и имеет силы и желание для изучения этой страны, но важность и нужность проповеди православия среди японцев ощущает несравнимо сильнее, и с этим делом всей его жизни не сравнится никакое другое. Еще на первом этапе своего познания страны он написал серьезный и весьма объемный исторический очерк Японии, основанный на изучении неизвестных тогда русским ученым

книг — «Дай Нихонси», «Кокусиряку», «Иси», «Нихонгайси». Однако вторым и несравнимо более тяжким — прежде всего морально — был этап познания особенностей японского духа, менталитета местных жителей, находившихся к тому же на пике внутреннего неприятия нашей страны, ненависти к ней и отвращения ко всему русскому. В Токио конца XIX века, в отличие от подслеповатого на Восток Санкт-Петербурга, отлично понимали, кто будет ее главным соперником в борьбе за обладание соседними Маньчжурией и Кореей. Это понимание не скрывалось — наоборот, на нем воспитывались целые поколения, и такое русофобское воспитание удачно ложилось на имевшую самурайские корни подозрительность и ненависть к западному духу. Известный в Японии путешественник Рицудзан Камисима Нагахиса, который в 1893 году посетил русский Сахалин, так описал свои впечатления от родины Васи Ощепкова: «Широко открыв свои глаза от душившей меня злобы, смотрел я в сторону Санкт-Петербурга, на запад, где черными пятнами клубились, сливаясь с водою, зловещие облака». Эту цитату, ярко характеризующую настроения японских ультранационалистов в отношении России, привел в своих воспоминаниях профессор японоведения Дмитрий Матвеевич Позднеев, тесно общавшийся с владыкой в его последние годы. Он же позже вспоминал о знаменитой истории крещения Николаем первого японца — того самого синтоистского священника и бывшего самурая-убийцу Савабэ Такума, что стал потом отцом Павлом. Пришедший за жизнью русского монаха Савабэ сказал ему: «Вас, иностранцев, нужно всех перебить. Вы пришли сюда выглядывать нашу землю. А ты со своею проповедью больше всего повредишь Японии!»[42]

Открытие Русской православной духовной миссии в Токио, строительство православного собора на холме Суругадай у многих японцев вызвали чувства, выраженные тогда в газете «Нихон»: «Православная церковь является злостным местом, откуда сыплются проклятия на голову Японии и где молятся за ее поражения. Она всегда была центральным агентством шпионов, состоящих на русской службе. Японцам ненавистен купол русского собора, который, возвышаясь над всем городом, как бы шлет презрение самому императорскому дворцу, ненавистен храмовый колокол, который каждое воскресное утро докучает своим гвалтом мирному сну жителей...» «Вся Япония была полна именно этой злобой, ненавистью, фанатическим зложелательством

по отношению к России. Не знала этого только Россия, но архиепископу Николаю пришлось с этим столкнуться первому из русских на деле», — отмечал Д. М. Позднеев[43]. Но чего явно не ожидал святитель, так это того, что такое «зложелательство» с годами будет только расти, шириться и крепнуть. «Начиная с жреца Савабэ, желавшего убить архиепископа, проявление ненависти со стороны японцев преследовало владыку постоянно, — продолжает Позднеев. — Без преувеличения миллионы газетных статей за эти пятьдесят лет объявили его "ротаном", то есть русским шпионом. Православные христиане назывались в Японии "Никораи но яцу", то есть "Николаевские негодяи", или "Суругадаи но яцу", то есть "Суругадайские негодяи"... В этом отношении чрезвычайно характерным является отзыв одной из самых шовинистических и русофобских газет "Ниппон" об архиепископе Николае, напечатанный в 1909 году. "Если бы архиепископ Николай был рожден в другой стране и принадлежал к другой Церкви, — писала эта газета, — он был бы высокоуважаем нашим народом как талантливый иностранец, имеющий самые разнообразные и тесные отношения с японцами, оказавший стране большие услуги и любящий последнюю как свою вторую родину. Но как русский по происхождению и епископ Греческой церкви, отец Николай пользуется в лучшем случае индифферентным отношением со стороны японцев"»[44].

Профессор Позднеев не был бы ученым, если бы не проанализировал причины успеха архиепископа: «...он вынес на своих плечах апостольскую работу в адских условиях ежесекундной клеветы, гонений, подозрительности... Вместе с мягкостью, он был железным человеком, не знавшим никаких препятствий, практичным умом, и администратором, умевшим находить выход из всякого затруднительного положения. Вместе с любезностью, в нем была способность быть ледяным, непреклонным и резким с людьми, которых он находил нужным воспитывать мерами строгости, за что-либо карать или останавливать. Вместе с общительностью, в нем была очень большая, долгим опытом и горькими испытаниями приобретенная сдержанность, и нужно было много времени и усилий, чтобы заслужить его доверие, и откровенность. Наряду с какою-то детской наивностью веселого собеседника, в нем была широта идеалов крупного государственного ума, бесконечная любовь к родине, страдание ее страданием и мучение ее мучениями»[45].

Если же говорить об уровне познания и понимания Японии русским первосвятителем, то поистине этот уровень был настолько глубок, а горизонты настолько широки, что Николая Японского невозможно назвать ни японофилом, ни японофобом. Наставник Василия Ощепкова был японоведом высочайшего мирового уровня, чье знание Японии и понимание японской души в те годы имело мало равных себе. Сегодня его имя одинаково свято и для востоковедов, и просто для христиан — в 1970 году основатель Токийской семинарии был канонизирован как святой равноапостольный Николай Японский. Но это сегодня. А тогда, говоря об отношении к владыке на его родине, Дмитрий Матвеевич риторически восклицал: «Можно ли искать большего игнорирования человека, большего пренебрежения к его трудам над изучением никому не ведомой тогда Японии? ...делавшего свое прямое, святое культурное дело и ни в чем, кроме этого, не повинного архиепископа Николая травили с двух сторон: японцы — как русского политического агента, шпиона, агитатора, сеющего на японской почве измену и симпатии к вероломной, хищнической России; русские — как деятеля, сообщающего Японии о России то, чего ей не нужно знать, подготовляющего из японцев знатоков русского языка и расточающего русские деньги для того, чтобы подготовлять врагов России»[46].

Вот в таком тревожном настроении, в таком состоянии непризнания и Россией, и Японией, и в такой окружающей его международной обстановке, когда в воздухе повис отчетливый запах грядущей войны, архиепископ Николай, прекрасно понимавший, что происходит, встретил просьбу из России о том, чтобы семинария перестала быть только японской: русской армии понадобились высококлассные военные переводчики.

О самом факте подготовки в Токийской православной семинарии профессиональных переводчиков-японистов было известно давно. В 1970 году впервые о русских семинаристах в Токио написал бывший лидер эмигрантского движения младороссов, ставший после возвращения в СССР старшим консультантом Отдела внешних сношений Московского патриархата Александр Львович Казем-Бек. В 1990-х годах московский востоковед Александр Николаевич Хохлов подготовил первую обширную работу, посвященную семинаристам, опирающуюся на архивные исследования[47], но оставшуюся известной только узкому кругу японоведов. Как же все начиналось?

В феврале 1902 года главный начальник Квантунской области и будущий наместник российского императора на Дальнем Востоке вице-адмирал Евгений Иванович Алексеев обратился к главе Русской духовной миссии в Токио епископу Николаю с просьбой принять в семинарию двух мальчиков для подготовки из них переводчиков японского языка. Владыка Николай согласился, поставив при этом условия, которым следовал и в дальнейшем: семинаристы должны были быть не моложе четырнадцати лет, готовые постоянно находиться среди однокашников-японцев, одеваться в японскую одежду и питаться японской же пищей, то есть вести образ жизни, обычный для семинарии[48]. Военное ведомство должно было возместить невысокую стоимость содержания русских воспитанников — лишних денег у миссии не было[49]. Стороны быстро сговорились, и в августе 1902 года в Токио прибыли двое русских подростков, которые во время начавшейся через два года Русско-японской войны разделили с Николаем тяготы пребывания во вражеском стане. Вот как об этом рассказывал десять лет спустя Д. М. Позднеев:

«Владыка с удовольствием принял этих мальчиков, за содержание которых миссии уплачивались самые ничтожные суммы. Началась, однако, война, и об этих мальчиках в России совсем забыли. Высылка денег на их содержание прекратилась, и епископ имел бы полное право отправить их на родину вместе с уезжавшими перед войною русскими. Он, однако, так не сделал. Наоборот, он убедил мальчиков остаться в Японии, объяснив им всю важность изучения японского языка. И прошло целых три года, прежде чем наши Восточно-Сибирские власти вспомнили о забытых детях. Их содержала, кормила и обучала все это время Православная японская миссия и обучила настолько, что по первому же требованию они были в состоянии выехать и занять места переводчиков: один — в Харбине, другой — в Хабаровске. Этот пример побудил харбинские и хабаровские власти командировать в Духовную семинарию уже целый комплект русских мальчиков, которые и обучаются доселе там японскому языку и письменности»[50].

Изложенная самим владыкой в его дневниках история выглядит несколько иначе и более эмоционально. За два дня до начала войны, когда все уже стало понятно, и русские дипломатические и торговые представители покидали Токио, в воскресенье 25 января (по старому стилю) 1904 года глава миссии записал:

«Здесь в семинарии учатся японскому языку два русских мальчика из Порт-Артура, чтобы быть потом переводчиками. Приходили спрашивать: "Им уезжать или оставаться?" Но куда же уезжать? В Порт-Артур теперь и попасть трудно. Притом, к кому им там? У одного (Легасова) родителей совсем нет — убиты были в Китайскую войну, а дядя уехал, кажется, в Россию; у другого (Романовского) родители вернулись в Россию. Оба они казачата. Они и сами больше склонны к тому, чтоб остаться и продолжать занятия. Конечно, им трудно будет. Сказал им терпеть и молчать, по пословице: "терпи, казак, атаманом будешь"; улыбнулись и ушли»[51].

«Улыбнулись и ушли...» Нельзя не отметить в связи с этим, что святитель Николай совершенно очевидно испытывал к первым своим русским ученикам искреннюю симпатию. И хотя забота о пастве во время войны и переживания за родину надолго заслонили все другие заботы и заняли полностью мысли владыки, все же в самом конце войны, когда в Японии находились десятки тысяч русских военнопленных, а «казачата» по заданию главы миссии помогали им в переводах, Николай Японский с гордостью писал о их успехах в языке: «На экзамене в 3-м классе Семинарии по Гражданской Истории; 32 ученика и два русских. Класс хороший, много способных; отвечали хорошо почти все. Русские — Романовский и Легасов идут наравне с японцами; то же самое выучили и почти так же складно говорят, как они»[52].

Окончив затянувшееся и наполненное чрезвычайными обстоятельствами обучение, семинаристы уехали к местам службы, и здесь снова стоит процитировать их наставника, сделавшего подробную запись об этом событии:

«14/27 июня 1906. Среда. Утром отправлены во Владивосток, через Цуруга, из Семинарии воспитанники Феодор Легасов и Андрей Романовский, которых в 1902 г. прислал сюда из Порт-Артура 14-тилетними мальчиками, чтобы научиться японскому языку и сделаться переводчиками, адмирал Евг. Ив. Алексеев. Они стали говорить по-японски совершенно как японцы; изучили и письменный язык до чтения газет и нетрудных книг; кроме того, со здешними семинаристами получали общее образование. <...> ...они назначены переводчиками, один к штабу в Харбине; другой в Хабаровск. Присланы они сюда на два-три года, но пробыли четыре; хотел я довести их до окончания семинарского курса, но им уже наскучило здесь, хотя товарищи были

с ними очень хорошо, даже и во время войны обращались с ними деликатно. Жили они здесь в школе совсем по-японски — в японском платье, на японской пище, и были всегда здоровы»[53].

Так много, подробно и с такой симпатией Николай Японский не напишет уже ни о ком из русских подростков, которые тем временем готовились на смену Легасову и Романовскому.

Необходимость наличия в войсках и штабах в Сибири и на Дальнем Востоке достаточного количества драгоманов* — переводчиков с восточных языков — со всей очевидностью показала русскому командованию проигранная война с Японией. Через военного агента (атташе) в Японии полковника Владимира Константиновича Самойлова командование Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи, а также некоторых других соединений русской армии, вновь обратилось к главе православной миссии принять новые группы учеников — на этот раз 26 человек. Владыка Николай дал согласие на обучение десятерых, и, по данным Александра Хохлова, в августе—декабре 1907 года в Токио приехали 11 русских подростков[54]. В дневниках же святителя Николая называется другой год начала обучения — 1906-й[55]. Учитывая, что курс подготовки переводчиков в семинарии, в отличие от семинаристов-японцев, был шестигодичным, а год выпуска части из них известен точно — 1912-й, последний вариант даже по таким косвенным данным выглядит вполне логичным. Более того, приводимый иркутским ученым Сергеем Ильи-

---

* В книге одного кандидата исторических наук, доцента, человека, располагающего, судя по всему, уникальными источниками информации — делами из архива военной разведки, попалось на глаза следующее объяснение этого термина: «Драгоман — (профессионализм), от "драгировать" — добывать с помощью драги драгоценные ископаемые из россыпей. Драгоман в военной разведке — офицер, способный добывать ценные сведения о противнике». Логика автора проста: если разведчик умеет добывать «ценные сведения о противнике», он драгоман. Если нет — просто разведчик. Не очень понятно, правда, зачем его вообще на службе держат в таком случае, но, видимо, штат утвержден, и не всем же быть драгоманами? Наконец, если в нашей армии не хватало «образованных военных драгоманов», то уж, надеюсь, недостатка необразованных специалистов, способных добывать ценную информацию, не было? Печально, что кандидат исторических наук, пишущий о Востоке в том числе, не знает, что драгоман — всего лишь переводчик с восточных языков. Зорге, например, — разведчик, но не драгоман.

чом Кузнецовым перевод статьи «Как Япония показалась русским мальчикам» из газеты «Тюо симбун» датирован 17 декабря 1906-го, а отнюдь не 1907 годом[56]. Однако после отъезда Романовского и Легасова и до 1908 года архиепископ Николай в своих дневниках о русских семинаристах не упоминает совсем, да и вообще дневниковые записи за 1907 год немногочисленны. Пофамильный список, сведения о количестве и конкретных обстоятельствах попадания русских подростков в семинарию тоже оказались бы удручающе скудны, если бы в дело не вмешалась нагрянувшая из Петербурга одна занозистая журналистка. Но прежде, чем рассказать об этой удивительной истории, стоит упомянуть о некоем полуфантастическом проекте, который мог дать толчок для отправки «казачат» в Токио летом 1906 года.

Глава четвертая

ШКОЛА ШПИОНОВ?

Один бывший офицер резидентуры КГБ СССР в Токио как-то рассказал автору этой книги, что еще в начале 1980-х годов некий сотрудник госбезопасности, работавший в Подмосковье под прикрытием церковного сана, завидовал «смежникам» из ГРУ: «У них один Иван Касаткин чего стоил! Лучшего разведчика, чем он, в Японии никогда не было!» Это, конечно, шпионские легенды. Сегодня точно и достоверно известно, что Иван Дмитриевич Касаткин — архиепископ Николай Японский никогда не был разведчиком. И все же причина для зависти молодого сотрудника КГБ существовала, и крылась она в размытых упоминаниях о той самой группе молодых людей, которые якобы готовились в семинарии для работы против японцев.

Сам архиепископ Николай никогда и нигде не упоминал о возможности использования русских выпускников семинарии для службы в разведке — переводы и только переводы. Перечитывая сегодня его дневники и немногочисленные первоисточники, имеющие отношение к данной теме, неизбежно приходишь к выводу, что глава Православной духовной миссии если и задумывался о разведывательной перспективе своих учеников, то гнал от себя эти мысли. Судьбы Легасова и Романовского в этом смысле могли его немного успокоить, хотя ни владыка Николай тогда, ни мы сегодня не можем с уверенностью говорить о том, что именно, при каких обстоятельствах и кому переводили с

японского языка первые семинаристы по окончании обучения в Токио. Тем более что до 1905 года вопросы военной разведки в регионе находились в ведении вице-адмирала Е. И. Алексеева — того самого, что прислал их в Токио. Что же касается остальных своих русских воспитанников, то преосвященный не дожил до окончания ими семинарии, а знать о планах военного командования просто не мог и не должен был. О том же, что такие планы существовали — обширные, детальные и исключительно амбициозные, свидетельствует историк военной разведки, пишущий под псевдонимом Михаил Алексеев. В одной из своих работ он подробно рассказывает о плане создания «Восточной коммерческой школы», а на самом деле уникального военного образовательного учреждения, состоящего из детского сада и специальной школы для подготовки юных разведчиков[57].

Удивительный проект был предложен специалистом по тайным операциям, участником Русско-японской войны, Генерального штаба капитаном Ипполитом Викторовичем Свирчевским, но в полной мере так никогда и не достиг стадии реализации — прежде всего из-за сложности в исполнении и отсутствия должного финансирования. Тем не менее усилия по хотя бы частичному претворению плана в жизнь предпринимались, а главным энтузиастом в решении вопроса о создании «Восточной коммерческой школы» был сам Свирчевский. Судя по тому, что нам известно, он являлся настоящим профессионалом и, пожалуй, фанатиком своего дела*. Его «Положение о школе разведчиков Приамурского военного округа» отличается жестким прагматизмом и пропитано ультрапатриотическим духом. Война только что кончилась, и понимание, что на ней все средства хороши, что только таким образом и можно победить в войне следующей, еще доминировало в сознании боевых офицеров. Они искали причины поражения и стремились ликвидировать провалы, наверстать упущенное и представить свое видение возможностей России в неизбежной новой войне. Другой профессиональный разведчик — Генерального штаба полковник Петр Иванович Изместьев

---

* Ипполит Свирчевский после возвращения с Дальнего Востока продолжил службу в армии, занимаясь тем, что, судя по всему, получалось у него лучше всего, то есть разведкой. Мировую войну Свирчевский встретил в звании полковника и на должности начальника штаба 63-й пехотной дивизии. После Февральской революции стал генералом, получил дивизию. На Дону командовал 8-й Донской пластунской бригадой. Судьба после ноября 1920 года неизвестна.

в брошюре «О нашей тайной разведке в минувшую кампанию», подготовленной в 1910 году, объяснял причины поражения русской армии в войне с японцами:

«...1) Отсутствием работы мирного времени как в создании сети агентов-резидентов, так и в подготовке лиц, могущих выполнять функции лазутчиков-ходоков;

2) Отсутствием твердой руководящей идеи в работе разведывательных органов во время самой войны;

3) Полной зависимостью лиц, ведавших разведкой, от китайцев-переводчиков, не подготовленных к такой работе;

4) Отсутствием образованных военных драгоманов (то есть переводчиков с восточных языков. — *А. К.*);

5) Пренебрежением к военной скрытости и секрету...»[58]

Обосновывая свою инициативу, единомышленник и сослуживец Изместьева капитан Свирчевский писал о необходимости использования положительного японского опыта:

«Минувшая кампания 1904—1905 годов показала, какую громадную пользу может принести тайная разведка, организованная заблаговременно и прочно... Система японского шпионства, широко задуманная и осторожно, но твердо проведенная в жизнь, дала им возможность еще до войны изучить нас, как своего противника, будущий театр войны, важнейшие его пункты; во время войны — следить за нашими войсками, не только в периоды боевого затишья, но даже и в бою... Так как вряд ли можно высказаться с уверенностью против новой войны с японцами, а весьма возможно, что и с Китаем, безусловно необходимо, пользуясь временем, находящимся пока в нашем распоряжении, безотлагательно приступить к созданию кадра (так в документе. — *А. К.*) преданных нам людей, достаточно развитых и с известным объемом знаний, необходимых им при выполнении специальных задач шпионства в самом широком значении этого слова»[59].

Ипполит Свирчевский требовал создания возможностей для получения агентами специального — шпионского образования: «Имея в виду, что для выполнения задач разведывания питомцам школы придется не только посещать периодически страну "противника", но главным образом, жить в ней — очевидно, что общий характер образования, даваемого школой, должен быть таков, чтобы разведчик мог сравнительно скоро найти себе там дело, которое и вести, не вызывая подозрений. Казалось бы, что наиболее соответственным для такой цели будет образование коммерческое, соединенное с изучением различных ремесел». После

этого в «Положении» излагались абсолютно конфуцианские по сути своей добродетели — так называемый «Особый нравственный уклад», который, по мнению Ипполита Викторовича, должен был составить основу формирования личности будущих шпионов: «Соответственное воспитание в духе исключительного признания интересов своей нации и готовности применить все средства к достижению наибольшей выгоды своему отечеству — должно быть поставлено на первом месте, так как недостаток в знаниях всегда пополнить можно, перевоспитаться же, особенно в направлении, требуемом целью школы, почти невозможно, если система такого воспитания не пройдет красной нитью через всю жизнь школы».

Было понятно, что набрать должное количество людей, даже молодых, способных подвергнуться такому воспитанию в полной мере, совсем не просто, и Свирчевский находит гениальный выход: воспитанниками школы должны были стать... сироты, «желательно монгольского типа» (что понятно, учитывая точное определение направления боевых действий), независимые ни от кого, кроме самой школы, полностью, без остатка преданные ей телом и душой. Причем чем раньше начать воспитание детей-шпионов, тем больший из них может выйти толк: «А раз это так, придется принимать их, почти не стесняясь возрастом, т. е. необходимо, кроме училища создать нечто вроде детского сада».

Решительно настроенный Генерального штаба капитан предусматривал возможность подготовки шпионов не только «с горшка», но и — в исключительных случаях — с 1-го класса школы, однако в любом случае с возраста не старше десяти лет. Всего в специнтернате должно было обучаться 300—320 человек, из которых после различных отборов около трети могли оказаться «пригодными к предстоящей деятельности». Разрабатывая образовательный курс школы по образцу коммерческих училищ и имея в виду, что прикрытие коммерсанта для разведчика является универсальным, Свирчевский призывал «ни на одну минуту» не упускать из виду основную цель подготовки детей: «Почему явится возможность несколько сократить курсы почти всех предметов в тех их частях, кои не могут способствовать совершенству знакомства с Востоком или усвоению тех знаний, которые облегчат выполнение задач разведки».

Самым же необходимым для «спецсирот» считалось:

1. Возможно более полное и подробное изучение государств Востока;

2. Твердое знание, до степени совершенно свободной разговорной речи, английского, китайского и японского языков;

3. Практические специальные знания:

а) чертежное искусство;

б) ремесла;

в) телеграфное дело;

г) железнодорожное дело в том объеме, который даст возможность определить при разведке технические данные устройства дороги;

д) некоторые отделы курсов топографии, тактики, администрации, фортификации;

е) хотя бы самые общие сведения об устройстве и организации военных флотов, что необходимо при разведке неприятельских портов».

Со свойственными ему практицизмом и предусмотрительностью капитан Свирчевский спланировал для «курсантов» старших классов школы летнюю стажировку в Японии. После же окончания обучения выпускники на два-три месяца должны были прикомандировываться к штабу округа, где после нового этапа отбора лучшие направлялись бы в войска для подготовки к поступлению в военные училища и дальнейшей службе в разведывательных отделах штабов, после чего им следовало «отправляться по одиночке для выполнения служебного поручения» и исполнять эти поручения не менее четырех-пяти лет. Не забыты были интересы «крыши»: признанные неспособными «для выполнения задач тайного разведывания могут, дабы не терять их для пользы службы, назначаться в распоряжение наших консулов Дальнего Востока».

Глядя сегодня на эти поистине наполеоновские планы, задумываешься: если бы то, что придумал и так скрупулезно прописал на бумаге капитан Ипполит Свирчевский, было претворено в жизнь, кто знает, может, и судьбы мира тогда сложились по-иному? Только вообразите: армия русских сирот-шпионов, вооруженных опытом Русско-японской войны и воспитанных «в духе исключительного признания интересов своей нации и готовности применить все средства», могли стать страшной силой на азиатских полях брани. Сотни, да пусть хоть десятки агентов в Токио, Йокогаме, Кобэ, Шанхае, Урге, Пекине, Дайрене, Циндао, год за годом непрерывно отсылающие шифровки в Центр. Представляете эту фантастическую картину?

Однако... в армии так часто бывает: капитаны предполагают, а генералы располагают. До сих пор мы можем

только гадать о том, насколько предложение Свирчевского повлияло на дальнейшую схему развития русской разведки на Дальнем Востоке. Известно, что полностью его реализовать не удалось — «в силу недостатка ассигнований и должной настойчивости со стороны штаба округа». И все же, невзирая на то что планы по созданию школы российских разведчиков против Японии в полном объеме никогда осуществлены не были, несмотря на то что Токийская православная духовная семинария никогда не была «кузницей кадров военной разведки», многое из того, чему учились в этой школе Вася Ощепков и другие русские подростки, вполне соответствовало идеям Свирчевского, а может быть, и взглядам на патриотизм, на любовь к России самого Николая Японского.

В архивных материалах разведки Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи сохранился следующий документ:

«Принимая во внимание острую нужду в русских людях, владеющих местными языками и, в особенности, японским, начальник Заамурского Округа (г. Харбин) по собственной инициативе выслал в конце 1906 года 8 русских мальчиков в Токио в православную миссию. Плата за обучение этих мальчиков так баснословно дешева, что отказаться от этой командировки положительно было невозможно, тем более что впредь таких выгодных условий не представится. Дешевизна объясняется тем особым усердием Архиепископа Японского высокопреосвященного Николая прийти на помощь русским в деле ознакомления с Японией и японцами»[60].

Этим же, в свою очередь, объясняется и удивительная настойчивость харбинского командования в попытках прислать в Токио побольше курсантов, чему глава миссии, не ведавший о «школе шпионов», но раздраженный «плохим подбором учеников» и отсутствием возможности их размещения в семинарии, теперь уже всеми силами и совершенно искренне противился. Вот некоторые из этих записей:

«...Еще просьба принять ученика в Семинарию: Харбинский Генеральный консул ходатайствует за оного. Отбою нет. Совсем надоели. Тотчас же послал отказ с указанием, что здешняя Семинария имеет специальное назначение — готовить служителей для Японской Церкви, и что большое количество русских учеников в ней может мешать исполнению этого назначения»;

«Один из 15 учащихся здесь русских воспитанников, из которых 13 воспитываются на казенный счет, присланные сюда военными начальствами из Харбина и Хабаровска для образования из них переводчиков японского языка, — один из хабаровских, Иван Попов, сын чиновника, учившийся вот уже два с половиною года, всегда прилежно и ведший себя исправно, вдруг на днях, без всякой посторонней причины, молвил: "Не хочу учиться, надоело жить в рамках" — и бросил все. Сколько ни уговаривали его все мы одуматься и оставить свою затею, — ничто не помогает...»;

«Уволил из Семинарии и отправил в Харбин одного из русских учеников Емельяна Родионова. Упорно не желает учиться и просится вон. Без должного выбора казачат понасылали»;

«Написал в Харбин к Генералу Чичагову и во Владивосток к есаулу Ефимьеву, что учащиеся здесь русские из Харбина 8 и из Хабаровска 2 просятся на каникулы и просят денег на дорогу, первые по 30 рублей, вторые по 20 рублей, как было в прошлом году. Похвалил их поведение и прилежание и просил исполнить их просьбу. Но умолчал, что успехи их в изучении японского языка — для чего и живут здесь — не блестящи: и способностями они не отличаются, и вечно болтают между собою по-русски, что значительно мешает усвоению японского языка»;

«...Жаль, что таких малоспособных присылает Харбинский военный штаб, если желает иметь хороших переводчиков»[61].

Не только неоднородный состав присланных казачат и слабые материальные возможности мешали нормальной жизни Токийской семинарии. Осенью—зимой 1908 года в российской прессе разразился скандал, связанный с этим учебным заведением. Корреспондентка газеты «Новое время» Мария Горячковская* прибыла в миссию, встретилась с владыкой Николаем, который тогда еще заметил: «...Показал ей училища; особа очень живого воображения; перебегает с вопроса на вопрос, не выслушавши ответа ни на один»[62].

Цель прибытия корреспондентки выяснилась через несколько недель: «Мадам Горячковская была, наговорила с

---

* *Мария Алексеевна Горячковская* (?—?) (псевдонимы «Алексеева М.», «Г-ская») — журналистка, сотрудница газет «Свет», «Колокол», «Новое время», автор книг «Последний день кровавого царя», «Драматическая фантазия», «Антирусская агитация», «Японские оргии».

три короба и в заключение попросила в долг; стал давать 50 ен, пристала — дай 75. Дал, но больше уже не дам; едва ли вернет; а я без того не только беден, но и в долгах. Говорила, что украли у нее 300 рублей русскими сторублевыми бумажками. Но потому, что она упорно не желает объявить о том, сомнительно, чтобы это случилось. Лгать ей, по-видимому, не учиться стать; мне говорила одно, преосвященному Сергию (митрополит Сергий (Тихомиров), служивший в то время в Токио. — *А. К.*) совсем другое об одних и тех же предметах»[63].

Одновременно владыка утешал саму журналистку: «Госпожа Горячковская, видимо, страдает манией преследования ее Д. М. Позднеевым, и о том, что он "низкий, подлый шпион" и прочее в этом роде, что я тотчас же ответил ей самыми успокоительными уверениями, что Позднеев с этого времени даже имени ее не будет произносить — до того не будет иметь никакого отношения к ней — значит, она может быть вполне спокойна; ему же написал, чтоб он действительно исполнил это, что нужно щадить ее как больную»[64].

Как это бывает порой у психически нездоровых людей, Горячковская неосознанно нащупала у профессора японоведения Д. М. Позднеева, жившего в Токио, слабое место — в то время он действительно был самым высокооплачиваемым агентом российской военной разведки в Японии[65]. Неудивительно, что его так травмировали и напугали ее россказни о нем как о «подлом шпионе», но главе Православной духовной миссии тогда удалось утихомирить скандальную журналистку. Но, как ни старался архиепископ не дать склоке выйти на поверхность, не в его силах было полностью остановить раздухарившуюся гостью, и вот важный момент: 7 октября, когда Горячковская вновь посетила миссию, архиепископ Николай «Ивану Акимовичу Сенума сказал, чтобы он не позволял обижать русских учеников в семинарии. Неделикатно это, но и ему заметил, что японские ученики содержатся здесь на счет, между прочим, родителей тех же учеников, которых они обижают; пусть не являются лишенными чувства благодарности»[66]. Из дневника неясно, стала ли Горячковская свидетелем разговора главы миссии с японским ректором семинарии Иоанном Сэнума или он состоялся после ее ухода. Скорее всего, разговаривали наставники тет-а-тет, но пронырливая девица от кого-то другого вполне могла услышать в тот день в семинарии что-то, не предназначенное для ее ушей, что-то,

связанное с издевательствами японских семинаристов над русскими, и сделала из этого свои выводы. Что же именно произошло?

В начале октября 1908 года, писал архиепископ, «два русских ученика пришли, плача, жаловаться, что японские ученики их обижают, бьют. Призвал обидчиков: Манабе, дрянного грубого юношу, и Каминага, от которого не ожидал этого, и с гневом выговорил им, что "они живут в русском доме, едят русский хлеб, купаются в благодеяниях России и не являют ни малейшего чувства благодарности за все это, признаком чего служит их грубое обращение с русскими товарищами". Выразивши все это, что, кажется, в первый раз пришлось выразить в такой форме, прогнал их. Отвращение возбуждает эта неспособность японцев к благородным чувствам благодарности и подобного»[67]. О здравом прагматизме владыки и его глубоком знании японской психологии, понимании механизмов дисциплины в японском обществе, где стыд материальной зависимости всегда будет важнее духовных связей, в этом отрывке свидетельствует тот факт, что он говорил японцам о том, что они едят русский хлеб, а не о том, что они приходятся братьями русским мальчикам во Христе, и именно поэтому не должны друг к другу плохо, с предубеждением, относиться.

В «необычайно живом» сознании Горячковской этот конфликт легко превратился в масштабную войну, в грандиозную межнациональную вражду русских и японцев в Токийской православной семинарии. Ей стало известно об этом противостоянии в какой-то весьма смутной форме — иначе она непременно привела бы в своей статье не только выдумки и фантазии, но и реальные факты. Однако журналистка поняла, что в семинарии происходит что-то экстраординарное, догадалась, что именно, но никак не могла подтвердить свою догадку. Николай Японский, в свою очередь, не мог позволить конфликту между учениками на национальной почве стать достоянием гласности — это нанесло бы тяжелый удар общему имиджу России в Японии, главное, имиджу Японской православной церкви. В конце концов, глава церкви не просто опроверг информацию о скандале с помощью прессы, а сделал так, чтобы ситуация в семинарии выглядела совершенно бесконфликтной.

8 декабря 1908 года, понедельник: «...Едва кончил это письмо, как с поспешностью входит преосвященный Сергий... с двумя номерами газеты "Россия"... В 920 номере, 20 ноября 1908, на первой странице статья, подписанная

"М. Горячковская", под заглавием: "Русские мальчики в Православной Японской Миссии". В статье, действительно, ни слова правды; "мальчиков было 34, из них 23 исключены; японцы притесняют их. Японцы сносили Миссию только потому, что она доставляла им знатоков русского языка, но ныне встревожились тем, что она стала обучать русских японскому языку и прочее. Миссия дает каждому православному японцу в месяц от 8 до 10 ен; а так как в последнее время содержание Миссии из России уменьшили, то разом 5000 человек отпали от Православия". Словом, сплошная выдумка, поражающая изумлением. В следующем номере газеты, 21 ноября, Лев Александрович Тихомиров защитил Миссию, нашедши сообщения Горячковской невероятными или маловероятными, но в конце статьи сказал: "для русской публики было бы желательно получить возможно более подробные данные о Токийском инциденте". Под "инцидентом", очевидно, разумеет гонение на русских мальчиков; значит, и он отчасти верит гонению. Вызов доброго друга Миссии Льва Александровича и побудил меня написать опровержение выдумок Горячковской»[68].

Одновременно со статьей в «России» появился очень похожий материал Горячковской в газете «Новое время», на который, в свою очередь, в «Церковном вестнике» № 5 за 1909 год (с. 147—150) дал подробный ответ митрополит Сергий. По его статье мы можем теперь проследить обвинения Горячковской в адрес миссии с комментариями к некоторым пунктам, которые сделал сам митрополит:

«А) Приамурский губернатор командировал в Токио... 34 русских мальчика для прохождения полного курса православной семинарии на японском языке ("Россия") — пишет Г-ская. 34 мальчика в "Новом времени" она уже увеличила до 38...»;

«В) В семинарии Токио преподавание ведется по-японски, и русские дети, которым язык этот чужд, не могли, понятно, сравниться с японскими... И неужели же все были дурного поведения? ("Новое время")»;

«Г) Появление русских мальчиков... было встречено с недоброжелательством... Дети стали подвергаться всевозможным преследованиям товарищей и притеснениям воспитателей ("Россия")». «Товарищи-ученики страшно над ними издевались ("Новое время")»;

«Д) Получив надлежащие инструкции, ректор семинарии Сэнума и его учителя стали исключать русских детей за

дурное якобы поведение ("Россия")»; «японцы-учителя по свыше полученной инструкции стали исключать русских мальчиков, беспощадно их преследуя и затравливая ("Новое время")»;

«Е) Положение оставшихся 6 мальчиков угнетенное ("Россия")». «Они поражают своим забитым, угнетенным видом. "На нас смотрят как на врагов и учителя, и товарищи-японцы. Мы боимся дохнуть, чтобы не придрались и не исключили", — сказали они мне ("Новое время")».

В общем и целом идея обеих статей дотошной корреспондентки в Токио сводилась к следующему: русские воспитанники Токийской православной семинарии испытывают тяжелейший стресс, вызванный несправедливым отношением к ним руководства семинарии и издевательствами более многочисленных и чувствующих себя дома японских семинаристов. К числу этих русских воспитанников относились и Вася Ощепков, и его друг Трофим Юркевич, и Владимир Плешаков, с которым мы познакомимся немного позднее.

В номере 921 «России» Горячковской ответил редактор газеты Л. А. Тихомиров. Его статью «Русские воспитанники токийской семинарии» стоит привести почти полностью, чтобы нагляднее представить себе обстановку, в которой пришлось учиться Василию и его товарищам, и понять, в чем была неправа, а в чем, может быть, и не ошибалась журналистка. И начать хорошо бы со следующего рассуждения редактора:

«...Г-жа Мария Г-ская полна прекрасного чувства патриотизма, но всякое высоко напряженное чувство способно приводить к недостаточной беспристрастности... Для меня не подлежит никакому спору, что г-жа Мария Г-ская изумительно ошибается...

...С педагогической стороны присутствие русских учеников с первого же раза породило неудобство. Сам высокопреосвященный Николай сообщал мне тогда, что в семинарии жалуются на шаловливость русских мальчиков. Между тем, в японском воспитании чрезвычайно ценятся дисциплина и "благонравие". Отсутствие этих качеств у русских нельзя назвать "испорченностью", но кому же неизвестно, что невыдержанность детей, их своенравие и непривычка к подчинению составляют у нас самое распространенное явление. Однако высокопреосвященный Николай сообщал мне, что воздействие японских товарищей скоро благотворно повлияло на русских воспитанников

и они вошли в принятые в семинарии рамки "благонравия". Так было в начале, когда русских состояло 5—6 на 60 японских воспитанников. Засим число русских стало увеличиваться. Явились ученики из Харбина, явилась и инициатива местного начальства для посылки туда будущих переводчиков. Хотя в этой мысли я не вижу ничего "гениального", но, конечно, она вполне разумна. И вот, как теперь сообщает г-жа Мария Г-ская, в Токийской семинарии набралось 34 русских... но на какое число японцев? Она не говорит, но полагаю, что никак не более 60. Думается, что при таком соотношении чисел едва ли японцы могли оказывать на русских такое же дисциплинирующее влияние, как прежде.

Я не знаю, но считаю очень возможным, что японскому правительству, как говорит г-жа Г-ская, нимало не улыбается научение русских японскому языку. Наше невежество в этом отношении было для японцев слишком выгодно в прошлую войну!..»[69]

Уже на следующий день по получении газеты архиепископ Николай сам взял в руки перо: «С документами под рукою писал правду о русских мальчиках в Семинарии для газеты "Россия"; опровергнул и другие неправды из статьи Горячковской»[70]. Его статья вышла в последний день 1908 года, в номере 953 газеты «Россия». В рассказе самого главы миссии есть все: причина появления первых русских мальчиков в стенах Суругадайской миссии, условия их проживания и обучения, предметы, которые они там изучали, и даже стоимость нахождения их в Токио. Это подробное и относительно откровенное повествование обо всем, что окружало русских ребят в японской столице[71]. В этой статье нет, пожалуй, только двух вещей. Во-первых, Николай Японский не мог ничего написать о реальном предназначении русских семинаристов — о работе в разведке, потому что, повторюсь, вряд ли что-то знал об этом. Во-вторых, архиепископ не захотел ничего сказать о реальном конфликте, свидетелем которого, судя по всему, стала Горячковская и за который получил выговор ректор семинарии.

Данные, приведенные Горячковской и ее оппонентами в дискуссии на страницах русской прессы, позволяют уточнить некоторые важные статистические детали, касающиеся обучения группы русских переводчиков. Горячковская назвала общую численность на 1908 год: 34 человека. Но больше нигде такое большое количество семинаристов не

упоминается, и в немногочисленных сохранившихся документах они не перечислены. Опубликованные материалы японской печати дают нам имена первого десятка. Внимательное чтение дневников и статьи архиепископа Николая показывает, что порой в семинарии одновременно училось до восемнадцати русских юношей (как в декабре 1910 года), но при этом далеко не все они содержались за счет военного ведомства. Не все учащиеся смогли выдержать напряженное в психологическом и интеллектуальном отношениях обучение — свидетельство тому беспрецедентный процент (почти половина!) отчисленных по разным причинам (тут Горячковская оказалась весьма близка к истине). Собрав воедино всю имеющуюся и очень разрозненную информацию, включая, например, плохо читаемые подписи на групповых снимках, где запечатлены семинаристы, мы получаем пока еще очень неточную сводную пофамильную таблицу данных, полученных на известных нам русских учеников — предшественников, однокашников и младших товарищей Василия Ощепкова:

№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Время обучения в семинарии
1	2	3	4
1	Романовский Андрей	?—?	1902—1906
2	Легасов Федор	?—?	1902—1906
3	Айсбренер Александр Васильевич (?)	1891 (?) —?	1906—1908 (отчислен)
4	Вобцевич (?) Павел	?—?	?—?
5	Волков Александр	?—?	1906—1912
6	Журавлев Гавриил Николаевич	1893—?	1908— ?
7	Зембатов Владимир	1889 (?)—?	1906—1908 (отчислен)
8	Зобнин Павел	?—?	?—?
9	Кузнецов Павел (Иван—?)	?—?	?—1910 (отчислен)
10	Ло... (?) Иван	?—?	?—?
11	Лысенко	?—?	?—?

1	2	3	4
12	Незнайко Исидор Яковлевич	13.05.1893 — 28.05.1968	1906—1912
13	Ощепков Василий Сергеевич	25.12.1892 — 10.10.1937	1907—1913
14	Пампурин Иван Мефодьевич	1896—?	1908—?
15	Перетолчин Петр	1895—?	1908—?
16	Плешаков (Персяков?) Владимир Дмитриевич	1892 — 14.10.1937	1906—1912
17	Плешаков Александр (младший)	1894 —?	1908 —?
18	Попилев (Попелев) Трофим	19.09.1893—?	1906—1912
19	Попов Иван	?—?	1907—1910 (отчислен)
20	Родионов Емельян	?—?	1906—1910 (отчислен)
21	Сазонов Стефан Петрович	1896 (1894?) — 24.01.1946	1912—1917
22	Семенов Алексей	?—?	?—?
23	Скажутин Прокопий С.	?—1919	?—?
24	Сокольский Михаил	?—?	1906—1911 (отчислен)
25	Шишлов Иосиф	1892 (?) — ?	1906—1908 (отчислен)
26	Фролов Иван	?—?	?—?
27	Хлебцевич Стефан Адамович	1893—?	?—1909 (отчислен)
28	Юркевич Трофим Степанович	1891 — 10.07.1938	1906 —1910
29	Юркевич Федор Степанович	1893 (?) — ?	1906—1907 (отчислен)

Как видно из этой таблицы, русские семинаристы, будучи примерно ровесниками, имели разные судьбы — об одних не известно практически ничего, нет даже года рождения, и время обучения в семинарии проставлено лишь условно, о других мы знаем относительно немало. Сохранилось кое-что в отзывах о подростках в дневниках архиепископа. Правда, большинство из них носят скептический характер. Причин тому несколько, и о главной уже было сказано: владыка Николай всеми силами отбивался от попыток военного командования навязать ему еще учеников, снова и снова подчеркивая, что главная задача семинарии заключается в том, чтобы «...готовить служителей для Японской церкви». Это не значит, что он был противником подготовки русских переводчиков в Японии вообще. Напротив, «архиепископ сильно желал развития дела толмаческой школы в Токио, но он признавал для этого необходимым дать ей несколько другую постановку, а именно, выделить ее в особое учреждение, усилить в ней преподавание русского языка и русских предметов и ввести для учащихся особую систему командировок, по которой дети, по усвоении японского языка и письменности настолько, чтобы учиться вместе с японцами, отсылались бы, каждый в отдельности, из Токио в японские школы в провинцию на год или на два, где они усовершенствовались бы в языке, не видя ни одного русского и не слыша за это время ни одного русского звука. Для этого, конечно, он считал необходимым особое соглашение с японским правительством», — вспоминал Д. М. Позднеев[72].

Кроме того, часть отчисленных покинула Токио за поведение, несовместимое со статусом ученика Православной семинарии, и владыка Николай осознавал, что каждый такой случай — удар по престижу Русской церкви в целом. Вот две характерные записи: «Ректор Семинарии И. А. Сенума и два главных наставника, кандидаты, Арсений Ивасава и Марк Сайкайси, пришли коллективно просить удалить из семинарии двух русских учеников из Харбина: Иосифа Шишлова и Александра Айсбренера — за слишком дурное поведение: начинают ходить по непотребным домам. Все японские ученики возмущены этим и собираются все ко мне прийти требовать исключения их, если я не послушаюсь ректора и наставников. Нечего делать! Шишлов и Айсбренер отосланы в Иокохаму к военному агенту Владимиру Константиновичу Самойлову, полковнику, для препровождения их в Харбин. Генералу

Чичагову я написал, впрочем, что назначение, с которым присланы сюда эти ученики, наполовину исполнено: они могут служить толмачами для устных переводов с японцами»[73], и: «Русских учеников ныне в Семинарии 13; и все ведут себя добропорядочно и учатся хорошо, кроме одного, Михаила Сокольского, с которым нет средств сладить: ничего не делает и постоянно нарушает школьные правила; а назначат наказанье — не обращает на это внимания; сколько ни уговаривай — к стенке горох; над всем смеется, в глаза лжет; называет школу адом, клянет своего дядю, ротмистра, который четыре года назад определил его сюда. Как ни жаль... придется послушать Ивана Акимовича Сенума, который больше всех терпит от него, и отослать его в Харбин»[74]. Подобным же образом (за непослушание, нежелание учиться или нарушение правил семинарии) были отчислены Емельян Родионов, Владимир Зембатов («родом кавказец, лет 20 детина, исключенный из Семинарии за то, что не подчиняется дисциплине ее»[75]), Иван Попов, Павел Кузнецов. Младший из братьев Юркевичей — Федор оставил семинарию «по неспособности к обучению». Все уволенные семинаристы получили проездные документы и деньги на дорогу — до города, откуда они прибыли когда-то на учебу, и должны были отправиться на родину под контролем представителей военного ведомства (Федора Юркевича забрал домой приехавший за ним с Сахалина отец, и его дальнейшая судьба неизвестна)[76].

В то же время Д. М. Позднеев отмечал, что «...судьба этих мальчиков всегда сильно озабочивала архиепископа. Он чувствовал, что в миссии слишком много прямого дела для того, чтобы уделять силы делу стороннему, но признавая, что такая система командировки детей в страну является наилучшею для подготовки русских толмачей, он мирился с неудобствами и продолжал работать. Его глубоко возмущали статьи дальневосточной прессы, настаивавшие на бесполезности командировок таких мальчиков в Токио только потому, что некоторые из них, оказавшись непригодными для изучения японского языка, были отправлены архиепископом обратно на родину. “Удивительно мало у нас системы и выдержки, — говорил он по этому поводу. — У русских в крови какой-то анархизм, непременно все ломать и разрушать до основания... Вот теперь с этой школой: только что налаживается дело, только что ребята начинают переходить на настоящую работу, учатся вместе с японцами, ходят в японские классы, начинают привыкать

к японской скорописи, только что дело налаживается, сейчас уж и закрывать. И опять останемся как старуха в сказке: будем сидеть пред своей избушкой с разбитым корытом"»[77].

Наконец, и эта претензия в дневниках встречается чаще всего, глава миссии был недоволен успехами русских юношей в изучении японского языка и снова винил в этом приславшее их в Токио командование: «В 8 часов мы с Преосвященным Сергием пошли в Семинарию на экзамен. <...>... экзаменовались 13 учеников русских по японскому языку, причем был Дмитрий Матвеевич Позднеев и О. Петр Булгаков; первый интересовался успехами их по поводу готовимой им брошюры о необходимости знакомства с японским языком у русских; успехи оказались плохими — подбор учеников совсем плохой. Военное начальство в Харбине и Хабаровске хочет приобрести переводчиков, даже и тратится на это, а чтобы прислать способных учеников — не подумало об этом»[78].

Впрочем, архиепископ упоминает и об успехах русских мальчиков[79]: «Был на экзамене в Семинарии в младшем классе, где 24 учащихся, по Священной Истории Ветхого Завета. Отвечали хорошо. Из русских младшие 5 учились с ними; отвечали плоховато, кроме младшего Плешакова»[80] или: «Экзаменовались... двое русских, из которых Скажутин так хорошо и таким правильным языком отвечал по-японски, что если не смотреть на него, а только слушать — не узнаешь, что говорит не японец»[81].

Вопрос о том, как русские семинаристы владели японским языком, не так прост, как может показаться на первый взгляд. Ответ на него важен для понимания уровня дальнейшей профессиональной пригодности и квалификации Ощепкова как переводчика, но свидетельств, позволяющих понять уровень практической подготовки переводчиков с японского в семинарии, не так уж много. Да, мы уже видели недовольство архиепископа. Но не является ли оно следствием изначально завышенных требований этого выдающегося человека, блестяще владевшего языком? Можно ли представить сегодня студентов любого языкового вуза, например Института стран Азии и Африки при МГУ, даже в свободное время разговаривающих между собой исключительно по-японски, как это было поставлено в семинарии? Да и сам владыка Николай отмечал, что, например, Айсбренер и Шишлов, отчисленные на втором году обучения, «могут служить толмачами для устных переводов с японцами». Это ли не подтверждение высокого уровня

интенсивности обучения в семинарии и соответствующего владения японским языком ее выпускниками? О своеобразии оценок архиепископа косвенно свидетельствует следующий факт. В 1909 году Токио посетил А. Н. Вентцель (Венцель) — товарищ (заместитель) председателя правления КВЖД и остался вполне удовлетворен уровнем японского языка у русских семинаристов: «...Дети эти живут и учатся среди японских мальчиков, что способствует более быстрому усвоению ими на практике изучаемого языка. Преосвященный Николай очень доволен успехами юных заамурцев и ожидает, что из них со временем выработаются весьма полезные для службы на Дальнем Востоке работники»[82].

Так или иначе, но совершенно ясно, что Токийская православная духовная семинария отнюдь не была тихой обителью, где в идиллическом тесном мирке, в братской дружбе и любви осиянные святостью архиепископа Николая Японского русские и японские подростки познавали иностранные языки и достигали духовных высот, как это можно было бы представить, к примеру, по воспоминаниям бывшего японского семинариста Сергия Сёдзи. Ничего подобного. Однокашник Василия Ощепкова, будущий «секретный связист» советской разведки в Маньчжурии Исидор Незнайко на склоне жизни надиктовал на грампластинку послание своим детям и внукам. Оптимистичный, приподнятый тон только что вернувшегося после 35-летней эмиграции на родину казака сорвался только один раз — когда он вспомнил об учебе в Токио: «...с 1906 года по 1912 год учился в Японии, в духовной семинарии стипендиатом, то есть на стипендию от Штаба Заамурского округа пограничной стражи. Тут тоже было для меня... нелегко. И даже скажу — очень и очень тяжело! Оторванному от родины и от родителей... Вот, чуть не заплакал. Но я крепился и пережил все трудности...»[83]

Крепиться приходилось всем, но русским, которых было по одному на дюжину японцев, более всего. Токийская семинария стала тесной и горячей печью, в которой плавилась сталь характеров будущих выпускников, представляющих обе страны. Выплавлялась она не в христианской любви, а в конфликтах: подростковых — межличностных, и во вполне себе взрослых — межнациональных, политических, социальных, обостренных только что закончившейся войной, где мало у кого из семинаристов — с обеих сторон — не воевали отцы или братья.

То, что эти конфликты продолжались до самого конца, засвидетельствовал настоятель посольской церкви в Токио Петр Булгаков в 1917 году, когда последние русские воспитанники покинули Суругадай: «Уехали отсюда два русских мальчика, учившихся в здешней духовной семинарии, которых японцы всячески старались изжить из своей среды. Теперь японцы могут радоваться: страстная мечта их удалить из Миссии русских мальчиков исполнилась»[84].

Глава пятая

ВОСХОЖДЕНИЕ

Владыка Николай, неизменно строгий к семинаристам и не особенно выделявший кого-то в лучшую сторону после ухода Легасова и Романовского, для Василия Ощепкова сделал в своих дневниках небольшое, но исключение. Многие из русских учеников семинарии не удостоены вообще ни единого упоминания в них — и слава богу, значит, они хотя бы не оказались слишком плохи, недисциплинированы и несерьезны для этого. Ощепков же фигурирует в дневниках владыки трижды — так же, как Романовский с Легасовым, и в двух из трех случаев — в положительном контексте (один раз просто упоминается о его прибытии)[85]. Например, глава миссии доверял Василию проводить экскурсии по Токио с русскими туристками, так что Ощепкова можно считать первым точно установленным русским гидом в Токио. Этот эпизод относится к летнему, каникулярному сезону, когда после возвращения с летней дачи семинаристы разъезжались по домам и в Токио оставались только круглые сироты, которым некуда было ехать. Возможно, вообще только Василий и оставался и выбирать было не из кого, но, так или иначе, архиепископ был за него спокоен, рекомендуя подростка двум русским девушкам, собравшимся прогуляться по Токио.

Еще одно упоминание (от 7/20 августа 1909 года) тоже связано с туризмом и с тем, что семинаристы не всегда имели возможность провести каникулы дома: «Василий Ощепков и Трофим Попелев сделали путешествие на “Фудзисан” и, вернувшись сегодня, преинтересно рассказывали о всем, что видели и испытали, иллюстрируя рассказ принесенными — картой, картинками, камешками лавы и прочее»[86]. «Фудзисан» — это Фудзи-сан, гора Фудзи, так ее название произносится в японском языке (собственно,

«сан» — это и есть «гора»), а «путешествие», конечно — восхождение на высшую точку Японии. Интересный и очень тяжелый по степени физической нагрузки подъем одновременно стал и символическим шагом в познании Японии, ведь недаром японская поговорка гласит: «Кто ни разу не взбирался на Фудзи, тот дурак» и скептически добавляет: «Кто поднялся два раза — дурак дважды». Ощепков и Попелев встретили рассвет на горе (по традиции восхождение на Фудзи начинается вечером, чтобы с вершины увидеть первые лучи солнца над океаном) и открыли новую для себя страницу познания Японии.

Годом раньше Василий на каникулы все-таки ездил, побывал в родном Александровске, и это тоже стало поводом для упоминания о подростке со стороны Николая Японского. Все в той же статье в газете «Россия» владыка свидетельствовал: «Г. Костров от 24 августа 1908 г. пишет мне: "воспитанник В. Ощепков после каникул снова возвращается в вашу обитель. Год, проведенный в Токийской духовной семинарии, конечно, сказался. Мальчик своим корректным поведением и умением держать себя в кругу взрослых произвел очень хорошее впечатление на всех знакомых. Вообще, он и Юркевич так расположили к себе сахалинцев, что многие думают у вас воспитывать своих детей"»[87].

Земляк Трофим Юркевич оставался, видимо, верным другом Василия всю жизнь, но почему-то летом 1909 года Ощепков вместе с ним на Сахалин не поехал, оставшись в Токио с другим Трофимом — Попилевым (иногда встречается написание — Попелев). Неизвестно, был ли второй Трофим сиротой, но он в любом случае не мог отправиться на каникулы домой, так как прислан был на обучение с Северного Кавказа и каникул (летом в Японии они длятся два месяца) хватило бы только на дорогу туда-обратно. Но Трофим Попилев вошел в историю вместе с Василием Ощепковым не из-за своего восхождения на Фудзи, а по причине подъема на еще более неприступную вершину — на вершину японских единоборств.

Помимо изучения общеобразовательных программ и курса Закона Божьего, все русские семинаристы занимались и физической подготовкой в виде дзюдо, как оно и предписывалось в то время японским министерством образования (а значит, приведенная выше таблица по сути есть список первых русских дзюдоистов!). Этот вид японских единоборств был основан талантливым преподавателем, тренером, теоретиком и, как сказали бы сегодня, пиар-

щиком Кано Дзигоро в начале 1880-х годов. Шаг за шагом завоевывая популярность, к началу XX века дзюдо превратилось из маленькой частной школы борьбы в общенациональный вид спорта, занятия которым считались необходимыми не только для развития физической формы, но и «особого» — самурайского японского духа. Собственно, сама школа, с которой все начиналось, тоже сохранилась, постепенно приняв на себя функции руководящего органа дзюдо. Называлась эта школа Кодокан. В годы обучения Василия Ощепкова ее новый, недавно отстроенный зал находился в нескольких километрах от Суругадай в квартале Симотомидзака района Коисикава. Она функционировала как мозговой и учебно-методический центр всеяпонского дзюдо, но в ней проводились и обычные тренировки. Методики физической подготовки, закалки и самозащиты, разрабатываемые в Кодокане — фактически институте или даже академии дзюдо, применялись по всей стране, сначала в добровольном, а затем и обязательном порядке, так как с 1908 года дзюдо было включено в программу преподавания японских школ[88].

В программе Токийской православной семинарии, как и в японских школах, были предусмотрены и уроки физкультуры, а теперь должно было появиться — и, по свидетельству архива Кодокана, появилось — дзюдо[89].

Вот интересная запись из дневника святителя, сделанная годом позже — в субботу 11 апреля 1909 года: «В 1 час пополудни семинаристы пригласили посмотреть их успехи в "дзюудоо" (или дзюудзюцу) — борьбе, которая преподается им приглашенным для того учителем, в гигиенических видах, как и гимнастика. Боролись сначала русские ученики, потом японские. Для зрителей мало занимательного, но для них очень полезно; действительно, такое упражнение для всех членов тела, что лучше быть не может. И есть приемы замечательные; например, один был задушен на несколько минут противником через стискивание живота ногами, точно клещами; но это не опасно; задушенного слегка поколотят по спине, и он оправляется»[90].

И вот еще одна, сделанная через полтора года после первой: «Путешествующий Генерал-майор Генерального штаба Данилов был, с военным агентом Генерал-майором Самойловым. Хотели посмотреть школы наши; показал Женскую школу и Семинарию, в которой ученики показали ему борьбу "дзюдзюцу"; время было после классов: больше видеть было нечего»[91].

Думается, высокопоставленному «путешественнику», несмотря на неурочное время посещения, было весьма интересно взглянуть на умение семинаристов бороться, а информацию о их успехах в деле изучения японского языка он сполна получил у своего военного агента. Дело в том, что приезжий из Петербурга имел самое непосредственное отношение к обучению русских учеников: Юрий Никифорович Данилов, по прозвищу «Данилов Черный» (одновременно с ним в Российской императорской армии служили еще «Данилов Рыжий» и «Данилов Белый»), был не просто генералом, а генерал-квартирмейстером Главного управления Генерального штаба, проще говоря, шефом русской военной разведки. Нет сомнений, что внимание офицеров отечественных спецслужб, посещавших время от времени семинарию под различными благовидными предлогами, было сконцентрировано не на всех, а лишь на некоторых подростках (план Свирчевского также предусматривал специальный отбор), и то, как в дальнейшем сложились их судьбы, подтверждает это предположение. Дзюдо в Русской армии не преподавали, но, судя по одной сохранившейся и хорошо известной фотографии, по крайней мере в факультативном виде японские единоборства в войсках присутствовали: на ней запечатлены военнослужащие Заамурского округа пограничной стражи во время занятий дзюдзюцу. Дзюдзюцу (джиу-джицу — в привычном европейском чтении) — общее название для множества школ японской борьбы, одной из которых, по сути, и является дзюдо. Интереснейший вопрос — кто им это дзюдзюцу преподавал — пока не имеет ответа, а вот кто тренировал в дзюдо семинаристов, мы знаем.

С самого начала и на протяжении нескольких лет уроки дзюдо в семинарии вел один из инструкторов Кодокан, обладатель 2-го дана* по фамилии Окамото, полицейский участка Канда, к которому относилась территориально миссия на Суругадайском холме[92]. По всей вероятности, это был Окамото Сюн, а не Окамото Ёсиро, как указывалось во многих работах[93]. Занимались семинаристы все, по крайней мере ни о каких освобождениях от дзюдо в семинарии неизвестно, но занимались по-разному. Вероятно, Василий Ощепков показал определенную склонность к

---

* Д а н ы — ма́стерские степени. В то время в дзюдо было принято присваивать пять степеней по возрастанию от первого дана к пятому, хотя официально количество данов не было ограничено.

борьбе, приглянулся чем-то сэнсэю Окамото, раз 29 октября 1911 года он вместе со своим товарищем — тем самым потомком терских казаков Трофимом Попилевым, с которым они вместе покоряли Фудзи-сан, был приглашен для обучения непосредственно в Кодокан.

Существует популярная легенда о том, как Ощепков сдавал своеобразный экзамен доктору Кано. Если верить ей, то в тот торжественный и волнительный для молодых борцов день они были приглашены в огромное додзё, где чинно расселись на соломенных матах-татами в традиционной для японцев позе — на пятках. Японцам сидеть так привычно с детства. Европейцы же, за редким исключением тех, кто обладает повышенной гибкостью суставов, всегда воспринимали и воспринимают эту позу — «сэйдза» — как настоящую пытку. Попробуйте сами посидеть так без движения хотя бы пять минут, и вы поймете, какие муки испытывает при этом человек. Двигаться же, даже слегка поворачивать головой, а тем более зевать, чихать или шевелить руками в той ситуации было совершенно несообразно, ведь перед абитуриентами Кодокана выступал его основатель, создатель борьбы дзюдо и пэр Японии доктор Кано Дзигоро. Его старшие ученики — преподаватели Кодокана внимательно следили за неофитами, фиксируя степени их выдержки, дисциплины, внимательности, способности концентрироваться в сложной обстановке. Кано обратился к сидящим в зале с выспренней, длиннейшей и, по воспоминаниям Ощепкова, наискучнейшей речью — в выступлениях с речами он был не менее великим мастером, чем в преподавании искусства борьбы. Ноги, спина, все мышцы и суставы невыносимо болели, затекали, ныли, и только это спасало от того, чтобы в довершение всего не уснуть во время лекции. Помогало еще и то, что Окамото-сэнсэй предупредил своего протеже о такой изощренной форме испытания, благодаря чему Василий из последних сил следил за собой и терпел эту пытку подобно особо почитаемому в Японии индийскому монаху Бодхидхарме, согласно легенде девять лет просидевшему в такой позе и основавшему буддийскую секту дзэн. «А когда к нему подошли и сказали, что он принят в Кодокан, Ощепков попытался встать на совершенно онемевшие ноги, но так и не смог это сделать, а только повалился на бок»[94].

Скорее всего, эту историю Василий Сергеевич рассказал спустя много лет своей жене Анне Ивановне. Она же, несколько десятилетий спустя, поведала ее спортивному

журналисту Михаилу Лукашеву. И только в этой версии она похожа на правду. Несмотря на то что семинаристы к тому времени уже четыре года каждый день сидели, как японцы, на коленях или скрестив ноги, вряд ли кто-то смог привыкнуть к этому настолько, чтобы считать такое положение комфортным. Довольно крупный, высокий (около 180 сантиметров, по воспоминаниям его учеников) и тяжелый, семнадцатилетний Василий точно не мог испытывать удовольствие от сидения на коленях и способен был стоически перетерпеть его, только если был предупрежден. Лукашев прямо пишет о «преподавателе японской борьбы», оказавшем Ощепкову «немаловажную услугу», но интересно, что в этой истории ничего не говорится о Трофиме Попилеве (хотя «новобранцы» везде упоминаются во множественном числе, но речь, конечно, идет прежде всего о японцах). Как Попилев перенес испытания? Его тоже предупредил Окамото-сэнсэй? На умолчание о втором участнике экзамена могли быть самые разные причины — от советского умения не вспоминать о друзьях за границей «на всякий случай», до — кто знает? — возможно, неприязненных отношений, которые могли сложиться между Василием и Трофимом позднее. Какая версия верна? Неизвестно, и гадать тут бессмысленно. Так или иначе, но с ноября 1911 года они оба — Ощепков и Попилев получили право тренироваться непосредственно в Кодокане.

С учетом того, что учеба и жизнь в Токийской православной духовной семинарии были строго регламентированы, это оказалось не самой простой задачей. Как мы понимаем, ректор Сэнума и глава миссии архиепископ Николай всеми силами поддерживали среди учеников строжайшую дисциплину. Во всяком случае, судя по дневникам владыки и сохранившимся мемуарам бывших семинаристов, режим там был строгий и даже суровый, несмотря на случавшиеся инциденты вроде конфликта 1908 года. Не менее серьезно относились к порядку и в Кодокане, хотя сами по себе тренировки шли в нем практически целый день без какого-либо строгого расписания. Это значит, что Ощепков и Попилев могли посещать занятия в главной школе дзюдо, если на то существовали соответствующие разрешения руководителей обеих организаций: ректора семинарии (или другого человека, кто мог дать такое разрешение) и главы Кодокана. Например, они могли использовать для этого часы, отведенные для занятий дзюдо в самой семинарии, и уходить в город как «совершенствующие». Так или иначе,

хотя и с натяжкой, но можно говорить о том, что на занятия дзюдо (уж, конечно, не о самбо идет речь, как пишут некоторые авторы) первых русских семинаристов благословил Николай Японский, в том смысле, что разрешил заниматься в городе. Но ни в коем случае нельзя утверждать, что он формально дал Васе Ощепкову «путевку в жизнь», «попросив» заняться дзюдо и строя на него какие-то особые планы, — нет, ничего подобного не было. Возможно даже, что благословил не лично он, а, как уже говорилось, ответственное лицо семинарии, имевшее на то право. По рассказам архимандрита Герасима, выпускника современной Токийской семинарии, служащего ныне в «Никорай-до», семинаристы «...на длительные отлучки писали инспектору прошение с формулировкой "благословите то-то и то-то", инспектор ставил визу в форме "благословляется"... в некоторых случаях обращение напрямую к ректору не является нарушением субординации (т. е. через голову инспектора), например, если студент испрашивает благословение (разрешение) на брак и т. д.»[95]. Учитывая уровень авторитаризма в руководстве семинарии тогдашней, Николаю Японскому, вероятно, было доложено о том, что Василий и Трофим показали себя перспективными борцами, владыка не стал чинить им препятствий — благословил, лишь косвенно определив таким образом дальнейшую судьбу Ощепкова и всей мировой борьбы в целом.

Что ждало Василия в Кодокане? Как выглядели тренировки в те времена и какие отношения, какой, если угодно, психологический климат царил в старом Кодокане? Вопросы не самые простые, и по причинам политкорректности редко задаваемые. Для начала обратимся к свидетельствам очевидцев. Выпускник Кодокана Маруяма Сандзо, тренировавшийся с великим Сайго Сиро, ставшим прототипом книги и фильма Куросавы «Гений дзюдо», записал рассказ самого сэнсэя Кано, о временах несколько более давних, относящихся к периоду основания школы, но тем не менее дающий возможность представить картину тренировок с поправкой на то, что в 1911 году сам по себе зал для занятий был много больше по площади того, что описан здесь:

«...Энергия учеников просто переполняла, и они вкладывали в борьбу всю свою силу, которой были наделены в избытке. Было чрезвычайно трудно обращаться с ними на тренировках так, чтобы не причинять травм. Условия тогда были такие, что, если бы мы ограничили время тренировок, то по разным обстоятельствам большинство учеников

просто не смогли бы их посещать. Поэтому мы решили находиться в зале как можно дольше: по воскресеньям — с 7 утра до 12 часов дня, а по будням — с 15 до 19 часов, и ученики могли приходить в любое время, как появится возможность... Поэтому мы должны были подолгу сидеть в зале и ждать, когда появится возможность позаниматься с партнером. Во второй половине дня это ожидание не было особенной проблемой, но ждать учеников по воскресеньям, с 7 часов утра, когда еще царил жуткий холод, несмотря на все желание, было настоящей мукой. Когда у меня были какие-то другие важные дела, или я по какой-то причине не мог прийти в зал утром, я посылал вперед себя Сайго Сиро, а сам приходил позднее. В таких случаях Сайго был вынужден в одиночестве ждать посетителей в покрывающемся льдом додзё, сражаясь с одолевавшим его тело холодом. Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами.

Когда я сам приходил в зал, мы сначала тренировались с Сайго вдвоем. При этом ноги иногда замерзали настолько, что превращались в бесчувственные деревянные палки. В это время Сайго еще не был мастером дзюдо и уставал, прежде чем я успевал разогреться. Поэтому мы были вынуждены тренироваться с постоянными перерывами, и не раз получалось так, что наши ноги под конец тренировки утрачивали всякую чувствительность от холода»[96].

Японские дома в массе своей не отапливаются и сегодня, а большие додзё — залы для занятий боевыми искусствами — и поныне частенько не располагают никакими средствами для обогрева помещений. Токийский холод не похож на русский мороз: температура крайне редко опускается ниже нуля градусов, но климат здесь влажный, и в помещении, не знающем печей, озноб быстро проникает под кожу и продирает до костей. Впрочем, токийская жара, когда при такой же абсолютной влажности температура переваливает за 40, еще хуже. Но к холоду сахалинцу Ощепкову было не привыкать (как кавказцу Попилеву — к жаре), а в новом Кодокане учеников было много больше и, следовательно, Василий и Трофим могли посещать его в «скользящем графике» — тогда, когда у них появлялась возможность покинуть для этого семинарию. Соответственно их наставниками — сэнсэями становились те из старших учеников, кто в это время находился в додзё. То же самое касалось спарринг-партнеров, и это самый лучший вариант для физических и психологических тренировок: когда нет выбора, учишься бороться с любым соперником, невзирая

на его возраст, вес, уровень технического мастерства, спортивной, и не только, злости.

«Василий в полном объеме познал всю суровую школу дзюдо тех лет, — писал об этом М. Н. Лукашев. — Даже в наши дни японские специалисты считают, что практикуемая в Японии тренировка дзюдоистов непосильна для европейцев. Тогда же система обучения была особенно жесткой и совершенно безжалостной. К тому же это было время, когда еще чувствовались отзвуки недавней русско-японской войны, и русского парня особенно охотно выбирали в качестве партнера. В нем видели не условно-спортивного, а реального противника. Еще недостаточно умелого Ощепкова более опытные борцы беспощадно швыряли на жесткий татами, душили и выламывали руки, а он, по дзюдоистскому обычаю, благодарил их за науку смиренным поклоном даже тогда, когда у него оказалось сломанным ребро. Вскоре, однако, с ним уже стало не так-то просто бороться даже искушенным дзюдоистам. Никто из поступавших вместе с Василием товарищей не выдержал суровых дзюдоистских испытаний: все оставили Кодокан. А он не только успешно овладевал борцовской наукой, но и стал претендовать на получение мастерского звания»[97].

Насколько это описание соответствует действительности? Можно предположить, что и это стало известно Михаилу Николаевичу со слов вдовы Ощепкова, Анны Ивановны. В таком случае, конечно, многое могло оказаться не вполне точным, искаженным, переданным с иным эмоциональным окрасом. Но если речь идет о тяготах тренировок в традиционных школах дзюдзюцу, то стоит признать, что написанное Лукашевым если и передает атмосферу обучения в Кодокане с искажениями, то разве что в сторону ее смягчения, нивелирования реального уровня жесткости и даже жестокости процесса овладения традиционным дзюдо. И дело здесь не в травмоопасности самой борьбы, а именно в психологическом микроклимате старых японских додзё, тщательно сохраняемом и сегодня. Например, уже в наши дни, в начале 2013 года, глава Всеяпонской федерации дзюдо Уэмура Харуки покинул свой пост после череды скандальных разоблачений, которыми поделились с журналистами маститые спортсмены — уникальный для японцев поступок. Стало известно, что в элитных клубах японского дзюдо применялись методы тренировки, достойные самурайского средневековья или не слишком отличавшегося от него начала XX века, то есть времен Василия Ощепкова.

Оказывается, молодых борцов в школах дзюдо нещадно били, над ними всячески издевались, и даже кандидаты на получение начального уровня мастерской степени — 1-го дана и, соответственно, черного пояса — символа мастерской степени в восточных единоборствах, сначала должны были пройти через испытание... смертью. Претендентов самым натуральным образом душили до потери сознания тем самым черным поясом, а потом с помощью традиционных методов реанимации возвращали к жизни, то есть исполняли примерно те самые приемы, которые демонстрировали юные семинаристы гостям Русской православной духовной миссии, но только век назад это никого не шокировало.

Теперь попробуйте представить, как выглядели тренировки в дзюдо сто лет назад, да еще когда один из партнеров являлся представителем страны вероятного противника. Ведь нельзя забывать о том, что в Кодокане учились многие японские военные, разведчики, диверсанты, сражавшиеся против нас в Русско-японскую войну, братья и сыновья погибших на русском фронте японских солдат и офицеров. И тут — русский на татами. Подарок судьбы, словно специально предназначенный для мести. Вспомним слова Д. М. Позднеева о том, что японцы подозревали архиепископа Николая в шпионаже. Это были не пустые угрозы, и не только глава Русской миссии рисковал головой: приехавшего вскоре после войны на родину преподавателя японского языка в Восточном институте Владивостока Маэда Сэйдзи посреди Токио, чуть ли не на виду у всех, зарезал ультраправый фанатик. В десяти минутах ходьбы от семинарии, перед станцией Мансэйбаси, после Русско-японской войны был открыт грандиозный памятник обожествленному разведчику и выпускнику Кодокана, капитану Хиросэ Такэо, которого разорвало русским снарядом во время попытки совершения диверсии под Порт-Артуром. Доктор Кано посмертно пожаловал своему ученику-разведчику 6-й дан дзюдо. Василий должен был не раз проходить мимо этого памятника и наверняка задумывался о том, где он — русский парень с Сахалина — находится, зачем он здесь и какова будет его дальнейшая судьба, кто друзья, а кто — враги... Но он с фантастическим упорством снова и снова шел в Кодокан, чтобы снова бороться и снова побеждать.

15 июня 1913 года, за неделю до выпуска из семинарии, Василий Сергеевич Ощепков стал первым известным нам

русским и четвертым европейцем в истории, получившим начальную мастерскую степень — 1-й дан (сёдан) по системе Кодокан-дзюдо (на то время вершиной считался 5-й дан, и лишь несколько человек обладали 6-м, да еще посмертно награжденный им подполковник Хиросэ)*. М. Н. Лукашев рассказывает, что Ощепков долгие годы хранил вырезку из японского журнала со статьей, где было сказано: «Русский медведь добился своей цели». И даже на родине героя, в России, одна приморская газета посвятила этому подвигу несколько строк: «...Благодаря своим выдающимся способностям, отмеченным самим основателем школы Кано Дзигоро, чрезвычайно быстро, в шесть месяцев, достиг звания "сёдана", то есть учителя первой степени, и получил отличительный знак "черный пояс"»[98].

Много лет спустя другой «белый» ученик школы Кодокан Эрнст Джон Харрисон вспоминал:

«Еще одним крепышом, связанным с кодокановской страницей моей жизни, был юный русский из Владивостока по фамилии Ощепков.

Ощепков, который завоевал свой черный пояс приблизительно в то же время, что и я сам, приехал в Японию в возрасте десяти с чем-то лет в качестве студента знаменитой православной семинарии при русском кафедральном соборе на Суругадай в Токио... Хотя и церковь, и семинария изначально предназначались главным образом для ведения проповеднической деятельности среди японцев, в семинарии всегда имелось несколько свободных вакансий для юных русских, желавших изучать японский язык... От всех подобных кандидатов требовали носить японскую одежду и жить по-японски.

Ощепков показал себя весьма способным студентом и уже вскоре мог говорить и читать на японском языке, почти как на родном. Эти достижения в сочетании с блестящими физическими данными сослужили ему хорошую службу,

---

* Первым иностранцем-обладателем черного пояса Кодокана стал американец (его мать была японкой) Дэвид Т. Уид (David T. Weed), профессор университета Кэйо, который получил 1-й дан в 1910 году. Вторым — английский журналист, автор знаменитой и интереснейшей книги «Fighting Spirit of Japan» («Боевой дух Японии»), вышедшей первым изданием в Йокогаме в 1913 году, Эрнст Джон Харрисон (E. J. Harrison), удостоенный 1-го дана в 1911 году. Третьим — англичанин, будущий секретарь знаменитого лондонского общества дзюдо «Будоквай» («Budokwai») В. Э. Стирс (W. E. Steers), получивший 1-й дан в 1912 году.

когда он поступил в школу Кодокан, и он бросился в дзюдо, как утка в воду, быстро получив ранг сёдан. Он был грозным противником на всех аттестационных соревнованиях и обычно набирал три-четыре победы, прежде чем уступал место на мате следующему борцу. В конце концов он вернулся во Владивосток, где открыл свое собственное додзё и где я снова встретился с ним, когда в свою очередь переехал из Дай Ниппон в эти северные дебри...

Я не могу сказать, как повлияла на судьбу Ощепкова революция, но он всегда сторонился политики, и остается только надеяться, что его энергичная и многообещающая карьера не была оборвана на полдороге каким-нибудь расстрельным взводом ранним утром какого-то зябкого восточносибирского утра»[99]...

Неделю спустя Ощепков сдавал другие выпускные экзамены. В программе значилось уже восемь предметов из области японской словесности: «Японская грамматика», «Японская хрестоматия», «Японское чистописание», «Японское сочинение», «Теория японской словесности», «Чтение японских писем», «Перевод японских газет» и «Китайская письменность». По трем из этих предметов Ощепков получил оценки «Отлично хорошо (5)», а по остальным «Очень хорошо»[100]. Василий окончил Кодокан и семинарию одновременно и одинаково триумфально. Закончилось невероятно тяжелое отрочество, сменившее драматическое детство, и казалось, что впереди Васю Ощепкова ждут только юность, любовь, новые победы и светлое будущее. На самом же деле всего лишь закончилась эпоха восхождений на японские вершины. Наступало время настоящих испытаний.

Глава шестая

ВАСИЛИЙ ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ

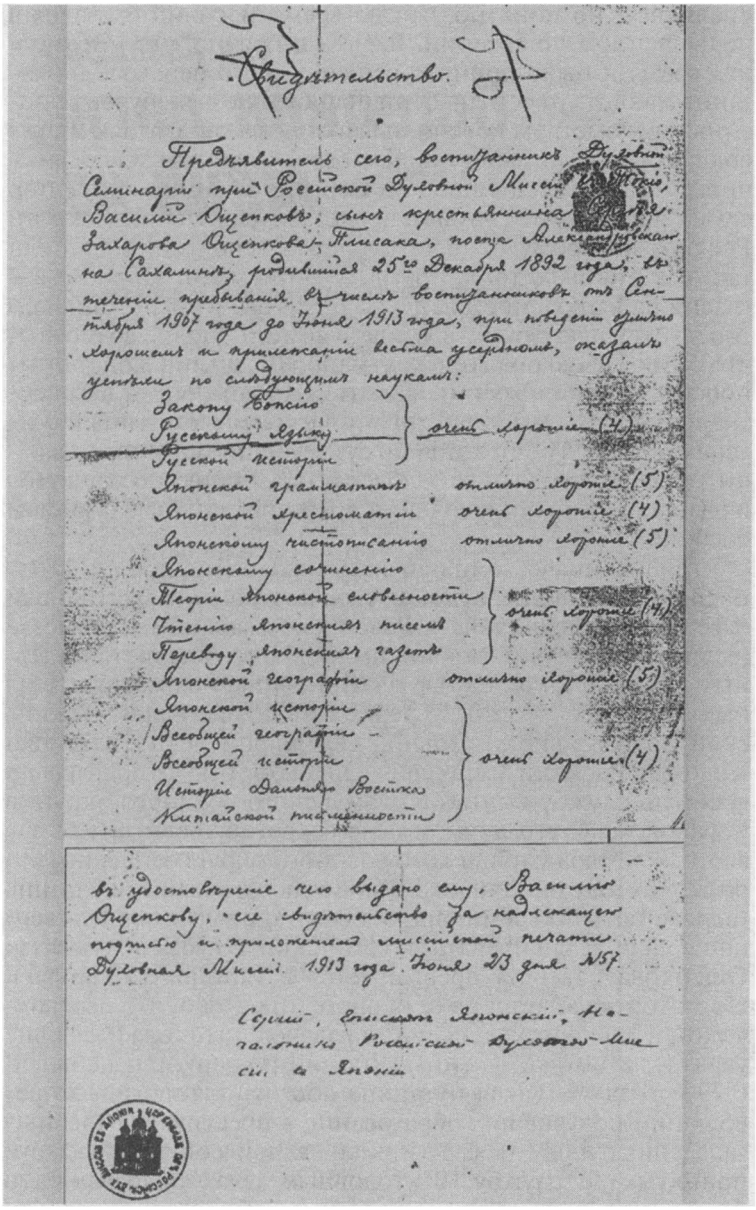
Почему-то для многих писавших и, наверно, тех, кто еще будет писать об Ощепкове, очень важным является снова и снова указать, что судьба сироты-семинариста обязательно была связана с кем-нибудь из сильных мира сего. Один журналист прямо так и написал: «Дальнейшая судьба Василия была решена императором Николаем II. Да-да, именно так». Нет, конечно, это не так. То, что самодержец в 1903 году подписал указ о создании в России контрразведки, вовсе не значит, что таким образом он лично ре-

шил судьбу сахалинского сироты, о котором православный монарх слыхом не слыхивал и который в то время, скорее всего, учился в училище на забытом богом краю империи. Судьба каждого человека, да еще отдаленного от сфер принятия решений, не настолько прямо зависит от них, и рука императора для обычных людей далеко не всегда «десница судьбы», все не так линейно, как бы этого ни хотелось тем, кто млеет от одного упоминания царей, генсеков, президентов, генералов.

Василий Ощепков прожил довольно сложную, хотя и очень короткую жизнь, в которой ему помогали многие, а в юности — особенно много, и часто его судьба зависела от решений других людей, но и тогда это были совсем иные персонажи, без эполетов и корон, те, кто непосредственно окружал Василия, а не умозрительные обитатели дворцов из Санкт-Петербурга. Если кто из вершителей судеб и сыграл роковую роль в его жизни, то это был совершенно другой человек, и произошло это много позже — в самом конце этой странной, немного путаной и трагической биографии. Пока же будущим Василия занимались те, кто был ближе к нему: опекуны и архиепископ Николай Японский.

Не сохранилось никаких сведений, ни единого документа о том, какую конкретную роль в жизни Василия сыграли его крестные отец и мать, упомянутые в записи о его крещении. Нет никаких свидетельств о том, кем стал для Ощепкова загадочный учитель В. Костров. Емельян Владыко, как мы помним, сложил полномочия опекуна с февраля 1912 года. В чем эти полномочия заключались, толком неясно. Утверждение о том, что он и после этого пересылал какие-то деньги Василию в Токио, пока ничем не подтверждено. Тем более непонятно, откуда взялись версии некоторых авторов о том, что именно этими деньгами Ощепков оплачивал свое обучение в Кодокане, — никто и никогда не ссылался на документы, подтверждающие это, но это довольно распространенное предположение.

Очевидно, что в 1912 году, в феврале (или раньше), одновременно со смертью Николая Японского, скончавшегося 16-го числа, в семинарии вынуждены были принять решение относительно будущего Василия Ощепкова. Емельян Владыко уезжал на материк и сдал полномочия опекуна. Неясно, на кого теперь была возложена миссия по получению денежных средств за аренду домов в Александровске, неизвестно, как, когда и куда эти средства пере-



Свидетельство.

Предъявитель сего, воспитанник Духовной Семинарии при Российской Духовной Миссии в Токио, Василий Ощепков, сын крестьянина Александра Захарова Ощепкова, Тимского, поста Александровского на Сахалине, родившийся 25-го Декабря 1892 года, в течение пребывания в числе воспитанников от Сентября 1907 года до Июня 1913 года, при поведении хорошем и прилежании весьма усердном, оказал успехи по следующим наукам:

Закону Божию	очень хорошие (4)
Русскому языку	
Русской истории	
Японской грамматике	отлично хорошие (5)
Японской хрестоматии	очень хорошие (4)
Японскому чистописанию	отлично хорошие (5)
Японскому сочинению	очень хорошие (4)
Теории японской словесности	
Чтению японских писем	
Переводу японских газет	
Японской географии	отлично хорошие (5)
Японской истории	очень хорошие (4)
Всеобщей географии	
Всеобщей истории	
Истории Дальнего Востока	
Китайской письменности	

В удостоверение чего выдано сие, Василию Ощепкову, сие свидетельство за надлежащею подписью и приложением казенной печати. Духовная Миссия. 1913 года Июня 23 дня №57.

Сергий, Епископ Японский, Начальник Российской Духовной Миссии в Японии

Свидетельство об окончании Ощепковым Токийской православной духовной семинарии

числялись, но понятно, что на время Василий оказался в подвешенном положении. Весьма вероятно, что именно в это время и было принято решение о его переводе на казенный кошт, то есть на финансирование его обучения военным ведомством России, платившим за подготовку переводчиков из семинаристов. Кто сделал этот шаг? Очевидно, новый глава миссии епископ Сергий (Тихомиров), ректор семинарии Иоанн Сэнума и представитель военных властей России, которому о происходящем, вероятно, сообщили так, как это было тогда принято — письмом, запросив согласия на включение Василия Ощепкова в число кандидатов на будущую службу в Русской армии. Вполне возможно, что сыграл свою роль генерал-майор Владимир Константинович Самойлов, военный агент (атташе) России в Токио, знавший всех семинаристов лично и осведомленный о их успехах. Если кто-то когда-то сумеет написать книгу о жизни этого удивительного человека, такая книга по масштабу и разнообразию приключений превзойдет многие и многие боевики[101].

Так или иначе, теми или другими людьми, но в 1912 году Василий перестал платить за свое пребывание в Токио сам и встал на довольствие в Российском военном ведомстве (если обучение в Кодокане было для семинаристов платным, то кто в таком случае платил за них, не имевших личных денег, неизвестно). В результате по окончании Токийской православной духовной семинарии и школы дзюдо Кодокан Василий Сергеевич Ощепков был отправлен на военную службу в штаб Приамурского военного округа в Хабаровске. В его личном деле секретного агента уже советского штаба Сибирского военного округа записано, что он в 1913 году окончил в Токио «курс японской гимназии» (вспоминать про семинарию в советские времена гонений на церковь было чревато, и семинария во всех документах Ощепкова навсегда превращается в «японскую школу»). Но в этой же анкете, на ее обороте, отмечено, что переводчиком в Хабаровске он служил только с 1914 года (месяц не указан), и там же — что «в Японии [Ощепков находился] с 1908 года»[102]. Такая путаница обычна для людей, до революции получавших образование в престижных учебных заведениях или (и) за границей, а при советской власти принятых на службу. В уголовных делах подавляющего большинства японоведов, а почти все они стали жертвами репрессий в конце 1930-х годов, перемешаны даты служебных перемещений, места работы, запутаны, и без того не-

простые, линии жизни. Специально или нет это делалось, сегодня разобраться сложно, но факт остается фактом, и документальные свидетельства жизни Василия Ощепкова нередко противоречат друг другу.

Мы помним, что, по свидетельству Николая Японского, Василий прибыл в Токио и начал учебу 1 сентября 1907 года. Учебный год в Японии начинается 1 апреля, и получается, что, прибыв к 1 сентября, Ощепков приехал ровно в середине учебного процесса. Курс обучения в семинарии составлял шесть лет. Василий окончил ее в июне — непонятно почему, так как в японских школах год заканчивается 31 марта, получил свидетельство об окончании и... Куда все-таки он делся? Уехал в отпуск? На Сахалин — улаживать дела с недвижимостью, доставшейся в наследство? Вполне возможно и такое. Известно только, что, вернувшись на родину, Ощепков дважды попадал в поле зрения полиции: в 1914 и 1916 годах. В первом случае, скорее всего, это было связано с выдачей ему российского паспорта после долгого пребывания за границей. Что касается 1916 года, тот тут и вовсе непонятно, что могло произойти. Так или иначе, но на нашего героя дважды заводились учетные карточки в Департаменте полиции российского МВД, в том его разделе, где в том числе хранились материалы на секретных агентов, а значит, были два его дела. Увы, оба они утрачены. В ответе Государственного архива РФ, где должны храниться эти документы, мы читаем следующее: «В дни Февральской революции 1917 года материалы 8-го делопроизводства были практически уничтожены уголовными элементами при разгроме помещений Департамента полиции». Так что пока приходится признать, что в официальной биографии Ощепкова существует еще одно — поствыпускное «белое пятно» шириной не менее полугода.

Что касается его прибытия в Хабаровск и службы там, то, судя по всему, Василий приехал, как полагается военнослужащему, за распределением в конкретную воинскую часть, но, естественно, как переводчик, был оставлен при штабе. При каком именно? М. Алексеев «отправил» Ощепкова в «разведывательное отделение штаба Приамурского военного округа во Владивосток»[103], хотя сам штаб находился в Хабаровске. М. Н. Лукашев приводит в своей книге характеристику на В. С. Ощепкова, данную ему в разведке в 1924 году. В бумаге значится:

«В 1908 году был отправлен в Японию для изучения японского языка вначале на средства опекуна, а впослед-

ствии был взят на иждивение штаба Заамурского округа. Учился Ощепков в духовной семинарии до 1914 года и по окончании школы был отправлен в Харбин, где работал в штабе Заамурского округа до первой половины 1916 года, после чего был переведен на работу в разведывательный отдел штаба Приамурского военного округа, где, пробыв около полугода, периодически был посылаем в Японию. Служил Ощепков в РО штаба Приамурского округа до 1917 года, т. е. до расформирования»[104].

При этом сам Ощепков в анкетах этот же отрезок своей жизни описывал следующим образом: «...переводчик японского языка при контрразведке штаба Приамурского округа до 1917 г.» — в 1923 году, в упомянутом деле секретного агента, и в 1937-м, при аресте: «...служил переводчиком японского языка в 1914 г. в Хабаровске при штабе Приамурского военного округа в отделе контрразведки, и с 1914 по 1917 г. в г. Владивостоке — штабе крепости, отдел контрразведки»[105].

Если же сверяться со своеобразным «спортивным календарем» Василия Сергеевича (а судьба его отличалась от судеб других семинаристов тем, что дзюдо, вошедшее в его жизнь тогда, никогда уже его не отпускало), то можно предположить, что во Владивостоке он находился с 1914 года. Широко известен фотоснимок этого года, запечатлевший городской кружок дзюдо, во главе с тренером — Василием Ощепковым*. Кружок располагался в отдельном здании на Корабельной набережной, 21, ныне в нем размещается спортивный клуб Тихоокеанского флота, теперь его трудно увидеть из-за опор одного из знаменитых владивостокских мостов — Золотого. В то время на Корабельной, 21, квартировало местное городское общество «Спорт», которое и приютило энергичного выпускника Кодокана.

Стоит заметить, что это не была вообще первая школа дзюдо (дзюдзюцу, джиу-джицу) в России. Самую первую из известных нам открыл в 1896 году, здесь же, во Владивостоке, японский разведчик Утида Рёхэй, основатель и глава националистического «Общества реки Черного дракона» (Кокурюкай), а заодно и хранитель клановой школы дзюдзюцу Утида-рю[106]. Но тесно связанный с японской разведкой Утида не обучал в своей школе русских, она предна-

* Источник фото неизвестен. В пояснениях к иллюстрациям данной книги источник фото указывается, если о нем есть хотя бы примерные данные.

значалась исключительно для тренинга японцев, которых Утида готовил к предстоящей войне с Россией. Так что Василия Ощепкова смело и с полным правом можно считать основоположником дзюдо и дзюдзюцу в нашей стране — он снова оказался первым. Во всяком случае, до тех пор, пока не будут найдены убедительные свидетельства о каких-либо его предшественниках.

Сам Василий Сергеевич вспоминал потом свой первый тренерский и организаторский опыт так: «В кружке занималось около 50 человек, преимущественно учащаяся молодежь. Сюда приходили тренироваться и японцы, проживавшие во Владивостоке. Кружок существовал до 20-го года»[107]. Первое обнаруженное упоминание о клубе Ощепкова в печати относится к 1915 году. Спортивный журнал «Геркулес», выходивший в Петрограде, сообщал тогда о новостях из Владивостока: «Правление местного спортивного общества, воспользовавшись пребыванием в городе специалиста японской борьбы "джиу-джитсу" г. Ощепкова, пригласило его в качестве преподавателя. Интерес к этой борьбе возрастает среди спортсменов, и они с увлечением принимаются за изучение одного из самых распространенных видов спорта в Японии»[108]. Позже, уже 4 июля 1917 года, приморская газета «Далекая окраина» рассказала о событии, казавшемся в тот революционный год, на фоне его грандиозных политических трагедий, коллизий, бурь, перевернувших полмира вверх дном, всего лишь местечковой, малозначимой новостью. «...В помещении Владивостокского общества "Спорт" состоялось весьма интересное состязание по "Дзю-Дзюцу" прибывших из Японии во главе со своим преподавателем господином Хидетоси Томабеци, экскурсантов-воспитанников японского высшего коммерческого училища города Отару и местного спортивного кружка "Спорт", организованное руководителем этого кружка В. С. Ощепковым, при личном участии самого господина Ощепкова, привлекшего массу публики... Некоторые приемы самозащиты были продемонстрированы господином Ощепковым, причем нападения на него делались не только при встрече лицом к лицу, но и сзади»[109]. По одной из версий, тоже пока не подкрепленной документально, Ощепков и Томабэти (так пишется эта японская фамилия по современным правилам) были знакомы раньше, в Японии, и впервые встретились они в Кодокане, где вместе учились. Вполне возможно — у Василия Сергеевича должно было остаться много интересных знакомых в Японии.

Конечно, этот вопрос достоин более серьезного изучения со стороны спортивных журналистов, историков борьбы, но на сегодняшний день одна из этих встреч между дзюдоистами спортивного клуба из Владивостока и японскими борцами из коммерческого училища города Отару с острова Хоккайдо, где преподавали Томабэти и, кстати, легенда дзюдо, будущий обладатель 10-го дана Мифунэ Кюдзо, остается первым документально зафиксированным командным соревнованием в истории мирового дзюдо. Их организатор — Василий Ощепков, принимавший японскую делегацию на Корабельной набережной. По этой причине он в очередной раз достоин того, чтобы навсегда остаться в истории этого вида борьбы, ведь он опять — первый. Не исключено даже, что самый-самый первый в мире командный неофициальный матч по дзюдо состоялся еще раньше — в 1915 году[110], но все равно получается пока, что наш Ощепков — первый.

4 октября того же 1917 года, за три недели до октябрьских событий в России, будучи в командировке в Японии, Ощепков в Кодокане сдал экзамен на более высокий — 2-й дан. Цели и задачи той командировки нам неизвестны, но уж точно, что не на встречу с доктором Кано Дзигоро унтеру из русской контрразведки штабом округа были выделены проездные и суточные деньги. Ощепков был разведчиком — и либо сам выполнял какое-то задание в Токио, либо сопровождал кого-то, это задание выполнявшего. В архивах штабов Приамурского и Заамурского округов, Владивостокской крепости должно храниться еще немало документов, способных пролить свет на его деятельность как «унтер-офицера контр-разведочного отделения». В любом случае, Василий должен был находиться в Восточной столице достаточно долго, чтобы успеть подать заявку на сдачу экзамена в Кодокан.

Кому он этот экзамен сдавал, более или менее понятно. При существовавших тогда пяти данах в дзюдо сдача на второй — серьезное испытание, и можно с уверенностью говорить о том, что очередное свидетельство об успехах Василий Сергеевич получал из рук патриарха японской борьбы. В архивах Кодокана сохранились фото с подобными, а может быть, даже именно с той самой, церемониями «повышения данов», глядя на которую сегодня, мы можем представить себе обстановку, в которой все это происходило. В следующий раз такая церемония в отношении гражданина России пройдет лишь много десятилетий спустя. Дальнейшее развитие Кодокан-дзюдо в России остановила революция.

Владивосток, находящийся почти в десяти тысячах километров от революционного Петрограда, не сразу оценил масштабность перемен, случившихся в стране. Важность произошедших в столице России событий быстрее осознали ее соседи за рубежом, и пока революционные перемены катились от Петрограда к Москве и дальше, заполняя все уголки и закоулки старой России, Владивосток оказался оторванным от родины городом.

12 января 1918 года в центре города появились нежданные заморские гости: без всякого приглашения в бухту Золотой Рог вошел и бросил якоря японский броненосец «Ивами», бывший до Цусимской трагедии русским эскадренным броненосцем «Орел». Не дойдя в 1905 году до Владивостока, он появился здесь 13 лет спустя — уже под чужим флагом, принеся весть об иностранной интервенции. Решение о появлении японских военных на русском Дальнем Востоке было принято 22 декабря 1917 года в Париже, где страны Антанты разработали план «вразумления» бывшего союзника (в Первую мировую войну Россия вместе с ними сражалась против Германии и Австрии). Японцы, воевавшие (пусть и не слишком много) как союзник России, спешили особенно, не желая никого пускать в Приморье. Редактор японской «Народной газеты» Исикава Рокуро точно выразил ощущения своих соотечественников от происходящего: «Мировая война подарила Японии неожиданный подарок — нетронутую сокровищницу — Сибирь. Японцам не нужно иметь территориальные претензии на Циндао, южноазиатские острова — следует осваивать сибирскую сокровищницу. Тогда сама по себе будет решена демографическая проблема, продовольственный вопрос, проблема укрепления государственной силы. Сибирь освобождена от тяги России и уже вышла на арену мировых интересов. Присоединение к Японии — не в смысле вторжения, а в экономическом смысле — зависит от умения японцев»[111]. Для Ощепкова, на собственной шкуре узнавшего истинное отношение тогдашней Японии к России, все это не являлось откровением. Тем более что «присоединение не в смысле вторжения» началось с прихода броненосца «Ивами».

Через два дня после японцев в бухту вошел британский крейсер «Саффолк», а следом к «Ивами» присоединился эскадренный броненосец «Асахи». Командующий японской эскадрой адмирал Като Хирохару, считавшийся в Токио одним из лучших специалистов по России, объявил

гражданам Приморья, что целью японского десанта является защита японских подданных во Владивостоке. Сам же он имел инструкции по оказанию давления на большевиков и недопущению установления их власти на Дальнем Востоке. Начальник разведки японского Генштаба генерал-майор Накадзима Масатакэ прибыл во Владивосток, имея еще более четкие указания из Токио: «Образовать на Дальнем Востоке зависимое от Японии буферное государство во главе с марионеточным правительством, превратить этот регион в "умеренный сектор"»[112]. И все это для бывшего русского контрразведчика и японоведа Василия Ощепкова вряд ли было неожиданным. Бывшего — потому что после октябрьских событий воинские части, полиция и жандармерия, включая разведку и контрразведку, были расформированы. Ощепков оказался на улице без средств к существованию, но с пониманием, что самое сложное — впереди. В силу полученного в Японии опыта и приобретенных в контрразведке знаний, он не мог не видеть истинной сути происходящего и должен был догадываться о возможном развитии событий. Они не заставили себя ждать. 29 марта командиры британского и японского экспедиционных корпусов доложили в свои штабы о готовности помешать большевикам взять власть в городе, и, «по чудесному совпадению», повод для этого появился уже через пять дней.

4 апреля в городе местными грабителями были убиты двое японских торговцев. В японской диаспоре, насчитывавшей тогда более трех тысяч человек, поднялась паника, и генеральный консул этой страны обратился к адмиралу Като с просьбой защитить соотечественников. На следующий день в 6 часов утра в город высадился первый отряд японской морской пехоты численностью 500 человек. Началась иностранная оккупация Приморья, длившаяся около четырех с половиной лет. В художественном фильме братьев Васильевых «Волочаевские дни», снятом в трагическом для Ощепкова 1937 году, эти события воспроизведены вполне достоверно и, с художественной точки зрения, довольно впечатляюще (игра замечательного артиста Льва Свердлина, изобразившего японского полковника, вообще выше всяческих похвал). На четвертой минуте этой замечательной картины между героями — большевистским патрулем и пьяными рабочими происходит следующий диалог:

«— ...В городе надо, чтобы было тихо. Японцы только и ждут, чтобы...

— Японцы?! Плевал я на твоих японцев. Давай мне троих — я могу...

— Э, нет! Троих не возьмешь.

— Почему?

— Они джитсу знают — во!»

В июле того же 1918 года знатоки «джитсу» получили поддержку со стороны добравшихся до города белочехов — бывших пленных царской России. Только-только установившаяся в городе власть красных была свергнута. 2 августа японцами официально было объявлено о начале интервенции, а 12 августа морскую пехоту сменила японская 12-я пехотная дивизия. А чем занимался в это время наш герой?

Судя по его анкетам, до 1919 года, когда власть в городе перешла в руки Колчака и была объявлена мобилизация, Василий Сергеевич оставался «на вольных хлебах»: преподавал японский язык (в городе с японской властью это было актуально), работал в переводческой конторе Хунтера (Хантера?), служил таможенным экспедитором и даже собирался стать бизнесменом. В период почти полного безвластия во Владивостоке, весной 1918 года Ощепков пытался торговать обувью. В архиве сохранилось его прошение в городскую комиссию по разгрузке грузов от 24 мая 1918 года о разрешении ввоза из Японии 60 пудов (две тысячи пар) этого товара[113]. Увы, результаты этого коммерческого предприятия, затеянного предприимчивым сахалинцем, неизвестны, но зато мы точно знаем, что занятий делом всей жизни — дзюдо не могла остановить даже интервенция.

Выходившая во Владивостоке японская газета «Урадзио ниппо» напыщенным слогом сообщила 23 февраля 1918 года (в тот самый день, который позже будет объявлен Днем Красной армии и Военно-морского флота): «Под эгидой Владивостокского общества спорта пройдут соревнования по дзюдо и боксу. Соревнования начнутся сегодня в 3 часа пополудни. Спортсмены — храбрецы с японских и английских военных кораблей»[114]. В этот же день контр-адмирал Като Хирохару, сам в прошлом хороший дзюдоист, записал в своем дневнике: «Смотрел дзюдо в [обществе] “Спорт”. Василий великолепен! Заставил меня продемонстрировать вместе с ним парное ката (то есть канонические упражнения дзюдо. — *А. К.*)»[115].

На следующий день адмирал продолжил: «Приходил Василий, 2-й дан».

Приходил Ощепков к японскому флотоводцу не куда-нибудь, а на флагманский корабль, и контр-адмирал Като

лично показывал русскому разведчику гордость своей эскадры. В следующем, 1919 году Ощепков, возможно по рекомендации кого-то из японских офицеров, устроился на службу в Управление военных сообщений японского экспедиционного корпуса, де-факто, на службу в японскую армию. Поменял убеждения, перейдя из русской контрразведки к японцам, как делали многие из белогвардейцев в те годы? Выбрал ту службу, которая приносила гарантированный доход и позволяла не торговать обувью? Или изначально шел к такому выбору, как он напишет позже в одном из самых ярких своих признаний, «воспитанный в японской школе, хотя и на средства русской армии»? Все не так просто...

Глава седьмая

СМЕНА ВЕХ

Русский человек, с легкостью проникающий в сердце японской эскадры (даже не проникающий, а приглашаемый туда командующим этой эскадрой), водящий дружбу с адмиралами и офицерами оккупационных войск, знающий языки, общительный и образованный, не мог не привлечь внимания красного подполья, большевистской разведки. Когда это произошло и кто именно заприметил Василия Ощепкова, мы опять же можем только догадываться, несмотря на обилие опубликованных версий.

Самый сложный вопрос: когда это произошло? Ранее документами точно подверждалось сотрудничество с большевиками с 1923 года (и на эти материалы в первую очередь опирался в своей книге Михаил Лукашев). И все же... всегда велик был соблазн предположить, что тайные отношения с Ощепковым красные установили много раньше — скорее всего в 1921 году. Более того, один из историков разведки — Владимир Иванович Лота в своей полубеллетристической, полной неточностей, но все же содержащей выдержки из архивных документов книге начинает повествование со встречи вербовщика и Василия Ощепкова 1 сентября 1921 года. При этом упоминается, что к тому времени Ощепков уже второй год (то есть с 1919-го?) служил в японском Управлении военно-полевых сообщений. Причем на эту «важную и опасную работу» Василий Сергеевич был внедрен большевистским подпольем, а помог в этом «...бывший сотрудник разведывательного отдела Заамурского военного округа, ко-

торый после победы большевиков не пошел под знамена Колчака, а остался среди подпольщиков». Это был некий «бывший штабс-капитан царской армии, которого "Аркадий" хорошо знал...»[116]. Кто же все эти люди?

С «Аркадием» все просто: этот персонаж истории отечественных спецслужб давно и хорошо известен исследователям: Леонид Яковлевич Бурлаков назван Лотой «талантливым конспиратором, находчивым, смелым и удачливым разведчиком», сыгравшим в истории военной разведки особую роль[117]. Ему посвящены многие восторженные страницы, по прочтении некоторых книг вообще складывается впечатление, что именно Аркадий-Бурлаков, будучи опытным профессионалом, сумел подобрать себе «помощника» в лице Ощепкова, разработал план работы своего агента на Сахалине, его «легенду», придумал прикрытие, стал, если угодно, своеобразным наставником Василия Сергеевича, сделав из нашего героя настоящего разведчика[118]. Но... так ли это?

Леонид Яковлевич Бурлаков был на четыре года моложе Василия. Родился он в Самарской губернии, в крестьянской семье в 1897 году. Еще в детстве попал на Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), куда уехал работать его отец, и там, на глухой таежной станции Ханьдахэцзы, окончил один или два класса начальной школы, научившись читать и кое-как писать. На этом его образование закончилось на долгие годы. Работал в железнодорожных мастерских, затем, будучи уже юношей, нанялся на стройку во Владивостоке, откуда был призван в армию. Служил в береговых частях на Балтике, в крепости Свеаборг «мастеровым младшего разряда», где примкнул к распропагандированным большевиками матросам. После революции, в 1918 году, вернулся во Владивосток, но угодил под колчаковскую мобилизацию. Бежал от нее и оказался в рядах местных коммунистов. Малограмотный, но фанатично преданный большевистской идее, по-своему талантливый и деятельный Бурлаков скоро занял важное место в иерархии Госполитохраны ДВР, став помощником начальника Приморского отдела ГПО по наружному наблюдению. В 1921 году он раз за разом отправлялся из таежного партизанского штаба во Владивосток с целью налаживания работы агентов Осведотдела. Однако, вопреки данным Владимира Лоты, его не было в городе в сентябре, когда якобы произошла его встреча с Ощепковым. Аркадий появился там месяцем позже, во время разгрома белогвардейской

контрразведкой красного подполья, после которого по Приморью прокатилась волна арестов и казней большевиков[119]. Бурлаков и его жена, работавшая в паре с мужем в качестве агентессы и курьера, приложили огромные усилия по восстановлению эффективной работы разгромленной партийной разведки и достигли в этом серьезных успехов. В 1922 году, после изгнания японцев из Приморья, много сделавший для этого Бурлаков окончательно выбрал в качестве места службы военную разведку.

Итак, по версии Лоты, Леонид Яковлевич познакомился с Ощепковым еще в 1919 году, когда «после двух-трех встреч с новым знакомым "Аркадий" поверил ему и предложил включиться в борьбу против японских оккупантов». Видимо, тогда же Бурлаков должен был посоветовать Ощепкову внедриться в японский штаб. В характеристике на Василия Сергеевича, подписанной Аркадием в январе 1924 года, сказано, что тот «впервые начал работать как секретный сотрудник в Осведотделе Р.К.П. в 1920 году»[120]. В составленной тогда же анкете четко и однозначно обозначена роль другого бывшего семинариста. В графе «Кто может рекомендовать на службу» вписано имя: «Трофим Степанович Юркевич»[121].

Лота отмечает, что Ощепков был завербован для работы на Осведомительный отдел Приморского областного ревкома, с присвоением ему псевдонима Японец. Причем специально оговорено, что именно такой псевдоним Василий Сергеевич носил, еще будучи разведчиком штаба Заамурского округа[122]. Это значит, что если бы архивы разгромленного во время революции штаба округа попали в чужие, например в японские, руки, а это было вполне возможно в условиях интервенции, то истинное лицо Ощепкова стало бы известно его врагам — штрих, не добавляющий оптимизма в оценке профессиональных качеств сотрудников большевистской разведки. В советскую же военную разведку Василий Сергеевич попал как бы «автоматически». Его вербовщик, перешедший на службу к военным под псевдонимом Аркадий, фактически перетащил с собой и одного из самых ценных агентов — Василия Ощепкова.

Михаил Лукашев эти же самые события описывал несколько иначе. «В 1919 году колчаковцы мобилизовали Василия и откомандировали в японское Управление военно-полевых сообщений. Работая там переводчиком, он все еще продолжал преподавать в спортклубе. Но кроме этого, у него очень скоро появилось и еще одно "совместительство".

Вероятно, с помощью своего старого, еще семинарского приятеля Трофима Юркевича, переводчика Главного штаба японских экспедиционных войск и нашего разведчика, Василий устанавливает связь с Осведомительным отделом подпольной Рабоче-Крестьянской партии большевиков». Позже, после октября 1922 года, когда Василий находился на Сахалине, «по рекомендации того же Юркевича, поручившегося за старшего товарища, теперь уже советская военная разведка обратилась [к Ощепкову] с предложением сотрудничества. Василий сразу же согласился»[123].

Непонятно, почему Ощепков назван у Лукашева «старшим товарищем» для Юркевича, который на самом деле был старше Василия и по возрасту, и по дате окончания семинарии, и по сроку сотрудничества с большевиками. В остальном все сходится, за исключением направлений — кто кого куда рекомендовал.

Недавно опубликованные материалы ряда региональных архивов ФСБ РФ вносят дополнительную ясность о начале работы Ощепкова на красных. Из них следует, что его вербовка состоялась не ранее начала февраля 1920 года, а значит, к японцам Василия Сергеевича на службу никто специально не устраивал. Он был мобилизован колчаковцами как военный специалист, переводчик (две волны мобилизации действительно прошли во Владивостоке в начале 1919 года) и направлен на службу в части японского экспедиционного корпуса, где его профессиональные, переводческие знания оказались востребованы. А дальше произошло следующее: «5 февраля 1920 года начальником Приморского областного военконтроля (военная контрразведка. — *А. К.)* был назначен освобожденный из Владивостокской тюрьмы коммунист Е. А. Фортунатов. Он стал организовывать контрразведывательные подразделения на местах и создавать сеть секретных сотрудников. В частности, он привлек к работе военного переводчика главного штаба японских экспедиционных войск во Владивостоке Т. С. Юркевича, переводчика японского Управления военно-полевых сообщений В. С. Ощепкова, переводчика штаба 14-й японской дивизии в г. Хабаровске Л. А. Юрьева, служащего инспекции Амурского железнодорожного участка (отделения Межсоюзного технического комитета) Г. Н. Журавлева и приехавшего из Харбина переводчика японского представителя при Межсоюзном техническом комитете (орган управления КВЖД во время Гражданской войны. — *А. К.*) В. Д. Плешакова»[124].

Так, то ли совсем без Леонида Бурлакова, то ли лишь при косвенном его участии, но с 1920 года в японской оккупационной армии на Дальнем Востоке начала работу разведывательная сеть, состоящая в том числе из профессиональных японоведов, среди которых один только Л. А. Юрьев не был выпускником Токийской православной духовной семинарии, и только Владимир Плешаков не являлся уроженцем Сахалина. Строго говоря, не был выпускником Токийской семинарии и Трофим Юркевич. В 1910 году по неустановленной причине он уехал из Японии и поступил в Иркутскую духовную семинарию, которую окончил в 1912 году. После этого Трофим Степанович успешно отучился в Восточном институте во Владивостоке, став дипломированным японоведом, а затем, в 1916 году, поступил в Оренбургское казачье военное училище. Казаком сахалинец Трофим Юркевич оставался до марта 1919 года, когда тоже был мобилизован во Владивостоке в армию Колчака[125].

Тем не менее все они знали друг друга с детства, все могли поручиться друг за друга, могли рекомендовать друг друга на службу в политическую — «партийную» разведку большевиков, и все они там служили. «Небольшая, но неплохо организованная агентурная сеть осведотдела состояла из "старых" сотрудников осведотдела и бывших секретных сотрудников Приморского облотдела ГПО и охватывала главный штаб жандармерии японского экспедиционного корпуса, японскую военно-дипломатическую миссию, органы военного управления каппелевских частей, учреждения и ведомства Временного Приамурского правительства, консульский корпус во Владивостоке»[126]. Как тут не вспомнить повесть Юлиана Семенова «Пароль не нужен», рассказывающую о тех самых событиях. Только замечательный автор детективов, чтобы сделать сюжет более плотным, драматичным, придумал простой ход: кроме Максима Исаева и его связного Чена-Марейкиса во Владивостоке не было больше ни одного красного разведчика. Как видим, в реальности ситуация выглядела с точностью до наоборот.

26 мая 1921 года власть во Владивостоке перешла в руки Временного правительства местных «олигархов» братьев Меркуловых, поддержанных японскими оккупационными войсками. Большевики, в том числе бывшие сотрудники политической полиции — Приморского отдела Государственной политической охраны (ГПО) павшей Дальнево-

сточной республики, ушли в подполье. Большевистская разведка — Осведомительный отдел штаба партизанских отрядов, находившийся в приморской тайге, в селах Анучино и Фролово, организовала в городе свою сеть, точнее, даже две. Военно-технический отдел (ВТО) Приморского областного комитета партии большевиков (Облревкома) руководил военной разведкой. Военный совет подполья — «партийной» политической разведкой, задачи которой, однако, в условиях оккупации мало чем отличались от целей ВТО. Все наши герои, включая Василия Ощепкова и Трофима Юркевича — агента «Р», остались на своих местах.

Получается, что до сих пор большинство историков разведки напрасно приписывали лавры вербовщика Ощепкова Леониду Бурлакову? Этого и следовало ожидать: сам Аркадий, преданный делу большевиков, но малообразованный, молодой и не слишком опытный, никогда не смог бы завербовать уже много чего повидавшего Василия Сергеевича. Это могло получиться (и получилось) у 37-летнего большевика с дореволюционным стажем, с тремя судимостями за подпольную деятельность, врача и полиглота Евгения Алексеевича Фортунатова (псевдоним Джек). Хотя, конечно, вербовка состоялась не только в силу большей интеллектуальной близости к военному разведчику Ощепкову, но и потому, что Василий Сергеевич сам, по своей инициативе искал работы против японцев, искал способ продолжения своей тайной службы на благо России, не обращая внимания на то, царская она или советская. В этом смысле не так важно было и кто: интеллектуал Фортунатов или бывший мастеровой Бурлаков. Важно, что со сменой режимов, со сменой власти, для Ощепкова поменялись лишь отметки пути — тяжелого и неблагодарного пути служения родине, но не сам путь. Сменились вехи, которыми этот путь был отмечен, если не с самого его рождения, то с приезда в Токио точно.

Трансформация сознания «бывших» — эта самая «смена вех» стала в послереволюционные годы всеобщим явлением. Она оказалась ясна и понятна всем настолько, что сам термин «сменовеховец» использовался вполне официально. В характеристике на Ощепкова его политические взгляды так и обозначены: «сменовеховец устряловского толка». Эта формулировка исчерпывающе определяла для его коллег и начальников причины, которые заставили бывшего царского контрразведчика остаться в Советской России, не уехать в Харбин, в Японию или еще куда-нибудь, куда тогда

направлялись многотысячные потоки эмигрантов (только в Китае русских скопилось более 100 тысяч человек, а в Японии в 1922 году русские стали самым многочисленным национальным меньшинством[127]). По большому счету именно сменовеховство стало причиной, по которой Ощепков принял мученическую смерть в 1937-м, будучи уничтожен вместе со многими своими друзьями и недругами. В каком-то смысле сменовеховство — карма, а не судьба, ибо судьбу изменить нельзя, а улучшить или ухудшить карму можно, и Ощепков сознательно пошел именно таким путем.

Наконец, ощепковское сменовеховство не простое, а с двойным дном: во-первых, оно «...устряловского толка». Сам термин «Смена вех» появился в 1921 году, когда под таким названием вышел сборник статей писателей, эмигрировавших из Советской России. Одним из главных выразителей их идей стал Николай Васильевич Устрялов, юрист, бывший приват-доцент Московского университета, патриот и идейный борец с большевизмом. Будучи членом партии кадетов, после Октябрьской революции он был вынужден бежать на Урал, где примкнул к армии Колчака, служил в его штабе, а после разгрома белых в Сибири, как и многие, ушел в Харбин. Именно оттуда он послал свою статью для того самого сборника в Прагу, а идейная наполненность опубликованного материала позволила считать Устрялова одним из основоположников сменовеховства, хотя сам он относился к этому критически. Устрялов призывал всех, кому дорога Россия, принести ей себя в жертву, пойти, невзирая на белогвардейское прошлое, на сотрудничество с большевиками, «на подвиг сознательной жертвенной работы с властью, во многом нам чуждой... но единственной способной в данный момент править страной, взять ее в руки»[128]. Все это — ради построения новой, могучей России. Бывший колчаковский полковник Иосиф Сергеевич Ильин, как раз в это время живший в Харбине, очень точно охарактеризовал идеолога и его учение: «Николай Вас. Устрялов был умный, культурный и талантливый человек. Но в нем было много от прекраснодушного русского интеллигента, и все его "сменовеховство" было, в сущности, построено на этом прекраснодушии»[129].

Надо понимать, что тогда для многих, скорее всего, даже для большинства сменовеховцев принятие устряловского «прекраснодушия» облегчалось очевидностью разгрома Белого движения, с одной стороны, неприкаянностью в эмиграции (для тех, кто уехал) и отсутствием иного выбора (для

тех, кто остался) — с другой, и — с третьей — надеждами на то, что большевики, отказавшись от политики военного коммунизма, придут к какой-то более осмысленной, цивилизованной и менее кровожадной форме правления, предпосылки к чему показало принятие нэпа — новой экономической политики. Так что примиренчество сменовеховцев опиралось еще и на призрачную надежду вернуться к устоям, изменить уже измененную Россию.

Второе дно «устряловского», то есть дальневосточного, сменовеховства Ощепкова — националистическое. На первый взгляд Василий Сергеевич поступил так же, как и многие военспецы, перешедшие на сторону Красной армии с началом боев по указанным выше трем причинам. И все-таки такие люди, как Ощепков, находились в особых условиях. Прежде всего, он жил во Владивостоке, откуда сразу после октябрьских событий потек ручеек эмиграции, превращавшийся время от времени в полновесный людской поток. Ощепков мог в любой момент покинуть родину и отправиться куда угодно — в Маньчжурию, в Харбин, ставший настоящей столицей «русского Китая» и обособленно существовавший вплоть до 1935 года, в Японию, бывшую его второй родиной, да хоть в Австралию — там до сих пор живут многие потомки белоэмигрантов, внуки и правнуки учившихся с Васей семинаристов. Связи Василия Сергеевича с японцами, обусловленные его юностью в Токио и полученным там образованием, были весьма крепки. Ведь и во Владивостоке он в конце концов устроился работать не куда-нибудь, а именно в японский штаб. Вместе с этим штабом мог и уйти в Японию. Но не ушел. У Ощепкова еще не было семьи, он был сиротой, родиной которого стал острог, каторга — места, куда и сегодня жить калачом не заманишь, а уж в 1920 году... Он должен был заботиться только о себе и всегда мог быть уверенным, что уж самого себя, со своим знанием японского и английского языков, опытом работы в разведке (многие колчаковские спецслужбисты сумели успешно обустроиться за рубежом — от Харбина до Сан-Франциско) и, наконец, статусом одного из лучших борцов тех лет, всегда прокормит. Казалось, сама жизнь показывает Ощепкову дорогу за море, за океан. И все же он по-другому расставил акценты, иначе сменил вехи своей судьбы еще во Владивостоке. Осознанно пойдя на сотрудничество с большевиками в 1920 году, а потом не раз эту роковую связь продляя и тем самым каждый раз укорачивая себе жизнь. Почему?

Ответ очевиден, если мы задумаемся о том, как сам Василий Сергеевич представлял себе мир в то неспокойное время. Итак, он отказался прежде всего от Японии. Выбрав из двух зол — работу на японцев или на большевиков — сотрудничество с красными, Василий Сергеевич точно показал, что и кто ему представлялся большей опасностью для России. В личном деле разведчика В. С. Ощепкова хранятся его высказывания о японцах (их видел и о них рассказывал М. Н. Лукашев), которые никогда не будут опубликованы в силу полного отсутствия в них даже намека на политкорректность. Да, Ощепков плохо знал, точнее, совсем не знал еще, что представляют собой коммунисты, но отлично понимал, чего стоит ожидать от современной ему Японии и японцев, видящих в России и в русских мертвого льва, которого не грех будет и попинать, и снять с него шкуру вместе с мясом, пока это не успели сделать другие. Учеба в семинарии, в Кодокане, тесное и ежедневное общение с японцами на бытовом уровне сделали из Ощепкова человека, совершенно осознанно избравшего целью своей жизни работу на Россию и против Японии. Сознавая себя профессионалом-разведчиком и веря в неизбежность войны с Японией, он считал необходимым помочь своей стране, не важно, с каким правительством во главе, в борьбе с дальневосточным соседом. Один из первых теоретиков русской военной разведки генерал Владислав Наполеонович (Владимир Николаевич) Клембовский, хотя и по другому поводу, цитировал в своей книге об искусстве шпионажа высказывание Макиавелли, хорошо понятное бывшим царским офицерам: «Отечество надо защищать честным или хотя бы бесчестным образом. Все средства хороши, лишь бы была сохранена целостность его»[130]. Для Ощепкова, и далеко не только для него одного, эта парадигма оказалась столь же естественна, как естественна была «сменовеховская» надежда на то, что большевики от периода утверждения власти перейдут к периоду государственного строительства. Все то, что могло дать ему возможность хоть как-то жить в эмиграции: язык, профессиональные навыки в разведке и мастерство борца — Василий Сергеевич решил применить для защиты России, в борьбе с Японией. Состав секретной группы Военконтроля ясно показывает, что для многих других русских, хорошо знавших Японию тех времен и японцев — своих современников, оказалось невозможным сотрудничать с белыми и белоэмигрантами, чьи взгляды на политическое противостояние в России выражал популяр-

ный тогда лозунг «хоть с чертом, но против большевиков». А вот с красными они вполне соглашались иметь дело — под лозунгом «хоть с большевиками, но против японцев». Встреча с коммунистом-интеллектуалом Евгением Фортунатовым заряжала их надеждой на сотрудничество с «просвещенными большевиками», а потому и работа с таким человеком, как Бурлаков, воспринималась легче. Но вернемся к хронологии событий.

Если верить книге Лоты, 1 сентября 1921 года Ощепков — агент Осведотдела ревкома Приморья по кличке Японец — сообщил резиденту Аркадию — Леониду Бурлакову о готовности японской армии завершить оккупацию русского Дальнего Востока и убраться восвояси. Эта информация вполне могла оказаться доступна Василию Сергеевичу в Управлении военно-полевых сообщений, так что тут все логично. Японец даже предупредил большевиков о том, что создание препятствий при эвакуации японским войскам и русским, состоящим у них на службе, может быть воспринято как провокации и послужить предлогом для продления интервенции. Сроком окончания оккупации был назван конец 1921-го или начало 1922 года, и эта информация Ощепкова характеризуется в книге Лоты как «ценная»[131]. Это странно и непонятно, поскольку японцы покинули Приморье позже чем через год — 25 октября 1922 года и к 1 сентября 1921 года решения об этом попросту еще не было принято в самом Токио. При этом в характеристике на Ощепкова, составленной 6 января 1924 года, отмечено, что он уволился из японского штаба в начале 1921 года (интересно все-таки, когда и каким образом он попал туда на службу), а стало быть, ни осенью того же года, ни годом позже получать оттуда секретные сведения не мог, если только не имел там своего агента, но это уже скорее из области фантастики. Более того, как записано в той же характеристике, Ощепков, открывший контору по переводам, «...не довольствуясь скудным заработком, принужден был в середине 1921 года уехать на Сахалин с мыслью создать кинематографический театр, что ему и удалось»[132]. Подписана характеристика Аркадием, то есть Леонидом Бурлаковым. Середина года — лето, а значит, встреча с Японцем во Владивостоке в сентябре представляется как минимум крайне маловероятной.

При этом, если верить тому же Лоте, в конце ноября 1921 года Аркадий посетил Японца в бюро переводов, находившемся на Пушкинской улице (на ней во Владивостоке

находился и Восточный институт, что заставляет думать о родстве двух этих организаций), и предложил ему завершить работу во Владивостоке и перебраться на Сахалин (где тот, судя по документу, подписанному тем же Бурлаковым, находился уже несколько месяцев). Ощепков согласился и в декабре 1921 года стал агентом разведывательного отдела штаба 5-й Краснознаменной армии под псевдонимом «Д. Д.». Считается, что придумал кличку Бурлаков, зашифровавший таким образом страсть бывшего Японца к борьбе дзюдо — дзюу-до, как называл ее сам Ощепков («ю» в этом слове долгое, а официальное написание, знакомое нам — «дзюдо», еще не прижилось, но об этом речь еще впереди)[133]. Правда, в 1921 году и сам Бурлаков служил еще в Осведотделе ревкома, то есть в подпольной большевистской разведке партизанского Приморья, а не в Красной армии, а потому непонятно, как он мог оформить дело на «Д. Д.» в 5-й армии. Сама армия стала Краснознаменной только 1 июля 1923 года, а в описываемый Лотой период находилась на переформировании в Забайкалье после похода в Монголию, где боролась с отрядами барона Унгерна[134]. Да и вообще, та 5-я армия, о которой идет речь, была новым войсковым объединением, созданным на базе «старой» 5-й армии и партизанских отрядов (Народно-революционной армии) Дальневосточной республики, и появилась на свет она только 16 ноября 1922 года[135], так что либо в декабре 1921 года служить в ней Ощепков никак не мог, либо мы чего-то не знаем.

Михаил Лукашев писал о времени начала работы резидента «Д. Д.» менее определенно, но более логично: «Когда же оккупанты убрались восвояси, Василий отправился на Сахалин, в свой родной Александровск, где ему, возможно, все еще принадлежали два отцовских дома»[136]. «Убрались восвояси» японцы в октябре—ноябре 1922-го — годом позже, чем у Лоты, но зато эта дата вполне увязывается со сроками формирования 5-й армии (оно закончилось через месяц), ликвидацией Осведотдела и потребовавшегося в связи с этим трудоустройства бывших партийных разведчиков Ощепкова и Бурлакова на новое место службы. Вот только с датировкой, приводимой в характеристике Ощепкова, эта версия не сходится (впрочем, это не единственное, что в личном деле Ощепкова вызывает удивление).

Существует еще одна загадка, разгадать которую, может быть, для восстановления полной биографии Василия Ощепкова было бы не так уж важно, но зато очень интересно.

B. C. Overmeyer

На сахалинской каторге. *Конец XIX в.*

Каторжане и каторжанки северного Сахалина.
Конец XIX в.

Поселок Александровский Пост. *Начало XX в.*

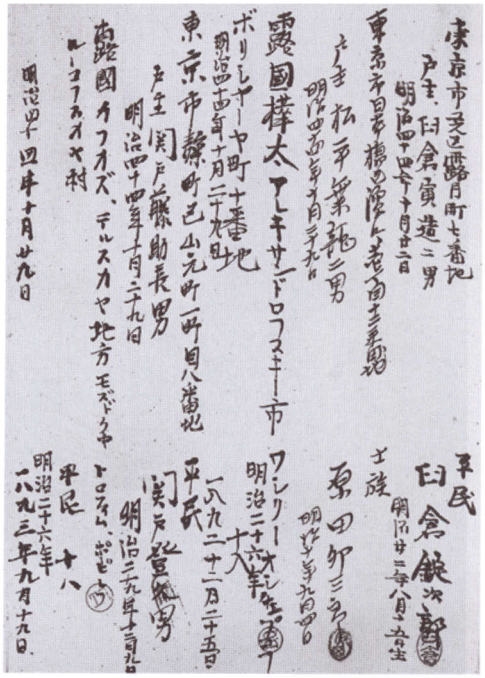
Реальное училище на родине Василия Ощепкова.
Начало XX в. Архив Г. Н. Смекалова

Архиепископ
Николай Японский.
Начало XX в.

Русские семинаристы
в форме.
Василий Ощепков —
второй слева
в среднем ряду;
четвертый слева —
Исидор Незнайко.
Около 1907 г.

Русские семинаристы
и прихожане
перед собором
Воскресения Христова
(Николай-до).
11 июля 1906 г.

Русские семинаристы
на празднике
в посольстве
Российской империи
в Токио. *Около 1908 г.*



Запись о приеме Василия Ощепкова в институт Кодокан (в центре снимка). *Токио. Архив Кодокана*

Первые русские дзюдоисты перед семинарией. *1908 г.*

Молодые дзюдоисты в Токио. Ощепков — третий слева в третьем ряду. *Около 1913 г.*

Семинаристы перед Николай-до.
Ощепков — третий справа во втором ряду.
Около 1913 г. Публикация В. Шестакова и С. Ерёгиной

Занятия рукопашным боем в частях Заамурского округа пограничной стражи. *Харбин. 1911 г.*

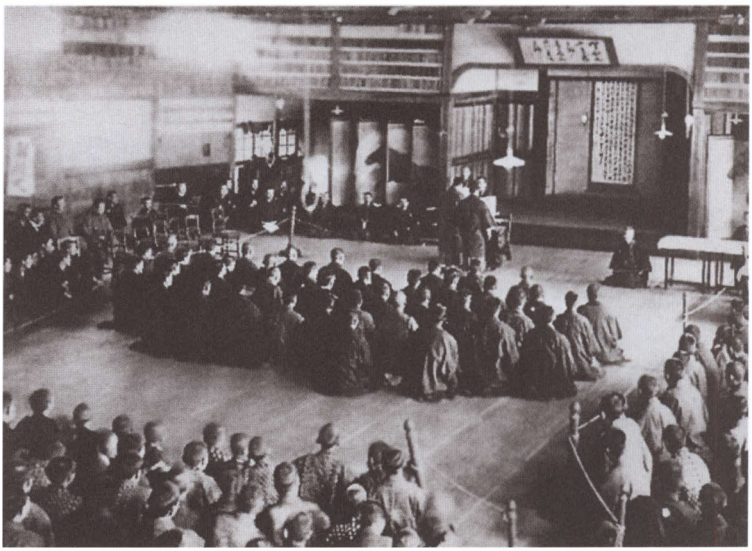
Катание на коньках перед зданием общества «Спорт» во Владивостоке. *Начало XX в.*

Однокашник
и «секретный связист»
советской разведки
Исидор Незнайко.
1913 г.

Штаб Владивостокской
крепости
во времена службы
Василия Ощепкова

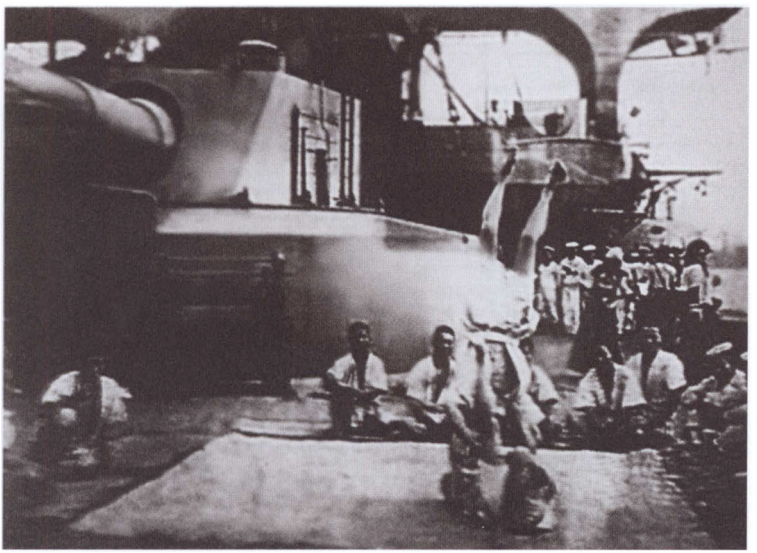
Первые русские дзюдоисты Владивостока. *1914 г.*

Церемония присвоения мастерских степеней в Кодокане.
1910-е гг.



Дело «тов. Монаха».
Публикация
М. Н. Лукашева

Занятия дзюдо на палубе японского броненосца.
Начало XX в.



Хранится только в личном деле секр сотр. на каждый вопрос должен быть дан письменный подробный ответ.

Личная анкета

секретного сотрудника.

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
1. Фамилия, имя и отчество (настоящие).	Ощепков
2.	-
3. Время рождения.	25 января 1892 г.
4. Образование: какое окончил учебное заведение сколько классов прошел.	Курс [illegible] Зим-в школе в 1917 г. (подробно об)
5. Профессия (специальность).	переводчик
6. Семейное положение, состав семьи и местонахождение членов семьи (обязательно указать фамилию, имя, отчество, возраст и адрес).	холост и одинок
7. Национальность и подданство (до октябрьской революции).	русское
8. На каких языках говорит, читает, пишет.	[illegible]
9. Какой местности уроженец, прежнее место при-тия.	г. Александровск на Сахалине
10. Состоит-ли членом или кандидатом РКП/б), если да, то с какого времени, какой организацией был и кем рекомендован. В каких подпольных организациях работал и когда. В какой организации был зарегистрирован в 1919 и 1920 г.г.	
11. Состоит-ли членом другой политической партии; если состоял, то в какой и с какого по какое время причина выхода.	
12. Подвергался-ли репрессиям за партийную или революционную деятельность, если да, то за что, когда и кем именно.	

Анкета секретного сотрудника военной разведки В. С. Ощепкова.
1923 г. Публикация М. Н. Лукашева

Статья
Венедикта Марта
о японском кино

ЯПОНСКИЙ КИНО-АКТЕР

ПОЧЕМУ Хайкацо и десятки других менее знаменитых кино-актеров японских покинули свою родину и работают на американских и кинофо-европейских киностудиях? Вероятно, потому, что требования индивидуального японского кино (а японские нравы очень национальны) не соответствуют их дарованию.

От японского кино-актера прежде всего требуется мастерство, использование каждого мускула, передающего в мастерскую заработную и иную в последнюю очередь — умение переживать.

Европеец, попавший случайно в один из бесчисленных кино-театров Токио, Киото, или Осаки, просмотрев в нем всю программу, т.-е. пропустив 7—8 частей подряд, так и не поймет, что демонстрировалось на экране: комедия, драма, буффонада, или трагедия. Он не увидит ни одного технически-психологического эпизода, ни одного появления или изменения в выражении глаз, ни элементов игры, но так много обещающей, игры губ, рук, мускулов и выразительной речи рук, подобных рукам Кокуда Бейдза, или Мозжухи.

У японцев, с нашей, европейской, точки зрения, все движения утрированы, шаржированы, неестественны и только местами условны, что реконструировать их не всегда удается. И все же японский кино-актер—изумительный мастер. И нет ни одно кино мира не знает такой маски, какую дает—японцы. Маска, абсолютно не выходящая из строя, достигающаяся только путем психологического умения управлять каждым мускулом своего лица. Косой по неподвижным для нас образом высоко поднятая бровью окружающаяся на много сантиметров вниз, изменяется до неузнаваемости форма рта, широко разлучаются посадки, и все это создает впечатление иного лица, с иными, правда, растянутыми выражениями. И это новое лицо существует до тех пор, пока хочет актер, пока он не позволит своим мускулам отдохнуть и перестать напрягаться.

Маска японского актера. Сакурай.

И все это при помощи грима.

Но в искусстве грима здесь далеко до пределов возможного. Макияж грима резко отличается от нашей, европейской. Вместо нашей краски на жиру, употребляющейся—водяные, которыми кладутся на лицо широкими мазками и, когда засыхают, растираются мягкой, цветной. Немного коричневого на веки глаз и на щеки, и обычный грим—готов. Он не боится высокой температуры и не дает сбеленных, белым, с ярким нашим операторы ищут постоянную борьбу. И еще — о губах. Японцы не подчеркивают губ. Видимо, неподчеркнутые губы, очевидно, соответствуют их представлению о красоте.

* *

ЕСЛИ бы кому-нибудь из наших кино-актеров режиссер сказал:

„Послушайте, завтра к утру приезжайте 15 статистов, научите их обращаться с рулевым, пронаблюдите их костюмы, не забудьте позаботиться, чтобы все декорации были на месте".

Наш премьер изобразил бы на своем лице самое большое и безграничное естественное изумление и оскорбился бы.

„Попробуйте-ка, гражданин, свою голову — изловится ли она еще на вашем плечах?"

Японский же кино-актер обязан не только выполнить и обучить статистов для своей картины, но и отличить их от своего исполнения! Больше того — все декорации (правда — на своего исполнения) строятся за счет режиссера-постановщика и за костюмы, и за грим своих партнеров.

Зато в японской кино-красоте живет и свободно кроется в какой земной жизни кино-актеров, кажется даже и не подозревает о существовании режиссера, оператора и художника.

А. Т.

13

Из японской фильмы, сделанной своей Европу Артистка изображает русскую балерину.

Собор Воскресения
Христова в Токио
до и после
землетрясения
1923 года

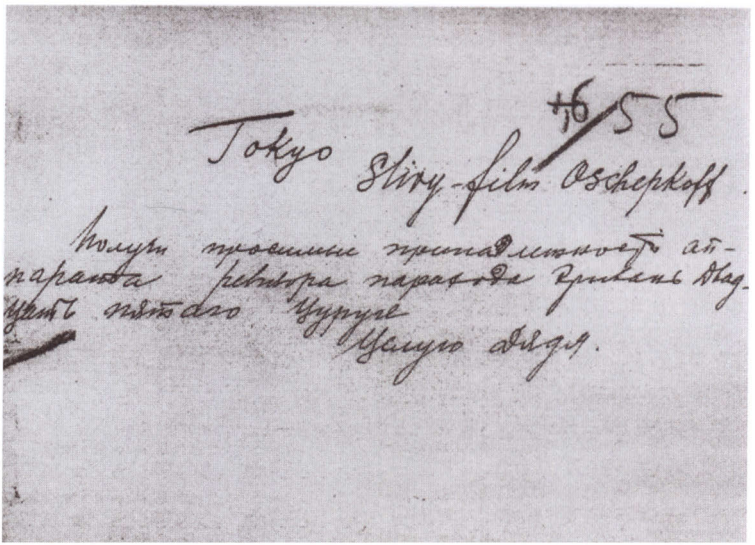
Василий Ощепков
с женой Марией.
Около 1925 г.

Дом Незнайко
в Харбине,
где останавливался
резидент «Д. Д.»
по пути в Японию

Барон Датэ Мунэмицу.
1920—1930-е гг.

Барон Ниси Такэити
с супругой.
1920—1930-е гг.

Фрагмент японских документов Ощепкова. *Публикация М. Н. Лукашева*



«Целую Дядя» — шифровка от Ощепкова из Токио. *Публикация М. Н. Лукашева*

26 мая 1922 года во Владивостоке прошел военный парад, посвященный годовщине установления власти правительства братьев Меркуловых. Десятиминутный ролик с записью этого парада сегодня легко можно найти в Интернете. Помимо того что сама по себе эта историческая кинозапись весьма любопытна и еще ждет своих профессиональных комментаторов, на ней есть фрагмент, который может иметь отношение к нашей истории. На седьмой минуте записи, во время прохождения мимо трибуны строя кадетов (?), сбоку от них, сняв шляпу и обернувшись в сторону трибуны, идет человек в гражданском пальто. Человек этот чрезвычайно похож на Василия Ощепкова, но сказать с уверенностью, что это именно он, нельзя. Судя по тому, что идет этот мужчина рядом со строем и в штатской одежде, это преподаватель кадетских классов. Может быть, преподаватель гимнастики? Возможно. Находящийся в поисках работы или подработки Василий Сергеевич вполне мог оказаться и на этой должности, но это пока лишь предположение.

В любом случае, документально оформлено сотрудничество Василия Сергеевича с разведывательным отделом штаба 5-й армии было лишь в сентябре 1923 года (Лота по неизвестной причине датирует документ 1922 годом), когда за плечами Японца-«Д. Д.» было уже три года подпольной работы. 1 сентября Василий Ощепков поставил свой автограф на документе под названием «Подписка на агента» (или же он подписал его позднее, прошлым числом, так как 1 сентября 1923 года, скорее всего, находился на Сахалине). Вот текст этого удивительного документа, с сохранением орфографии оригинала.

«Секретно

Подписка

Действительно на один год

1923 года, сентября 1 дня

На агента Василия Ощепкова [*подпись*]

Я, нижеподписавшийся Василий Сергеевич Ощепков, поступивший в Отдел Агентурной Разведки 5 армии, даю настоящую подписку в том, что

1. Все возложенные ею на меня обязанности я обязуюсь точно и скоро исполнять.

2. Не разглашать никаких получаемых сведений.

3. Все сведения после тщательной проверки обязуюсь передавать своему начальнику или лицу, указанному им.

4. Не выдавать товарища-сотрудника, служащих Отдела Агентурной Разведки, хотя бы под угрозой смерти.

5. Не разглашать о деятельности Отдела, а также о штате вообще и не произносить слов "Агентурной Разведки".

6. Признаю только Советскую власть и буду работать только на укрепление добытой кровью трудового народа Революции.

7. Мне объявлено, что в случае неисполнения указанного в подписке моя семья будет преследоваться наравне с семьями белогвардейцев и контрреволюционеров.

8. Требую смертного для себя приговора, если разглашу какие-либо сведения и буду действовать во вред Советской власти, в чем и подписуюсь.

Подпись: *Василий Ощепков*

Настоящую подпись удостоверяю: Уполномоченный для поручений

[*подпись неразборчива*]»[137].

Месяцем позже, 1 октября, на Ощепкова оформили личное дело № 1043 (это же был и его номер как агента). На обложке множество грифов: «Хранить без срока», «Сов. секретно», «4 Управление Штаба РККА. 2-ой отдел». Завели дело на «Секретного агента разведотдела штаба Сибирского военного округа тов. "Монаха"», но на последней странице анкеты есть запись: «С согласия Н-ка Отдела работать буду под псевдонимом (кличкой) Д Д»[138].

Итак, мы не знаем, когда все-таки Василий Сергеевич оказался на родном острове. В середине 1921-го, как писал Бурлаков в характеристике? В начале 1922-го, как сообщает об этом Лота? Или в начале 1923-го, как у Лукашева? Последнюю версию поддерживает историк военной разведки Михаил Алексеев: «В 1923 году Ощепкова разыскал руководитель разведки (заведующий агентурой) 17-го Приморского корпуса товарищ Леонид и предложил сотрудничество. Василий раздумывал недолго — дал согласие собирать информацию о японских войсках на Сахалине»[139].

И пусть неясно, почему Алексеев не упоминает о Фортунатове, но в любом случае мы теперь точно знаем, что во Владивостоке Ощепков работал на большевиков с февраля 1920 года. Во второй половине 1921-го, или в начале 1922-го, или в конце того же года он перебрался на Сахалин, и сотрудничество это, вероятно, прекратилось. В пользу этого говорит и одно из разведдонесений, отправленное Ощепковым из Александровска в сентябре 1923 года (мы еще будем разбирать его подробно). Как и где нашел бывшего агента Японца Аркадий-Леонид, непонятно: Бурлаков мог и отправиться на занятый японцами Сахалин, и встретить

Ощепкова в Николаевске-на-Амуре — городе, через который тогда осуществлялось сообщение с островом, и в самом Владивостоке, куда Василий Сергеевич, теперь уже кинопрокатчик, мог приехать за новыми фильмами. Так или иначе, их встреча состоялась, и разведывательная машина завертелась с новой скоростью и в новом направлении: на Восток.

Глава восьмая

БОЛЬНОЙ ВОПРОС

Из-за путаницы в документах и недостаточного количества рассекреченных материалов до сих пор не существует четкого понимания и общих сроков пребывания Василия Ощепкова на Сахалине. Когда он приехал на остров, зачем и даже когда он вернулся на материк — вопросы, все еще ждущие своего окончательного ответа. Да и вообще о втором (после детства) сахалинском периоде жизни Ощепкова известно немногое. Что же?

Несмотря на противоречия (в работах исследователей и в документах) относительно даты переезда Василия Сергеевича на остров в годы Гражданской войны, все сходятся на том, что прибыл он туда в качестве кинопрокатчика — предпринимателя, располагающего соответствующей аппаратурой, фильмами и готового показывать эти фильмы за деньги местному населению. Прежде всего надо заметить: Ощепков отправился в Александровск — бывшую столицу каторги, столицу Северного, а не Южного Сахалина. Это был город его детства, оставшийся после Русско-японской войны, в отличие от городов и поселков Сахалина южного, городом русским. Строго говоря, юридически весь остров был русским с 1875 года, но в результате поражения в 1905-м южная половина Сахалина (до 50-й параллели) отошла к Японии, хотя и раньше там ощущалось сильное японское влияние. Как мы помним, Ощепков родился и вырос на северной половине острова, и даже перекраивание карты в 1905 году не сделало нашего героя японским подданным. После войны, кстати говоря, была упразднена и каторга — в апреле 1906 года ее в одночасье отменили царским указом, и в период до 1913-го восстановили в правах всех бывших каторжан и ссыльнопоселенцев. Александровская тюрьма, правда, осталась, но теперь она имела местное, «муниципальное» значение. С учетом выселенных

с южной — японской части острова российских граждан, население Северного Сахалина к 1913 году составляло, по разным оценкам, от шести до десяти тысяч человек, обосновавшихся в основном в Александровске и близлежащих селах — не самая обширная аудитория для любого бизнес-проекта. Но это русских. А были еще и японцы.

Основное сообщение с Сахалином поддерживалось с материка из порта Николаевска, расположенного в устье Амура. К 1920 году в этом городе, бывшем центре золотодобычи края, проживало более 20 тысяч человек и был расквартирован японский батальон в 350 штыков — для охраны местных японцев и контроля за портом. В марте в Николаевск вошел красный партизанский отряд Якова Тряпицына. За пару месяцев хозяйничанья красных город потерял более четырех тысяч жителей, а почти вся японская колония, 834 человека, была уничтожена сразу после штурма. Уже 4—5 апреля японцы откликнулись на гибель своего гарнизона, совершив переворот и взяв власть в свои руки во Владивостоке, Хабаровске и большинстве других городов Приморья. 19 апреля японский десант численностью около тысячи человек высадился в Александровске, а летом того же года уже весь Северный Сахалин оказался под контролем «японской экспедиционной армии в Сахалинской области».

Командовавший ею генерал Кодзима 20 августа сообщил местному населению:

«Согласно Высочайшему Приказу, вступая в должность, я, Командующий Японской Экспедиционной Армией, объявляю всем жителям в местностях, занятых [японской] Армией, нижеследующее: В течение времени с 12-го марта до конца мая с. г. в г. Николаевске были бесчеловечно убиты большевиками Императорский Гарнизон, Консульские члены и мирные японцы, в числе около 700 человек. Но так как в настоящее время в России не существует Правительства, с которым Япония могла бы вступить в переговоры, то ей пришлось занять необходимые пункты в Сахалинской области до тех пор, пока в России не будет организовано законное Правительство и это событие не будет разрешено в удовлетворительном смысле, как было раньше об этом объявлено Императорским Правительством. Ныне Императорское Правительство учредило Главный Штаб в Сахалинской области, который одновременно ведает гражданским управлением, охраняет спокойствие всего народа и увеличивает его счастье, вместе с тем оно строго и бес-

пощадно преследует тех, кто обижает мирное население, нарушает его интересы и спокойствие... Ввиду вышесказанного, население занятых местностей должно укреплять дружественное отношение между обеими нациями и братскую дружбу между собой...»[140]

Де-факто японцы умело воспользовались сложившейся ситуацией и в ответ на бесчинства бандитов на материке получили бесконтрольный доступ к богатствам острова, прежде всего к каменноугольным шахтам, залежам нефти и к пушнине. Интересная деталь: «брали» Александровск с моря, а японский транспорт с десантом вышел из Владивостока на остров еще в марте, задолго до Николаевского инцидента, послужившего удачным формальным поводом для оккупации[141].

Во Владивостоке и Москве прекрасно понимали подоплеку политики «увеличения счастья» на Сахалине, но сделать ничего не могли. «Выковырнуть» японцев с острова ни у Дальневосточной республики, ни у РСФСР не было пока ни малейшей возможности, но с появлением на карте мира Советского Союза, с укреплением Красной армии она неизбежно должна была появиться. Как это сделать, кому, каких затрат и жертв это будет стоить, и не получится ли так, что многотысячные отряды белогвардейцев при японской поддержке сделают остров своей «исконной территорией»? — подобные вопросы неизбежно должны были подниматься в Москве. Отвечать на них первыми предстояло разведке. В марте 1923 года председатель Реввоенсовета, то есть фактически главнокомандующий Вооруженными силами Советского Союза Лев Троцкий писал набирающему политическую силу генеральному секретарю ЦК РКП(б) Иосифу Сталину: «Очень важно выяснить, есть ли у нас что-либо на Северном Сахалине, в смысле подпольной организации? Есть ли хоть какая-либо возможность что-либо подготовить там на случай действительного утверждения белых?»[142] Вопрос касался подпольной организации по партийной линии — Сталин был именно партийным лидером. Очевидно, по линии военной разведки интересы Москвы уже обратились к острову, и Троцкому важно было понять, как можно скоординировать усилия в этой области, и это еще один довод в пользу того, что командировка Ощепкова в Александровск началась не раньше зимы 1922/23 года.

Василий Сергеевич прибыл в Александровск, где, как уже было сказано, за ним, вероятно, сохранялись в собственности дома его отца. Точных данных об этом нет, хотя

Лота и пишет со всей определенностью, что «Емельян Владыко... хотел передать Василию ключи от отцовского наследства, но молодой бизнесмен решил оставить все, как было»[143]. Вернулся ли на самом деле на Сахалин Емельян Владыко, уехавший отсюда в 1912 году, доподлинно неизвестно, но такое возможно. И если у Ощепкова сохранялось право на дома, завещанные ему отцом, это сразу решало вопрос с жильем (японцы не препятствовали возвращению на остров его уроженцев, и для них был облегчен визовый режим в случае посещения Японии) и с местом для размещения кинематографа.

Очевидно, что новое увлечение появилось у нашего героя еще во Владивостоке, и, судя по некоторым его запросам в разведотдел, он рассчитывал со временем сделать новое хобби действительно прибыльным занятием. Мы еще поговорим особо о том, что представлял собой кинематограф в Японии в то время, но пока заметим, что, во-первых, в соответствии с тогдашними «законами жанра», Ощепков должен был лично озвучивать фильмы, рассказывая вслух содержание того, что происходило на экране, — такая профессия называлась «бэнси». Во-вторых, в соответствии с распоряжением японского военного министерства, он был обязан проводить бесплатные киносеансы для японских военнослужащих и сотрудников жандармерии[144]. Нетрудно догадаться, что такие обязанности были на руку Василию Сергеевичу. Он, внешне не проявляя к тому никакой инициативы, автоматически получал законное право не просто передвигаться по острову, но и перемещаться от одной воинской части к другой, проводя киносеансы в местах их дислокации и используя свой прекрасный японский язык и опыт жизни в Японии, заводить знакомства с командованием этих частей. Не случайно в очень тонкой папке рассекреченных материалов времен работы Ощепкова в разведке набор сахалинских документов едва ли не самый внушительный, если так можно говорить о нескольких страничках текста. При этом стоит заметить, что там нет ничего о способах получения секретной информации агентом «Д. Д.». Поэтому утверждение некоторых журналистов о том, что разрешение на свободное перемещение по северной части острова начальник военно-административного управления Сахалина генерал-майор Такасу Сюндзи вручил Ощепкову лично вкупе с просьбой организовать прокат фильмов в японских воинских частях, документально пока никак не обосновано.

Точно так же в книге Лоты указано, что Ощепков располагал на Сахалине кинопроектором «Пауэрс» и представлялся генеральным директором фирмы «Slivy-Films». Однако что касается и марки кинопроектора, и названия фирмы, то известные документы, связанные с этой компанией, относятся скорее к более позднему периоду жизни Василия Сергеевича. Куда более интересно выглядит информация о том, где именно обустроил кинопрокатчик Ощепков свой офис, хотя, опять же, мнение о том, что нашел это место Ощепков — контрразведчик с почти десятилетним стажем работы против японцев — по совету тогда еще неофита в разведке Бурлакова, представляется не вполне убедительным: «В доме, где разместилась контора кинематографического театра, имелось два входа. Это позволяло постояльцу и посетителям в случае необходимости войти в дом и незаметно выйти из него на параллельную улицу. У этого деревянного строения XIX века имелись и другие особенности, которые были важны для обеспечения безопасности работы резидента "Д. Д." и его будущих агентов»[145]. Сахалинский краевед Григорий Смекалов считает, что это была старая конюшня: длинное здание с башенкой в центре хорошо видно на фото тех лет.

Имеющиеся в деле документы свидетельствуют о том, что Василий Сергеевич работал тщательно вне зависимости от того, чем он занимался. И к кино, и к разведывательным вопросам он подходил одинаково внимательно, изучал рынок и противника, искал возможности заработать и пытался конспирироваться, несмотря на то что и в кино, и в разведке (и в разведке больше, чем в кино!) вынужден был пользоваться допотопными средствами вроде записи тайной информации луковым соком на полях — об этом есть упоминание в одном из его донесений, хотя даже в средневековой Японии применялись более сложные способы сокрытия текста. Вообще, эти донесения четко подтверждают два основных аспекта деятельности Ощепкова на Сахалине: трудности в организации работы и успехи, достигнутые несмотря на эти трудности. Причем документы, свидетельствующие о том и о другом, относятся ко второй половине 1923 года, еще раз подтверждая версию о более позднем, чем это принято думать, прибытии Ощепкова в Александровск.

Ситуацию на бывшей каторге, сложившуюся ко времени прибытия туда Василия Сергеевича, описывала газета, издававшаяся в Японии русскими эмигрантами: «Небыва-

лые условия существования выпали на долю обывателей города Александровска. Большевики до прибытия японцев свирепствовали вовсю... В данное время с прибытием японских войск порядок восстановлен. Но положение обывателей осталось трагическим. В городе нет продуктов... Выбраться из Александровска пока невозможно, ибо русских пароходов нет, японские же военные транспорты перегружены — пассажиров не принимают... Положение Александровска очень тяжелое. Население голодает... Несмотря на обилие рыбы, улов ея ничтожный, ибо нет сетей...»[146] Рыбы поймать не могли, но водку добывали — давно известно (и все тем же А. П. Чеховым тонко подмечено), что, даже когда у русских нет возможности найти еду, водку они находят с небывалой легкостью. Пьянство — бич далеких территорий, беда каторжного Сахалина и всей пролетарской России. В 1925 году принимающий у японцев северную половину острова председатель сахалинского Реввоенсовета Рафаил Шишлянников докладывал в Хабаровск: «Обывательская масса в г. Александровске и своеобразное крестьянство в деревне в большей части своей унаследовали психологию своих предков — бывших поселенцев, живших на Сахалине в режиме развращающих тюремных условий. Рабочих нет. На рудниках русских рабочих единицы — все больше китайцы, корейцы и японцы. В порту русских грузчиков нет. Пьянство повальное, пьют старики, девушки, парни. Водка [стоит] 20 коп. бутылка»[147].

Неудивительно, что этот бич ударил и по оперативным возможностям советской разведки, чей штат состоял из «идейно выдержанных», но часто крайне непрофессиональных, порой — просто нанятых за деньги случайных и, мягко говоря, склонных к проявлениям человеческих слабостей людей. Свидетельство тому — переписка резидента «Д. Д.» с Владивостоком. В одном из донесений явно нервничавший, ходивший по лезвию самурайского меча Ощепков выговаривал своему начальству (вероятнее всего, товарищу Бурлакову): «...для моей безопасности и спокойствия прошу предпринять следующие меры:

а) необходимо разъяснить курьеру важность возложенного на него поручения, чтобы он при высадке на берег прятал бы в потаенное место информационные материалы. Это необходимо потому, что не исключена возможность обыска не только на берегу, но и в городе. Необходимо помнить, что за высадившимися на берег членами команды японцы следуют по пятам. Об этом курьер не должен забывать;

б) объяснить курьеру, чтобы он не предавался бы вину, пока не выполнит поручения, то есть не передаст мне ваши указания и не примет, и отнесет на пароход мои документы, и не спрячет их там в надежное место;

в) курьеру, явившемуся в пьяном виде, информацию передавать не буду.

Должен сообщить, что этот вопрос у нас с вами самый больной. Никакие словесные поручения курьеру не делайте, так как по этому делу я никаких разговоров вести не буду. Курьер не должен идти сразу ко мне, а только побродив по городу, так как за высадившимися пароходными служащими по пятам следует жандарм, филер. Мне же ходить на берег и встречать моториста сейчас нельзя, так как на берегу во время прихода русского парохода всегда стоят дежурные жандармы, которые меня хорошо знают, и мое шатание по берегу, иногда допоздна, в ожидании моториста, может только навести подозрение. Вам неизвестна строгость кордона на Погибях, который обязательно обыскивает не только груз, но и возчиков»[148].

Помимо «самого больного вопроса» Ощепкова беспокоили проблемы со своеобразным пониманием конспирации во Владивостоке (как мы позже узнаем, волновался он не зря). Секретные материалы он получал и передавал в металлической коробке из-под конфет, оборудованной вторым дном. Этого было недостаточно для того, чтобы обмануть бдительность японской контрразведки и полиции, а потому резидент взывал к Аркадию: «...все исходящие от меня документы буду писать на тонкой бумаге, на которой я сейчас пишу. Оригиналы добытых документов будут упаковываться в коробки, крышки которых я буду запаивать. Затем коробку буду обшивать черной материей и ставить на ней свою сургучную печать "Д. Д.". Никаких надписей делать не буду. Все мои документы буду подписывать "Д. Д.", но только через черную копировальную бумагу... Я надеюсь, что все исходящие от меня бумаги строго содержатся вами в полном секрете и при неблагоприятных политических переменах они будут уничтожены в первую очередь...»[149]

Сменовеховство Ощепкова выглянуло в этом донесении во всей красе: получалось, что резидент «Д. Д.» вполне себе допускал возможность неблагоприятных для красных политических перемен и совсем не скрывал этого. Причем, в отличие от Троцкого и Сталина, допускавших временное «утверждение» белых на Сахалине от неуверенности в

своих силах, Ощепков не мог обладать такой же полнотой информации и не имел права высказать свое мнение на политические темы в служебной переписке. Это было весьма рискованно, и хотя вряд ли Бурлаков пропустил оговорку резидента на Северном Сахалине, но, надо ему отдать должное, нам неизвестна критика «Д. Д.» из уст Аркадия. Наоборот, он понимал, безусловно, что Василий Сергеевич хоть и сменовеховец-попутчик, но попутчик честный, преданный и, что на тот момент было особенно важно, высокопрофессиональный. К тому же, глядя на неизбежные победы Советов, Ощепков обязательно должен был «перековаться», стать своим. Поэтому Бурлаков старался помогать Ощепкову как мог, хотя уровень непонимания между Центром и резидентом (который, угубляясь, спустя еще полтора дестка лет особенно ярко проявит себя в отношениях между Зорге и Москвой) кажется сегодня фантастическим. Пример тому «инцидент с Буриковым».

По сведениям Лукашева, в какой-то момент у Василия Сергеевича возник конфликт с неким «гражданином Буриковым». Кто это был, до сих пор неясно, но нервов таинственный персонаж потрепал нашему резиденту немало. Причиной конфликта стало давно уже замеченное стремление Василия Сергеевича активно работать и зарабатывать. Очевидно, что довольствия резидента на жизнь ему не хватало, тем более что расходы на приобретение киноаппарата и дополнительного оборудования, в том числе для разведывательных нужд, несла не Красная армия, а лично Ощепков. Что касается доходов, то, с учетом необходимости проведения бесплатных сеансов для военных и не слишком большого населения Александровска, этот «бизнес-проект» изначально был обречен на банкротство, если бы не получал дополнительной подпитки с материка в виде новых кинокартин. Поэтому Ощепков устроился (вероятно, переводчиком, но кем точно — неизвестно) в местную контору «Доброфлота» — компании, которой, напомню, принадлежали суда, совершающие регулярные рейсы на Дальнем Востоке, и которая когда-то доставила сюда будущих родителей Василия. Помимо получения дополнительного заработка, теперь он мог встречать пароходы на законном основании, не вызывая лишних подозрений у японской полиции. Зато он навлек на себя подозрение Бурикова, который имел какое-то отношение к «Доброфлоту» и то ли претендовал на место Ощепкова, то ли просто завидовал. Буриков развил бешеную деятельность по ком-

прометации Василия Сергеевича, писал на него жалобы, распространял клевету, привлекал к нему всяческое внимание и даже следил за ним, надеясь уличить в недостатке радения на службе в «Доброфлоте». Резидент был вынужден жаловаться в Центр, ибо Буриков вот-вот мог сделать то, что оказалось неподвластно японской полиции: расшифровать резидента «Д. Д.»: «Гражданин Буриков совершенно изжил меня... С японцами здесь я справлюсь скорее, чем с русскими языками»[150].

Мы не знаем, что именно произошло потом, но жалоба Ощепкова возымела эффект. В какой-то момент упоминания о Бурикове исчезли из донесений резидента. Можно пофантазировать на тему того, как нашему герою удалось заставить кляузника навсегда умолкнуть — например, с помощью отточенного приема из арсенала секретного уровня дзюдо и броска в свинцовые воды Татарского пролива, но очевидно, Бурлаков и его люди нашли менее кровожадный способ заставить гражданина Бурикова замолчать, предложив ему, например, хорошую должность во Владивостоке.

Помимо пьяниц-курьеров, отсутствия должной конспирации и кляузника Бурикова существовали и другие проблемы, преследовавшие Ощепкова во время службы в советской разведке. В первую очередь, как мы уже видели, это была нехватка финансирования. Деньги на оперативные нужды он получал нерегулярно и с большой задержкой. Отчеты же в целесообразном расходовании от него требовали по всей форме, заставляя заодно переводить расходные документы, в том числе счета, с японского на русский язык. В запаянных контейнерах часть места была отведена не секретным данным о японской армии, как может думать об этом дилетант-романтик, так представляющий себе службу в военной разведке, а бухгалтерской документации и авансовым отчетам о расходах резидента[151].

Фотоаппарат, которым он снимал японские воинские части и, при возможности, секретные документы, Ощепков купил сам, на свои средства. Но в поездках ему понадобился еще и бинокль, с помощью которого он рассчитывал скрытно наблюдать за военными объектами и передвижениями личного состава. Фотоаппарат для киномеханика — признак принадлежности к операторской профессии. Покупать же бинокль в японском Александровске русскому человеку означало самому вызываться на «интервью» в военной жандармерии — кэмпэйтай. Ощепков обратился за помощью во Владивосток, присовокупив эту просьбу к

вопросу о главной проблеме — о кинокартинах. Показывать киномеханику было нечего, а следовательно, вся разведработа оказалась под угрозой срыва. Необходимо было ехать за картинами во Владивосток, что могло оказаться довольно опасно и требовало оформления дополнительных документов, а значит, новых, ненужных и опасных проверок японской полицией, или заказать их там. Существовал и намного менее опасный вариант: оформить письменный заказ через подставную фирму и получить фильмы пароходом вместе с очередной почтой. Для этого надо было только подключить командование во Владивостоке, которое должно было создать нормальные условия для легализации своего резидента на Северном Сахалине. Ощепков написал соответствующее донесение и... впервые узнал, что такое советская бюрократия.

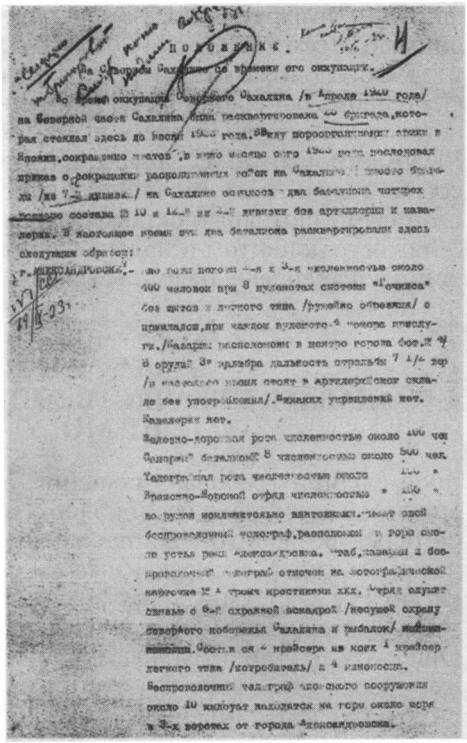
Сначала Центр потребовал обосновать разумность просьбы об обеспечении кинофирмы Ощепкова новыми картинами. Это удалось сделать во время очередной встречи со связным. Леонид Бурлаков подписал рапорт начальнику разведотдела 17-го Приморского корпуса, которому теперь подчинялся: «Со слов маршрутного агента Иванова подтверждается необходимость снабжения резидента "Д. Д." картинами и биноклем цейса для наблюдения за японскими судами. Прошу для пользы дела обратиться от имени Корпуса в Примгубисполком (киносекция ГУБОНО) о выдаче»[152]. Цейсовский бинокль военные нашли, а вот с картинами так ничего и не получилось. Ни в Никольске-Уссурийском (ныне — Уссурийск), где до 1924 года располагался штаб корпуса, ни во Владивостоке новыми кинофильмами с разведчиками никто не поделился. Киносекция губернского отдела народного образования попросту проигнорировала просьбу военной разведки, поставив под вопрос существование советской резидентуры в Александровске и жизнь самого резидента. Справедливо раздраженный таким развитием событий Ощепков попросил связного дать из Николаевска во Владивосток телеграмму из сорока восьми слов открытым текстом:

«16/10 1923 г.

Владивосток. Пушкинская 47. Блюменфельд для Леонида.

Письмо от 28 сентября получил. Зимою без картин оставаться Сахалине не могу, вынужден буду искать службу вне Сахалина. Если дорожите мною качестве представителя Вашей фирмы немедленно высылайте пятнадцать программ

Фрагмент донесения Ощепкова с Сахалина



ПОЛОЖЕНИЕ.

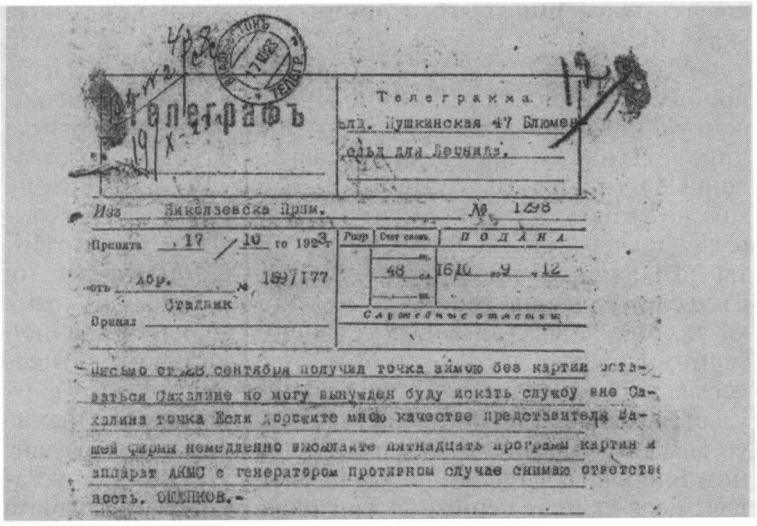
...ко время оккупации Северного Сахалина /в 1920 году/ на Северной части Сахалина были расквартированы ... стрелка, которая стояла здесь до весны 1925 года. Ввиду пересмотрения этого в Японии, сокращено 4 пункта, в ноябре месяце того 1925 года последовал приказ о сокращении расположенных войск на Сахалине. Из этого было /из 7-ми пунктов/ на Сахалине осталось два батальона четырех ... состав 2-10 и 1-8 пулеметных без артиллерии и кавалерии. В настоящее время эти два батальона расквартированы здесь следующим образом:

г. Александровск - ... роты пехоты 1-ая и 3-ья численностью около 400 человек при 8 пулеметах системы "Гочкиса" без щитов и лучного типа /ручного обтекания/ с прицелами, при каждом пулемете 4 комплекта принадлеж. /Кавалерии расположено в городе Александровске 8 и 9 орудий 3" калибра дальностью стрельбы 7 1/2 верст /в настоящее время стоят в артиллерийском складе без употребления/. Никаких укреплений нет. Кавалерии нет.

Пешего-горная рота численностью около 400 чел.
Конный батальон 8 численностью около 500 чел.
Телеграфная рота численностью около 100 "
Военно-морской отряд численностью " 100 "
по роду вооружения ничем не отличаются. Имеют свой беспроволочный телеграф, расположен в городе около устья реки Александровка. Штаб, казармы и беспроволочный телеграф отнесены на Александровской косе на 1-2 версты крестиками XXX. Через пролив связаны с 5-ой охранной эскадрой /несущей охрану северного побережья Сахалина и рыболов/ миноносцем. Состоит из 4 крейсеров из коих 1 крейсер легкого типа /истребитель/ и 4 миноносца.

Беспроволочный телеграф японского сооружения около 10 километ находится на горе около поста в 3-х верстах от города Александровска.

Телеграмма резидента на Сахалине



Телеграфъ

Телеграмма.

...ул. Пушкинская 47 Блюмен...
...отъ для Дечинай.

Изъ Николаевска Прим. № 1298

Принята 17/10 го 192[illegible]

Отъ Абр. № 189/177

Отделение

Принял

Разр. | Счет словъ | ПОДАНА

48 сл. 1610 ч. 9 м. 12

Служебныя отмѣтки

...письмо от 25 сентября получил точка займусь без картин остаюсь Сахалине но могу вынужден буду искать службу вне Сахалина точка Если дорожите мной качестве представителя Вашей фирмы немедленно вышлите пятнадцать программ картин и аппарат АКМО с генератором противном случае снимаю ответственность. ОЩЕПКОВ.-

картин и аппарат АКМС с генератором противном случае снимаю ответственность. ОЩЕПКОВ»[153].

По сведениям Михаила Лукашева, телеграмма Василия Сергеевича осталась гласом вопиющего коммерсанта в советской бюрократической пустыне. Штаб 17-го корпуса РККА кинокартин ни закупить, ни каким-либо другим способом получить не смог. Ощепков снова купил фильмы за свой счет с помощью остававшегося во Владивостоке и работавшего доцентом в Дальневосточном университете Трофима Юркевича — надо же было как-то помогать родине...

Глава девятая

«ДАВАТЬ НЕКАЧЕСТВЕННЫЕ СВЕДЕНИЯ НЕ МОГУ»

А родина требовала решения новых задач, требовала срочно, не слишком беспокоясь о сообразности ставящихся перед резидентом вопросов, — порой настолько, что, читая сегодня рассекреченные документы, просто дивишься полету фантазии и одновременно некомпетентности руководителей дальневосточной разведки тех лет. То, как Ощепков эти удивительные задачи решал, тоже многое может рассказать и о его собственном характере, и о характере его отношений с новой властью.

Осенью 1923 года Василий Сергеевич доложил Бурлакову о получении долгожданного бинокля и нежданных указаний:

«Уважаемый товарищ "Аркадий". С пароходом "Олег", прибывшим сюда на рейд 18 ноября, я получил от Вас коробку с целой печатью и бинокль. В коробке — инструкции, деньги и условия связи с источником. Задачи, выставленные Вами, настолько трудны, что опыта для их решения мне не хватает. К тому же это дело заставляет меня, человека частного, сделаться военным. Для дальнейшей работы по вопросам, приведенным в анкете, заставляет меня взяться за изучение военного японского письменного языка, так как Ваше задание требует знания японской военной терминологии. Книги с пароходом еще не получил. В качестве пособия к переводу японских уставов, если мне их удастся раздобыть, прошу Вас выслать мне наши воинские уставы старой армии и японский устав в переводе, сделанном Блонским в 1900 году. Устав Блонского, правда, устарел, но в смысле терминологии он поможет мне. Работа

серьезная, ответственная, и я не против такого дела. Давать же некачественные сведения не могу.

Документы по Вашему списку достать невозможно. Но при случае можно только сфотографировать. Ввиду этого я купил фотоаппарат и изучаю это дело. На Южный Сахалин постараюсь выехать, если к этому не будет препятствий со стороны властей.

Ввиду того, что Ваши документы я не храню, возможно, будут ошибки в некоторых сообщениях или отчетах. В таких случаях прошу своевременно давать новые указания. Д. Д.»[154].

Владимир Лота и Михаил Лукашев частично расшифровывают содержание полученных Ощепковым указаний и требований разведотдела. По их версии, резидент должен был сообщить данные о японской дивизии, дислоцированной в Александровске, включая ее организационную структуру («...установите срочно нумерацию частей японского гарнизона на Северном Сахалине от роты и отдельной команды до армии включительно... Вышлите подробную карту хотя бы на японском языке»), сведения о ее командовании по принципу «всё о каждом», указать точное количество личного состава, данные о вооружении и боевой технике, определить местонахождение штаба, узлов связи и так далее — всего 68 (!) вопросов[155].

Это не просто много, это катастрофически много. Поставить столько задач перед резидентом, не имеющим агентурной сети, фактически означает парализовать его деятельность на несколько месяцев. То, что Ощепков согласился все поставленные задачи решать, говорит о том, что, не исключено, ответы на многие вопросы у него уже были готовы. Характерна при этом аккуратная, но все же оговорка о вероятных ошибках в отчетах из-за невозможности хранить все запросы Центра — мол, всего и не упомнишь, что вы мне понаписали. Но даже это меркнет перед проблемой с переводом на русский язык японских воинских уставов. При всем драматизме ситуации, она заставляет вспомнить современный интернет-мем «Ты ж переводчик!».

«Он же переводчик! Что ему стоит?» — примерно так, судя по всему, думали в руководстве разведки корпуса, ставя такую задачу перед своим резидентом, работающим под полицейским контролем в поселке, где число жителей незначительно превышало число оккупантов. Как представляли себе выполнение задачи по переводу штабные

красные офицеры? Как виделся им предприниматель и сотрудник «Доброфлота» Василий Ощепков, долгими зимними вечерами в заметенной снегом избе перекладывающий японскую строевую лексику на язык красноармейцев и командиров в компании с подвыпившими мотористами, и время от времени забегающий в штаб японской дивизии уточнить, как правильно читаются иероглифы в слове «тактическая разведка»? Как вообще могла прийти в голову такая идея — озадачить разведчика переводом книги, пусть даже (и тем более!) военной, в условиях вражеского окружения? Явную нелепость не получится оправдать и тем, что в Приморье нельзя было найти переводчика с японского языка. После Русско-японской войны Восточный институт выпустил из своих стен достаточное количество драгоманов, чтобы удовлетворить потребности и гражданских, и военных ведомств. Можно вспомнить хоть того же Трофима Юркевича, который вряд ли бы отказался от такой подработки. Но нет — начальники Ощепкова (Бурлаков?) валят все задания в одну кучу и сбрасывают резиденту, которого при этом не могут обеспечить инструментом прикрытия — кинокартинами. Резиденту, находящемуся под наблюдением японской полиции и вынужденному бороться одновременно еще и с сутягами типа «гражданина Бурикова». Когда Сунь-Цзы, автор знаменитого древнекитайского трактата «Искусство войны», писал о том, что «только совершенномудрый может быть руководителем шпионов», он имел в виду и недопущение таких ситуаций, чтобы шпион использовался не по назначению. Увы, не было в то время таких — совершенномудрых — людей в 17-м Приморском корпусе на советском Дальнем Востоке, и позже этот недостаток «правильных» людей сыграет ключевую роль в очередном повороте судьбы Василия Ощепкова.

Весьма странно выглядит и согласие, данное Василием Сергеевичем, на перевод. Во-первых, сообщение о том, что он не знаком с военной терминологией, вызывает вопрос о прежней специализации Ощепкова еще в дореволюционной контрразведке и разведке. Чем он занимался там? Какие задачи решал, по каким заданиям, не связанным с военной тематикой, отправляясь в командировку в Токио от разведотдела штаба Владивостокской крепости? Что, какие документы переводил с японского языка? Как могло получиться, что после нескольких лет работы против японской армии он оказался «частным человеком», незнакомым с ее терминологией? Или утверждение об этом незнакомстве

всего лишь блеф и Василий Сергеевич элементарно тянул время, понимая, что на вопрос «почему я должен под носом у противника хранить письменные материалы военного характера?» не получит внятного ответа?

Во-вторых, Ощепков-то прекрасно должен был представлять себе, чем может ему грозить найденный при обыске словарь Василия Блонского, кстати, профессионального русского военного разведчика-япониста, с которым он мог лично пересекаться по службе в царское время. Если бы словарь обнаружила японская полиция, убедительно объяснить его наличие в доме Ощепкова было бы крайне сложно. Зачем кинопрокатчику японские уставы и словарь военных терминов? Василий Сергеевич должен был это понимать и тем не менее согласился. Почему? Объяснить столь серьезный промах «в пользу» Ощепкова никак не получается, если только не допустить, например, что он точно знал, что словарь Блонского ни в Никольске, ни во Владивостоке найти не удастся, но тут мы сами пускаемся в фантазии, переходим в область предположений и ничем не подтвержденных версий. Похоже, что в истории с переводом японского устава сплоховали обе стороны, и только по счастливой случайности это дело не привело к катастрофическим для Ощепкова последствиям. В результате ничего страшного не произошло. Не произошло вообще ничего: упоминания о словаре и уставе в известных исследователям документах больше ни разу не попадаются. А вот сообщения об успешном решении других вопросов там есть.

Рассекречены два донесения Ощепкова, сопровождавших передачу от него контейнеров с добытой информацией через курьера. Одно из которых датировано 6 мая 1924 года: «...С пароходом "Георгий" в 9.00 получил от вашего курьера коробку конфет "Монпансье". В ней четыре документа с вашими указаниями. Передал курьеру свою коробку с добытыми документами, отчет о работе, финансовый отчет и местные японские газеты»[156].

Второе без даты, похожее на финальный отчет, частично раскрывающее методы работы резидента: «...Благодаря пребыванию с солдатами мне удавалось путем расспросов и наблюдения узнавать количество, вооружение, нумерацию японских частей до дивизии включительно. Я изучал быт японских солдат, условия их проживания в казармах, интенсивность их ежедневных занятий и тренировок, их питание, взаимоотношения между собой и офицерами. Благодаря знанию японского языка и японских обычаев

я пользовался большим уважением со стороны солдат, что помогало мне в выполнении ваших задач...»[157]

На одиннадцати страницах машинописного текста одного из сообщений Ощепкова — подробные ответы на заданные разведотделом вопросы. Оно составлено не позже 19 сентября 1923 года. Это еще одно свидетельство в пользу того, что на Сахалине Ощепков оказался задолго до осени 1923 года: слишком много информации он успел собрать к тому времени. Судите сами: в отчете дается общая характеристика японского оккупационного контингента на Северном Сахалине, приводятся подробные данные о его организационной структуре, степени оснащенности боевой техникой и вооружении с разбивкой по населенным пунктам, использованным в качестве временных военных баз. Отчет содержит исчерпывающие характеристики личного состава японских воинских частей, а также их командиров, включая генерал-лейтенанта Иноуэ (встречающееся в литературе утверждение о личном знакомстве Иноуэ и Ощепкова ничем не подтверждено, а приведенным выше донесением «Д. Д.» о задействовании в получении информации рядового личного состава просто опровергается), генерал-майоров Такасу, Матида и Мацуи.

Кроме того, в отчете содержатся подробные данные о японских военно-административных сооружениях (водопровод, железная дорога), полувоенных и частных предприятиях, что говорит о том, что Ощепков умело занимался не только военной, но и экономической разведкой (например, «на карте восточного побережья Сахалина красным карандашом мной обозначены нефтяные места, изыскания на которых дали благоприятные результаты»).

Есть основания полагать, что и следующие отчеты «Д. Д.» выглядели примерно так же, учитывая, что по итогам 1923 года он получил схожие «вопросники»: «Хотелось бы иметь ответы на следующие вопросы: общий обзор сахалинской японской армии и гражданских учреждений... Есть ли намерение эвакуации и ее срок?.. Были ли какие-либо пополнения или уменьшения армии в 1923 году?..»[158] Донесения Ощепкова были четко структурированы, и эта структура точно соответствует дошедшим до наших дней схемам подачи разведданных, изложенным в книгах теоретиков русской разведки Владислава Клембовского и Павла Рябикова[159], а также в специальных методичках, составлявшихся до революции разведывательными отделами Сибирского и Заамурского военных округов, в создании которых деятель-

ное участие принимали разведчики-японоведы Василий Васильевич Блонский, Алексей Николаевич Луцкий, Василий Николаевич Крылов. Например, в упомянутом отчете Ощепкова за октябрь 1923 года информация о дислокации и вооружении воинских частей подана следующим образом:

«В г. Александровск: 2 роты пехоты — 2-я и 3-я численностью около 400 человек при 8 пулеметах системы "Гочкиса" без щитов и легкого типа (ружейного обрезания) с прикладом, при каждом пулемете 4 номера прислуги. (Казармы расположены в центре города, фот. № 7.) 5 орудий 3[-дюймового] калибра, дальность стрельбы 7½ верст (в настоящее время стоят в артиллерийском складе без употребления). Никаких укреплений нет. Кавалерии нет»;

о важных экономических объектах: «каменноугольный рудник Ф. Е. Петровского. Работал зиму 1922 года. Продажа исключительно частная и на электрическую станцию. Цена угля с доставкой 16 йен тонна. Рудник расположен в 6 верстах от города»;

о крупных военных чинах: биография, родственные и карьерные связи, послужные списки, личные качества, с приложением фотографии[160].

Понятно, что несведущему, далекому от разведки человеку трудно сегодня оценить важность и качественный уровень передававшейся Ощепковым информации. Кто был более компетентен — Аркадий, выдававший за один присест 68 пунктов «вопросника» резиденту, или сам резидент, увиливавший от выполнения некоторых из этих заданий? Может быть, мы сегодня, глядя на Василия Ощепкова как на «икону истории самбо», приписываем ему те качества, те достоинства, которыми он вовсе не обладал? Делаем из него героя разведки, хотя он был всего лишь второстепенным сотрудником (тут надо заметить, что глава разведки Колчака генерал Павел Федорович Рябиков призывал и такого, как он выражался, «ремесленника дела», в интересах службы проверять и привечать)? Чтобы ответить на этот вопрос, автор, прекрасно осознавая невозможность самостоятельно разобраться в тонкостях работы спецслужб, обратился к профессионалу. В 2011 году пожелавшему остаться неизвестным офицеру российской военной разведки были направлены фрагменты из отчета Ощепкова, переданного из Александровска. Отправлены «втемную», без указания источника — фрагменты донесения выбирались с таким расчетом, чтобы эти детали нельзя было определить. Спустя некоторое время был получен ответ:

«Имеющиеся в нашем распоряжении материалы являются фрагментом информационно-аналитического справочного документа, по сути, представляющего собой аналог раздела современной разведывательной сводки по военно-политической обстановке, составу и дислокации сил и средств вероятного противника в отдельно взятом регионе. Документ имеет типовую формализованную структуру, написан четким и лаконичным языком без излишней детализации, что наиболее характерно для документов, предназначенных для доклада руководству оперативно-тактического звена управления и выше.

Учитывая, что в тот исторический период, которым датируется данный документ, органы военной разведки РККА находились в стадии формирования, а структура табельных разведывательных документов только разрабатывалась, есть основание полагать, что в его основе были использованы шаблоны старых документов Генерального штаба царской армии. *Отдельно следует отметить характер изложения материала, отличающийся высоким, даже с позиции сегодняшнего дня, уровнем военной, политической и экономической грамотности* (курсив мой. — *А. К.*).

Принимая во внимание общий уровень подготовки сотрудников РККА того времени, можно также предположить, что человек, непосредственно исполнявший (сводивший) документ, имел специальную информационно-аналитическую подготовку и, вероятнее всего, являлся кадровым сотрудником органов военной разведки еще дореволюционного периода.

Изложенные в документе сведения представляют собой обобщенную и структурированную информацию, которая была получена из различных источников: агентурных, в том числе и документальных, непосредственного наблюдения, опроса местных жителей, анализа данных из средств массовой и экономической (биржевой) информации. Наряду с информацией сугубо военного характера (состав, основное вооружение и дислокация частей и подразделений) в документе содержатся сведения об органах военно-административного управления, состоянии ключевых элементов инфраструктуры, в числе которых указаны объекты разработки нефтяных месторождений, районы проведения и результаты геолого-разведочных работ в северо-восточной части острова Сахалин.

В материалах присутствуют ссылки на фотографии и карты. Учитывая наличие на оккупированной территории

определенного режима и ограничений на перемещение (упоминание об этом также имеется в тексте), фотографирование объектов и сбор сведений для нанесения обстановки на карту должны были потребовать значительного времени и сил.

Учитывая изложенное, с высокой степенью вероятности можно предположить, что представленный документ исполнялся в штабных условиях, а работа над ним состояла в актуализации имеющегося варианта сводки и внесения в него правок и дополнений, полученных из последних разведывательных донесений..»[161]

Думается, теперь вопрос с компетенцией резидента «Д. Д.» можно считать закрытым. Он не был «второстепенным сотрудником», наоборот, именно Василий Ощепков в 1923—1924 годах являлся глазами и ушами Красной армии на Северном Сахалине. Он, конечно, не знал о письме Троцкого, а Троцкий не догадывался, кто конкретно выполняет его приказы — этого и не требовалось. Важно, что задача была выполнена, и выполнена на высочайшем профессиональном уровне. И обратим внимание на то, что Ощепков работал не только над задачами военного характера. Как в скором будущем его преемник — Зорге-Рамзай, резидент «Д. Д.» много внимания уделял экономике и вниканию в, казалось бы, ненужные, неинтересные детали быта рядовых солдат японской армии (Зорге так же тщательно, на научном уровне, изучал сельское хозяйство Японии), умело составляя по ним психологический портрет армии вероятного противника. Американцы займутся этой работой только после начала Второй мировой войны, после нападения на Пёрл-Харбор. Надо признать, займутся более профессионально, бросив на изучение психологии японских военных лучших своих японоведов — учеников русского профессора Сергея Елисеева. Но Василий Ощепков работал над этой проблемой на 20 лет раньше, но снова — увы: не нашлось в Советской республике ни единого «совершенномудрого» руководителя шпионов, которому это показалось бы интересным. Справиться бы с пьяницами-курьерами...

По данным Владимира Лоты, лишь в 1924 году удалось решить «больной вопрос» с помощью закрепления за александровской резидентурой специального, заслуживающего доверия маршрут-агента Иванова. Получив, наконец, новые фильмы, Ощепков снова взялся за синематограф и вроде бы даже начал работать с прибылью, установил контакты

с коллегами из Германии и Китая, связался с кинопрокатным обществом «Алексеев и К°» в Харбине — фактически монополистом-оптовиком киноиндустрии Дальнего Востока. Удалось успешно легализоваться на Северном Сахалине: Василий Сергеевич женился и как коренной житель японской колонии получил японский паспорт и полицейское свидетельство о благонадежности[162]. Новые документы выводили резидента на более высокий уровень возможностей. Центр это понял и не заставил себя ждать. С очередным контейнером с документами Ощепков получил новое распоряжение штаба: «Товарищ "Д. Д.", при сем препровождаю вам программное задание по разведывательной работе на Сахалине в частности и вообще по Японии как на ее территории, так и в ее колониях — Корее, Формозе и Южном Сахалине. Максимум внимания уделите следующим вопросам, связанным с добыванием сведений о японской армии...»[163]

Можно представить себе выражение лица Ощепкова, когда он узнал, что теперь в сферу его деятельности входит не только весь Северный Сахалин, но и Южный, а также даже Формоза (Тайвань) и Корея. При этом перевести резидентуру планировалось вовсе не в Сеул и не в Тайбей, а «...перебросить необходимо на Южный Сахалин, так как с 1918 года мы совершенно не знаем положения там»[164].

Ощепков был отличным разведчиком, настоящим профессионалом, но такое «программное задание» оказалось чересчур даже для него. И... Василий Сергеевич отказался. Отказался ехать на Южный Сахалин, и тут же, верный своему долгу, предложил штабу послать его в другую командировку — в Токио, откуда он уехал всего шесть лет назад и где ему многое и многие знакомы. В Токио, из которого и за Формозой можно было бы наблюдать, и за Кореей, и за Сахалином — были бы силы, деньги и терпение...

Глава десятая

РУССКИЙ БЭНСИ СОБИРАЕТСЯ В ЯПОНИЮ

Судя по имеющимся данным, к 1924 году советская военная разведка не располагала в Японии никакими ресурсами. До установления официальных дипломатических отношений, а значит, и до прибытия в Восточную столицу военных атташе и создания легальной резидентуры оставался еще год. Нелегальных разведчиков в Токио еще не

отправляли. Это было нелегко и в «старорежимные времена», и оказалось совершенно невозможно теперь, в условиях Советской России. Царская разведка располагала хотя бы штатом военных атташе (агентов), первое место среди которых по уровню профессионализма и сроку службы в Японии занимал полковник, позже — генерал-майор Владимир Самойлов. Рассказывая об особенностях разведки в этой стране, невозможно не обратиться к соображениям Самойлова, относящимся к ноябрю 1908 года, ставшими результатом долгого и внимательного изучения системы японского контршпионажа, с комментариями Константина Звонарева — теоретика уже советской разведки. Основными препятствиями для создания эффективной разведывательной сети в Японии Самойлов называл следующие причины:

«1. Патриотизм японского народа, воспитанного в строгих правилах преданности "престолу и отечеству" и в очень редких случаях идущего на измену. Но тут же следовало добавление, что "в последнее время заметен упадок нравственности в этом отношении и все чаще являются предложения услуг иностранцам; однако к подобным предложениям приходится относиться с большой осторожностью. Предлагающие свои услуги обыкновенно бывают принуждены к этому денежными затруднениями вследствие игры или кутежей, а так как в Японии игры запрещены, то много шансов за то, что данное лицо уже находится под наблюдением полиции и за каждым шагом его следят, следовательно, он легко может попасться, что обыкновенно и бывает довольно скоро".

2. Скрытность и недоверчивость японцев. Их "никоим образом нельзя обвинить в болтливости. Многое из того, что в европейских странах является предметом обыденных разговоров офицеров и чиновников и пр., — никогда не обсуждается вне присутственных мест, следовательно, уничтожается возможность кому бы то ни было услышать и воспользоваться этим для каких бы то ни было целей".

3. Широкое понимание слова "секрет". "В Японии секретными считаются многие вещи, которые в европейских странах появляются в печати и продаются для публики: большая часть карт, все учебники военных училищ, штаты и пр. секреты. Только в недавнее время опубликована дислокация японских войск, составлявшая доселе секрет. Все приказы, распоряжения и пр., кроме публикуемых в официальной газете 'Кампо', — считаются секретными;

никогда не объявляются сведения о формировании, передвижении частей и пр.".

4. Хорошо организованная служба жандармов и тайной полиции. "Укоренившаяся среди японцев привычка шпионить и подсматривать друг за другом выработала из них отличных агентов тайной полиции. В Японии не считается позорным ремесло шпиона и доносчика. Жандармы проходят, кроме того, особую школу и, как известно, в военное время употребляются для надобностей тайной разведки".

"С другой стороны, в Японии легче, чем где бы то ни было, следить за каждым иностранцем, ибо скрыться 'белому' никак нельзя. На каждого иностранца прежде всего смотрят с предубеждением, что он шпион, и сразу же его окружают надзором. Корреспонденция его прочитывается, за каждым шагом его следят, замечают всех, с кем он видится, и пр. и пр. Только по прошествии некоторого времени, когда убедятся, чем он действительно занимается, можно рассчитывать, что его сравнительно оставят в покое, но и то за ним остается надзор при помощи прислуги и т. п. Без преувеличения можно сказать, что за всеми официальными лицами, живущими в Японии, по пятам следует агент полиции. Иногда он даже не скрывается и в случае вопроса о том, зачем он неустанно следует, обыкновенно дается ответ, что это делается для безопасности и т. п. Японцы не стесняются осматривать вещи в отсутствие владельца, прочитывать письма, подслушивать и пр.".

5. Малое знакомство иностранцев с японским языком. "Многие распоряжения, исправления, отмены и пр. редактируются, например, таким образом: 'к такой строке, или слову прибавить то-то'. Следовательно, необходимо иметь в руках прежнее и новое распоряжение, иначе ничего понять нельзя. Шифры японцев очень хороши и часто меняются".

6. Трудность найти агентов для тайной разведки, по словам Самойлова, обусловливалась — "вышеуказанными причинами, с одной стороны, а с другой — тем, что большинство живущих в Японии иностранцев обставлены так хорошо теми фирмами и учреждениями, где они служат, что редко кто из них рискнет за небольшую сумму вступить на крайне опасный путь, так как большинству из них известны трудности этого дела и они достаточно напуганы известными 2—3 случаями поимки европейских шпионов. Следовательно, нужны какие-либо исключительные обстоятельства или особенно крупное вознаграждение, чтобы

можно было бы рассчитывать купить услуги европейца. Что касается агентов-японцев, то только сравнительно недавно появились подобные предложения, выступают большей частью люди неопытные, и их пока всегда ловила полиция".

7. "В Японии совершенно неприменимы некоторые общеизвестные приемы разведки, имеющие место в европейских странах: переодевание, подкуп женщин, угощение спиртными напитками и пр. Всякий, применяющий подобные способы, попадется прежде всего сам и ничего не узнает"»[165].

Этот тяжеловесный и, казалось бы, абсолютно лишающий всяких надежд на возможность разведки в Японии список на самом деле являлся лишь руководством к действию для настоящих профессионалов. Тот же Владимир Самойлов, успешно работая в Японии (правда, по свидетельству Звонарева, Петербург почти всегда оставался недоволен результатами его деятельности), смог составить не только перечень трудностей, но и рекомендации по их преодолению. Список инструментов, применяемых для успешного разрешения всех вышеперечисленных проблем, короток, неоригинален, но исключительно эффективен:

«1. Большие деньги.

2. Тщательный выбор агентов, причем никоим образом разведка не может быть поручена лицам, прибывающим впервые в Японию, ибо за ними-то и учреждается самый тщательный надзор; нельзя также поручать этого дела лицам, не имеющим какого-либо другого занятия, это только выдает их.

3. Учреждение какого-либо бюро вне пределов Японии, куда могли бы безопасно являться предлагающие свои услуги лица, так как в Японии их приход куда бы то ни было будет замечен после первого же посещения.

4. Необходима оценка получаемых сведений экспертом на месте, иначе будут доставляться, под видом секретных сведений, переводы из газет, вымышленные известия и т. п. Возможно также получение сведений, сфабрикованных в японском главном штабе, где для этого существует особое бюро и что имело место уже не раз»[166].

Позже мы убедимся, что Ощепков, хотя вряд ли мог знать о рекомендациях полковника Самойлова (они передавались в Генеральный штаб под грифом «совершенно секретно» во времена, когда Вася только-только осваивал японский язык в семинарии), с трудностями работы в Япо-

нии был хорошо знаком, понимал и оценивал их верно, опираясь на опыт других разведчиков-практиков и на свой собственный. Первая проблема, которую он попытался решить, как только получил утвердительный ответ на свое предложение перенести центр разведывательной работы в Японию, был вопрос с деньгами, хотя бы и с небольшими. Пусть Василий Сергеевич и не читал Самойлова, но и по времени, и по служебному положению он вполне мог знать наставления полковника колчаковской разведки Павла Рябикова: «Какие бы отличные проекты организации агентурных сетей ни составлялись, проведение их в жизнь немыслимо без отпуска необходимых средств»[167]. Теперь предстояло убедить в правоте колчаковского разведчика (а он опирался на размышления своего предшественника Клембовского, а тот, в свою очередь, на всех «великих» и «древних», вплоть до Сунь-Цзы) свое начальство. Оно же, в лучших пролетарских традициях, «в гимназиях не обучалось» и на пролетарский бюджет имело очень своеобразный взгляд.

Сохранились четыре листа рукописного текста, адресованные Ощепковым некоему «Т-щу Леониду П..енко» (фамилия неразборчива. — *А. К.*), приложенные к очередным собранным на Сахалине материалам, переданным через мотористa. Василий Сергеевич писал: «Свое согласие на отъезд в Японию подтверждаю, только если Вы будете согласны [...] (неразборчиво. — *А. К.*) следующие мои условия», и условием номер один называл «содержание 300 йен в месяц» в течение года, после чего, по соглашению сторон, «контракт» мог быть продлен. При этом жалованье Ощепкову должно было быть выплачено вперед за полгода, и в эту сумму не включались подотчетные суммы (на оперативные расходы), которые также должны были быть выданы ему на руки или переведены на имя резидента в «Спеши банк» в Йокогаме. Особым образом резидент оговаривал возможное наступление внештатных финансовых ситуаций: «Вы должны заботиться о том, чтобы я не попал в затруднительное материальное положение в Японии, только при условии денег я могу успешно работать на пользу родной армии»[168].

Вторая важная тема, которой было посвящено донесение Василия Сергеевича, — легальное прикрытие его жизни и деятельности в Японии. «В Японии я выступаю как “директор передвижного кинематографа”, — писал он Бурлакову, — и одновременно являюсь представителем

от фирмы "..." (дайте сами название, когда будете писать мне фиктивное уполномоченное письмо) по распространению и прокату русских и германских картин». Очевидно, именно здесь, в этой точке, в седьмом пункте сахалинского донесения и следует искать причину появления на свет крайне странного названия ощепковской кинофирмы — «Slivy-Films». Странного настолько, что японовед Ощепков вряд ли когда-нибудь сумел бы его придумать. Мало того что японцам ровным счетом ничего не говорит слово «slivy», островитянам его еще и произнести — потрудиться надо: в их языке нет закрытого звука «с», слога «вы» и звука «л» — вообще нет. В японской транскрипции злосчастные «сливы» превращаются в «сурибы». Если бы В. К. Самойлов знал бы о таком «прикрытии» для работы в Японии, он наверняка Василия Сергеевича хорошенько пожурил бы за неспособность объяснить что к чему начальству, не владеющему языками, но генерал-разведчик почил в бозе за год до революции и о позоре своего бывшего подопечного узнать не мог (а вот Рябиков, как раз в это время переехавший в Японию, имел шанс столкнуться с рекламой этих самых «Сурибы фирумузу» на токийских улочках!).

Чем же должен был заниматься наш резидент в тени злосчастных «суриб»? Набравшийся опыта в Приморье и на Сахалине кинопромышленник Ощепков к тому времени неплохо разбирался в особенностях японского кино и в тонкостях отечественных кинозакупок. Василий Сергеевич внимательно отнесся к репертуару, который предполагалось представлять его фирме в Японии, но понимал, что по крайней мере на первых порах его нахождения в Японии должность «директора передвижного кинематографа» будет подразумевать работу все тем же бэнси, которым он был на Сахалине.

Как холодно в зале сегодня! С экрана
Японская гейша так грустно глядит...
— ...А знаете... кажется, старая рана
Открылась опять и болит...

Эти стихи о японском кино были написаны в 1918 году. Когда Василий Великолепный боролся на палубе японского броненосца с офицерами эскадры адмирала Като, сын Николая Петровича Матвеева, первого русского, родившегося в Японии, Венедикт Николаевич Матвеев, больше известный как Венедикт Март, путешествовал по родине сво-

его отца и записывал впечатления от посещения японских кинотеатров. Благодаря ему мы знаем сегодня, как выглядел японский кинотеатр времен Василия Ощепкова, какие фильмы там показывали и в чем состоял смысл профессии бэнси:

«...Специфически японское кино далеко не "великий немой". Достаточно сказать, что свежий европеец после просмотра чисто японской картины выходит из кино буквально оглушенным от чрезмерной "нагрузки" барабанной перепонки...

При самом входе в японское кино европеец попадает в совершенно отличную от нашей атмосферу. Прежде всего, купленный билетик — дощечка, оказывается, имеет отношение к... обуви посетителя. У входа в зрительный зал вместе с билетами предъявляются и ботинки. В зрительный зал пускают лишь в носках или чулках. В кино, как и в театрах, японцы обычно располагаются целыми семьями, курят, едят, пьют... Японская публика в кинематографе чувствует себя как дома и иногда располагается в ложах чуть ли не на сутки.

При оглушительных ударах гонга перед полотном появляется совершенно неизвестный нашему зрителю неизменный персонаж японского кино. Это кинорассказчик, живое либретто кинокартины. Тушится свет, и откуда-то из тьмы неугомонно несется патетическая речь артиста-рассказчика. Параллельно с ходом кинодействия он образно рассказывает его содержание. Японцы, которые с такой жадностью вбирают в себя все иностранное, в то же время на редкость бережно относятся ко всему национальному, к своей старине. <...> Обычные японские картины по характеру и содержанию — героические... Европейские и американские трюки в этих картинах заменяются эпизодами битв, искусных воинственных схваток самураев и пр., причем киноартист для национальных фильмов должен быть обязательно искуснейшим акробатом и исчерпывающе знать древние приемы фехтования, а иногда и весь полный ритуал самурайского харакири...»[169]

«Кинорассказчик, живое либретто кинокартины» — это и есть бэнси, та самая профессия, которой успешно овладел русский разведчик Василий Сергеевич Ощепков.

На первый взгляд может показаться, что если убрать японскую экзотику, то бэнси — это герой из фильма Данелии «Мимино», синхронно переводивший на понятный зрителям язык содержание картины. Однако культурно-

исторический «фокус» заключается как раз в том, что японскую экзотику из мастерства бэнси убрать как раз и нельзя — не случайно ведь ни в какой другой стране эта профессия не прижилась. В Японии же, наоборот, бэнси, традиция искусства которых восходила к гидаю — комментаторам средневековых театров кабуки и бунраку, были столь же известны и любимы, как и сами актеры. Фильмы, «озвученные» лучшими бэнси, можно найти в Интернете и сегодня — эти немые картины стоит не только посмотреть, но и послушать! Более того, при демонстрации особо сложных и популярных лент могли быть задействованы сразу несколько бэнси — вплоть до своеобразного дубляжа героев фильма, но только вживую, голосящим при вас речевым оркестром. Неудивительно, что хорошие бэнси сами по себе привлекали зрителей и слушателей. На самых лучших рассказчиков ходили в кинематограф, как на концерт сегодняшних поп-звезд или писателей-сатириков, — не столько посмотреть кино, сколько послушать их комментарии, а при слабой еще в раннем японском кино роли режиссера именно от «говорунов» зависел успех проката каждой конкретной картины. В случае же с сахалинскими гарнизонами, где, судя по всему, состоялась премьера в этом качестве нашего героя, других бэнси попросту не было, Василий Ощепков силой обстоятельств вынужден был стать настоящей местной звездой, знаменитостью киноклубов бывшей каторжной столицы. Безусловно, это его качество, эти его возможности сыграли важнейшую роль в том, как удачно он входил в доверие к японским военным и жандармам.

Теперь русскому бэнси предстоял дебют не на забытом японскими богами Северном Сахалине, а в сердце империи Ямато. Это было серьезнейшее испытание, от результатов которого могла зависеть вся миссия первого резидента советской военной разведки в Японии — именно в таком качестве направлялся туда Василий Сергеевич. Поэтому еще из Александровска он попытался заранее решить вопрос с кинокартинами.

Самым популярным киножанром в Японии того времени были детективы, следом шла проверенная временем классика, включая русскую. В 1914 году, например, было экранизировано «Воскресение» Льва Толстого, вышедшее в японский прокат под названием «Катюша». К началу 1920-х годов хитами стали фильмы Чарли Чаплина, но военным, по долгу службы и в связи с особым восприятием

мира, требовались фильмы патриотические, духоподъемные. В такой аудитории большой популярностью пользовались победные хроники прошедшей Русско-японской войны. Эти фильмы тоже приходилось озвучивать и комментировать в соответствующем приподнятом высокопарном стиле бэнси, и можно попробовать представить себе чувства Василия Сергеевича во время таких кинопоказов в японских гарнизонах. Работать ему приходилось еще и с оглядкой на цензуру в области охраны верноподданнических чувств. Чуть позже, в 1926 году, было даже принято специальное постановление министерства внутренних дел о сохранении достоинства правящей императорской фамилии, авторитета военных и недопущении эротики и «левизны». Но и до подписания постановления полицейское око в Японии не дремало, особенно пристально наблюдая за иностранцами в стране, так что тут бэнси приходилось порой применять чудеса изворотливости, чтобы донести до зрителей идею какого-нибудь искромсанного цензурой европейского фильма.

Именно на зарубежные ленты решил делать упор Ощепков как бэнси-иностранец, работая в Александровске. Об этом свидетельствует то самое донесение с Сахалина: «Подбор сюжетов должен быть следующий:

3 драмы из жизни сыска, расследование какого-нибудь запутанного уголовного преступления.

3 — лирического содержания (как картина "Родные души" в исполнении русских артистов: Коралли),

3 — из жизни какого-нибудь патриота, героя, отличившегося на войне на пользу отечества (для демонстр. в воинских частях),

3 — сказки Гримма, Гауфа, Андерсона, фон Ошенбаха, Вегнора (в общем, такую как картина "Сказка о 7 лебедях" в 7 или 8 частях, шедшая в "Глобусе"),

3 — из жизни диких племен (как картина "Пламя "Сахары").

К каждой драме должна принадлежать комическая в 2 отд. с участием Чарли Чаплина или толстяка "фети [...]" (неразборчиво. — *А. К.*) и одна или две видовых, а если есть ... (неразборчиво. — *А. К.*), то одну [...] (неразборчиво. — *А. К.*) и одну видовую.

Картины должны быть если не новые, то во всяком случае вполне целые по своему содержанию и перфорации.

Следовательно, 15 программ будут составлять приблизительно 180 отделений.

К каждой картине пришлите рекламный материал и содержание картины...»[170]

Не исключено, что Василий Сергеевич уже давно вынашивал идею переноса резидентуры с Сахалина в Японию, и распоряжение Центра о переносе работы на Южный Сахалин лишь ускорило процесс принятия его личного решения о замене одного острова на другой, города Тоёхара (ныне — Южно-Сахалинск) на город Токио. Так же давно он должен был определиться с выбором официального прикрытия на время работы в Японии («главная маска, все-таки, будет кинематограф»), и разведотдел корпуса ему в этом не помогал[171]. Вероятно, Ощепков сам определил себе срок отъезда в Японию (конец октября по старому стилю, то есть начало ноября — по новому), так как позже начинался сезон штормов, а «Д. Д.» очень не хотел остаться без новых кинокартин в Александровске на вторую зимовку. Но руководство думало по-другому, и в ответ понастроивший планов резидент получил следующее послание от Бурлакова, датированное 28 сентября 1924 года (орфография и пунктуация оригинала сохранены):

«Уважаемый товарищ

Работа необходимая государству еще в зачаточном состоянии, намечаются только ея вехи, насчупывается почва, а потому Ваше предложение, бесспорно хорошо но при отсутствии материальных средств в настоящее время не выполнимо, тем более, что Дальний Восток еще оправляется от нанесенных ему экономических разрушений интервенцией. Наша цель при минимальных затратах, подробно осветить нашего врага Империалистическую Японию. В этом отношении Вы поможите как человек знающий быт и условия жизни Японии. Всем, чем можем мы содействовать Вам, в Вашей трудной работе мы представим, но больше можем только обещать в будущем, с восстановлением нашего экономического быта. И так Уважаемый Товарищ — РСФСР ждет от Вас гражданского долга...»[172]

Не согласился Аркадий и с большинством остальных доводов своего резидента: «...Срок отъезда в Японию представляю решать самостоятельно по готовности и возможности. Причем, предложенная вами маскировка требует максимума времени и средств, которыми мы не располагаем в настоящее время, а поэтому вопрос оставим пока открытым до весны. Причем, ваш выезд в Японию и желателен, и необходим, но под другой маской. А именно — если есть возможность устроиться в одно из правитель-

ственных или гражданских учреждений в Японии, принять предложение германской кинематографической фирмы на условиях выезда в один из центральных городов Японии. Можно просто перекочевать в Японию и жить как обывателю — беженцу в их среде. Если любым из указанных мною способов воспользоваться нельзя, то из-за ограниченности средств вам придется остаться на Сахалине до новой навигации...»[173]

«Только совершенномудрый может быть повелителем шпионов»... Снова никто не смог услышать резидента, который, похоже, один понимал, какую грандиозную задачу он предлагает решить, и знал, какими способами можно это сделать. Впрочем... не совсем так. Действительно, такого человека не было среди руководства разведывательным отделом 17-го Приморского корпуса, а вот среди рядовых сотрудников — был. Маршрут-агент Иванов (знать бы, кто этот человек: многим ему обязана наша разведка, но подлинное его имя неизвестно до сих пор) встретился в Александровске с Ощепковым, шокированным ответом Бурлакова. Результатом встречи стал рапорт, который маршрут-агент взял на себя смелость написать Аркадию:

«...Считаю своим гражданским долгом указать на неправильную и вредную для дела точку зрения, изложенную в вашей инструкции тов. Ощепкову от 28 сентября с. г. Отказ удовлетворить просьбу т. Ощепкова о высылке ему кинопроектного аппарата и картин, а также предложение поступить на службу к японцам стоит в полном противоречии с данной ему задачей и знаменует собой связывание по рукам и ногам этого отважного и талантливого разведчика, на редкость мастерски владеющего японским языком, преданного и любящего свое дело.

Кинематография — это самый верный и надежный способ для проникновения в среду военной жизни японской армии, тогда как должность переводчика герметически закупоривает человека на весь день с 10 до 5 вечера между четырьмя стенами одного только учреждения. Что касается службы переводчика в самой Японии, то это в отношении военных или правительственных учреждений вовсе невозможно, так как в Японии нет надобности в переводах на русский язык. С другой же стороны, в японской армии существует обычай, обязывающий владельцев кинематографов устраивать для солдат льготные киносеансы. Такое положение вещей дает широкую возможность тов. Ощепкову вести точный учет всех частей, бывать в штабах

и фотографировать разные приказы, табели, условия охраны, орудия, военные корабли с их артиллерией, проникать в запретные для посторонних лиц районы, как, например, Ныйский залив, вести широкие знакомства, появляться в нужное время в различных местах, маскировать свои личные средства к существованию, если будет необходимо, — вести жизнь, превышающую сумму постоянного содержания, и вообще успешно выполнять все возложенные на него поручения...»[174]

Завагентурой разведотдела корпуса Леонид Бурлаков рапорт прочитал и передал по команде начальнику отдела: «...Доношу, что со слов прибывшего марш-агента Иванова, имевшего связь с резидентом "Д. Д.", подтверждается необходимость снабжения "Д. Д." кинокартинами и кинопроекторами, так как благодаря этой маскировке работа "Д. Д." будет продуктивна в смысле выявления дислокации японских войск... "Д. Д." по собственному почину и за свой собственный счет выписывает от частных лиц 11 программ кинокартин и производит зарядку аккумуляторов...»[175]

Не менее двух месяцев длилась эта переписка Никольска и Александровска, часть которой в зашифрованном виде проплывала мимо глаз японской полиции. Наконец в октябре 1924 года судьба резидента «Д. Д.» была решена. До наступления зимы он должен был покинуть холодный Сахалин, на котором родился и вырос, вернуться на материк и снова отправиться на остров — но уже на другой, на тот, где прошла его юность, где он стал спортсменом и, главное, патриотом.

Глава одиннадцатая

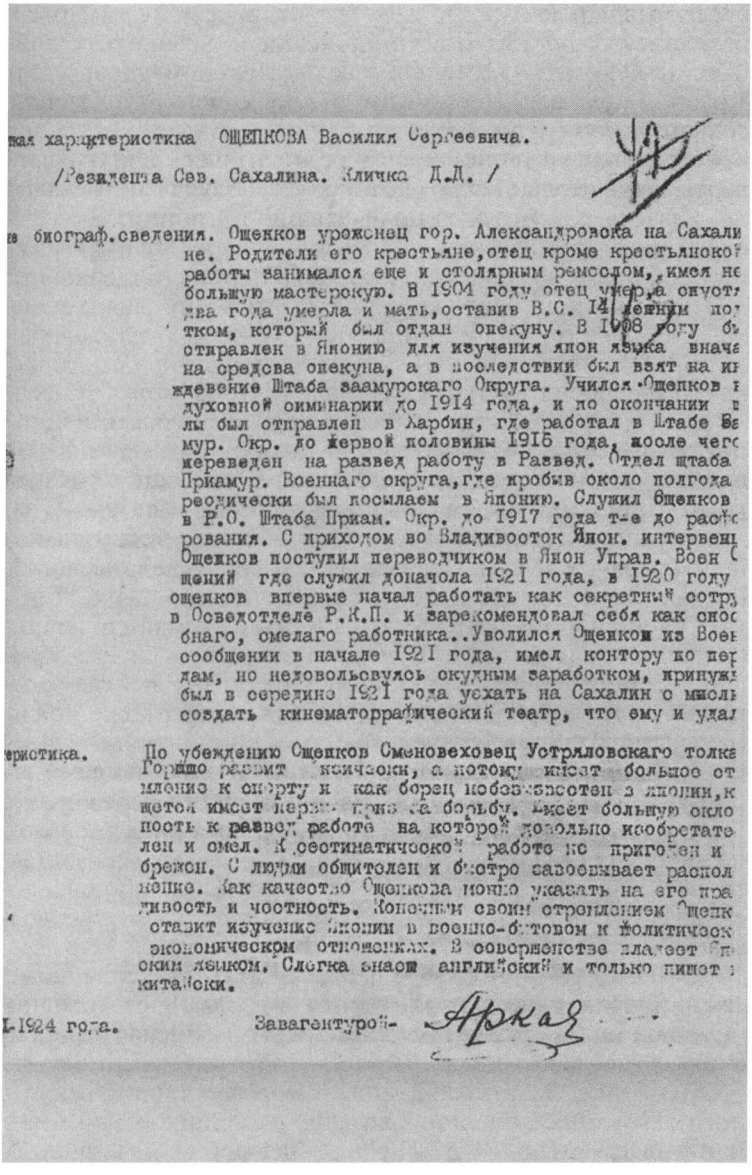
ШПИОН ПО КОНТРАКТУ

Кем и когда окончательно был решен вопрос о создании в Японии резидентуры советской военной разведки, неизвестно. Учитывая, что характеристика на Ощепкова, где он был отнесен к «сменовеховцам устряловского толка», датирована 26 октября 1924 года, можно предположить, что готовилась она ко времени его прибытия с Сахалина в Центр, то есть в штаб... Кстати, штаб чего? 17-й Приморский стрелковый корпус (в книге Лоты — 17-я Приморская армия), агентом разведотдела которого оформлен был Василий Ощепков как резидент «Д. Д.», в январе 1924 года убыл на Украину[176]. На Дальнем Востоке летом 1924 года

был сформирован 19-й корпус со штабом уже не в Чите и Никольске-Уссурийском, а в Хабаровске[177]. Начальником разведотдела корпуса был назначен уроженец Оханского уезда Пермской губернии (откуда родом была мать Ощепкова) Анатолий Федорович Заколодкин — бывший царский поручик военного времени (то есть получивший военное образование в годы войны и не считавшийся кадровым военным) и «свежий» выпускник восточного факультета Военной академии РККА[178]. Резидентура на Северном Сахалине вместе с двумя делами, заведенными на «Д. Д.», и заведующим агентурой Аркадием была временно передана штабу 1-й Тихоокеанской стрелковой дивизии, остававшейся в Приморье.

Позже уровень профессиональной подготовки Ощепкова в дзюдо, его склонности и желание заниматься борьбой станут хорошо известны военному командованию. Но в октябре 1924 года Леонид Бурлаков, так и не разобравшийся толком, кем является его резидент, записал в характеристеке: «Хорошо развит физически, а потому имеет большую склонность к спорту и как борец небезызвестен в Японии. Кажется, имеет первый приз за борьбу. Имеет большую склонность к разведработе, на которой довольно изобретателен и смел. К систематической работе непригоден и небрежен. С людьми общителен и быстро завоевывает расположение. Как качество Ощепкова можно указать на его правдивость и честность. Конечным своим стремлением Ощепков ставит изучение Японии в военно-бытовом и политически-экономическом отношении...»[179] Почему-то кажется, что есть в этой характеристике что-то пренебрежительное, начальственное, хотя именно так, наверно, пишутся все характеристики? Так или иначе, документ этот вместе с другими был представлен руководству военной разведки в Приморье — возможно, во Владивосток, а может быть, и в штаб корпуса в Хабаровске, точно это неизвестно. Вероятно, это произошло одновременно с прибытием туда Ощепкова. Сахалин резидент оставил под предлогом лечения жены и необходимости закупки новых кинокартин[180]. Тем более что картины, и не только, действительно были нужны. Вопрос один — на что их покупать?

С требованиями относительно материального содержания и возмещения расходов командование с Василием Сергеевичем согласилось, но не полностью. Между ними были заключены «условия» разведывательной деятельности —



кая характеристика ОЩЕПКОВА Василия Сергеевича.

/Резидента Сев. Сахалина. Кличка Д.Д. /

биограф. сведения. Ощепков уроженец гор. Александровска на Сахали не. Родители его крестьяне, отец кроме крестьянской работы занимался еще и столярным ремеслом, имел не большую мастерскую. В 1904 году отец умер, а спустя два года умерла и мать, оставив В.С. 14 летним по том, который был отдан опекуну. В 1908 году б отправлен в Японию для изучения япон языка вначе на средства опекуна, а в последствии был взят на и жденье Штаба заамурскаго Округа. Учился Ощепков в духовной семинарии до 1914 года, и по окончании в лы был отправлен в Харбин, где работал в Штабе За мур. Окр. до первой половины 1915 года, после чего переведен на развед работу в Развед. Отдел штаба Приамур. Военнаго округа, где пробыв около полгода периодически был посылаем в Японию. Служил Ощепков в Р.О. Штаба Приам. Окр. до 1917 года т-е до расфо рования. С приходом во Владивосток Япон. интервен Ощепков поступил переводчиком в Япон Управ. Воен щений где служил доначола 1921 года, в 1920 году ощепков впервые начал работать как секретный сотру в Осведотделе Р.К.П. и зарекомендовал себя как опыт бнаго, смелаго работника. Уволился Ощепков из Воен сообщении в начале 1921 года, имел контору по пер дам, но недовольствуясь скудным заработком, принужд был в середине 1921 года уехать на Сахалин с мысль создать кинематорграфический театр, что ему и удал

ристика. По убеждению Ощепков Сменовеховец Устрялоскаго толка Горшно развит физически, а потому имеет большое от мление к спорту и как борец побывавшегося в Японии, к щетов имеет первую премию за борьбу. Имеет большую накло ность к развед работе на которой довольно изобретате лен и смел. К рассеинатической работе не пригоден и брежен. С людьми общителен и быстро завоевывает распол ожение. Как качество Ощепкова можно указать на его пра дивость и честность. Конечным своим отрицанием Ощепк оставит изучение Японии в военно-бытовом и политическом экономическом отношениях. В совершенстве владеет Яп оким языком. Слегка знаком английский и только пишет китайски.

1924 года. Завагентурой- Аркад

своеобразный контракт, в соответствии с которым глава резидентуры № 13, то есть японской, получил регистрационный номер 1/1043 в Разведывательном управлении Красной армии[181]. Псевдоним «Д. Д.» Ощепкову, видимо, сохранили, добавив еще и цифровое обозначение[182], а вот денежное содержание нового резидента срезали на четверть относительно того, которое он получал на Сахалине. Разведчики, никогда не бывавшие в Японии, решили, очевидно, что жизнь там дешевле, чем в Александровске, и, одобрив размер денежного довольствия Ощепкова в 300 иен в месяц, предложили покрывать возникающие расходы из средств, заработанных самостоятельно, с помощью кинопрокатного дела. При этом кинопроектора «Пауэрс», который просил Василий Сергеевич, чтобы получить возможность продолжить киносеансы в расположениях воинских частей и покрывать все те же расходы, ему тоже не выдали, как не выдали и средства на его покупку. Не знакомы были командирам Ощепкова наставления Сунь-Цзы, далеки они оказались и от Кун-Цзы — Конфуция, говорившего когда-то: «Мастер, желающий хорошо сделать работу, прежде всего должен заточить свои орудия».

Ощепков понял, что теперь он сам себе мастер, искать орудия разведывательного труда и затачивать их ему придется самостоятельно, и покинул территорию Советского Союза, перебравшись в Харбин — центр русской эмигрантской жизни в Китае. Там он остановился по адресу Стрелковая, 25, в доме у своего однокашника по семинарии Исидора Незнайко — будущего главного переводчика с японского в Управлении Китайско-Восточной железной дороги, блестящего знатока языка и «секретного связиста», то есть связного, советских спецслужб[183]. Остановился, очевидно, один, хотя официально он был к тому времени женат.

Сама по себе история с первыми двумя вступлениями Василия Ощепкова в брак и одним его разводом до сих пор окутана тайной, которую современная российская разведка считает государственной. Но кое-что в этой истории разобрать можно. Осенью 1923 года, оформляя анкету секретного сотрудника, Ощепков в графе «семейное положение» написал ту самую — странную на первый взгляд, вводившую многих исследователей в сентиментальный ступор фразу: «Холост и одинок». С помощью А. П. Чехова мы выяснили, что «холост и одинок» означало не тоску именно нашего героя по семейной жизни, а отсутствие уз брака в

обоих случаях — и на материке, и на острове. Спустя ровно год, находясь в Маньчжурии, он внезапно обратился в Харбинское епархиальное управление с просьбой расторгнуть его брак с гражданкой Журавлевой Екатериной Николаевной, и просьба его немедленно была удовлетворена. Женился он на Сахалине, будучи уже в разведывательной командировке, — об этом есть два упоминания у М. Н. Лукашева[184]. Внезапно влюбился, а потом столь же внезапно разлюбил? Такое, конечно, вполне возможно — разведчики тоже люди, и никто от этого не застрахован. Вот только характеру того Василия Сергеевича, которого мы знаем по редким, но все же сохранившимся воспоминаниям учеников и родственников, такая поспешность в сердечной страсти не очень соответствует. Совсем другая картина вырисовывается, если предположить, что Екатерина Николаевна Журавлева была родной сестрой однокашника Ощепкова по семинарии, тоже сахалинца Гавриила Николаевича Журавлева, а женитьба на ней понадобилась Василию для получения японских документов, необходимых для въезда в страну. Он приехал на Сахалин из Дальневосточной республики — временного государственного образования на территории Приморья, «буфера» между Японией и Советской Россией. На выезд в Японию для граждан ДВР существовали серьезные ограничения, включая предоставление доказательств платежеспособности. По февральскому закону 1920 года о «системе предъявления наличных денег» каждый въезжавший в страну иностранец, при отсутствии у него японского гаранта, обязан был засвидетельствовать наличие весьма крупной суммы в любой общепризнанной валюте, эквивалентной 1500 японских иен, что гарантировало прибывающему нормальное существование хотя бы на первые недели или даже месяцы пребывания на островах[185]. Для сахалинцев же, чья родина теперь вся, полностью считалась территорией империи, наоборот, действовали существенные поблажки в этом вопросе. Вступив в брак с местной жительницей, Ощепков получал таким образом двойную гарантию благонадежности. И год спустя Харбинское епархиальное управление легко могло пойти навстречу кинопрокатчику, если он объяснил священникам, окормлявшим эмигрантскую паству, что необходимость заключения фиктивного брака вызвана страхом перед большевиками и желанием уехать подальше от них — в Японию. Так это или нет на самом деле, мы пока не знаем, как не знаем и девичью фамилию второй жены Ощепкова —

это почему-то тоже государственная тайна. Известно только, что в 1924 году избраннице нашего героя, уроженке Сахалина Марии Григорьевне было всего 17 лет и что она была прелесть как хороша — это видно по ее фотографиям[186]. Василий и Мария обвенчались.

В Харбине Ощепков не только гостил у Незнайко и решал внезапные семейные проблемы. В этом маньчжурском городе, где русские все еще оставались большинством населения, располагались многие российские компании и в том числе кинопрокатная фирма Алексеева. Ощепков, до сих пор общавшийся с богатыми соотечественниками, имевшими не просто аппарат, а развернувшими полноценный бизнес с кинотеатрами, рекламой, доходами, только эпистолярно, смог теперь вступить в прямые переговоры с целью получения новых европейских и русских кинокартин, еще не демонстрировавшихся в Японии. Харбинские коллеги вроде бы согласились, но переговоры шли медленно — ждали прибытия новинок из Германии. Наконец договор об эксклюзивных правах был заключен. Фирма «Алексеев и К°» обязалась снабжать кинопрокатчика Ощепкова в Японии первыми и единственными копиями новых кинокартин[187]. По пути в Японию оставалось решить еще один деловой вопрос.

В Шанхае, откуда пароход должен был доставить молодую чету к месту назначения, у Василия Сергеевича была запланирована довольно странная встреча. Его поджидали там сразу двое разведчиков: Шадрин — из Разведупра РККА и некий «товарищ Егор» — из Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ, то есть резиденты советских военной и политической разведок соответственно. Похоже, что инициатором встречи был сам Ощепков, так как одним из главных вопросов, обсуждавшихся на тайном рандеву, стало финансирование резидентуры. По выражению Василия Сергеевича, «товарищ Егор нажал на Шадрина», и тот согласился увеличить зарплату резидента до сахалинского уровня, то есть до 400 иен. Правда, снова было специально оговорено, что в эту сумму войдут и расходы по содержанию явочной квартиры — «комнаты для свидания с сотрудниками». Таким образом, при прибавке в 25 процентов планируемые расходы Ощепкова возросли почти вдвое — подразумевалось, что квартир теперь нужно будет две, для проживания и для работы. Зато «товарищ Егор» пробил для коллеги из конкурирующей организации и командировочные в случае поездок по стране (похоже, у него был опыт жизни в Япо-

нии): суточные — 5 иен и квартирные — 3 иены в сутки*. Разумеется, предлагая свою помощь Василию Сергеевичу, чекист не был бескорыстен. Взамен он потребовал у Ощепкова согласия работать и на ИНО ОГПУ, «давая из Японии» сведения экономического характера. Тот вынужден был согласиться, но со временем он с этого чекистского крючка сорвался, объяснив отказ своей полной некомпетентностью в экономических проблемах[188].

На встрече с Шадриным и Егором обсуждались возможности освещения деятельности в Японии казачьего атамана Семенова — самого популярного из выживших в Гражданской войне на Дальнем Востоке белогвардейского лидера, и это очень важный момент, к которому мы еще вернемся. Кроме того, Ощепков передал собеседникам данные о возможных сроках и условиях вывода японских частей с Северного Сахалина, полученные им там в том числе от главы оккупационной администрации генерала Такасу. Это не была определяющая для Москвы информация (советские резидентуры в Китае и Корее, контрразведка в Москве также работали очень эффективно), но кураторам Ощепкова сведения показались важными. Их передали полномочному представителю СССР в Китае Л. М. Карахану, который теперь мог вести переговоры с японцами, что называется, с открытыми глазами[189]. Так что вклад Василия Ощепкова в благополучное разрешение вопроса с возвращением его родины в состав России важен, неоспорим и должен быть зафиксирован в отечественной истории.

Шадриным — куратором Ощепкова от Разведупра, точнее, от разведотдела штаба Сибирского военного округа, встречавшимся с ним в Шанхае, являлся на самом деле Михаил Абрамов (он же Георгий Александрович Родионов). Абрамов-Родионов-Шадрин, будучи специалистом по Дальнему Востоку, в прошлом, так же как и Василий Сергеевич, служил в царской армии, был неплохо образован, понимал особенности службы в разведке (даже успел окончить специальные курсы в 1921 году) и, как мы видим, пытался помогать сослуживцу, которому вместо ежемесячных ста иен вручили призыв быть верным трудовому

---

* Для сравнения: генерал Рябиков во время жизни в Японии вел «Книгу мелких расходов», в которую в 1921 году записывал относительно крупные бытовые траты, прежде всего расходы на бензин (экс-генерал «держал собственный выезд»), рикш, канцелярские товары и проезд по железной дороге. Обычно в месяц у него набегало 40—60 иен.

народу. Во время встречи в Шанхае он выполнял разведывательную миссию в Китае по заданию штаба Сибирского военного округа. Позже, в 1933 году, через восемь лет после установления дипломатических отношений между СССР и Японией, Абрамов и сам уехал в Токио, где стал легальным резидентом Разведупра под «крышей» вице-консула советского представительства и работал параллельно с Зорге[190]. Так впервые переплелись судьбы двух разведчиков разного масштаба, разных уровней работы, но одного направления: и Ощепкову, и Зорге пришлось связать свою судьбу с Японией. Но когда немецкий коммунист занимался еще пропагандой среди шахтеров Рурской области, чета Ощепковых уже села в Шанхае на пароход и около 24 ноября 1924 года прибыла в порт Кобэ.

Глава двенадцатая

РУССКИЙ КОБЭ

Итак, решив ряд серьезнейших вопросов, определивших значительную и важную часть его дальнейшей судьбы, Василий Ощепков вновь отправился в Японию. Он развелся, встретил свою любовь и вновь женился, создал собственную фирму для работы в новых условиях, пошел на вербовку в ОГПУ и преодолел путь от Александровска на Сахалине через Хабаровск, Харбин и Шанхай до Японии — все это за какие-то несколько недель поздней осени 1924 года. Кроме того, за этот же неполный месяц Василий Сергеевич решил еще одну проблему, связанную с миграционным режимом в Японии. У него и его жены были на руках японские паспорта, где они значились жителями японской колонии — Сахалина, в прошлом подданными Российской империи, к тому же получившими в Сахалинском полицейском управлении разрешение на въезд в метрополию без обязательного в таком случае «реверса», то есть обязательства вернуться[191]. При льготном порядке въезда в страну им достаточно было предоставить гарантийное письмо от человека или организации, способной принять их в Японии. В дошедших до нас документах Марии Ощепковой значится адрес, по которому она с мужем должна была зарегистрироваться в Японии: Хёго-кэн, Муко-гун, Сэйдо-мура (префектура Хёго, уезд Муко, деревня Сэйдо. — *А. К.*) 16-06-2925[192]. Место это расположено недалеко от Кобэ, и проживал там в это время Николай

Петрович Матвеев — отец того самого Венедикта Марта, так красочно описавшего устройство японского кинематографа несколькими годами ранее[193].

23 или 24 ноября супруги Ощепковы прибыли в Кобэ. Точка появления в Японии, где Василий Сергеевич не был уже несколько лет (возможно, с 1917 года, когда сдавал экзамены на 2-й дан в Кодокане), была выбрана, может быть и неосознанно, но удачно. После Великого землетрясения Канто, до основания разрушившего Токио и Йокогаму 1 сентября 1923 года (сгорели тогда и «Никорай-до», и почти вся православная миссия на Суругадайском холме), Кобэ стал местом сосредоточения большинства иностранных диаспор Японии. Русская колония насчитывала к тому времени около пяти-шести тысяч человек — это было, как уже упоминалось, самое многочисленное национальное меньшинство в Японии[194]. Люди в панике бежали сюда, на запад, в наиболее развитую часть страны из выгоревшей до состояния пепелища Восточной столицы, а иностранцам, ранее населявшим регион Токио — Йокогама, особенно приглянулся Кобэ.

Еще раньше, во второй половине XIX века, именно Кобэ и Йокогаму японское правительство «назначило» особыми территориями, специальными портами для торговли с заграницей. Их близость к крупнейшим мегаполисам страны (Йокогамы — к Токио, а Кобэ — к Осаке), а также изначальная ориентация на долговременное размещение иностранных диаспор сделали оба города уникальными и в архитектурном отношении. При сохранении по окраинам местной застройки, центры новых портов выглядели совершенно европейскими кварталами, подавляющее большинство жителей которых составляли европейцы и американцы, жившие обособленно от «туземцев». В то же время Йокогама и Токио не были друг другу конкурентами: первый порт специализировался на экспорте, второй — на импорте. Вновь и вновь прибывающим иностранцам, в том числе русским, легче было освоиться в европеизированных кварталах, а не в сохранявшей во многом приверженность национальным традициям «большой Японии». Но если до землетрясения 1 сентября 1923 года в Кобэ оседали в основном «на берег выброшенные грозою», случайно попавшие на Дальний Восток сибирские крестьяне, ремесленники, мелкие чиновники, солдаты и офицеры колчаковской армии, то теперь к ним добавились многочисленные беженцы из Токио. Кто-то находил в проживании

здесь новые перспективы. Кто-то из них задерживался в Кобэ ненадолго, следуя отсюда в Китай, Америку, Австралию. Известный русский поэт-футурист Давид Бурлюк, живший до этого во Владивостоке и ставший свидетелем бурных перемен в Приморье (мог и с Ощепковым быть знаком — кто знает?), тоже оказался временным пленником Кобэ. Он оставил удивительный документ в стихах, очень точно передающий настроение русских, задержавшихся в этом портовом городе и ждущих парохода, чтобы убраться оттуда поскорее:

При станции Санно-Номия
Железнодорожный ресторан.
Хотя теперь такая рань,
Но кофе пью я — Еремия.
Обыкновенный из людей,
Включенный в странствия кавычки,
Я красок скорых чудодей,
Пиита я душой привычный.
Я кофе пью; — Санно-Номия
Мной посещается всегда.
Ведь здесь проходят поезда,
С которыми, неровен час,
В нежданный мне, в неведомый для вас
Примчится вдруг моя Мария.

Пути супругов Ощепковых вели именно туда, где горевал поэт — в район станции Санномия или Санно-Номия, как назвал ее Давид Бурлюк. Это место стало центром эмигрантского и прежде всего русского Кобэ. К 1924 году эмигрантам уже не хватало для жизни старого сеттльмента у порта (сейчас это самый центр города), и они начали осваивать горы, выстраивая кто недорогие дома, а кто роскошные по японским представлениям, оборудованные печами — неслыханное в Японии дело! — особняки в предгорном, а значит, по понятиям Кобэ, престижном районе, называемом Китано. Как раз между Китано и старым европейским кварталом и располагалась станция Санномия (сейчас на этом месте построена станция Мотомати). Нам неизвестны ни название, ни точный адрес пансионата для иностранцев, в котором остановились Ощепковы сразу по прибытии в Кобэ, но именно тут произошел инцидент, очевидно подробно описанный резидентом в своем докладе в Хабаровск. В разных источниках он описывается поразному[195], в том числе с использованием прямой речи, что

сильно снижает степень доверия к таким вариантам рассказа, но резюме можно сделать следующее.

В один из первых дней после приезда в номер к Ощепковым постучался полицейский. Напомним, что для японской полиции тех времен, вплоть до конца Второй мировой войны, это была обычная практика. Стражи порядка в форме и в штатском повсюду, не скрываясь, следовали за иностранцами, останавливали их на улицах, заходили домой, подсаживались в купе поездов и на совершенно законном — по тем временам — основании требовали рассказать о целях прибытия в Японию, месте проживания, цели конкретной поездки и т. д. Не особенно церемонилась японская полиция и с вещами иностранцев, заходя в отсутствие гостей в гостиничные номера или домой и перерывая все до основания. С этим сталкивались практически все путешественники по Японии довоенных времен, зарубежные журналисты, коммерсанты — словом, абсолютно все. Японская полиция мощно прессинговала иностранцев, не давая возможности подумать о хоть какой-то антигосударственной или разведывательной деятельности в этой стране. Профессор Тед О'Конрой, проживший в Японии 14 лет, в том числе в те годы, когда там были супруги Ощепковы, вспоминал: «...когда я имел дело непосредственно с иностранным отделом центральной полицейской организации, я имел возможность часто наблюдать за слежкой и обращением чинов полиции с иностранцами. Многие европейцы покидали свой отель, чтобы купить папирос или выпить что-нибудь, и в каждом случае они становились предметом наблюдений какого-нибудь мелкого сыщика, состоявшего на службе полиции. Стоило иностранцу вскочить в трамвай, сыщик следовал за ним. Если иностранец шел пешком, сыщик шел по его пятам. Иностранец не мог укрыться от сопровождения своего сыщика, пока не возвращался в свой отель...

Недавно я слышал разговор между иностранкой и полицейским на... улице Кобэ. Разговор был несколько односторонним, так как знание языка у дамы было строго ограниченным. Офицер начал разговор следующими словами: "Зачем вы приехали в Японию? Чтобы торговать? Зачем ваш муж открыл этот магазин? Сколько денег вы зарабатываете? Может ли ваш муж представить поручительство на 1000 йен? Где ваши деньги? Зачем вы вывозите деньги из нашей страны? Почему вы не даете работы другим японцам?"»[196].

В случае с выходцами из России ситуация была особенно сложной. Дело в том, что многие из них считались «подозрительными русскими» — этот совершенно официальный термин встречается во всех документах наблюдения за бывшими семинаристами, а значит, наши соотечественники оказывались в поле зрения не простой полиции, а токко. Токубэцу кото кэйсацу, а сокращенно токко кэйсацу или просто токко — специальный отдел департамента полиции при министерстве внутренних дел Японии был создан в 1911 году для контроля за растущим левым (социалистическим и коммунистическим) движением в стране. После революций 1917 года в России, когда именно левые пришли там к власти, главной угрозой для Японии и, соответственно, сферой особой ответственности токко, ставшей по сути тайной полицией, стал контроль за проникновением из Советской страны коммунистических идей, пресечение деятельности красных пропагандистов и, конечно, разведчиков. Потенциально подозрение падало на всех прибывающих из России, избежать же слежки было непросто, и на это требовалось время. Форма же наблюдения токко за иностранцами и особенно русскими комбинировалась из тайной слежки и навязчивого внимания, призванного вывести наблюдаемое лицо из себя и заставить его совершить ошибку, «проколоться». Это отношение японцев к иностранцам еще ощутят на себе советский писатель Борис Пильняк и резидент IV управления Штаба РККА Рихард Зорге, оставившие язвительные комментарии по данному поводу[197], но первым профессионалом, узнавшим, каково быть советским нелегалом в Японии, стал Василий Ощепков. За каждым его шагом будут следить агенты токко, и его жену тоже будут останавливать на улице для допроса. Надо было быть к этому готовым, и Василий Сергеевич, с его опытом дореволюционной еще работы против Японии, был готов.

Представляя шаблонное поведение шпиков, он сразу же предпринял несложные шаги по выявлению нежданных визитеров в своем номере в отеле, в особом порядке располагая вещи перед уходом. Вернувшись, Василий Сергеевич зафиксировал едва заметные последствия негласного обыска, а уже на следующий день полицейский пришел снова — теперь с официальным визитом. На этот раз совершенно внезапно Ощепкова такой визит обрадовал. Дело в том, что относительная узость круга японских русистов и русских японистов часто приводила к неожиданным встречам. Вот и на этот раз Василий Сергеевич узнал в полицейском

специалиста по России Сиба Набути (по М. Н. Лукашеву; по М. Алексееву — «чиновник А.»), с которым познакомился во Владивостоке во время службы у японцев в Управлении военно-полевых сообщений[198]. Официальный визит быстро перешел в неофициальный и затем не раз повторялся. Все авторы, обращавшиеся к этому эпизоду биографии нашего героя, пишут о том, что Ощепков не жалел денег на угощение «старого друга», включая горячее сакэ. Разумеется, Сиба не был единственным человеком в полиции, кто был «закреплен» за Ощепковым, но он владел информацией и не всегда в должной мере владел собой, так что расходы на выпивку оказались оправданны.

Однажды (по сведениям В. И. Лоты, это произошло в феврале 1925 года, когда Ощепков вернулся из поездки в Харбин для встречи со своим куратором из разведки, «прикрыв» командировку переговорами с кинопрокатной фирмой Алексеева) Сиба зашел к Ощепковым в очередной раз. Очевидно, получивший инструкцию проверить политические взгляды подопечного, японский полицейский открыто поинтересовался у Василия Сергеевича его партийными предпочтениями. Ощепков сыграл ва-банк и ответил, что состоит в партии «Д. Д.», что якобы на сахалинском жаргоне означало «деньги-деньги».

Сиба сначала не смог сдержать удивления, а потом, расхохотавшись, объяснил свою реакцию Ощепкову. Оказывается, шанхайская резидентура японской разведки передала в Кобэ сообщение о том, что из Шанхая на пароходе («Натясами-мару» — по Лукашеву; «Шанхай-мару» — по Лоте) в Кобэ направляется советский разведчик по кличке «Д. Д.», работающий под прикрытием кинематографиста. Кроме того, японской разведке стало известно, что этот самый «Д. Д.» прежде работал на Сахалине и даже то, что информация, поступавшая от него, передавалась полпреду СССР в Пекине Карахану. Строго говоря, Ощепков был раскрыт: он прибыл на указанном пароходе (как бы он ни назывался) и был кинопрокатчиком, ранее работавшим именно на Сахалине. Вариантов для выбора японской полиции просто не оставалось: советский резидент был предан еще до того, как начал свою деятельность в Кобэ. Кто это сделал, до сих пор остается неизвестным. Нигде и никогда в открытых источниках этот вопрос не обсуждался. Между тем вычислить японского агента в советской разведке, учитывая немногочисленность людей, знавших о миссии «Д. Д.», но не знавших настоящего имени резидента, вряд ли так уж

сложно. Как ни странно, локализовать и сразу же, на месте, ликвидировать провал удалось самому Ощепкову — он оказался действительно хорошим актером и обаятельным человеком.

Полицейскому Василий Сергеевич пояснил, что в Шанхае на короткое время остановился в пансионате, принадлежавшем русскому эмигранту, бывшему офицеру колчаковской армии. Там Ощепков во время обедов познакомился с другими постояльцами, которым рассказывал о Сахалине и политической ситуации на бывшей русской территории. Когда же зашел разговор о том, к какой партии принадлежит сам рассказчик, тот предложил всем записываться в партию «Д. Д.».

При кажущейся сегодня наивности версии, японская полиция, судя по всему, ее благополучно проглотила. Это может объясняться тем, что ее источник в советской разведке (а скорее всего, в советском посольстве в Пекине) тоже был русским и японцы сами ему не слишком доверяли. Сопоставив полученную от него информацию и рассказ Ощепкова, им пришлось выбирать, кому верить. Похоже, что выученик школы дзюдо Кодокан и бывший переводчик японской армии, которому к тому же симпатизировал Сиба, вызвал большее доверие, чем агент в Китае. Наблюдение за «Д. Д.», разумеется, не сняли, но... «кто предупрежден, тот вооружен». Василий Сергеевич отправил срочное донесение в Хабаровск, потребовав немедленно сменить оперативный псевдоним, и был наречен «Монахом». Работа резидента, как и наблюдение за ним японской полиции, после первоначального невероятного напряжения постепенно перешла в рабочий режим.

Собственно, сама поездка в Харбин была вызвана необходимостью еще раз скоординировать действия резидента и его руководства. За те два месяца, что Ощепков находился в Японии, он успел побывать в Токио, где встретился с неким «К.» (по материалам М. Алексеева) или Абэ (по версии В. И. Лоты). Этот человек был однокашником Василия Сергеевича по семинарии, а в Японии такие студенческие связи много значат, высоко ценятся и тщательно сохраняются всю жизнь. Логика традиции проста: вчерашние студенты, оказавшись в разных ведомствах, параллельно растут и на протяжении всей карьеры могут оказываться полезны друг для друга. Именно так и произошло в случае с Ощепковым и Абэ. Японец, изучавший в семинарии русский язык, то есть оказавшийся в положении, зеркальном ситуации с рус-

10

Гр-ну Леониду Федоровичу.

При сем препровождаю собр. материалы. Если что-нибудь
[illegible] сообщите также через вашего лица (материала) только
не на словах, а письмом, написанным лучшим слогом.
Свое согласие на отдых в Ялте подтвердите, а если если
на будете [illegible] согласны отклонить нижеследующие мои условия

1. На надписях и Лично-Личе у меня
оговорено „Абонемент на год" содержание 300
гр в месяц. По истечении срока „Контракт"
возобновляется на обоюдных выработанных
условиях.
2. Жалованье уплачивается вперед за ½ года.
3. Подъемные суммы и прочие бере-
дятся на мое имя в „Сасси-банке" в Ялте,
или высылаются мне на руки.
4. Срок отъезда в Ялту в конце
октября по сокр. стилю.
5. Мифлиндрую через Шанхай Личо,
или через специального человека вашего.
6. Вы должны работать в том, чтобы
я не попал в совместное материальное
положение в Ялте, только при условии
денег у меня успешно работать во славу
родной армии.
7. В Ялте я вызываю нашего „директора
передвижного кинематографа" и одновременно
„извлекаю представителя от фирмы"
(дабы сами первые, когда худые писатели
фирменное уполномочение тиснем) по ра-
спространению и прокату русских и герма-
нских картин.
8. Снабжаете меня нижеследующими тех-
ническими средствами:

15 программ первоклассных картин,
причем каждая программа должна быть

Запрос в Центр резидента Ощепкова

скими подростками в ней, стал офицером японской армии и служил теперь преподавателем в военном училище, имея допуск к секретной информации. Это был шанс, и Василий Сергеевич сумел успешно его использовать. Он встретился с Абэ и попросил того выполнить «несколько пустяковых поручений»[199]. Абэ, симпатизировавший «русскому медведю» и верный студенческой дружбе, согласился. У японца в то время болела жена, и его русский друг, разыгрывавший из себя успешного кинопромышленника, одолжил Абэ крупную сумму «на лекарства». По счастью, лечение помогло, и в соответствии с японской традицией Абэ стал должником Ощепкова не только в материальном, но и в моральном смысле. Если японец не был подставой японской полиции (а мы вряд ли когда-нибудь узнаем это доподлинно), то это стало серьезной удачей советской разведки. Но теперь следовало вести себя особенно осторожно, чтобы ее не спугнуть. К сожалению, именно этого не понимали в Центре.

В Харбине Ощепков встречался не только с представителями «Алексеева и К°» для получения новых кинокартин, — этим он полностью оправдал свою поездку на материк в глазах японской полиции. Там у него состоялся разговор с новым начальником разведотдела штаба Сибирского военного округа Анатолием Заколодкиным, который теперь лично курировал деятельность резидента в Японии. Заколодкин потребовал скомпрометировать Абэ, получив от него какой-либо секретный документ, «чтобы таким образом держать его в руках, а также стараться найти связь из Японии». С одной стороны, это было верным и прагматичным решением, с другой — шантаж японца мог мгновенно разрушить еще хрупкую связь, которая только намечалась между резидентом и его пока единственным агентом. Японца надо было холить и лелеять, помня о том, что «шпионство есть дерево, приносящее плоды много лет спустя после посадки»[200], а не начинать его трясти как спелую грушу. В любом случае, для работы с Абэ требовалось присутствие Ощепкова именно в Токио, а это было не так просто.

Ощепковы к тому времени вполне освоились в Кобэ. Сохранился их адрес, написанный рукой Василия Сергеевича на импровизированной «визитной карточке» — листочке, вырванном из харбинского блокнотика: «Kobe, 137, Nakayamate-dori-chome». Учитывая, что этот листок хранится в его личном деле, скорее всего, он был передан Заколодкину при личной встрече в феврале 1925 года, а затем аккуратно подшит в дело.

Длинную и широкую Накаяматэ-дори справедливо будет назвать проспектом, отделяющим в центральной части Кобэ равнинную прибрежную часть (вместе с тем районом, где находился ранее иностранный сеттльмент) от резко поднимающихся вверх предгорий (с жилым иностранным кварталом Идзинкан в районе Китано). Кварталы Накаяматэ по японской традиции имеют нумерацию: 1-й, 2-й, 3-й и т. д. Из «визитки» Ощепкова непонятно, о каком именно из них идет речь. Думаю, со временем это открытие будет сделано. Можно предполагать, что указанное место находилось на сравнительно небольшом участке города, в самом его центре и неподалеку от станции Санномия.

Жизнь в центре эмигрантской колонии, русской диаспоры, находящейся под плотным контрразведывательным обеспечением противника, теперь уже не могла устроить советскую разведку: риска оказалось слишком много, а полезной информации слишком мало. К тому же совсем не блестяще шли финансовые дела. «Алексеев и К°» нарушил контракт, продав Ощепкову в Харбине кинокартины, которые уже шли в Японии. Их прокат, даже с озвучкой экзотического русского бэнси, не приносил ожидаемой прибыли, а оперативные расходы, в том числе на подкуп Абэ и кормление Сиба, со временем привыкшего брать взаймы «надолго», советский разведчик вынужден был осуществлять со своего банковского счета. Ощепков попал в патовое положение, но на первый раз сумел успешно выйти из него благодаря случайности или, точнее, обширным знакомствам и старым связям.

В июне 1925 года Василий Сергеевич встретил в Кобэ соученика по Александровскому реальному училищу по фамилии Клейе, сына крупного германского лесопромышленника, нефтяника и геолога Фридриха Клейе, имевшего представительство и на Сахалине, и в Кобэ. Русский немец в Японии тоже сохранил хорошие воспоминания о своем однокашнике и предложил ему отличную работу — пост главы представительства германской кинематографической фирмы «Вести» в Токио[201]. Это была невероятная удача и, что немаловажно, в столь счастливом стечении обстоятельств нельзя было подозревать японскую контрразведку. В августе 1925 года чета Ощепковых покинула «полурусский» город Кобэ и приготовилась к отъезду в Токио — поближе к действительно ценным источникам информации, в город Кано Дзигоро, Николая Японского, в город юности резидента Монаха.

Глава тринадцатая

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

Согласившись на предложение Клейе и имея в виду предстоящий переезд в японскую столицу, Ощепков снова отправился в Харбин. На этот раз остановился не у Незнайко, а в меблированных комнатах «Модерн» на Китайской, 177. Повод придумывать не пришлось — «Алексеев и К°» не выполнял подписанный со своим японским представителем контракт, и Василий Сергеевич ехал разбираться. Заодно вез первые результаты выполнения заданий разведотдела для передачи их новому куратору. Им оказался некто Михаил (по другим данным, Максим) Бабичев, сообщивший, что теперь он будет «вести» агента вместо Леонида Бурлакова. Бабичев принял документы и передал резиденту разведывательное задание на 1926 год, состоящее из десяти пунктов[202]. «Разборки» с фирмой Алексеева ничего не дали, и Василий Сергеевич вернулся в Японию с грузом новых задач, нерешенных финансовых проблем, но воодушевленный перспективами дальнейшего становления резидентуры.

Тогда, в августе 1925 года, Ощепков и его начальники надеялись, что с переездом из Кобэ в Токио подготовительный этап в его разведывательной работе завершен и теперь-то начнется настоящая работа. Конечно, это было ошибкой — в случае с Зорге аналогичный этап длился около трех лет, но ни у Василия Сергеевича, ни у его шефов из Центра не было еще соответствующего опыта, чтобы понять, когда будет возможно, максимально снизив неизбежные риски, спокойно приступить к пусть напряженной, но плановой деятельности резидентуры. Им казалось, что с отъездом из шумного, эмигрантского и по-японски провинциального Кобэ все наладится само собой, и Ощепков уже набросал список основных задач для Токио:

«1) Прежде всего, установить, в каких учреждениях служат учившиеся со мной в японской школе японцы.

2) Найти подходящую квартиру вблизи расположения какого-либо полка.

3) Записаться членом спортивного клуба “Дзю-дзюцу” в районе расположения полка.

4) Завязать знакомства с теми студентами, в семье которых имеется кто-нибудь из военных.

5) Завязать знакомство с фотографом, выполняющим работу для полка.

6) В случае необходимости поручить жене открыть курсы русского языка.

7) Установить время и место регулярного свидания с сотрудником Чепчиным (японец К.).

8) Наладить связь с Плешаковым, который служил в Центросоюзе в Хакодате, через которого была единственная возможность сдавать материалы для отправки во Владивосток или Харбин.

9) Познакомиться с русским служащим в интересных для меня учреждениях.

10) Чаще встречаться с товарищем по школе Сазоновым, который являлся правой рукой атамана Семенова, и через него познакомиться с лицами из политических и военных кругов Японии»[203].

Заметим, что теперь в списке Ощепкова всего десять, а не десятки, позиций, как было ранее, но они перекрывают задачи и стратегического (выход на атамана Семенова, товарищей по семинарии), и оперативно-тактического масштабов (знакомство с русскими из «интересных учреждений», квартира близ расположения воинской части и т. д.). Задачи сложные, но решаемые даже в условиях плотного контрразведывательного обеспечения. Похоже, что Василий Сергеевич был оптимистом, но оптимистом деятельным, конструктивным. Он не просто верил, что все задуманное получится, но и прилагал усилия для того, чтобы его планы сработали. Однако в Центре ждали результатов по принципу «здесь и сейчас».

В Хабаровске, сменив, в связи с переездом в Токио, псевдоним резидента с Монаха на уже использовавшегося когда-то Японца (вопросы к фантазии разведывательного начальства возникают тут самые серьезные) и едва выдав ему задания, к 1 октября 1925 года поспешили подвести короткие итоги его работы:

«Источник № 1/1043, кличка "Японец", беспартийный, русский, профессия — переводчик с японского языка. Имеет связи во всех кругах Японии. Служит представителем германской кинокомпании "Вести". Окончил японскую гимназию. Владеет японским, русским и английским языками. Знает Японию, Сахалин и Маньчжурию. Бывший контрразведчик штаба Амурского военного округа. Смел, развит, честен. Ведет военно-политическую, экономическую разведку... и держит связь с источником № 2/1044. Постоянное место жительства Токио»[204].

Под вторым номером значился тот самый Абэ, привлеченный Василием Сергеевичем к работе на советскую разведку на совокупности дружеских отношений, компрометации, чувства долга и материальной заинтересованности. В свою очередь, характеристика на него гласила:

«Источник № 2/1044, кличка "Чепчин". Работает с марта 1925 года (то есть после утверждения его кандидатуры Заколодкиным по представлению Ощепкова во время февральской встречи в Харбине. — *А. К.*). Японец, преподаватель Токийского военного училища. Владеет русским и японским языками. Знает Японию. Большой трус. Работает, видимо, под давлением острой материальной нужды и влиянием дружбы с "Японцем". Завербован последним. Постоянное место жительства Токио. Ведет военно-политическую разведку»[205].

Возможно, фраза «большой трус» приведена со слов Ощепкова. Если так, то резидент был лишен вредной для разведчика сентиментальности, трезво оценивал свою агентуру и работал с ней с некоторым профессиональным цинизмом, возможно, перенося на него часть своего отношения к бывшим «товарищам»-семинаристам, но при этом аккуратно, чтобы не спугнуть. Михаил Лукашев писал, что первые задания, данные номером 1/1043 номеру 2/1044, были связаны не с секретной документацией, которую тот мог добыть в военном училище, а с закупкой легальной, продающейся в книжных магазинах литературы[206].

В Приморье затребовали от токийского резидента японские армейские уставы (Ощепкову оставалось только ожидать, что их пришлют обратно — на перевод), наставления и другие военные книги. В Токио все это продавалось, но продавалось несвободно. Покупатель обязан был сообщить продавцу свое имя и адрес (принято было оставлять визитную карточку, подделать которую в Японии никому не приходило в голову). Всеобщий полицейский контроль, который живописал царский военный агент Владимир Самойлов, работал исправно, и можно не сомневаться: как только продавец получил бы карточку главы «Slivy-Films», через пять минут в полиции уже знали бы об этом. Поэтому 1/1043 задействовал для выполнения заказа Центра Абэ-Чепчина, которому покупать военную литературу было положено по статусу преподавателя военного училища. Правда, Чепчин был переводчиком, а не кадровым военным, но «книжная льгота» распространялась и на него. Первый опыт оказался успешным, а вскоре один бывший семина-

рист передал другому бывшему семинаристу то, ради чего Ощепков так стремился в Токио: первые по-настоящему секретные материалы[207]. По этому поводу агент Японец сообщал в Хабаровск: «Есть совершенно секретные данные о маневрах 1924 года. Похитить (их из училища. — *А. К.*) невозможно, при удобном случае он будет понемногу списывать эти данные... Документ из Управления военной инспекции только в копии, ввиду припечатывания его к общей папке с секретными документами...»[208]

В сентябре 1925 года, после возвращения из Харбина, Ощепков счел работу с Абэ, намеченным для вербовки еще в сахалинскую пору, налаженной. Пора было приступать к поэтапному выполнению других задач. В октябре Василий Сергеевич разыскал в Токио еще троих японских выпускников семинарии, с которыми у него установились более или менее дружеские отношения. Все трое служили в полиции, и один из них сообщил Ощепкову, что сразу по прибытии Василия Сергеевича из Кобэ в Токио за ним было установлено негласное наружное наблюдение, продолжавшееся три недели, но не выявившее ничего подозрительного. «Сдавший» коллег японец-полицейский заодно проинформировал русского друга, что ответственным за слежку назначен другой их общий приятель — тоже из числа тех, кого искал Ощепков с дальнейшей прикидкой на вербовку. Кроме того, с помощью того же бывшего семинариста удалось выяснить, что прислуга в немецком пансионате барона Шмидта, где остановились Василий и Мария, сотрудничает с полицией и внимательно наблюдает за молодыми супругами[209].

Казалось, что все вокруг наблюдают за Ощепковыми, но так оно и должно было быть, и так было на самом деле. Конечно, это слабое утешение для резидента, но, зная о том, кто, как и когда за ним надзирает, Василию Сергеевичу оставалось только быть осторожным в его настойчивом движении к цели. Его донесение в Центр исполнено уверенности: «Могу спокойно работать, развивая сеть нашей работы, насколько позволит возможность. В контрразведке, полиции все агенты по русскому отделу — мои однокашники по японской гимназии. В контрразведке МВД — также чиновники из моего класса»[210]. Но если дружеское отношение к нему японских полицейских и контрразведчиков, видевших в Ощепкове своего однокашника — «русского медведя» по имени «Васири» (во многих официальных документах в Японии он значился именно так — по

имени, записанному с японским акцентом), вселяло в резидента уверенность в победе, то на глазах менявшееся отношение к нему на родине должно было как минимум удручать Японца.

Прежде всего, случилось то, чего Ощепков боялся больше всего и во что отказывался верить: повторилась сахалинская история с финансированием резидентуры и организацией связи с ней. Михаил Лукашев писал, что в тот период материальное положение Ощепкова оказалось настолько сложным, что ему не хватало средств даже на общественный транспорт[211]. «Живу на деньги, получаемые от фирмы, где служу, — сообщал 1/1043 в Центр, напоминая о завербованном агенте Чепчине, которому он, — ...с сентября не платил ничего, и он, благодаря личным отношениям, никогда даже не напоминает, работу продолжает...»[212]

С другой стороны, пусть это и прозвучит парадоксально, но не стеснённые ли материальные условия неуспешного кинопромышленника могли стать поводом для ослабления слежки за ним со стороны японской полиции? В самом деле, какой нормальный контрразведчик поверит в то, что вражеского резидента забрасывают в чужую страну без денег, без связи, без всяких средств существования и с приказом выкручиваться самому — хоть на тротуаре сиди перед синтоистским храмом, подаяние проси, но секретную информацию передавай?

Что же касается самого вопроса передачи данных, то разведотдел округа просто самоустранился от решения этой задачи, возложив ее на плечи резидента и сформулировав следующим образом: «Так как связь слаба, подыщите 1—2 человек курьеров Токио — Шанхай, не вызывая подозрений. Явку укажем» или, выражаясь простым языком, Василию Сергеевичу посоветовали разбираться с этим самому. Где, как, каких «надежных людей» посреди вражеского Токио с его тотальным полицейским контролем должен был найти — «не вызывая подозрений!» — Ощепков, Заколодкина с Бабичевым не волновало. Стоит ли говорить, что сами эти молодые люди (Заколодкину и Бабичеву в 1925 году исполнилось по 29 лет, Бурлакову — 28) в Японии к тому времени ни разу не были, начальное образование получили в церковно-приходских школах, а представление о Востоке — на курсах при Военной академии в Москве?

О «слабой связи» с резидентом заново заставил вспомнить инцидент с пароходом «Декабрист», на котором Японцу был отправлен пакет с руководящими указаниями.

О прибытии посылки Центр предупредил Ощепкова... телеграммой, присланной по почте, чем поверг резидента в шок. К тому же от своего «приятеля» в полиции Василий Сергеевич узнал, что произошла очередная утечка секретной информации: японцы были уверены, что на пароходе русские переправляют в Японию оружие. «Декабрист» собирались обыскать, а за всеми сошедшими с него пассажирами и членами команды установить строгое наружное наблюдение. Как Ощепкову все же удалось получить предназначавшийся ему пакет — отдельная история, но вот что было написано в полученном им сопроводительном письме к посылке: «С подателем сего высылаем два флакона: за номерами 1 и 2. Первый — для тайнописи, второй — для проявления. Писать пером или палочкой, чтобы не поцарапать бумагу. Когда засохнет, писать поверх чернилами или карандашом. Димерил-гликсил (№ 1) очень слабо проявляется. Если у вас есть более сильный раствор, этими лучше не пишите».

Ответ Японца на инструкцию был краток: «Ваше письмо с пароходом "Декабрист" получил. Печати целы, но флаконы пусты: вытекли... Тайнописью пользоваться не будем, потому что все это уже известно японской цензуре...»[213] Взамен тайнописи, состав для которой все равно вытек, конструктивный оптимист Ощепков предложил использовать шифрование донесений. Код он предлагал примитивный (он не был криптографом и явно не был связан с этой работой до революции), но все же: первая цифра должна была обозначать страницу книги-ключа (ею был избран «Русский орфографический словарь»), вторая — порядковый номер соответствующего слова. Однако предложенная резидентом система оказалась слишком сложной для руководства разведотделом и кто-то (Бабичев или Заколодкин, но, скорее всего, последний — в силу служебного положения) «красными чернилами начертал на этой бумаге: "Долой код!"», оставив японских дешифровщиков без работы[214].

Как мы помним, еще одной составляющей, осложнявшей работу «Д. Д.» на Сахалине, оказалось требование Бурлакова перевести японские уставы на русский язык. Аркадия уже перекинули на новый участок работы — в Маньчжурию, но это ничего не изменило. Номер 1/1043 пересылал из Токио запрошенные книги по военной тематике на японском языке и со временем начал понимать, что их никто не переводит и, соответственно, не читает. Его

начальники попросту не понимали, что они получали, что держат в руках. Это следует из донесения Ощепкова из Токио: «[Запрошенные вами] данные об авиации и воздухоплавании частью уже были представлены. В дальнейшем я буду все писать на русском языке, насколько позволит мне возможность, так как по моему заключению часть высылаемых мной материалов на японском языке или переводится очень медленно, или совершенно не переводится. Заключаю я это из тех заданий, которые повторяются несколько раз».

Дальше — больше. Сменивший Бабичева помощник начальника разведотдела Шестаков (вероятно, Виктор Николаевич) «творчески развил» идеи своих предшественников. Направив в Токио короткий запрос, состоящий из шести пунктов, он снабдил его грифом «Строго секретно. Уничтожить при малейшей опасности». Профессиональный разведчик Ощепков, отдающий себе отчет в том, что он *все время* находится в опасности, уничтожил запрос немедленно, о чем, будучи бездарным бюрократом, сообщил Шестакову. Тот не согласился с тем, что опасность уже наступила, и пометил в досье на Ощепкова, что резидент номер 1/1043 не выполнил требования штаба округа и его личные «примерные указания о способах хранения секретных бумаг»[215]. Назревал серьезный конфликт. Не знавший об этом Японец продолжал дотошно выполнять свой же план развертывания разведывательной работы в Токио, неуклонно двигаясь вперед по извилистому пути разведчика.

Глава четырнадцатая

СЕМЕНОВСКАЯ КАРУСЕЛЬ

Отвечая на требование Центра подыскать надежных людей на должности маршрут-агентов, Василий Ощепков писал: «Завербовать кого-либо для связи нельзя, и здесь нет таких людей, все люди, которые продадут и выдадут. По поводу последней передачи я хотел бы высказаться отрицательно, так как, если бы не "Митрич", случайно оказавшийся в Токио, я провалился бы с головой. В дальнейшем ни под каким видом не телеграфируйте мне... Связь — лишь через "Митрича", он — хоккайдскому консулу, а тот — своей связью»[216].

Это послание примечательно сразу по нескольким причинам. Во-первых, очевидно, что искать кандидата на место

курьера среди русских эмигрантов, значительную часть которых в Японии составляли бывшие колчаковские офицеры, семеновские казаки и ушедшие вслед за ними, обозленные и на красных, и на белых, и на всю эмиграцию разом, крепкие сибирские мужики и предприниматели, было крайне опасно. Нет сомнений в том, что в конце концов среди них нашлись бы люди, разочаровавшиеся в жизни вдали от родины и мечтающие вернуться домой, в Россию, готовые связываться ради этого хоть с чертом, хоть с большевиками — сменовеховцы по сути, но как найти таких людей, чтобы одновременно еще и не вызвать подозрений у полиции? Это было совершенно невозможно в тогдашней Японии, где каждый «белый русский», как называли их японцы, находился под пристальным надзором полиции.

Во-вторых, если предположить саму возможность поиска курьера среди японцев, то, будучи воспитанником Николая Японского, Василий Сергеевич должен был слишком хорошо знать мнение своего учителя о преданности японцев: «И хороша же ты, любезная моя Япония, классическая поистине страна шпионства, и поэтому — хитрости, обмана и подлости!»[217], чтобы рассчитывать на них. Ощепков как минимум не верил японцам со времен обучения в семинарии и никогда на них не надеялся, лишь профессионально, расчетливо используя своих однокашников так, как ему было нужно для решения разведывательных задач.

В-третьих, кто такой Митрич, чудесным образом спасший нашего героя во время инцидента с «Декабристом», и почему Василий Сергеевич настаивал на поддержании связи именно через него?

Митричем Ощепков называл Владимира Дмитриевича Плешакова, своего соученика по семинарии, ровесника, сына казака, изначально учившегося в Токио за счет военного ведомства, чтобы стать по ее окончании либо разведчиком, либо военным переводчиком. Он и стал — и тем и другим. До начала Первой мировой войны Плешаков служил в Харбине, потом отправился на фронт, где был произведен в офицеры. Революцию встретил подпоручиком, а возвращаясь с фронта, остановился в Омске, где вступил в армию Колчака и занял должность «офицера-восточника» в разведывательном отделе, руководил которым знакомый нам по наставлениям об организации разведывательного дела генерал Павел Рябиков. Уже поручиком Плешаков воочию увидел разгром колчаковщины и оказался по другую сторону границы, найдя себе службу в качестве переводчика

у Хондзё Сигэру, командира японского 11-го пехотного полка, будущего командующего Квантунской армией, барона и адъютанта императора[218].

Несмотря на такую одновременно неоднозначную и обычную для эпохи Гражданской войны биографию, Плешаков был человеком, которому Ощепков доверял безраздельно. Доверял, очевидно, зная о нем, о его человеческих и профессиональных качествах, что-то такое, о чем нам неизвестно до сих пор. Не случайно Владимир Плешаков оказался именно тем, кого Ощепков включил в план действий в Токио восьмым пунктом еще до инцидента с «Декабристом»: «Наладить связь с Плешаковым... через которого была единственная возможность сдавать материалы для отправки во Владивосток или Харбин». Стало быть, Василию Сергеевичу было доподлинно известно, что его старый семинарский друг — здесь это слово следует употребить без всяких кавычек — работал на советскую разведку.

Начавший работать на красных вместе с друзьями-семинаристами, официально Владимир Плешаков был оформлен агентом разведотдела штаба округа в сентябре 1923 года — тогда же, когда и Ощепков. Не исключено, что и переводчиком полковника Хондзё он стал не по своей инициативе, но на этот счет никаких подтверждений пока не получено. В любом случае, Василий Сергеевич знал, что Митрич с конца 1923 года служит под прикрытием должности переводчика конторы «Центросоюза» в городе Хакодатэ на самом северном японском острове Хоккайдо и время от времени бывает в Токио. Ощепков всерьез рассчитывал на Плешакова и даже пытался добиться его перевода в японскую столицу, в торгпредство СССР, чтобы обеспечить устойчивую связь с Центром, минуя Хакодатэ[219]. Возможно, он думал, что, живи его старый друг в Токио, встречи однокашников не привлекали бы такого внимания японской полиции? Особенно если приглашать на эти встречи японских «товарищей»-семинаристов из контрразведки? Может быть, в этом и была своя логика, но пока при каждом визите советского переводчика с Хоккайдо поднималась на ноги вся полиция по маршруту его следования.

В архивном отделе МИД Японии, где ныне хранится фонд тайной политической полиции — токко, сохранилась часть донесений агентов наружного наблюдения, филеров, которые вели «подозрительных русских», как называли в донесениях Ощепкова, Плешакова и многих других. Вот

пример такого рапорта от начальника столичного полицейского управления Масахиро Ота на имя министров внутренних и иностранных дел — Вакацуки Рэйдзиро и Сидэхара Кидзюро, а также губернаторов префектур, по территории которых пролегал маршрут Плешакова:

«Совершенно секретно, № 725. 1 апреля 1926 г.

О выезде подозреваемых русских граждан из Токио.

Переводчик отдела "Центросоюза" в Хакодатэ Владимир Плешаков жил в гостинице "Маруноути" в районе Кодзимати.

О приезде этого человека в столицу вместе с членом отделения "Центросоюза" в Хакодатэ Лышковым (Рыжковым (?) — *А. К.*) уже сообщалось в секретном донесении № 649 от 25-го числа прошлого месяца. В префектуру Ибараки сообщено по телефону о выезде этого человека из Токио со станции Уэно в сторону Хакодатэ вчера в 10 часов вечера с тем, чтобы там на него обратили внимание.

Во время пребывания в Токио он постоянно посещал офис торгового атташе в посольстве и общался с Роктиным (Локтиным (?) — *А. К.*) — представителем "Синдиката" во Владивостоке, живущим с ним в этой же гостинице. Высказывался о прибывающем писателе Пильняке и президенте "Синдиката производителей масел и жиров" Попове.

После пребывания в Токио обсудил вопрос продолжения сотрудничества с Янсоном в "Центросоюзе" в Хакодатэ и одновременно искал возможность перейти на работу в офис "Доброфлота" по личным мотивам, однако так и не смог решить оба вопроса...

Мы обратили внимание на вышеуказанного человека в связи с телеграммой с Хоккайдо. В 9 часов 58 минут утра он приехал в Цуруга поездом из Токио. Зашел в местное консульство и отдыхал. В 3 часа дня отправился на Владивосток на судне "Каги-мару". Пронес с собой 5 сумок и 4 чемодана. Ничего подозрительного обнаружено не было. Однако, секретное расследование, учиненное по случаю его отъезда, установило, что его отозвала штаб-квартира в Хабаровске по причине изменения статуса организации "Центросоюз", и ему не известно следующее место назначения»[220].

Вместе с донесениями о наблюдении за Митричем в этой папке подшиты документы, проливающие свет на личность другого старого знакомого Ощепкова, упомянутого в «плане работы» под пунктом 10: Стефана Сазонова. Материалы эти оказались рядом по причине хронологиче-

ской последовательности, но, возможно, были причины, неизвестные японской полиции, которые позволят сегодня нам самим объединить деятельность троих бывших семинаристов в Японии: Ощепкова, Плешакова и Сазонова в одно общее дело. Личность последнего из наблюдаемых помогает прояснить аналогичный японский отчет «По поводу проникновения на Восток подозрительных русских»:

«Секретарь генерала Семенова, проживающий в г. Нагасаки, подозрительный русский Сазонов, 32 лет 14 числа сего месяца в 8.18 утра прибыл в Симоносэки на пароме "Каммон".

Из префектуры Фукуока нас предупредили, что за ним нужно проследить. Во время слежки он немного передохнул на станции в помещении для ожидания, после чего отбыл в направлении Токио на поезде № 8, о чем мы и сообщили властям префектуры Хиросима. Во время слежки вел (с агентом полиции. — *А. К.*) беседы, записанные ниже, больше ни в чем подозрительном замечен не был.

О вышеизложенном почтительно докладываем.

"1) В качестве секретаря генерала Семенова я на протяжении последних трех лет живу в Нагасаки и, в связи с различными делами генерала, часто езжу в разные уголки страны, но при этом местная полиция устанавливает за мной слежку, чем доставляет мне крайние неудобства, в то время, как я никоим образом не совершаю каких-либо действий, вредных для японского правительства. Сам я в первом году Тайсё поступил в семинарию при соборе архиепископа Николая в Токио и, окончив ее в пятом году Тайсё, занимался проповедью православия и исследованием Японии. Затем я примкнул к войскам генерала Семенова и даже вошел к нему в доверие.

2) Генерал Семенов действительно на днях посещал буддийское сообщество в Киото. Он планирует воодушевить буддийские организации и, объединив их усилия с ламаистскими и исламскими организациями, имеющими многочисленных последователей в Китае, Монголии и по всей Юго-Восточной Азии, общими усилиями дать отпор опасным коммунистическим и экстремистским разрушительным учениям, стремясь к вечному миру на Дальнем Востоке. Из буддийских организаций он в первую очередь рассчитывает на влиятельный храм Нандзэндзи в Киото и на движение Дайдо-данкэцу, являющееся ветвью храма Ниси-Хонгандзи. В будущем, создав толерантную ассоциацию мировых религий, он планирует также заниматься

пропагандой в Европе и Америке и, в случае успеха, приветствовать участие европейцев и американцев. В этом смысле и участие представителей Русской православной церкви станет возможно, и эту работу генерал Семенов считает очень большим и насущным делом, так что ушел в него с головой. Я также в этот раз планирую по пути заехать в Киото по этому делу.

В разных местах у генерала Семенова есть еще не решенные проблемы, в частности, судебная тяжба все никак не может разрешиться...”»[221].

Из этого донесения понятно, что Василий Сергеевич правильно оценивал близость Сазонова к атаману, а значит, имел какой-то план относительно Семенова. Какой? Мы знаем, что Ощепков встречался с Плешаковым в Токио, пусть эта связь не была установлена на регулярной основе, и восстановил контакты, очевидно прерванные во время Гражданской войны, с Сазоновым. Из приведенного отчета полиции явствует, что надежды выйти через Сазонова на интересных людей из политического и военного бомонда Японии были бесперспективны — адъютант Семенова не только сам находился под опекой полиции, но и был столь же бесправен в японском мире, как и любой другой белый эмигрант. И все же... могло ли существовать между всеми троими бывшими семинаристами какое-то общее дело, о которым мы до сих пор не знаем? Да, могло, и, хотя пока эта версия выглядит частью конспирологической теории, сбрасывать ее со счетов не стоит.

Как мы помним, уезжая в Японию, Василий Сергеевич согласился работать, помимо разведотдела штаба округа, еще и на ИНО ОГПУ, освещать «экономические вопросы». О Владимире Плешакове известно, что на Хоккайдо он был агентом военной разведки, но, вернувшись, оказался связан с ОГПУ (и жизнь свою окончил, будучи сотрудником НКГБ — политической, а не военной спецслужбы). И вот что интересно: именно ОГПУ, чекисты, в середине 1920-х годов развернули в Сибири и на Дальнем Востоке целую серию операций по дезинформации лидеров белогвардейского движения с целью их последующего вывода на советскую территорию и ликвидации. Это было прямое продолжение знаменитой ныне операции «Трест», осуществленной в 1921—1926 годах, итогом которой стали поимка в Москве, арест и казнь в 1925-м британского шпиона и «ярого врага советской власти» Сиднея Рейли. Составная часть «Треста» — операция «Синдикат-2», по-

средством которой чекисты выманили из Парижа не менее серьезную фигуру — эсера-террориста Бориса Савинкова, публично признавшего бессмысленность своей войны против советской власти и вскоре погибшего на Лубянке. Итоги не менее значимые заключались в уничтожении ячеек реальных контрреволюционных организаций, дискредитация самой идеи белогвардейского подполья в Советской России и сдерживание на некоторое время активности генерала Александра Кутепова, главы (с 1928 года) Русского общевоинского союза (РОВС). Но это все на Западе. Менее известны восточные варианты этой чекистской игры: в 1921 году агентом ОГПУ был застрелен атаман Александр Дутов после неудачной попытки выманить его из Китая в СССР. В 1924—1926 годах из Маньчжурии выкрали полковника Ширяева и атамана Анненкова. В 1932-м в Китае похитили и расстреляли есаула Топхаева (Тапхаева). Позже, уже в 1935 году, в результате однотипной с «Трестом» операции «Мечтатели», через дальневосточную границу в Советский Союз был выведен и уничтожен один из авторитетных лидеров дальневосточных казаков Кобылкин[222].

Но признайтесь: кто, кроме специалистов-историков, сегодня помнит фамилии этих есаулов, атаманов, полковников? А вот фамилию другого, куда более масштабного, опасного и известного кандидата в «вожди антибольшевистского движения на Востоке» — генерал-лейтенанта Григория Михайловича Семенова, знают все. Неужели его — яркого, непримиримого врага советской власти, да к тому же возможного обладателя части «колчаковского золота», грандиозного золотого запаса, способного повлиять на экономическое состояние «молодой Страны Советов» — ни разу не пытались переместить через границу сотрудники Артура Артузова и Генриха Ягоды? Накопленные в последние годы материалы дают основания полагать, что пытались, и Василий Ощепков мог быть причастен к этой истории.

Атаман Семенов приехал в Японию из Китая в 1922 году и сначала остановился в Нагасаки, после чего перебрался в Токио, тяготясь, по его собственному выражению, «праздностью жизни». В это же самое время в японской столице оказался бывший глава разведки армии Колчака Павел Рябиков, рекомендовавшийся как «представитель атамана Семенова»[223]. Следом в Японию прибывает и бывший подчиненный Рябикова Владимир Плешаков, а затем и его друг — Василий Ощепков. Оба при этом старые приятели адъютанта атамана — Стефана Сазонова. Одновременно на

передний край борьбы с «дальневосточной белогвардейщиной и японским милитаризмом» — в харбинскую резидентуру ОГПУ направляется из Москвы активный участник операции по захвату Рейли и Савинкова, признанный специалист по выводу на советскую территорию белых лидеров Василий Иванович Пудин. Его атаман Семенов не мог не интересовать: само олицетворение антибольшевистских сил на Дальнем Востоке после гибели адмирала Колчака, символ борьбы против советской власти — какой громкий процесс над ним можно было бы устроить по аналогии с савинковским! И опять же золото. Семенов не раз заявлял во всеуслышание, что обладает правами на него. В ОГПУ не могли знать точно — правда ли это, но могли предполагать, что у Семенова существовал реальный шанс это золото у японцев получить, а возможность возвращения «бриллиантов для диктатуры пролетариата» всегда была для ОГПУ очень серьезным стимулом к решительным действиям. В результате вокруг беглого атамана завертелась карусель подозрительных личностей, бывших и действующих шпионов, стремившихся стать его секретарями и адъютантами.

Григорий Беседовский, бежавший на Запад, в 1926 году был поверенным в делах СССР в Японии. Позже он вспоминал: «Сверчевский (глава легальной резидентуры ОГПУ в Токио. — *А. К.*) заявил мне, что ему удалось вступить в контакт с атаманом Семеновым через одного из его адъютантов. Этот адъютант явился к Сверчевскому и заявил, что атаман Семенов склонен начать вести тайные переговоры с советским правительством о возвращении в СССР. Но он, Семенов, не хочет возвратиться как амнистированный преступник. Он желает возвратиться как герой... Сверчевский с восторгом рассказывал мне об этих переговорах. Он считал, что делает мировое дело, перетягивая Семенова на советскую сторону»[224].

Беседовского план Сверчевского не вдохновил: «...из японских кругов до меня стали доходить сведения, что семеновское окружение пускает слухи, что... вскоре предстоит сближение Семенова с Советским правительством и что Семенов сможет тогда... выхлопотать богатейшие концессии для японских предпринимателей на советской территории. Пока же под эти концессии семеновские адъютанты получают авансы у легковерных японцев... Я предложил Сверчевскому немедленно прекратить “переговоры” с семеновским адъютантом».

Можно верить или не верить Беседовскому, но, как представляется, на пустом месте историю с попыткой контакта семеновцев с представителями СССР он придумать не мог, и самое главное, ни к чему ему были такие фантазии. В свою очередь, адъютанты Семенова никогда не пошли бы на контакт без санкции атамана, а того никак нельзя было заподозрить в симпатиях к советской власти. Возвратиться в СССР, да еще с надеждой на какое-то мифическое влияние на большевиков? Это даже не риск, это самоубийство (Семенов решится и на это, но уже много позже). Другое дело, если бы ему, испытывавшему в то время серьезные трудности, кто-то — какой-то близкий и доверенный человек — подсказал бы такой вариант их решения: вернуться в Советскую Россию, приведя с собой японские капиталы (а лучше — привезя наличные), получив за это прощение, остаться на плаву, вернуться к военному командованию, остаться, в конце концов, настоящим генералом, пусть и красным, но с войсками, а не с судебными тяжбами. Японцев в таком случае можно и обмануть — не страшно. И этот «кто-то» должен был быть настолько убедительным источником информации для бывшего атамана, что тот согласился рискнуть. Но от кого могла исходить эта идея? И если от советских спецслужб, то почему о ней не знал резидент ОГПУ Владимир Сверчевский? Потому что и не должен был знать.

Во всех случаях развития событий по схеме операции «Трест» легальные резидентуры ОГПУ либо не принимали в них участия, либо это участие сводилось к минимуму. Выводом нужного лица на советскую территорию занимались агенты-нелегалы, к которым, по всей вероятности, относились и некоторые из круживших возле Семенова адъютантов. Курировать их мог человек с полномочиями из Москвы: например, все тот же Василий Пудин, находившийся в соседней с Японией Маньчжурии, или кто-то из его шефов. Однако Токио — не Париж, не Варшава и даже не Харбин. И сообщение с СССР здесь не такое интенсивное, и пропускные возможности у портов не те, что в Китае, и японская полиция работает совсем не так расслабленно, как французская или китайская, да к тому же видно любого иностранца буквально за версту. Тайно вывезти из страны человека, состоящего под надзором контрразведки, не так-то просто. Да, помощь резидента Сверчевского могла пригодиться, но вот только зачем он рассказал о «переговорах» Беседовскому? Загадка. Так или иначе, тайная операция

стала достоянием гласности и была немедленно прекращена. Причем даже не очень понятно кем — ведь не Беседовский же мог запретить московскому эмиссару ОГПУ нелегальные контакты с представителями белой эмиграции.

Тем не менее «трест» лопнул, и после этого Семенов остался с японцами один на один. Возможно, это просто совпадение, но Василий Ощепков в нарушение всех правил конспирации был отозван в СССР незадолго до инцидента со Сверчевским, который тоже вскоре покинул Токио. Немедленно вернулся из Харбина в Москву и чекист Василий Пудин, переведенный после этого с оперативной работы на следственную. Одновременно уволился из «Центросоюза» Владимир Плешаков, отбыв из Хакодатэ в неизвестном направлении. А вскоре Японию покинули и сам атаман Григорий Семенов вместе со своим секретарем Стефаном Сазоновым.

Так был или не был причастен Василий Сергеевич к попытке вывода атамана Семенова на советскую территорию? Боюсь, мы этого еще долго, а возможно и никогда, не узнаем. Но то, что он тщательно, с японской добросовестностью выполнял свои собственные планы и директивы сразу двух вышестоящих органов — ОГПУ и военной разведки, несомненно. И даже не только и не столько выполнял, сколько принимал их как руководство к действию, стараясь добиться совершенства в своей работе, не просто ставя «галочки» на плане, а раскрывая каждый его пункт в виде отдельной большой операции.

Глава пятнадцатая

ДВА ЛЕЙТЕНАНТА

Итак, в план работы Василия Ощепкова в Токио было включено всего десять пунктов. О четырех из них уже было сказано (Чепчин, Плешаков, Сазонов, однокашники по семинарии). Что с остальными? Пункт 9 («познакомиться с русским служащим в интересных учреждениях») был намечен к выполнению, но, судя по всему, что-то не получилось. Известно, что Василий Сергеевич нашел подход к некоему «Ю.» — русскому переводчику из компании «Мицубиси», «пользующемуся доверием руководства фирмы»[225], но ни о каких результатах развития этого контакта сведений пока нет. Скорее всего, пункт 9 был включен в план по настоянию ОГПУ и в этом направлении со вре-

менем могли быть получены важные для СССР сведения. Кроме того, «Мицубиси» и сейчас, и тогда — одна из крупнейших корпораций в Японии вообще и в тяжелом машиностроении в частности, но «Мицубиси» в 1920-е годы — это производство боевой техники, самолетов, военных кораблей, словом, то, что было весьма и весьма интересно военной разведке. Но увы...

Следующие пункты Ощепков принялся реализовывать после того, как наступила ясность с первой половиной поставленных задач. Прежде всего это касалось смены места жительства, и сам по себе этот вопрос — отдельная интересная история.

Неизвестно, сколько прожили Ощепковы в токийской гостинице Шмидта и где она находилась, но понятно, что Василий Сергеевич, зная о контроле за собой со стороны прислуги, стремился сменить место жительства как можно скорее (точно так же со временем поступит Зорге: узнав, что в отеле, где он остановился, за ним следят, он просто переедет в другой). Из плана следует, что Василий Сергеевич собирался найти квартиру вблизи расположения какой-либо воинской части в Токио. В 1925 году их в столице было расквартировано немало. Особенно много военных оказалось в престижных районах к югу и юго-западу от императорского дворца — в Итигая, Акасака и Адзабу. В последних двух расположились полки 1-й гвардейской и 1-й пехотной дивизий — они нам особенно интересны.

Михаил Лукашев, на основании ознакомления с личным делом резидента, пишет, что номер 1/1043 «поселился неподалеку от казарм Третьего полка (1-й пехотной дивизии. — *А. К.*), расквартированного в районе Адзабу, и свел доброе знакомство с хозяином соседнего фотоателье, сниматься в которое ходил весь полк от командира до последнего новобранца. Сердце фотографа разведчик покорил, предлагая тому выгодные заказы на изготовление рекламных фотографий с кадрами готовящихся к показу новых фильмов»[226]. Вывод напрашивается сам собой: советский резидент использовал хорошо ему известный опыт японской разведки, чьи шпионы в период подготовки к Русско-японской войне 1904—1905 годов частенько открывали прачечные и фотосалоны по соседству с нашими воинскими частями. Белье и одежда офицеров в то время нередко снабжались именными бирками, что позволяло внимательному и заинтересованному «прачке» составить списки постоянного личного состава русских полков, не говоря уж

о их численности, а фотографирование в начале XX века было повальным увлечением и не в последнюю очередь среди военных. Стремясь запечатлеть себя для родственников в лихом и геройском виде, они приходили на съемку целыми подразделениями. При получении же фотографий, которые тогда наклеивались на картон с вензелями и рекламой фотосалона, на обороте подписывали звания, должности и фамилии запечатленных: «Командир первой роты поручик такой-то...» и т. д. В результате с помощью грамотного расставления своих агентов на таких, казалось бы, малозначимых и совсем не секретных должностях, как прачки и фотографы, японская разведка получала перед войной и в ее ходе черновую информацию о наличии и перемещениях личного состава вражеской армии. Ее надлежало еще обрабатывать, перепроверять и анализировать, но главное, что эта информация была и ею можно было пользоваться.

Судя по плану Василия Ощепкова, он собирался поступить аналогичным образом, поселившись рядом с японской воинской частью, вступив в клуб дзюдо, где занимались местные офицеры, и сведя знакомство с местным фотографом — все по японской схеме. Отчасти это даже удалось: М. Алексеев сообщает, что с помощью «друга»-фотографа Ощепков получил фотоснимки увольняющихся солдат и расписание занятий полка. Но тут сразу возникает один очень простой вопрос: зачем, собственно, советской разведке это самое расписание (за исключением разве что военно-спортивного любопытства)? Что оно могло дать Красной армии? Ведь даже чтобы четко следовать японской практике и охватить наблюдением всю японскую армию, агентов нужны сотни. К тому же добываемые подобным образом сведения быстро утрачивают актуальность и имеют значение только в период непосредственной подготовки к войне и во время ведения боевых действий. Ни того ни другого в 1925 году Советский Союз против Японии не планировал. Да, разведка была нужна, но на самих Японских островах в первую очередь нужна была разведка иного уровня — стратегического и оперативно-тактического масштаба.

Расписание занятий пехотного полка страны, с которой 20 лет назад велись боевые действия, было давно известно и изучено досконально с учетом изменений еще до прибытия Японца в Токио: в архивах и сегодня сохранилось немало документов, подготовленных старшими коллегами

Ощепкова и подтверждающих это. Для советской военной разведки выполнение такого задания не могло дать ничего, кроме самих отчетов о них. Ощепков с его уже более чем десятилетним опытом оперативной работы обязан был отчетливо это понимать. И все же планировал свои действия по явно устаревшей японской модели. Почему? Зачем? И еще. В отличие от Лукашева, Алексеев пишет, что речь идет (во всяком случае, при разговоре о фотоателье) не о 3-м, а о 1-м адзабском полке[227]. Важно ли это? Для того чтобы понять это, нам надо взглянуть на карту Токио 1925 года.

3-й адзабский пехотный полк отмечен на ней вполне определенно. Адзабский он, конечно, только по-русски: 3-й пехотный полк 1-й пехотной дивизии был расквартирован на краю токийского района Адзабу. Несмотря на большой урон, нанесенный казармам Великим землетрясением Канто 1923 года, полк не поменял тогда своей дисклокации. Прибывший в Токио в июле 1925 года Василий Ощепков должен был застать его в состоянии реконструкции и восстановления после подземных толчков, но на прежнем месте — в квартале Синрюдо, возвышающемся над огромным кладбищем Аояма недалеко от центра города. В 2007 году на месте, где когда-то стояли казармы, конюшни и располагался полковой плац, открылся новый Национальный музей изобразительных искусств (Кокурицу синбидзюцукан), построенный по проекту знаменитого архитектора Курокава Кисё. На первом этаже уникального музея, в огромном стеклянном холле установлен макет тех самых казарм в масштабе 1:100, воспроизводящий не только их общий внешний вид, но и помещения в разрезе, и даже снабженный малюсенькими копиями солдат, стоящих в строю на плацу, лошадей и техники. Пояснительная надпись к макету гласит, что при строительстве здания Синбидзюцукан использованы оконные стекла из тех самых казарм. Немного фантазии — и, глядя через стеклянную стену музея на хранилище для зонтиков, более всего напоминающее пришвартовавшийся в Токио инопланетный корабль, мы сможем представить себе, как через это же самое стекло косился когда-то мордатый караульный на подозрительного высокого иностранца в светлой шляпе и с тросточкой в руках, то и дело прохаживавшегося мимо полкового КПП...

Что же касается места дислокации 1-го адзабского пехотного полка, то он размещался метрах в трехстах отсюда, на другой стороне улицы Гаэн Хигаси, там, где сейчас находится небоскреб «Токио Мидтаун». То есть, если М. Алек-

сеевым и М. Н. Лукашевым все изложено правильно, получается, что советский резидент Японец жил напротив казарм одной воинской части, а свободное время любил проводить в компании хозяина фотоателье, что стояло напротив. В условиях Японии 1920-х годов выбор, что и говорить, не самый обычный. Ведь огромный белый иностранец (а Василий Сергеевич имел около 180 сантиметров роста при тогдашнем японском стандарте в 155—160 и весил около 80—85 килограммов) решил поселиться между расположениями двух крупных японских воинских частей с целью осуществления постоянного наблюдения за ними, точно зная, что за ним самим ведется слежка. К тому же надо заметить, что этот квартал и его окрестности — Адзабу и Акасака — не просто место, где расположены воинские части. Здесь не только несла службу, но и проживала значительная часть офицерского корпуса соединений японской армии, расквартированных в столице. Помимо упомянутых частей 1-й пехотной дивизии, там располагались еще два крупных воинских формирования, в том числе элитная 1-я гвардейская дивизия, а старшие офицеры и генералы издавна облюбовали эти живописные кварталы, испещренные крутыми спусками и подъемами, для своих квартир, домов и даже поместий. Совсем рядом, кстати, до наших дней сохранилась небольшая и очень скромная усадьба завершившего свой земной путь в 1912 году генерала Ноги Марэсукэ — национального героя Японии, осаждавшего русский Порт-Артур. Снова возвращаясь к Зорге, стоит вспомнить, что поселившийся именно на этом месте (!) радист его группы Макс Клаузен не выдержал психологического напряжения жизни среди военных и в конце концов упросил Зорге найти ему другую квартиру![228] Опасения Клаузена были небеспочвенны: вряд ли такое окружение смогло бы долго с дружелюбным доверием относиться к странному иностранцу. Получается, не имевший опыта японской жизни Клаузен это понимал, а Ощепков нет? Сознательно навлекал на себя подозрения? Но Василий Сергеевич совсем не похож на самоубийцу. Едва ли он сам предложил своему руководству в разведке отправить его вместо Южного Сахалина в Японию, а затем перебросить из Кобэ в Токио только для того, чтобы здесь, при помощи бдительных японских военных, его могла бы быстро вычислить японская военная контрразведка кэмпэйтай или политическая тайная полиция токко. Зачем же он поселился в столь необычном месте? Ответ прост: он там не жил. И вообще вся история с

наблюдением за 3-м полком и «съемом информации» по 1-му полку — в значительной степени миф.

В документах токко сохранился точный адрес четы Ощепковых в Токио: Аояма, Минами-мати, 3-60[229]. Это хотя и недалеко от пресловутых казарм, но все же совсем другой район города. Дом, где Василий и Мария снимали двухкомнатную квартиру, стоял прямо на краю кладбища Аояма, в нескольких метрах от могильных рядов. Нам доподлинно неизвестно, почему рухнул первоначальный план поселиться в непосредственной близости от расположения частей 1-й пехотной дивизии — по стечению обстоятельств или по воле советского разведчика, понявшего, что Токио не Хабаровск и работать здесь так, как работали японцы у нас в 1904-м, не получится. Мы лишь знаем, что Ощепков выбрал другое место жительства, а значит, вся домашняя заготовка в стиле «сиди и смотри» не могла состояться.

От точки, где находилась квартира Ощепковых, до расположения обоих полков около 10—15 минут быстрым шагом — если напрямик, через кладбище. Однако ходить туда постоянно, чтобы понаблюдать за перемещениями военнослужащих императорской армии, было бы весьма странным «хобби» для иностранца, которого и так видно за версту. Логично предположить, что разведчик не шествовал туда напрямик, средь могил, а специально запутывал слежку, выписывая по городу сложные зигзаги. Японцы — слабые аналитики, но если человек, числящийся на подозрении в тайной полиции токко или военной полиции кэмпэйтай, как это было с Ощепковым, раз за разом в сложных маршрутах своих перемещений по городу постоянно оказывался бы у расположения воинских частей, то и они должны были бы это заметить. Для неоднократного посещения этого района необходимы были серьезные, очень серьезные основания, да и времени на такой «туризм» требовалось бы немало.

Впрочем, основанием мог стать тот самый большой заказ на рекламу, о котором упоминают историки: на изготовление рекламных фотографий, возможно, каких-то афиш фильмов, которые собирался закупать и показывать наш герой. Очень может быть, что и самое известное фото разведчика, где он запечатлен в образе франтоватого молодого человека в привычно скошенной на правый висок шляпе и с тросточкой в руках, сделано именно тут — в Адзабу. Но сколько раз в месяц допустимо было появиться у этого подрядчика, чтобы не вызвать подозрений ни у него,

ни у полиции? Вряд ли много, да и обстановка во время переговоров может подходить для прояснения каких-то отдельных вопросов, но не для проявления постоянного любопытства в отношении соседней воинской части.

Возможно, ходил Василий Сергеевич и в клуб дзюдо, выполняя еще один пункт из своего плана. Пока неясно, где этот клуб находился в 1920-х годах, но чуть позже, на предвоенных японских картах он отмечен у южного склона холма Мамиана — как раз по соседству с ним жил тогда Рихард Зорге. В таком случае дорога к клубу тоже могла проходить мимо полков. Однако появляться там время от времени, не слишком часто, проходить мимо — это одно, а вести наблюдение — совсем другое. Думается, что Ощепков это понял, пусть даже и не сразу, а только оказавшись на местности, окунувшись в реальную обстановку, и это понимание стало важным моментом в перестройке всей его разведывательной работы в Токио.

«Разведка без денег — кружок кройки и шитья», — приводит М. Н. Лукашев остроумное замечание одного из наших сотрудников спецслужб, но именно в таких «кружках» долгие годы и «занимались» наши разведчики. Ощепков попал в особенно тяжелое положение. Он был первым резидентом после революции и Гражданской войны. Раньше в Японии он только учился, будучи подростком, да бывал в командировках, а оттого представление о расходах, которые должна нести резидентура, если и имел, то крайне смутное. Руководство в Приморье вообще не имело ни малейшего понятия о дороговизне жизни в Японии, но, судя по цитировавшимся документам, классовое чутье подсказывало, что все проблемы можно решить, если твердо верить в светлое будущее. Токио, где мировая революция должна была неминуемо победить уже совсем скоро, не мог быть в этом исключением.

Реальная жизнь оказалась бесконечно далека от лозунгов. Снимать жилье в Японии дорого сегодня и было дорого всегда. Особенно иностранцам, особенно в Токио, особенно в центре, где с профессиональной, оперативной точки зрения интересно было поселиться разведчику. Один из немногих способов найти в Японии квартиру подешевле, но в хорошем районе — поселиться рядом с кладбищем. Никому не хочется каждый день смотреть на могилы, а оттого такое жилье всегда дешевле. Да, это был плохой вариант, но выбора не оставалось. «Мои незавидные обстоятельства с жильем окончательно ставят меня в невыгодное положе-

ние», — передавал резидент в Центр, имея в виду невозможность хранения секретных материалов и стесненность в организации встреч с интересными для работы людьми. Из докладов Ощепкова нам известно, что именно в этот период частыми гостями в его доме становятся очень важные люди, представители своеобразного военного бомонда: барон, лейтенант кавалерии Ниси Такэити и еще один барон, лейтенант артиллерии Датэ Мунэмицу[230]. Первый из них, незаконнорожденный сын члена Тайного совета, выпускник придворного колледжа Гакусюин, где учились представители императорской фамилии, блестящий герой-кавалерист, в скором времени станет национальным героем Японии, победив в личном первенстве по конкуру на Олимпийских играх в Лос-Анджелесе в 1932 году*. Барон Датэ не снискал такой славы, как его друг, но происходил из значительно более древнего и богатого рода, учился в Англии и, похоже, тоже был целью перспективной разработки для советского разведчика.

Опыт вхождения в самый тесный контакт с высокопоставленными военными у Василия Ощепкова, прозванного когда-то адмиралом Като Василием Великолепным, был и раньше. Теперь здесь, в Токио, ему особенно нужны были эти молодые, резкие в высказываниях, не слишком осторожные, но уже много знающие военные аристократы, которых и подобных которым он называл своими «несознательными сотрудниками», видя в их использовании расширение возможностей для разведывательной работы. Да и не только военные требовались для работы: «Живешь дольше, появляется широкий круг знакомых. Не “банто” (клерки, служащие, «офисный планктон», как сказали бы сегодня. — *А. К.*), а людей с аристократическим положением. Публика очень интеллигентная».

И военных, и интеллигентов надо было обхаживать, принимать, очаровывать. Идея о преподавании русского языка Марией Григорьевной оказалась не слишком удачной, но жена разведчика все равно сыграла в его работе

---

* После Ниси Такэити никто из японцев так и не смог повторить этого достижения. Героическая гибель уже подполковника Ниси в боях с американскими войсками в 1945 году стала одной из сюжетных линий фильма «Письма с Иводзимы». В музее воинской доблести Юсюкан скандально известного храма Ясукуни ему посвящены целых два стенда, на которых можно увидеть спортивные и военные реликвии, напоминающие об этом человеке (кстати, очень рекомендую моим читателям при возможности посетить этот музей).

свою роль. М. Н. Лукашев свидетельствует, что Датэ испытывал вполне определенную симпатию к жене разведчика, а Василий Сергеевич, как ни цинично это звучит, надеялся обратить сложившуюся ситуацию в свою пользу. Офицеры заезжали за Марией на автомобиле, вручали ей букеты алых роз и возили кататься по Токио. Ее муж-резидент вынужден был как-то отвечать на любезности молодых баронов-лейтенантов, но даже если он и не приглашал их в дом — в гости в Японии ходить не принято, само по себе проживание в этом месте вряд ли добавляло веса и положительной репутации Ощепковым. А вот тот же барон Ниси пригласить Ощепковых к себе на неофициальный раут мог: его огромная усадьба находилась неподалеку, как раз около 3-го пехотного полка. И социальный контраст между жильем «друзей» резал глаз. Несмотря на то что Ощепков и Ниси фактически были соседями, несмотря на то что дом Ощепковых был расположен в респектабельном районе, в пяти минутах ходьбы от трамвайной остановки на широкой и престижной Аояма-дори, кладбище... кладбище портило все. Вот и взывал разведчик к командованию в надежде улучшить жилищные условия и получая в ответ грозное: «А где вторая комната?»[231]

Японский журналист, которому автор этих строк когда-то рассказал эту историю, был убежден, что в ней неверно расставлены акценты и что, наоборот, бароны Ниси и Датэ использовали Ощепкова в своих целях. Весьма сомнительное утверждение, но в любом случае получается, что Василий Сергеевич вовсе не был статистом, сидящим у окна своего домика в квартале, который сегодня называется Роппонги, и не отмечал карандашиком на салфетке число входящих и выходящих через КПП японских солдат. Общение с богатыми, титулованными, перспективными и информированными офицерами, окончившими Гакусюин и военные академии, необходимость разрешать жене флирт с японскими военными с прицелом на получение от них интересных сведений — все это совсем иная тактика по сравнению с той, что до сих пор считалась присущей первому нелегальному резиденту советской военной разведки в Токио. Не сидеть сиднем, глядя в окно и подбирая крохи информации, а самому смело идти на контакт, использовать знание языка, образование, опыт Кодокана и славу отличного борца, даже жену, если понадобится — таков был стиль работы Ощепкова в Токио. Он показал себя талантливым разведчиком, мастером, инициативным, смелым, но

осторожным специалистом, способным успешно противостоять японской контрразведке и полиции. Увы, Василий Сергеевич не обладал подобными достоинствами в других областях своей деятельности, и вскоре ему пришлось за это поплатиться.

Глава шестнадцатая

ПРОВАЛ

Грандиозные планы развертывания работы в Токио, составленные Ощепковым, к весне 1926 года доказали свою обоснованность и состоятельность. Постепенно, но все же довольно быстро для такого сложного дела, завертелся механизм работы резидентуры. Оставалось решить проблему с деньгами, и в марте в Токио прибыл Михаил Бабичев. Под фамилией Яхонтов он с 1925 года числился представителем Совторгфлота на Хоккайдо и располагал полномочиями по проверке деятельности резидента номер 1/1043. Им удалось встретиться, хотя за Бабичевым было организовано наблюдение, и побеседовать[232]. Куратор остался недоволен работой Ощепкова. Он привез ему новые задания, инструкции и потребовал документально оформить сотрудничество с Абэ, чтобы убедиться в том, что резидент не выдумал агента и не списывал на себя суммы положенного тому вознаграждения, а заодно привязать Абэ возможностью шантажа полученными от него секретными документами. Василий Сергеевич был против форсирования ситуации с агентом, понимая, что топорные методы работы с пусть даже трусоватым японцем способны только разрушить комбинацию, которая долго и кропотливо им выстраивалась. Шантаж был недопустим, особенно в отношении человека, который и так сильно рисковал и в любой момент мог сорваться. Давление на Абэ не привязало бы того к Ощепкову, а, наоборот, ускорило бы разрыв, и Василий Сергеевич медлил, тянул сколько было возможно, ведь пока что Чепчин работал. Медленно, осторожно, но работал. Он уже передал советской разведке уставы всех родов войск, на чем так настаивал Центр и что было выполнить легче всего, программы занятий в училище, где он служил, завел досье по военным вопросам и выписывал на свой адрес специальные военные журналы, недоступные иностранцу Ощепкову. Неизвестно, как резидент обосновывал такие просьбы к агенту. Скорее всего, японец все прекрасно понимал, но,

однажды согласившись делать это за деньги, теперь одновременно боялся разоблачения и надеялся на новые деньги, и тем более не было смысла его запугивать дополнительно.

К тому же, помимо добычи информации, передаваемой из военного училища, Абэ-Чепчин включился в разработанную резидентом специально для него операцию по получению секретных документов Генерального штаба прямо из типографии. Ощепкову стало известно, что такие материалы печатают в издательстве «Кайкося» (по другим данным, «Койкося»), и он вошел в доверие к директору типографии, так же как и в случае с фотоателье, обеспечив его выгодным заказом через одного из влиятельных знакомых (пригодились связи не из мира банто). Взамен предприимчивый русский попросил взять на работу знакомого типографского наборщика, недавно оставшегося не у дел. Причем, предварительно, Ощепков нарушил требование разведотдела и по своей инициативе обратился к «другу» из полиции с просьбой проверить рабочего на благонадежность и отсутствие «социальных идеалов». Руководство же требовало, наоборот, привлекать к работе активистов «левого» подполья[233]. Спустя 15 лет именно по этой причине — привычке привлекать к подпольной деятельности «товарищей» — погибнет следующая советская нелегальная резидентура военной разведки в Японии — группа Рамзая, Зорге, но тогда, в 1925 году, такая практика еще считалась нормальной. Кандидат на работу в секретной типографии проверку успешно прошел, а сам Василий Сергеевич заработал дополнительные «бонусы» в глазах японской полиции. Теперь рабочий должен был связаться с Чепчиным, чтобы передавать через него добытые гранки, но не успел. В дело снова вмешался Центр.

У разведотдела штаба округа опять возникли вопросы о финансовом положении резидентуры в Токио. Несмотря на неполноту и задержки финансирования, Ощепков продолжал работать, и теперь уже это вызывало подозрения у своих. Сначала ему приказали уволиться из той самой немецкой кинофирмы «Вести», благодаря которой он перебрался в Токио: работа мешала разведке. Ощепков приказ выполнил, хотя дважды поставил себя в глупое положение. Ему пришлось заново искать кусок хлеба, и он скомпрометировал себя перед Клейе, который устроил его в компанию. К тому же сэкономленное время пришлось потратить не на разведку, а на адвоката, так как Хабаровск приказал подать в суд на кинофирму Алексеева, обманувшего Ощеп-

кова в начале 1925 года с предоставлением эксклюзивных прав на свои премьеры[234]. Но на адвокатов потребовались дополнительные средства, которых штаб, конечно, не выделил. Ощепков был в отчаянии.

8 февраля 1926 года Василий Сергеевич отправляет шифровку на родину. Адресат ее неизвестен, но «на подозрении» находятся два человека: старый друг Трофим Юркевич и давно пропавший из нашего повествования Трофим Попилев. Проблема в отчестве. Ощепков обращается к своему корреспонденту «дорогой Трофим Семенович». Юркевич — Степанович. Отчество Попилева неизвестно. Но тон и содержание этого действительно отчаянного послания показывают, что в любом случае адресовано оно было старому другу, и не просто другу, а другу, знающему, где и чем занимается его автор, и читающему по-японски:

«Здравствуй, дорогой Трофим Семенович.

Ты меня поразил своим письмом. Из письма я вижу, или ты меня не понял, или ты всерьез принял мои назойливые телеграммы и письма. Письма и телеграммы, хотя и шли в твой адрес, но фактически содержание их относится по адресу тов. Михайловского. Тебе известно, зачем я сижу здесь и как плохо чувствовать себя без денег. Так как я непосредственно не могу телеграфировать Михайловскому, то вся корреспонденция идет в твой адрес. Михайловского я в письмах называю Анна Ивановна, из твоего письма вижу, что ты немного меня не понял.

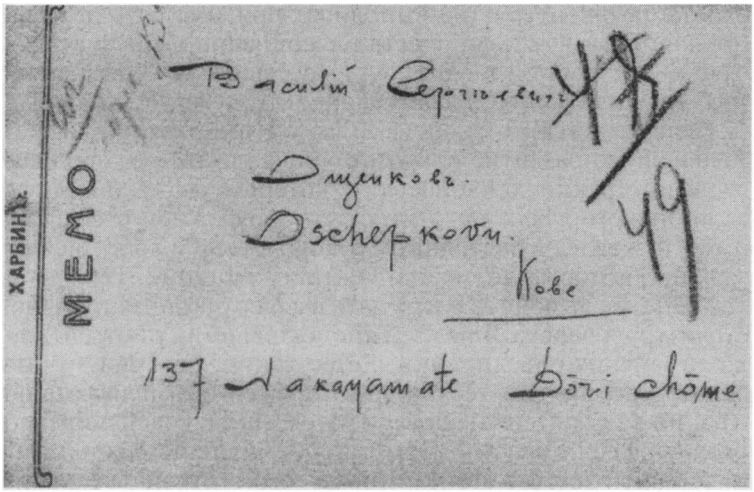
Теперь что касается моего киноимущества. Действительно ты можешь что-нибудь сделать или ты пишешь потому, что надо писать так? Все журналы адресованы лично тебе. Слово "ликвидация" означает то, что, когда человек остается без [средств] и долгое время не получает то, что ему следует, так он ликвидируется, т. е. заканчивает ведение работы, к которой я и хотел бы приступить, если бы Митрич не выручил вовремя. Ты лично мне ничего не должен и ради меня себя не закладывай, т. к. я еще смогу прокормить и себя, и других, если вопрос коснется тяжелого положения.

В общем, иногда не забывай, пиши только по-приятельски...

Привет от всех и всем.

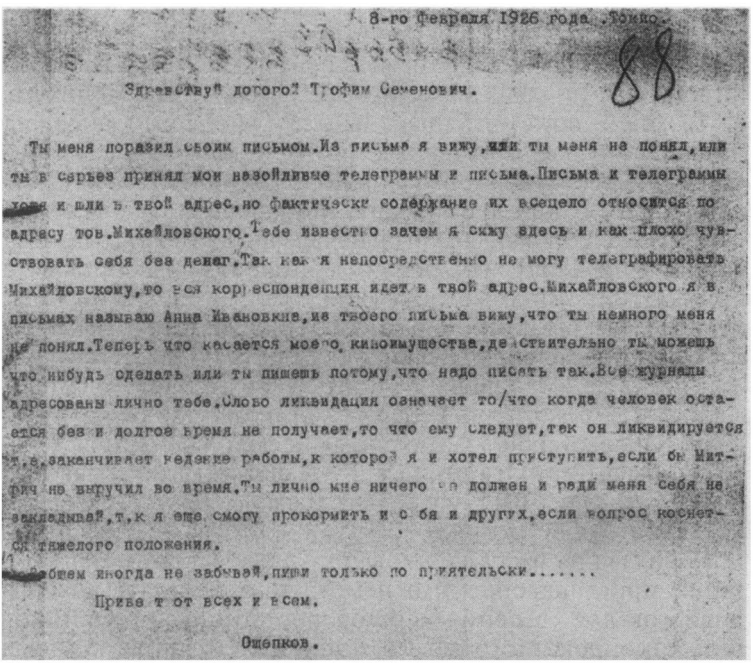
Ощепков»[235].

Через месяц после отправки этого письма в Токио приехал Бабичев. Проверяющий констатировал, что Ощепков ведет свою, независимую от Центра, политику в отношении



Импровизированная «визитка» Ощепкова с его адресом в Кобэ

Письмо Ощепкова из Токио



8-го февраля 1926 года. Токио.

88

Здравствуй дорогой Трофим Семенович.

Ты меня поразил своим письмом. Из письма я вижу, или ты меня не понял, или ты в серьез принял мои незойливые телеграммы и письма. Письма и телеграммы хотя и шли в твой адрес, но фактически содержание их всецело относится по адресу тов. Михайловского. Тебе известно зачем я сижу здесь и как плохо чувствовать себя без денег. Так как я непосредственно не могу телеграфировать Михайловскому, то вся корреспонденция идет в твой адрес. Михайловского я в письмах называю Анна Ивановна, из твоего письма вижу, что ты немного меня не понял. Теперь что касается моего киноимущества, действительно ты можешь что нибудь сделать или ты пишешь потому, что надо писать так. Все журналы адресованы лично тебе. Слово ликвидация означает то/что когда человек остается без и долгое время не получает, то что ему следует, так он ликвидируется т.е. заканчивает недежке работы, к которой я и хотел приступить, если бы Митрич не выручил во время. Ты лично мне ничего не должен и ради меня себя не закладывай, т.к я еще смогу прокормить и себя и других, если вопрос коснется тяжелого положения.

Обедом иногда не забывай, пиши только по приятельски.....

Привет от всех и всем.

Ощепков.

работы резидентуры, не выполняет приказы разведотдела (относительно сотрудничества с социалистами, шантажа Чепчина, судебной тяжбы с «Алексеевым и К°»), все время требует денег (киноаппарат Ощепков вынужден был купить за свои средства), и вообще он какой-то подозрительный. Дальнейшее развитие событий не сулило ничего хорошего: в инструкциях Бабичева, о котором позже напишут: «...японского языка не знал, опыта зарубежной работы не имел, нуждался в постоянном руководстве»[236], содержались задания, которые поставили Ощепкова в тупик. Теперь он должен был выяснить и передать в Союз организационную структуру и вооружение всей японской армии от отделения до армейских объединений. Естественно, получив это задание, Василий Сергеевич сразу должен был подумать об Абэ, но разведотдел не доверял этому агенту и специально оговорил: если Чепчин «не может достать ничего ценного», надо найти другого агента. Кроме того, в связи с усилением интереса японцев к Маньчжурии, Ощепкову приказали «*создать сотрудника* (курсив мой. — *А. К.*) в министерстве иностранных дел [Японии] и направить всю работу на выяснение политики японцев в Китае».

Последнее станет одним из главных пунктов работы группы Зорге в Японии через какие-то семь лет. Но Рамзай годами будет обрастать связями и агентами, не будет торопиться, его, по крайней мере до 1937 года, будут понимать в Москве, и понимать правильно. У Ощепкова шансов на это почти не было. Судебные тяжбы, невозможность работы с единственным агентом, непонимание Центра измучили его. Последние надежды на нормальную работу опали вместе с лепестками сакуры в начале апреля 1926 года, когда Василий Сергеевич получил внезапное распоряжение покинуть Японию и вернуться в СССР. Ехать надо было срочно. Настолько срочно, что у него не оставалось времени ни на нормальное завершение дел, ни на закрытие фирмы, ни на консервирование контактов с Абэ и прощание с «друзьями», многие из которых могли бы еще ох как пригодиться советской разведке. Ему не дали времени даже на то, чтобы вывезти из Токио жену. Девятнадцатилетняя Мария болела, у нее был туберкулез, и вызов застал ее во время очередного обострения.

Сначала на имя Ощепкова пришла телеграмма от Совкино, приглашающая его немедленно приехать во Владивосток для «ведения переговоров по поводу организации кинопрокатного дела в Японии». Это была команда

на возвращение, так как у Василия Сергеевича не было советского паспорта, а получив его, он рисковал лишиться возможности возвращения в Японию. В отличие от своих начальников Василий Сергеевич понимал, как глупо и подозрительно так рушить все, что нарабатывалось полтора года. Поэтому Ощепков отказался выехать во Владивосток, дав телеграмму о болезни жены. В ответ его немедленно вызвали в советское консульство, мотивируя это бюрократическими проблемами, связанными с пребыванием в Токио Марии Григорьевны. В дипмиссии легальный резидент предъявил резиденту нелегальному телеграмму о немедленном прибытии во Владивосток[237]. Попытки объяснить, какие проблемы такое «путешествие» может вызвать в дальнейшей работе, успеха не возымели, и, несмотря ни на что, надеясь все же вскоре вернуться в Токио, Василий Ощепков исчез.

Японская полиция спохватилась только несколько недель спустя, настолько ее внимание было усыплено «благонадежностью» бывшего семинариста. 10 мая 1926 года на имя министров внутренних и иностранных дел, глав портовых префектур Канагава, Осака, Хёго, Ямагути, Фукуи, а также губернаторов колоний — Кореи и Квантунской области поступил секретный циркуляр от главы японской полиции Ота Масахиро:

«Касательно подозреваемого лица российского гражданства.

Акасака-ку, Аояма, Минами-мати, 3-60.

Кинопрокатчик ОЩЕПКОВ Василий Сергеевич. 34 года.

9 апреля в полицейскую часть Токийского округа поступило секретное сообщение № 811 касательно вышеназванной персоны о том, что он, вместе с кинопрокатчиком "Клаузовым" (Клавзовым/Краузовым? — *А. К.*), проживающим в Кобэ, российского гражданства, намерен создать кинокомпанию "Фильм"...

16 апреля Ощепков отправился в деловую поездку в Кобэ, однако выяснилось, что на данный момент он находится во Владивостоке, а также он вызвал туда свою жену Марию, пребывавшую в тот момент в Токио. Мария уехала из Токио 7 мая и отправилась во Владивосток через город Цуруга. Внезапная поездка Ощепкова во Владивосток показалась неестественной, так как до этого он жаловался, что у него большие трудности с получением советского паспорта. Кроме того, близкие к нему люди, в том числе сотрудники компании "Фильм", и его домашний персонал,

полагали, что на данный момент он находится в Кобэ. Исходя из этой подозрительной ситуации, мы провели разведывательные действия.

Мария [Ощепкова]:

"Поскольку японской публике не очень нравятся европейские (английские, французские и пр.) фильмы, которые абсолютно не конкурентоспособны перед американскими продукциями, мой муж в последнее время стал серьезно изучать русскую литературу с тем расчетом, что от показов русских кинофильмов в Японии можно ожидать больших успехов. И, так как цель его визита во Владивосток заключалась в деловых переговорах с советской кинокомпанией, вопреки ожиданиям ему сразу выдали паспорт, а также разрешение на выезд из пределов Японии. После этого в своем письме он приказал мне тоже отправиться во Владивосток. В письме не было никаких подробностей, но я предполагаю, что там, во Владивостоке, рассчитывают, что мой муж мог бы принести пользу, поскольку он в совершенстве владеет японским языком".

Кобаяси Итиро и Кимура Хидэкити (Эйкити? — *А. К.*), сотрудники компании "Фильм":

"Ощепков уехал туда без предупреждения, и мало того, он в своем последнем письме приказывает нам обсудить с "Клаузовым" вопрос о дальнейшем существовании компании, ссылаясь на то, что он не в состоянии вернуться в Японию в течение ближайшего времени. Мы глубоко смущены и подозреваем, что все это лишь оправдание: он до этого говорил, что готов устроиться в советскую кинокомпанию, и это находится в зависимости от размера гонорара (который ему там предложат. — *А. К.*). Мы предполагаем, что, скорее всего, он уже устроился туда, и считаем его оправдания неуместными"»[238].

17 апреля Василий Сергеевич отчалил от пристани Кобэ, принявшей его с женой полтора года назад, на пароходе «Кати-мару» и через два дня сошел на берег в столице советского Приморья[239]. Еще через две недели стало ясно, что в Японию он не вернется, а потому Василий Сергеевич срочно вызвал к себе больную жену — оставаться дальше в Токио ей стало опасно. Но и во Владивостоке опасности таилось не меньше.

Сразу по прибытии, 19 апреля, Ощепков отправился на встречу с начальником разведотдела штаба Сибирского военного округа Заколодкиным. На основании совершенно секретного рапорта исполняющего обязанности помощ-

ника начальника отдела (неясно, кто именно это был, но все данные указывают на Шестакова) Заколодкин обвинил Василия Сергеевича в плохой работе, выразившейся прежде всего в отсутствии документов, подтверждающих вербовку Абэ. Ощепков действительно «не имел налицо никаких документов от "Чепчина" в принадлежности его к нашей работе... Все представляемые отделу материалы по своему содержанию говорят за то, что "Чепчина" трудов в них нет, так как естественно, что, служа в военной школе, "Чепчин" в первую очередь завел бы материалы относительно последней»[240].

В рапорте была названа и еще одна причина отзыва резидента номер 1/1043: «...в крайней степени неплодотворная работа в целом самого Ощепкова, выразившаяся в предоставлении нескольких донесений по вопросам, совершенно не отвечающим нашим заданиям, данным в разное время».

Наконец, третье обвинение, инициатором которого стал Шестаков: растрата на огромную сумму в 3140 иен. Отсутствие расписок за полученные деньги от Абэ дало Шестакову повод написать в рапорте-доносе: «Я усматриваю, что фактически эти деньги пошли в карман резидента, для собственного резидентского материального благополучия. Так как предполагать, что указанные суммы резидентом выплачивались [агенту], было бы делом, которое можно назвать игрой в карточные домики... Подтверждается ранее высказанное Вам мною предположение... Все приведенные документы доказывают полное разложение резидента. Донося о вышеизложенном, полагал бы гражданина Ощепкова с работы снять и предать суду, предъявив ему соответствующее обвинение...»

«Гражданина Ощепкова» посадили пока за стол (Шестаков обещал его в скором времени посадить в подвалы ОГПУ), писать объяснительную. И он писал:

«Прежде чем обвинять меня, нужно:

1) Знать самому условия работы;

2) Вспомнить, было ли правильное руководство в моей работе;

3) Была ли налажена регулярная связь из Владивостока ко мне;

4) Высылались ли мне аккуратно средства;

5) Было ли принято во внимание содержание моих писем, в которых я неоднократно подчеркивал тот тупик, из которого не находил выхода;

6) Был дан мне правильный план работы».

Ощепков справедливо негодовал в ответ на обвинения, объясняя, что так быстро наладить в конкретных условиях работу резидентуры просто невозможно:

«В Японии я работал один год и три месяца с 24 ноября 1924 года по 17 апреля 1926 года. Семь месяцев ушло на безрезультатное сидение в Кобэ, ввиду постоянного за мной наблюдения со стороны полиции, один месяц на поездки в Харбин и семь месяцев на работу в Токио, где я успел наладить работу, которая может при дальнейшем правильном руководстве дать блестящие результаты...»

Но даже полученные результаты, в том числе добытые Абэ, якобы не давшим никаких секретных документов, пропали. Ощепков точно знал, что они существуют, и недоумевал: «Ведь должна быть груда ценных материалов, если они переведены на русский язык». В этом-то все и дело. Никто в разведотделе не понял, что за книги и бумаги на японском языке прислал им Ощепков, и переданные Абэ-Чепчиным материалы были без перевода отправлены в Москву, где благополучно осели в архиве.

Не сходилась и бухгалтерия. Ощепков пытался доказать, что «абсолютно ничего не должен», но документов на расходование секретных фондов предъявить не сумел и в качестве возмещения этих расходов сдал купленное им на собственные деньги кинооборудование, включая кинопроектор.

Стоящий на грани военного трибунала Василий Сергеевич в отчаянии писал своим начальникам, требовавшим суда:

«Я командирован нашей армией на опасную и важную для Родины работу. На эту работу может встать человек, прежде всего, глубоко любящий свою Родину и ненавидящий вечного и хитрого врага России. Я истинный русский патриот, воспитанный хотя и в японской школе, но эта школа научила меня любить, прежде всего, свой народ и Россию, я воспитывался на средства русской армии, чтобы посвятить себя вечному служению Родине, что я и делаю с 1914 года».

Ощепков просил Заколодкина дать ему возможность вернуться в Токио, чтобы хотя бы законсервировать резидентуру, но у Разведупра, лелеявшего надежды (как покажет время, совершенно беспочвенные) на резидентуру легальную, обосновавшуюся в открытом в 1925 году Постпредстве СССР в Токио, уже было готово решение. Ощепкова не отдали под суд, но прошлым числом, с 15 апреля 1926 года, назначили на должность переводчика 7-го (разведыватель-

ного) отдела штаба Сибирского военного округа. Теперь ему предстояло перевести с японского языка на русский то, что добыла его резидентура за полтора года. Единственное, что разрешили сделать для обеспечения конспирации, так это сообщить всем знакомым в Японии, что ОГПУ задержало возвращение Василия Сергеевича в Токио из-за нарушения паспортного режима (в ноябре 1924 года он уехал в Кобэ без советского паспорта). Теперь Ощепков, якобы не имеющий постоянной работы, вынужден преподавать дзюдо во Владивостоке и ведет переговоры с Совкино по поводу организации в Японии проката советских кинокартин.

Это был провал. Но провал не резидентуры номер 1043 и не провал лично Ощепкова. Провалились его начальники — завистливые, безграмотные, не имевшие ни опыта работы в разведке, ни опыта жизни за рубежом вообще. Провалилась система советской военной разведки образца Гражданской войны. Провалилась, оставив в личном деле агента Японца записи, о которых он никогда не узнал и которые в истинном свете открывают нам сегодня то, как — хорошо или плохо — работал Василий Ощепков в Токио: «Источником 1043 даны весьма интересные сведения об отказе японского командования от старых принципов военной подготовки, о проведении маневров и ряд других интересных вопросов... ценные сведения о совещании комдивов, и другие сведения...» К «другим сведениям» относились донесения Ощепкова «О политике Японии в Маньчжурии», «Материалы по японской авиаций», «О маневрах японской армии в Маньчжурии», и последнее: «Об использовании ядовитых газов и принципах применения их японской армией». Василий Ощепков стал первым разведчиком, получившим информацию о создании сверхсекретных японских подразделений по исследованию химического и бактериологического оружия. Много позже эти подразделения вошли в историю под общим, нарицательным, названием одного из них — «отряда 731». В 1926 году он сообщал в Центр: «...Частные и военные лаборатории Японии проводят активное исследование использования ядовитых газов и способов защиты против них. В японских закрытых военных журналах наблюдается систематическая публикация статей о ядовитых газах, о способах их применения против войск противника и описание ужасов в случае их применения в грядущей войне. По сведениям источника, в скором времени предполагается формирование особой самостоятельной химической команды. Где она

будет находиться и кому подчиняться, мне пока узнать не удалось...»[241] М. Н. Лукашев добавляет к этому: «А в завершающей дело "Учетной карточке" подавляющее большинство доставленных "Монахом" донесений, документов и книг значатся как "ценные" и "весьма ценные"...»[242]

Полтора года спустя прибывший из Москвы выпускник восточного факультета Военной академии Комаров с негодованием делился впечатлением от работы разведотдела штаба Сибирского округа с главой Разведупра Яном Берзиным: «Я хочу выразить глубокое возмущение по поводу снятия с работы Ощепкова — этот факт не лезет ни в какие ворота... Я глубоко убежден, что если бы в свое время было дано надлежащее руководство, он во сто крат окупил бы затраты на него... Это тип, которого нам едва ли придется иметь когда-либо... Я полагаю, что, если бы вы дали нам Ощепкова сейчас, мы сделали бы из него работника такого, о котором, может быть, не позволяем себе и думать»[243].

Поздно. Ощепкова в Токио было уже не вернуть. Следующий нелегальный резидент советской военной разведки приедет в Японию через пять лет после доклада Комарова. Им станет «крестник» Берзина в военной разведке Рихард Зорге — прямой наследник дела резидентуры 1043 и ее резидента — Василия Сергеевича Ощепкова.

Глава семнадцатая

НОВАЯ ЖИЗНЬ

В мае 1926 года Мария Ощепкова вернулась в Советский Союз и встретилась с мужем во Владивостоке. Обвинения с Василия Сергеевича сняли, «растрату» он погасил, но вряд ли это добавило ему оптимизма.

Можно попытаться себе представить настроение разведчика в те дни, недели, месяцы после возвращения из Токио. В одночасье рухнуло все, к чему он готовился и чем жил более десяти лет. Внезапно наступил момент, когда пришлось оглянуться назад, чтобы понять, что получилось, а что нет, и кто в этом виноват. В отличие от нашего героя, мы знаем, что к 1926 году Ощепков прожил уже бóльшую часть своей жизни. Что он в ней успел сделать?

Маленький Вася не мог ничего противопоставить судьбе, когда она отняла у него родителей. Вряд ли в его силах было сопротивляться и решению опекунов об отправке на учебу в Японию. Служба после семинарии в контрразведке

и разведке его вполне устраивала — не случайно позже он пошел на вербовку большевиков. Возможно, ему даже начало казаться, что он все больше и больше сам управляет своей судьбой, все меньше и меньше является беспомощным бильярдным шаром под жесткими ударами судьбы. Теперь каждое последующее решение Василия Сергеевича выглядело все более самостоятельным. Он даже в какой-то момент сумел переломить инициативу начальства, отказавшись от службы на Южном Сахалине и убедив командиров вернуть его в Японию... И вот там, когда, преодолевая сопротивление руководства, ломая свои собственные профессиональные, но отжившие шаблоны, он вышел на новый уровень не только служебной деятельности, но и семейной жизни, встретив искреннюю и трепетную любовь, когда он пусть короткое время, но был сам себе начальник, демонстрируя мастерство, в котором оказался выше японской контрразведки, — когда все в жизни, с трудом, но начало получаться и вдруг — рухнуло. И не просто рухнуло, а чуть не похоронило под обломками клеветы, разочарования, непонимания и, главное, иллюзий самого «властителя» этой жизни. И все теперь надо было начинать сначала.

Справедливости ради стоит сказать, что токийский провал разведотдела сыграл важнейшую роль не только в жизни отдельно взятого человека — Василия Сергеевича Ощепкова. Обвинения Шестакова, приведшие к отзыву резидента из Японии, изменили судьбу многих и многих тысяч людей, никогда даже не слыхавших ни об Ощепкове, ни тем более о его коллегах. Речь идет о самбистах — уже нескольких поколениях людей, у которых могло бы никогда не появиться любимого дела (а у целой страны — повода для гордости), если бы...

Если бы резидент номер 1/1043 остался тогда в Токио, просчитать его дальнейшую судьбу не составило бы больших усилий. Несмотря на осторожность и изобретательность Ощепкова, японская полиция в конце концов вышла бы на его след (вероятнее всего, благодаря оплошности какого-нибудь курьера или очередного «Яхонтова»). Началось бы расследование — по-японски неспешное, но деловитое и кропотливое, в результате которого наш герой в самом лучшем случае оказался бы выдворен из страны, а в самом худшем все равно стал бы предшественником Зорге — на эшафоте только что реконструированной тюрьмы Сугамо. Скорее же всего, ему грозило бы заключение, из которого рожденный на царской каторге Василий Ощеп-

ков мог и не выйти, как не вышел он потом из тюрьмы советской. Но Шестаков написал свой рапорт, Заколодкин принял по нему свое решение, и резидент вернулся. Вернулся, чтобы разочароваться в работе, начальниках, кто знает — может быть, и в жизни. Но шли дни, недели, месяцы, и сахалинский характер, закаленный в классах семинарии Николая Японского и на татами Кодокана, не дал нашему герою пропасть. Как тут не вспомнить старую легенду о том, что создатель одной из школ японской борьбы осознал важность принципа «поддаться, чтобы победить», увидев, как ива, согнутая под грузом снега до земли, в конце концов сбрасывает непосильную ношу и распрямляется. В тот момент, когда у Ощепкова, казалось бы, уже не было почти ничего, с ним все еще оставалось то, чего еще нельзя было отнять, — дзюдо. И Василий не просто вернулся к тренировкам и преподаванию. Именно тогда, весной 1926 года, начался первый этап создания знаменитой советской системы самозащиты — самбо, той самой борьбы, которая прославит потом и ее создателя, и его родину (хотя можно считать, что этот процесс начался много раньше — в 1917 году, когда Василий Сергеевич уже демонстрировал во Владивостоке приемы защиты от угрозы револьвером, отсутствующие в арсенале японского дзюдо). Вот поэтому, как бы парадоксально это ни звучало, во многом мы — весь мир — в какой-то степени обязаны созданием этой борьбы мимолетному эпизоду истории отечественных спецслужб — отзыву резидента из Токио его бездарными начальниками.

Будучи определен на службу во Владивостоке (очевидно, в одно из подразделений разведотдела округа в частях, расквартированных в городе) в качестве переводчика, первое, что сделал Ощепков, — возобновил занятия спортом. Василий Сергеевич устроился преподавать в свободное от службы время на трехмесячных курсах инструкторов дзюдо, открытых Приморским губернским советом физической культуры[244]. Вопрос о том, кто, собственно, эти курсы организовал, пока остается открытым, но вряд ли мы сильно погрешим против истины, если предположим, что это был сам Ощепков, вернувшийся к тренерской работе впервые после закрытия в апреле 1920 года клуба на Корабельной набережной.

На этот раз Василий Сергеевич не был одинок. В городе уже работал еще один замечательный преподаватель и энтузиаст изучения экзотических единоборств — Павел Николаевич Азанчевский (Азанчевский-Азанчеев). В про-

шлом царский офицер, он получил спортивное образование еще до революции в Военно-гимнастической школе во французском Жуанвиле, где, помимо гимнастики, преподавали также фехтование, английский (классический) бокс и бокс французский — сават. Сам Азанчевский не только учился во Франции, но и выступал там на профессиональном ринге, а для тренера быть не только теоретиком, но и практиком очень важно. Сейчас, может быть, в это трудно поверить, но тогда, в 1920-х годах, «специалистов» и «тренеров» по таким непривычным и незнакомым советским людям единоборствам, как джиу-джицу или сават, было предостаточно. Популярность «жиу-житсу», волна которой накатила на Европу и Америку после Русско-японской войны, захлестнула и Россию, где нашлось немало желающих преподавать экзотическую борьбу восторженным неофитам. Азанчевский был исключением из этого печального правила, и то, что он волею судьбы оказался в Приморье, стало настоящим подарком для местных энтузиастов спорта. Оба вида кулачного (и не только) боя Павел Николаевич преподавал во Владивостоке с 1925 года, а для изучения джиу-джицу была даже сформирована специальная женская секция[245]. Стоит согласиться с Михаилом Лукашевым, считавшим, что и для энергичного, пытливого и разочаровавшегося в разведке Василия Сергеевича встреча с Азанчевским стала важным моментом в спортивной карьере. Именно тогда он серьезно занялся если не изучением, то как минимум теоретическим анализом бокса и савата, и не случайно Алексей Горбылев насчитал впоследствии в библиотеке Ощепкова девять учебных пособий по обоим этим видам единоборства[246].

После долгих лет изучения дзюдо системы Кодокан, с которым Василий Сергеевич изначально связал свою жизнь еще в семинарии, и следования ей, насколько это было возможно, преподавание дзюдо в советском Владивостоке стало для Ощепкова новым опытом, особенно интересным по двум причинам: спортивной и социально-политической.

В первом случае Василий Сергеевич резко расширил границы своего мировоззрения тренера-единоборца, начав тесное общение и сотрудничество, столкнувшись с последователем и преподавателем совершенно отличающихся от дзюдо единоборств. Несмотря на то что еще в Кодокане и в дореволюционном Владивостоке Василий Сергеевич был знаком с англичанином Эрнстом Джоном Харрисоном — знатоком старинных видов английской борьбы и вольно-

американской борьбы кэч-эз-кэч-кэн[247], совместная работа с Азанчевским была важна для правильного понимания европейской ударной техники. Бокс, тем более бокс французский, где используются удары ногами, — принципиально иное по отношению к борьбе единоборство. Понимание тактики и техники такого боя чрезвычайно важно для любого бойца, а тем более аналитика и теоретика борьбы, каким только-только начал себя показывать Василий Ощепков.

Во втором случае, и это может быть еще более важно, знакомство с Азанчевским и обмен опытом в преподавании единоборств и их сравнительном анализе проходили в условиях именно советского Владивостока, когда Ощепков впервые вынужден был «вариться в собственном соку». И он, и его коллега-боксер уже были лишены живого общения, подпитки знаний со стороны мирового спортивного сообщества (хотя, наверно, еще не успели почувствовать этого так остро, как в последующие годы) и практического общения с иностранными мастерами. Исподволь, медленно, почти незаметно, но уже начался процесс «обрусения» дзюдо, перешедший со временем в новую фазу создания нового единоборства.

Учеников во Владивостоке у Ощепкова было не слишком много, но среди них нашлись студенты, достойные своего преподавателя. В числе десяти первых советских инструкторов дзюдо оказались настоящие мастера: Владимир Григорьевич Кузовлев, получивший из рук Ощепкова «предмастерский» коричневый пояс (мастерским ступеням — данам соответствовал черный пояс), ставший тренером во владивостокском клубе после отъезда Василия Сергеевича, а потом сам переехавший в Ленинград и преподававший дзюдо в Институте физической культуры им. П. Ф. Лесгафта; Федор Иванович Жамков, будущий руководитель секции прикладных видов спорта (в том числе самбо) в Центральном совете общества «Динамо»; будущий Герой Советского Союза Дмитрий Федорович Косицын — командир партизанского отряда, собранного из бывших студентов и преподавателей Института физкультуры им. П. Ф. Лесгафта, погибший в Великую Отечественную войну.

Под руководством Ощепкова владивостокские курсы просуществовали совсем недолго — до февраля 1927 года. Дело в том, что общественная нагрузка, самостоятельно взваленная на себя переводчиком, не интересовала руководство разведкой. В действие вступили армейские кадровые законы, и 27 января приказом управления кадров

Реввоенсовета СССР Василий Сергеевич был определен на новое место службы. Приказ подтвердил его выслугу с 15 апреля 1926 года (времени прибытия из Японии) и обозначил штатную должность: военный переводчик штаба Сибирского военного округа, город Новосибирск[248].

В начале 1927 года Василий и Мария Ощепковы навсегда попрощались со своей родиной — Дальним Востоком. Им уже никогда не довелось вернуться сюда, но их помнят тут и сегодня. Много лет висит памятная табличка на здании флотского спортклуба на Корабельной набережной, 21, где когда-то преподавал Василий Великолепный, в сентябре 2016 года здесь открыт памятник ему, а в другом спортивном клубе города японцы (!) установили памятный бюст разведчику, всеми силами боровшемуся против их родины, но ставшему пионером дзюдо в России.

Глава восемнадцатая

СИБИРСКИЙ ПРОПАГАНДИСТ

Уезжая в Новосибирск, Василий Ощепков сам еще не осознавал, насколько круто изменилась его судьба. Весной 1927 года он излагал Заколодкину свои соображения по поводу возможностей дальнейшей работы в разведке, думая о будущем, но продолжая жить прошлым: «Если я в настоящее время буду скрыт от официальной службы переводчика при штабе военного округа, то в перспективе можно рассчитывать на успех...»[249] Логика в этом заявлении присутствовала: вся история советских спецслужб свидетельствовала о том, что разведчика можно было вполне успешно перебрасывать из одного региона в другой, не слишком считаясь с его специализацией, знанием языков (был бы хотя бы один европейский, а у Ощепкова был — английский) и опытом работы в конкретных условиях. Одно из множества тому подтверждений — все тот же Зорге, хороший профессионал-германист, работавший в Европе, но в одночасье переброшенный в Китай, а затем в Японию, где его талант разведчика раскрылся в полной мере. В Германии, Китае, Дании и США работал Александр Улановский, Христофор Салнынь и Иван Винаров служили в Европе и Китае, Анатолий Климов — в Китае, Польше, Германии. Примеров, как видите, множество. Главное в такой ситуации было не «засветить» человека перед иностранными разведками, сделать так, чтобы он логично «пропал» из одной

страны, а потом столь же естественно появился в другой. При существовавшем тогда уровне обмена информацией подобные шпионские игры были вполне реальны. Василий Сергеевич об этом знал, и для себя он предполагал именно такой вариант развертывания событий. Но, снова и снова в очередной раз обращаясь к истории службы Ощепкова в разведотделе сначала приморского корпуса, а затем штаба Сибирского военного округа, не перестаешь удивляться, мягко говоря, незатейливому ходу мысли его руководства. Иногда складывается ощущение, что Заколодкин и Шестаков просто не знали слов «перспектива» и «конспирация», где уж тут думать о временной консервации и переобучении агента.

За год до переезда Ощепкова в Новосибирск, в марте 1926 года, там открылось японское консульство, в составе которого, конечно, в столицу Сибири прибыли и японские разведчики, что должны были понимать и в местном отделе ОГПУ, и в штабе округа, располагавшемся неподалеку от консульства. Тем не менее... По сведениям Владимира Лоты, 24 апреля 1927 года Василий Ощепков после девяти часов вечера, закончив тренировку, зашел с учениками в ресторан новосибирского Делового клуба — очевидно, одного из немногих приличных мест в городе, чтобы отдохнуть и перекусить[250]. Ученики — чекист Зацаринный (никаких данных на этого человека пока найти не удалось) и два военных разведчика, очевидно, были в военной форме. Возможно, в ней был и Ощепков. По стечению обстоятельств, в это же самое время японский консул (в 1927 году в Новосибирске работал Огата Сэйсики, но еще сдавал дела его предшественник Симада Сигэру, так что в данном случае непонятно, о ком именно идет речь)[251] тоже заглянул в этот же ресторан в компании с тремя соотечественниками и увидел Зацаринного, которого, по неизвестной нам причине, знал как сотрудника ОГПУ.

Пока японцы ожидали заказа, один из них (неизвестно точно, кто именно, но Лота называет его «переводчиком консульства») подошел к столику, за которым расположились советские разведчики, и поздоровался с Ощепковым, которого назвал «Васири-сан» — как нашего героя называли в Японии еще со времен учебы в семинарии. Василий Сергеевич, в свою очередь, узнал в подошедшем своего бывшего ученика из владивостокского кружка дзюдо, служившего в 1918 году приказчиком в японском магазине. Они разговорились как старые знакомые, и японец вкратце

поведал Ощепкову о перипетиях своей судьбы (вернулся в 1922 году домой, устроился на работу в МИД, приехал в Новосибирск, работает переводчиком)[252]. Василий Сергеевич не поверил его рассказу, решив, что японец работает на свою разведку, о чем на следующее утро доложил, как положено, рапортом Заколодкину.

Считается, что именно эта встреча закрыла перед Ощепковым перспективы дальнейшего использования его в качестве агента, хотя есть мнение и о том, что вся история от начала и до конца выдумка по причине того, что изложивший ее автор не дает никаких ссылок на первоисточник (но у Лоты почти все ссылки, скажем так, «законспирированы» лучше, чем был законспирирован сам Ощепков). Кроме того, об инциденте в Деловом клубе и рапорте Заколодкину ничего не написал Лукашев, однако ему показали хоть и многие, но не все документы из личного дела разведчика Ощепкова. Третий довод заключается в том, что в эти же дни Василий Сергеевич опубликовал в окружной газете статью о «дзюу-дзюцу» под собственной фамилией, а значит, к тому времени он уже не был разведчиком, оказался расконспирирован — иначе ему не разрешили бы печататься в ведомственной газете под настоящим именем[253]. Но представления сегодняшнего читателя о высоком уровне конспирации в 1920—1930-х годах вообще чрезвычайно сильно завышены — это можно заметить и по работе Ощепкова на Сахалине и в Японии, а можно вспомнить и случай с Зорге, когда статью, отправленную им в Берлин, напечатала газета «Известия» под его настоящей фамилией[254], или эпизод с публикацией в августе 1924 года группового фото военных разведчиков — выпускников Военной академии РККА в журнале «Огонек»[255]. Даже если Ощепков, о котором японцы знали, что он уже много лет преподает дзюдо, искусство самообороны, был застигнут ими в компании с Зацаринным, это вряд ли могло настолько повредить его карьере, чтобы сразу ее прекратить. А вот если вся компания была в военной форме, это автоматически ставило Василия Сергеевича в один ряд с Зацаринным и другими (хотя курировавший японское направление советской контрразведки в Москве знакомый Василия Сергеевича Роман Ким вообще приходил на встречи с японцами в форме офицера ОГПУ—НКВД, чем внушал им особое уважение к своей персоне — те, плохо разбиравшиеся в знаках отличия, считали его генералом[256]). Кроме того, Алексей Горбылев в связи с этим замечает, что группа спортсменов-едино-

борцев была сформирована Ощепковым в Новосибирске только в августе—сентябре, но и здесь никто не может гарантировать, что Василий Сергеевич не обучал приемам самообороны своих коллег в «приватном порядке» с самого своего появления в Новосибирске. Что же касается дороговизны ресторана в Деловом клубе (еще один довод против реальности этой истории), то, во-первых, мы не знаем, насколько он был дорогой, а во-вторых, скоро увидим, что для нашего героя это не могло быть препятствием. Так или иначе, руководство разведотдела приняло как факт неподтвержденное предположение о том, что Ощепков расшифрован японской разведкой, но мысли о его переориентации на другие страны не допускало, с этого дня рассматривая его уже только как переводчика. Правда, надо сказать, как переводчика, чья компетенция выдавалась далеко за рамки должностных обязанностей.

28 мая, то есть через месяц после досадного, но излишне раздутого инцидента в ресторане новосибирского Делового клуба, Заколодкин сообщал в Москву главе Разведупра Штаба РККА Яну Берзину: «...Товарищ Ощепков при поступлении на работу в отдел был для нас ценен только как переводчик, знающий японский язык. В настоящее время он изучил японскую военную терминологию и является для нас уже ценным не только как переводчик, но и как высоко квалифицированный специалист, потеря которого была бы нежелательная для нашей работы...»[257] Столь странное и внезапное изменение отношения к раскритикованному совсем недавно резиденту в сообщении шефу всей советской военной разведки наводит на мысль, что Ощепкова кто-то куда-то пытался затребовать, забрать. Кто и куда — неизвестно, но, может быть, самое точное предположение будет такое: Василий Сергеевич сам, как говорится, «навострил лыжи», изо всех сил стремился расстаться с работой, которую не любил, не находил в ней интереса, которая была мелка для него. Похоже, что характер у разведчика-дзюдоиста был непростой. Интеллигентный, прекрасно воспитанный, он не мог мириться с бюрократизмом, бестолковостью и безграмотностью, которые в 1920-х годах до краев наполнили советскую действительность. Возможно, что в такие минуты он становился излишне эмоционален, резок, склонен к не до конца продуманным, импульсивным поступкам. Если это так, то тогда понятно, что имел в виду Бурлаков, когда писал в характеристике, что Ощепков «к систематической работе непригоден и небрежен»). Ощепков

органически не мог служить кабинетным переводчиком, ему это было скучно, неинтересно. Работа письменным переводчиком вообще подходит далеко не всякому, кто знает иностранный язык, точно так же как не всякий умеющий стрелять может стать снайпером — для этого надо быть хотя бы немного флегматиком, обладать натурой усидчивой, быть человеком, способным, не нервничая и не теряя концентрации, часами заниматься одним и тем же делом без видимого результата. Не случайно профессиональные японоведы говорят, что японский язык учится не головой, а пятой точкой. Японский язык Ощепков выучил — некуда было деваться, и экзамен в Кодокан выдержал, но потом он всегда стремился к активной, деятельной, даже социально активной жизни. Нравилась ему и деятельность тренера, преподавателя, спортивного наставника и просветителя. В разведке Василий Сергеевич постоянно рисковал и преодолевал риск, часто и, возможно, не без удовольствия оставаясь в положении «сам себе хозяин», самостоятельно строя стратегию и тактику своей жизни, своего поведения. Теперь же перед ним вместо японской полиции, жандармерии, военных оказался другой враг: словари, книги, канцелярские столы, конторская жизнь — быт, тоска и скука. Победить такого врага было куда тяжелее. Подобно одному из героев известного фильма Ощепкову в какой-то момент оставалось только воскликнуть: «Вот она — моя бумажная могила! Зарыли?! Закопали?! Славного бойца-кавалериста...», с той только разницей, что бойцом Василий Сергеевич числился не кавалерии, а разведки, отчего ему, понятно, было не легче. Не случайно, годом позже, окончательно раздавленный несложившейся карьерой и трагедией в личной жизни, он напишет товарищу в Москву о том, что «израсходовал без толку добрую половину своих молодых лет...»[258]. Это при том, что отношение к нему начальства постепенно стало меняться, быт налаживался, да и успехов в дзюдо, как мы скоро увидим, он добился немалых.

Возможно, поэтому в рапорте Берзину от 28 мая 1927 года Заколодкин не только приводил лестную характеристику Ощепкову. Видя, что тот тяготится службой, и не находя (скорее всего, и не ища) ему достойной замены, начальник разведотдела запросил у главы Разведупра льготы для бывшего резидента. Состояние здоровья Марии Ощепковой к тому времени серьезно ухудшилось, сибирский климат не шел ей на пользу, и это послужило еще одним важным поводом для беспокойства, метаний ее мужа, отражавшихся

на результатах службы. Историки, изучавшие дело Ощепкова (М. Н. Лукашев и В. И. Лота), указывают, что первоначально денежного довольствия военного переводчика — 92 рубля в месяц — ему не хватало на жизнь и лекарства для жены в Новосибирске, и поэтому Василий Сергеевич давил на начальство, а оно переадресовало просьбу в Москву. Берзин согласился с доводами Заколодкина, и Ощепков начал получать дополнительные 30 рублей в качестве надбавки за классную квалификацию, а с августа 1927 года еще 12 рублей за переводы с английского языка. Изменился и его статус тренера на общественных началах, который бывший резидент имел во Владивостоке. Теперь Василий Ощепков тренировал сотрудников ОГПУ, Рабоче-крестьянской милиции и военных за деньги — всего набиралось до 150 рублей в месяц[259]. В целом же совокупный заработок нашего героя мог достигать более 250 рублей, а это очень много: в том же 1927 году средняя заработная плата чиновников в учреждениях Дальневосточного края, наиболее близкого к Сибири, составляла 95,4 рубля в месяц[260], рядовой милиционер в Новосибирске получал 35 рублей, а местный начальствующий состав ОГПУ— до 190 рублей в месяц. Следовательно, только дополнительные выплаты Василию Сергеевичу вдвое превосходили обычное жалованье среднего «управленца» тех времен и превышали доходы даже его собственных начальников. Неизвестно, работала Мария Григорьевна или нет (вряд ли), но в любом случае — Ощепков зарабатывал много, достаточно много и для того, чтобы время от времени ужинать с друзьями в престижном и дорогом Деловом клубе.

Алексей Горбылев, приводя данные о денежном содержании Василия Сергеевича, основанные на результатах изысканий новосибирского журналиста и краеведа Сергея Анатольевича Слугина, отмечает, что «...львиную долю... приходилось отдавать за съем квартиры и еще больше — за лечение тяжело больной жены». Однако цифрами размер «львиной доли» никак не подкреплен, а квартирой, по тем же данным, первоначально служила «...скромная комната в частном доме на улице Красноярской». Через четыре месяца квартирная хозяйка выселила Ощепковых, узнав, что Мария Григорьевна больна туберкулезом, и новая квартира с «удобствами во дворе» нашлась на улице 1905 года, откуда осенью 1928 года супруги перебрались в «...комнату в типичном для дореволюционного Новониколаевска старом купеческом доме на улице Потанинской».

Выбившийся в люди с каторжного Сахалина своими усилиями, преодолевая сопротивление среды, обстоятельств, людского недоверия, Ощепков, возможно, именно поэтому никогда не был чужд комфорту, любил хорошо, со вкусом и не без щегольства одеваться, стремился больше зарабатывать, чтобы сохранять самостоятельность, — он вообще любил и ценил жизнь. Наивно и глупо пытаться представлять его полным и окончательным «рыцарем без страха и упрека», «православным ниндзя на службе у большевиков». Естественным было его стремление выжить и заработать в тяжелейшие и смутные годы Гражданской войны, пытаясь торговать или преподавая японский язык одновременно со службой в армии (он еще не был женат и апелляция к тому, что ему надо было кого-то кормить, бессмысленна — миллионы жили тогда впроголодь). Безуспешное, но выраженное желание наладить бизнес в Японии, просьбы об увеличении денежного содержания, даже склонность к некоторому франтовству в одежде — все это говорит лишь о том, что Василий Ощепков был обычным человеком, со своим взглядом на мир, который нам теперь может нравиться или не нравиться. Никто и никогда не воспитывал в нем отвращения к «презренному металлу». Чужд он был и психологии «не жили богато — нечего и начинать». Такое поведение, кстати говоря, было характерно для многих известных сменовеховцев. «Красный граф» Алексей Толстой любил роскошь, а не относящийся, но причисляемый к сменовеховцам Михаил Булгаков всю жизнь мечтал улучшить (и улучшал!) жилищные условия, держа даже в трудные 1930-е годы домработницу. Так они прежде всего самим себе пытались доказать, что их надежды на нормальную жизнь при большевиках не были беспочвенны и в целом оправдались, они как минимум вернули себе тот социальный статус, который имели до революции. В отличие от них Ощепков, будучи представителем военной интеллигенции, выбился в ее ряды из самых низов. Но и он отлично знал цену труду и тоже хотел жить хорошо, соответственно своему новому статусу, своим знаниям и возможностям, или по крайней мере своим представлениям об этом.

Впрочем, отнюдь не только и не столько в деньгах и тоскливой работе переводчика скрыты корни неудовлетворенности Ощепкова пребыванием в Сибири. Для него медленно и незаметно переставала быть главной в жизни сама служба в армии. Служба, которой он посвятил полтора десятка лет своей трудной, насыщенной профессио-

нальными и семейными драмами жизни. Процесс этот начался много раньше, когда карьеру оборвала и изуродовала революция, достиг точки кипения после отзыва из Токио и предъявлений несправедливых обвинений, а теперь, в Новосибирске, все окончательно стало иначе, не так, и войти в эту реку снова уже не было шансов. Жизнь Ощепкова, развернувшись еще во Владивостоке в сторону дзюдо, медленно, но неуклонно делала из бывшего разведчика тренера и пропагандиста спорта. В каком-то смысле это был его, особый, индивидуальный вариант внутренней эмиграции и сменовеховства. Занятия физической культурой, спортивная сфера (в широком смысле этого слова) тогда еще были менее политизированы по сравнению со службой в армии и разведкой, и наш герой мог приносить пользу стране, как ему казалось, будучи не настолько сильно зависим от властей, от начальства, как во время исполнения своих служебных обязанностей.

С каждым месяцем Василий Сергеевич чувствовал все большую склонность к работе с людьми, отдаваясь делу популяризации борьбы самозабвенно и даже с каким-то отчаянием, как будто компенсировал таким образом еще и несостоявшуюся карьеру бэнси — тоже профессии публичной, как и пропагандиста, и не чуждой актерству. Именно в Новосибирске Ощепков начинает не только показывать дзюдо ученикам своей секции, кружка, не только рассказывает о нем всем желающим, уделяя особое внимание тем, для кого владение приемами самообороны жизненно важно, но старается донести свое мнение до все «более широких масс населения». Первое, что Василий Сергеевич делает для этого, — обращается к помощи пока еще ведомственной прессы, доступной в первую очередь военным, но не только: подшивки газет Сибирского военного округа хранились в открытом доступе в библиотеках Новосибирска.

Уже 30 апреля 1927 года только-только приехавший в Новосибирск Ощепков публикует статью в окружной газете «Красноармейская звезда» под названием-лозунгом «Японскую "дзюу-дзюцу" — в Красную армию» — ту самую работу, которая якобы не могла появиться, если бы Ощепков к тому времени все еще служил в разведке. Неизвестно, помогал ли кто-то Василию Сергеевичу в подготовке статьи, редактировали ее или нет, но этот яркий публицистический материал написан мастерски, в стиле классической «мобилизационной страшилки», когда автор вполне убедительно сначала пугает читателя, а потом по-

ясняет, что надо сделать, чтобы избежать страхов, угроз и проблем, о которых идет речь в первой части. Чтобы точнее оценить своевременность появления статьи, надо еще и понимать, что 1927 год — время очередной реформы в Красной армии, время осознания необходимости оснащения ее новой техникой, прежде всего автобронетанковой. Аналогичные изменения проводились во всех армиях мира, о чем было известно и в СССР. И Василий Ощепков, демонстрируя прекрасное знание современных ему японских концепций развития вооруженных сил, пишет о слабых местах реформы: «...создается впечатление, будто живая сила теперь ничто, что пехоте придется бездействовать, закопавшись глубоко в землю. Это неверно... японцы, однако, считают, что техническое превосходство само по себе ведет к понижению личных качеств бойца, ввиду чего главное внимание японцы уделяют подготовке пехотинца. Японцы уверены, что их пехотный солдат по степени своей подготовки стоит выше бойцов других армий».

Без сомнений, спустя даже 22 года после окончания Русско-японской войны в Сибири многие еще хорошо помнили, как нелегко пришлось Русской армии в столкновении с японскими пехотинцами, и автор верно нашел слова, которые должны были упасть на благодатную почву. Далее Василий Сергеевич цитирует японский пехотный устав (переведенный им же в Александровске четыре года назад?), вколачивая в мозг читателя сведения о том, что японцы опередили Красную армию: «Твердый наступательный дух пехоты, физическая сила, ловкость и хорошая военная подготовка являются необходимыми для пехоты». Дожимая читателя фактами, он приводит опыт военного училища Тояма рикугун гакко (не в нем ли преподавал русский язык Абэ-Чепчин?), в котором «проводится подготовка инструкторов по гимнастике и фехтованию, преподавание приемов "Дзюу-Дзюцу". Разработан ряд приемов не только против винтовки, сабли и револьвера, но и против шанцевого инструмента, который некоторыми иностранными армиями, помимо его прямого назначения, используется как оружие нападения во время рукопашной схватки».

На случай, если опыта только Японии пытливому читателю окажется недостаточно, Василий Сергеевич заостряет внимание на том, что «дзюу-дзюцу» признали лучшей системой самозащиты и другие враги рабоче-крестьянского государства — такие страны, как Англия, Франция, Германия и Америка, после чего переходит к характеристике

собственно системы самозащиты. Но нам здесь интересен не сам рассказ о ней, а то, как Ощепков ее называет: «Дзюу-Дзюцу».

В 1927 году еще не существовало ныне принятой «поливановской» системы транслитерации японского языка, используемой в этой книге, где эта борьба записывается как «дзюдзюцу». В то время каждый японовед записывал японские слова по своему разумению или так, как они значились в известном ему словаре. В японском словосочетании «дзюу-дзюцу» (искусство гибкости, ловкости) первая «ю» звучит как длинный, растянутый звук. В учебнике Д. М. Позднеева «Токухон», который использовали в Токио семинаристы, это слово записано как «зюузюцу». Ощепков же писал первый слог так, как он слышался ему, возможно, используя и другие словари. Получалось: «дзюу». Точно так же и по той же причине Ощепков писал название школы дзюдо: «Коодокан» (современное написание — Кодокан). Этот, казалось бы, сугубо филологический нюанс имеет большое значение для истории борьбы, для истории возникновения самбо. Дело в том, что слово «дзюдо» (путь гибкости) Василий Сергеевич долгое время тоже записывал иначе: «дзюудо». Алексей Михайлович Горбылев специально отмечает и использует эту разницу в написании, чтобы выделить техническое, единоборческое, а не лингвистическое отличие ощепковского «дзюудо» от мирового «дзюдо». По его мнению, с которым трудно не согласиться, еще с 1917 года «Ощепков имел в своем арсенале эффективные приемы самозащиты при различных нападениях», отсутствовавшие в японском, то есть в кодокановском «дзюдо»[261]. Так и есть: получается, что «дзюдо» — это именно японское дзюдо, а «дзюудо» — дзюдо Ощепкова, особая советская система боя, лишь основанная на японском дзюдо. Помня об этом, и мы в дальнейшем будем использовать «дзюудо» как обозначение нового, ощепковского, вида борьбы, зарождение которого началось в 1920-х годах в СССР, во Владивостоке и Новосибирске. Но вернемся к статье в сибирской газете.

Кратко рассказав о сути японской системы рукопашного боя и ее пользе для военных, Ощепков переходит к завершающему разделу статьи: «"Дзюу-дзюцу" — в Красную армию!». Это уже не просто призыв, это совершенно конкретные рекомендации воинским начальникам. Не случайно в конце материала, ниже подписи автора, стоит пометка редакции: «Статья печатается в порядке предложения».

А предлагает Ощепков «...дать самый широкий размах развитию фехтования на саблях и винтовках в нашей армии, причем фехтование проводить только практически, как это принято в японской армии, а не в виде скучных приемов тыканья штыком в чучело, а приемы фехтования совместить с приемами "Дзюу-Дзюцу". Для этого необходимо, чтобы каждая часть обзавелась в достаточном количестве масками, нагрудниками и деревянными винтовками. Практические упражнения фехтования и "Дзюу-Дзюцу" проводить на свежем воздухе по утрам и вечерам, ежедневно не менее одного часа...». Это уже не пропаганда, это попытка сделать обучение эффективным, попытка спасти жизнь бойцов, которые в будущем неизбежно окажутся лицом к лицу с более тренированным противником.

Простой, но яркий и толковый материал в окружной газете дал старт блестящей пропагандистской кампании Ощепкова. В августе того же года, что невероятно скоро для неповоротливой армейской бюрократической машины, Василий Сергеевич уже побывал в Москве, не только впервые в жизни увидев столицу своей родины, но и ей самой впервые продемонстрировав приемы самообороны на 3-й Всеармейской спартакиаде. Вернувшись, выступил в сентябре на собрании только что созданного Общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству (Осоавиахим) при штабе Сибирского военного округа с докладом. О его содержании в пятницу 30 сентября 1927 года рассказала та же «Красноармейская звезда», в которой в апреле появилась первая статья Ощепкова.

Новый материал назывался просто «Джиу-джицу», имел подзаголовок «Искусство ловкости и гибкости», был снабжен иллюстрациями, изображающими выполнение некоторых приемов самообороны для военных, и подписан неким Николаевым (псевдоним это нашего героя или реальное лицо, неизвестно). В самом начале статьи давалась краткая биографическая характеристика выступавшего: «Ощепков в течение 7 лет изучал в Японии японский язык и попутно с этим окончил пятилетний спортивный институт "Джиу-Джицу", "Коодокан" в Токио». Точности ради стоит отметить, что цифры, как говорят бухгалтеры, «не бьют» — не сходятся. Если за семь лет изучения японского языка еще можно условно принять период с 1907 (поступление в семинарию) по 1914 год (начало службы в контрразведке), то пять лет в Кодокане Ощепков точно не учился. Скорее всего, он засчитал в свой стаж все время занятий Кодокан-дзюдо,

включая уроки в семинарии. С другой стороны, полученная им, достаточно высокая по тем временам, мастерская степень позволяла Василию Великолепному говорить об окончании института дзюдо, не особо лукавя.

Далее в статье «раскрывался секрет» «Джиу-джицу» («...не требует физической силы. Здесь играет важную роль ловкость и проворность»), но, главное, сообщалось о том, что докладчик, то есть «тов. Ощепков», не только рассказал о японском искусстве рукопашного боя и ответил на заданные ему вопросы, но и лично продемонстрировал технику самозащиты, которая «...имеет ряд преимуществ перед боксом» (пригодилась совместная работа с Павлом Азанчевским). «Приемы "Джиу-джицу" поражали своей красивой техникой выполнения и произвели на присутствующих впечатление исключительного восхищения, — писал Николаев. — Нападения с револьвером, палкой, ножом, саблей и винтовкой отражались с особенной ловкостью». Кроме того, автор статьи сообщал, что «доклад тов. Ощепкова обсуждался особой комиссией ячейки ОСО (Осоавиахима. — *А. К.*) при штабе СибВО и было решено до окончательной проработки этого вопроса в научно-исследовательской комиссии организовать из сотрудников штаба округа группу по изучению "Джиу-джицу". Группа эта быстро сорганизовалась, и сейчас ведутся занятия».

Группа «сорганизовалась» не одна. Появились секции в спортивном клубе штаба СибВО (о ней, вероятно, шла речь в статье), в обществе «Динамо» и в Школе младшего начальствующего состава милиции. Особо — женская секция для сотрудниц и жен военнослужащих штаба округа. Сохранились отдельные воспоминания о том, что Василий Сергеевич, руководивший всеми этими группами, собирался устроить показательные выступления, где должен был успешно противостоять пяти — десяти «нападавшим»[262]. Скорее всего, что и устроил, подобное действо не могло не подхлестнуть интереса местных спортсменов, чекистов и военных к занятиям в его кружках. В результате такой активности пропагандист из Новосибирска привлек внимание Москвы и к своей системе, и к себе лично. По неподтвержденным данным, именно тогда деятельностью Ощепкова заинтересовался лично инспектор физической подготовки и спорта Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) Борис Алексеевич Кальпус.

В августе — сентябре 1928 года в Москве прошла первая в истории Всесоюзная спартакиада (спартакиады РККА про-

водились ежегодно с 1923 года). По инициативе Кальпуса во второй части спартакиады была организована специальная демонстрация спортивных и боевых приемов дзюудо для преподавателей физической подготовки в Красной армии. Показывали борьбу Ощепков и его любимый владивостокский ученик Владимир Кузовлев. Высокопоставленные военные оценили увиденное как «наиболее реальную систему самозащиты и интересный вид борьбы вольного стиля», поддержав идею о ее официальном, если так можно выразиться, централизованном, преподавании в частях Красной армии[263]. Это был не просто успех, это была первая большая победа, увенчавшая все старания, все труды нашего героя, предпринятые им в новосибирский период жизни. Это был его личный триумф, масштаб которого подчеркивало то, что Ощепков добился признания не в коммерческом проекте, которые так и не удались ему в Приморье, и не в реализации планов конкретной деятельности на военной службе, к чему он стремился в Токио. Замысел Василия Сергеевича был грандиозен: вооружить армию своей страны новым оружием, которое брался создать сам. Это была идея государственного масштаба, осуществление которой на самом начальном этапе сопровождалось закономерным успехом.

Глава девятнадцатая

В УСЛОВИЯХ, ПРИБЛИЖЕННЫХ К БОЕВЫМ

Состоявшийся в конце 1929 года переезд Ощепкова в Москву не был бы столь триумфальным, а его система не показала бы себя в будущем настолько жизнеспособной, если бы этому не предшествовали два года в Новосибирске, где эта система проходила обкатку, как говорят военные, в условиях, приближенных к боевым. Ставший «сибирской столицей» после «запятнавшего» себя «колчаковского» Омска, Новосибирск конца 1920-х годов окончательно отсек военное и законспирированное прошлое Ощепкова. Началась вполне осознанная работа над новым видом борьбы. Одна из причин для этого, и причина очень важная, скрывалась в самом статусе этого города.

Новосибирск, большой, по тем временам, город с более чем 150-тысячным населением, являлся важным для Центральной Сибири железнодорожным узлом, а значит, притягивал к себе уголовников со всей Сибири более или менее сытой жизнью и возможностью быстро покинуть

его. Он не входил в число крупных населенных пунктов, проживание в которых было запрещено после отбытия наказания в лагерях и тюрьмах. В результате в нем сложилась обстановка, более характерная для Гражданской войны, чем для мирного времени: каждый следующий день, следующий шаг казался страшнее предыдущего. Уличные грабежи, квартирные кражи, убийства, изнасилования стали обыденностью, от которой страдало все население города — от нэпманов до рабочих, с которых, казалось, и взять-то было нечего. Естественно, среди жертв были и военнослужащие. Алексей Горбылев сообщает в своих исследованиях об ограблении квартиры помощника начальника разведотдела округа П. М. Широкова, о нападении на другого коллегу Ощепкова — А. А. Шрота, приводит множество примеров сообщений местной криминальной хроники в стиле «...внезапный удар по шее ножом»; «...бросился из кустов и начал душить»; «...компания набросилась и избила до бесчувствия» и т. д. По подсчетам Горбылева, за день в Новосибирске милиция задерживала в среднем девять преступников, или каждого пятидесятого жителя города за год. Но самое главное, эти задержания давались правоохранительным органам с большим трудом, ибо сама милиция, численность которой была вдвое меньше установленных норм даже для обычного города, оказалась совершенно неспособна противостоять уголовникам на улицах города.

В конце судьбоносного для Ощепкова 1927 года местная газета «Советская Сибирь» опубликовала большую статью, посвященную проблеме безопасности жителей Новосибирска. В ней, в частности, говорилось:

«Наш город имеет площадь в 90,4 кв. километра, с населением в 150 тыс. чел. Он страшно разбросан, при множестве захолустных, темно-овражных окраин, не освещенных совершенно или освещенных, в лучшем случае, тусклыми керосиновыми фонарями.

Город, находясь на магистрали, в узловом пункте скрещения ж. д. и водных путей, и являясь в то же время административным центром Сибкрая, притягивает во множестве разные слои населения со всех концов Союза, часть которого, несомненно, связана с уголовной деятельностью.

И вот, такой огромный город, как Новосибирск, — не имеет необходимого количества милиционеров.

По нормам Наркомвнудела, в городе на 1 милиционера должно приходиться в обслуживание 750 чел. жителей.

Фактически же сейчас 1 милиционер обслуживает в Новосибирске 1360 чел.

Новосибирская милиция имеет в своем составе 110 чел. младших милиционеров, вместо 200.

Численность активного состава уголрозыска сейчас также не велика и при сравнении штата б. губрозыска в 36 ч., за 1925 год, при населении города в 100 тыс. чел., с настоящим штатом угрозыска, в 20 чел. при населении города в 150 тыс. чел., получаем наглядную картину условий его работы»[264].

«Условия для работы» новосибирских правоохранителей дошли до того, что уголовники выходили на охоту на милиционеров, специально совершая нападения на них с целью завладения оружием. Местные власти попытались решить проблему путем простого увеличения численности оперативного состава. На помощь милиции отправили 10 процентов местных чекистов, открыли дополнительную школу милиции на 120 курсантов — специально для обслуживания города и его сильно разбросанных и темных окрестностей. Решили укомплектовать штат, набрав на службу женщин, но те сами нуждались в дополнительной защите, поскольку оказывались еще более легкой добычей для бандитов[265].

Надо отдать должное руководству новосибирской милиции: в конце концов оно поняло, что только экстенсивными мерами с преступностью ей не справиться. В целях повышения уровня профессиональной подготовки милиционеров было принято решение — еще до прибытия в город Василия Ощепкова — об обучении милиционеров приемам джиу-джицу. Приступили к этому в начале 1927 года: «По распоряжению сибирского административного отдела, в Сибири во всех отделениях розыска и милиции началось обучение агентов розыска и милиции японской борьбе по системе "Джиу-Джитсу". В первую очередь, "Джиу-Джитсу" обучаются работники розыска. Сибадмотдел разослал везде свои разъяснения о правильном применении "Джиу-Джитсу". Вредные и опасные для здоровья приемы разрешено применять только в крайнем случае, если жизнь агента или милиционера находится в опасности. К пьяным и невменяемым "Джиу-Джитсу" запрещено применять совсем»[266]. Можно себе представить, насколько в такой обстановке вовремя и к месту оказался Василий Сергеевич, но интересно, как и под чьим руководством тренировались чекисты и милиционеры до его прибытия в город. Писатель Павел Нилин, служивший когда-то оперуполномоченным уголовного розыска

в другом, но похожем на Новосибирск по криминальной ситуации городе — Иркутске, подробно описал такое «обучение» в повести «Знакомое лицо». Там суть подготовки сводилась к покупке сотрудниками на барахолке очередного издания (часто дореволюционного) учебника по «Джиу-Джитсу» (или даже по «Жіу-Жітсу»), а дальше — кто во что горазд. Кто «набивал» себе ребро ладони о край табуретки, кто пытался всерьез изучить загадочные и трудновыполнимые приемы, но во всех случаях результат был один и тот же: отсутствие результатов такого «обучения».

Но литература литературой, шутки шутками, а новосибирский журналист Сергей Слугин выяснил, что еще в дореволюционные годы в Новониколаевске (так назывался Новосибирск до февраля 1926 года) некто Бернгард Висман, пристав одной из полицейских частей города, преподавал джиу-джицу местным стражам порядка. Сам он учился по какой-то книге и, по слухам, весьма преуспел в борьбе, хотя ни одного документального подтверждения эти легенды пока не получили.

Обучали японской борьбе в Новониколаевске и позже, уже при Колчаке. Тогда этим занимался старший милиционер Игорь Евстратов. Но после вступления в город Красной армии боевая самодеятельность прекратилась на долгие годы или, во всяком случае, о ее продолжении, если таковое было, нам пока ничего не известно[267]. Поэтому на момент подписания распоряжения о занятиях милиционеров самозащитой их навыки в этой области были ограничены сдачей нормативов по бегу, лыжному кроссу и стрельбе. Некоторые пытались заниматься боксом, и лишь позже в город вернулась японская борьба, но не с помощью нашего героя.

Уже переехав в столицу, Василий Сергеевич в письме в Высший совет физической культуры, подготовленном им в апреле 1934 года (мы еще поговорим о нем подробнее), упомянул, что «в Москве... ближе познакомился с системой самозащиты т. Спиридонова, культивируемой им в "Динамо" под названием "ДЖИУ-ДЖИЦУ" (ныне переименованной в "САМ")...». Если «ближе», то, значит, был знаком и ранее, а ранее, до Москвы, — это только в Новосибирске, где, очевидно, стало известно первое учебное пособие по самозащите, разработанное Виктором Афанасьевичем Спиридоновым к 1927 году. Стало быть, методичка Спиридонова там была, и кто-то, возможно, помимо Ощепкова ее изучал. Кроме того, по данным Алексея Горбылева, в новосибирской Пограничной школе ОГПУ некто Скареднов

обучал курсантов джиу-джицу по какой-то неизвестной книге, но и в этом случае, что это была за книга — Спиридонова или какого-то другого автора и каков оказался эффект от такой подготовки — неизвестно.

Получается, что Ощепков попал в нужное время — сразу после подписания приказа об обучении джиу-джицу милиционеров и в нужное место — в Новосибирск, где оперработникам часто приходилось рассчитывать на себя, на собственные навыки в искусстве самозащиты, не только для того, чтобы обезвредить преступников, но и чтобы элементарно выжить. В таких условиях людей ни в чем не надо убеждать, учатся они быстро и с небывалым энтузиазмом. Неудивительно, что, переехав сюда из Владивостока, мастер дзюдо оказался нарасхват. Василия Сергеевича сразу заприметили местные чекисты. Очевидно, какое-то время его занятия проходили частным порядком, но с 14 августа 1927 года Ощепков начал преподавать в «Новосибирском пролетарском спортивном обществе "Динамо"» и в частях (9-м полку) ОГПУ[268].

Сергей Анатольевич Слугин, который в 1969—1971 годах занимался самбо в новосибирском «Динамо», вспоминал, что «один из ветеранов-динамовцев рассказывал, как в здании общества на улице Серебряниковской появилось однажды объявление о том, что создается группа японской борьбы и самозащиты и что желающих заниматься в ней инструктор приглашает в зал в ближайший выходной. Некоторые "динамовцы" поначалу отнеслись к предложению с недоверием и даже с неприязнью: о джиу-джитсу слышать доводилось и в его оценке неприязни не было, но отношение в целом к японцам было весьма негативное — памятны были совсем недавняя интервенция и Русско-японская война. Тем не менее, в день набора в зале собралось довольно много людей, и многие, несмотря на изначально скептическое настроение, познакомившись с инструктором — В. С. Ощепковым — и с его системой, решили заниматься в группе дзюу-до. Тем более, что создание группы активно поддержал председатель новосибирского "Динамо" Заковский, по указанию которого в спортзале был даже вывешен лозунг, гласящий: "Джиу-джицу" — невидимое оружие чекиста". Ветеран, рассказавший все это Слугину, с некоторой обидой говорил еще, что спустя некоторое время Ощепков уехал: дескать, "переманили в Москву"».

К сожалению, на этом воспоминания о занятиях дзюдо в Новосибирске времен Ощепкова заканчиваются. Тот же

Слугин, разыскивавший дополнительные сведения о деятельности Василия Сергеевича в этом городе, вынужден был констатировать, что в архиве Новосибирской области история местного отделения общества «Динамо» начинается 1928 годом, и, как и положено в архиве, сохранились в нем в основном документы, отражающие результаты финансово-хозяйственной деятельности спортобщества. Но даже по ним можно в некоторой степени воссоздать ситуацию, с которой пришлось столкнуться Василию Сергеевичу, когда он пришел в новосибирское «Динамо». Например, во время одной из ревизий финансово-хозяйственной деятельности общества проверяющей комиссией было зафиксировано исчезновение ковровых дорожек, люстр, мебели. Кроме того — что уже гораздо серьезнее, — бесследно исчезли из общества револьверы, винтовки и патроны к ним. Что же касается нашей темы — изучения джиу-джицу или просто самозащиты, то первое упоминание о нем относится к 1929 году: отмечается его плохое преподавание в частях и территориальных органах ОГПУ и милиции. Если такой хаос в те годы царил только в «Динамо» — военной, чекистской структуре, можно себе представить, как выглядела жизнь в Новосибирске вообще. Думается, подобные акты ревизий сохранились и относительно штаба Сибирского военного округа. Заставший преподавание физподготовки в таком состоянии, Василий Сергеевич «взял быка за рога» и со свойственной ему кипучей энергией бросился на исправление ситуации. Чего ему удалось добиться?

За примерно полтора года жизни в Новосибирске, пока Ощепкова не «переманили» в Москву, он успел подготовить около двадцати пяти — тридцати инструкторов рукопашного боя в Пограничной школе ОГПУ (считается, что в силу малого внимания к тренировкам и большой занятости другими предметами уровень знаний и навыков там был весьма невысок), около сорока человек из полка ОГПУ, расквартированного на Владимирской улице в так называемых Красных казармах, и еще порядка восьмидесяти — девяноста милиционеров. Учитывая, что весь личный состав войск и отделов ОГПУ и милиции по Новосибирску в то время насчитывал 3218 человек, это было не так уж и мало — если бы подготовленные инструкторы могли бы успешно обучать дальше. Но вот как раз этого, похоже, и не произошло. Хотя, по данным Слугина, «после отъезда Ощепкова в Москву более ста красных командиров, милиционеров и чекистов в Новосибирске продолжали обуче-

ние сослуживцев приемам самозащиты, преподанным им Василием Сергеевичем. А в мае 1930 года на местном радио даже вышла передача о важности изучения приемов самообороны и нападения, в которой была названа и фамилия пропагандиста японской борьбы»[269], уровень и обучающих, и обучающихся так и остается невыясненным.

Зато совершенно точно, что сам пропагандист получил бесценный опыт преподавания навыков самообороны в конкретной, приближенной к боевой ситуации, обучая профессионалов правоохранительных органов, которые должны были быть готовы использовать полученное от него оружие в любой момент и с риском для жизни. Ответственность его перед ними как тренера, как учителя была чрезвычайно высока, и каждый из учащихся в любой момент мог предъявить ему спрос по самой высокой шкале. Если бы кто-то из его курсантов пострадал в результате необоснованной надежды на свое владение приемами самозащиты и об этом стало бы известно, претензии были бы адресованы именно инструктору. Ничего подобного, по счастью, не произошло, а значит, тренерское искусство Ощепкова успешно прошло серьезнейшую проверку.

С другой стороны, грамотное преподавание всегда предполагает и способность наставника обучаться у своих студентов. Среди оперативников, выходивших на ковер перед Ощепковым, было немало тех, кто гораздо чаще его встречался в поединках с преступниками, кто каждый день смотрел в глаза бандитам и не понаслышке знал, как мастерски они умеют пользоваться финкой и наганом. Стоит ли говорить, что между навыками в борьбе, полученными в условиях спортивного зала, и уличной дракой лежит целая пропасть. Так что преподавание в Новосибирске стало высшей школой самозащиты прежде всего для самого Василия Сергеевича. То, что на фотографиях тех лет он запечатлен исполняющим приемы защиты от удара ножом в спину или блокирующим выхватывание противником пистолета из кармана, говорит в первую очередь о том, что Учитель сам блестяще прошел обучение, а ассистировали ему люди, хорошо знающие практику рукопашного боя. А о том, как он сам, столкнувшись на улице с преступниками, решительно и умело применил свои навыки и добился победы, свидетельствуют документы, приводимые А. М. Горбылевым.

«С. А. Слугин обнаружил в Новосибирском областном архиве, в фонде “Городская милиция”, “донесение”, из

которого следует, что 23 ноября 1928 года, вечером, двое вооруженных грабителей остановили у дома на четной стороне Красного проспекта, на пересечении с исчезающей улицей Трудовой, беременную женщину и, угрожая оружием, предложили ей снять шубу и шапку. Однако рядом оказался возвращавшийся домой переводчик штаба СибВО В. С. Ощепков. Одним движением он выбил наган из руки бандита, после чего оба преступника, напуганных решительностью и виртуозностью обезоруживания, бросились наутек. Ощепков передал бандитский наган подоспевшему наряду милиции, обрисовал ситуацию и... попросил не заносить в протокол свою фамилию, сославшись на характер работы в штабе СибВО. После этого Василий Сергеевич проводил спасенную женщину до самого ее дома на улицу Потанинскую, где был приглашен на чай. По свидетельству С. А. Слугина, эпизод, зафиксированный в "донесении", не отмечен в книге учета преступлений. Фамилия потерпевшей в документе заклеена, видны только инициалы К. Р. Но, судя по ее адресу, спасенная Ощепковым женщина была супругой высокопоставленного партийного работника»[270]. Позже, в Москве, Василий Сергеевич никому не расскажет про этот эпизод (во всяком случае, до нас не дошли эти рассказы), но практические занятия по противодействию хулиганам и бандитам введет в программу обучения своих близких последователей.

Есть, конечно, в этой истории и «обратная сторона медали». Занятия в условиях, приближенных к боевым, не способствовали развитию спортивной части ощепковского дзюудо, и нам практически ничего не известно о соревнованиях учеников Василия Сергеевича и очень мало — о его личном участии в подобных мероприятиях в сибирский период его жизни. Только «спортивный внук» Ощепкова — Андрей Михайлович Ларионов рассказывал, очевидно, опираясь на слова своего учителя — Владимира Григорьевича Кузовлева, что Ощепков «во время проведения армейской спартакиады [Сибирского военного] округа... организовал показательное выступление своих учеников по боевому и спортивному разделам дзюу-до», и там якобы «впервые встретился и познакомился с инспектором по физической подготовке и спорту РККА Б. А. Кальпусом»[271]. Кузовлев, которого Василий Сергеевич Ощепков называл своим «лучшим учеником»[272], вероятно, лично ассистировал своему наставнику на спартакиаде, проходившей в середине июля 1928 года в Иркутске[273]. Сомнительно,

однако, что Ощепков познакомился с Кальпусом именно на берегах Байкала.

Судьба нашего героя теперь полностью зависела от внимания к нему главного инспектора по физподготовке РККА. Борис Алексеевич занимал в армии ключевую должность, позволявшую ему в значительной степени авторитарно определять востребованность или, наоборот, ненужность того или иного специалиста по военно-прикладным видам спорта, к числу которых неизбежно предстояло отнести и рукопашный бой. Именно поэтому очень возможно, что Кальпус и Ощепков встречались еще до Иркутска, годом раньше, в Москве. Кальпус мог видеть и заметку в сибирской «Красноармейской звезде» от 19 августа 1927 года, сообщавшей о грядущем выступлении военных спортсменов из Сибири: «В числе участников состязаний от СибВО — сотрудник Штаба СибВО Ощепков, бывший в Японии и изучивший там японский бокс "джиу-джитсу". Если среди участников состязаний не найдется конкурента тов. Ощепкову для состязаний с ним в "джиу-джитсу", тов. Ощепков ограничится демонстрированием приемов этого вида спорта, который, тренируя тело, воспитывая хладнокровие, выдержку и умение защищаться даже при отсутствии оружия, несомненно, должен привлечь к себе внимание красноармейской массы»[274].

Но независимо от того, в Москве или в Иркутске познакомился Василий Ощепков с Борисом Кальпусом, перед Мастером борьбы отчетливо замаячила перспектива перевода в Москву. Помимо новых горизонтов спортивных исследований и преподавания любимого дзюудо, Василий Сергеевич еще надеялся, что переезд в Москву мог спасти жизнь угасающей от чахотки жены. Он еще надеялся на столичных медиков... Местные врачи оказались бессильны перед туберкулезом, убивавшим на глазах красивую двадцатилетнюю женщину. Сибирский «курорт» — село Чемал к югу от затерянного в алтайских горах Бийска — оставался единственным местом, которое они могли рекомендовать для доживания умирающей, но всем было понятно, что это будет именно доживание. Ощепков обращался к друзьям, к московским знакомым, умоляя «помочь ему выбраться из Сибири» в Москву или Ленинград, где он мог бы продолжить службу переводчиком с японского языка в военной разведке или стать преподавателем дзюудо «благодаря своей редкой профессии — знанию японского языка и джиу-джицу»[275].

Вместо этого перед Василием Сергеевичем внезапно и решительно открылась совсем другая перспектива: немедленно отправиться из Новосибирска в прямо противоположном направлении — на Восток. Нет, речь не шла о Японии, как он мечтал об этом в 1927-м. В августе 1929 года в Забайкалье и Приморье была сформирована Особая Краснознаменная Дальневосточная армия, «поглотившая» в том числе и часть соединений Сибирского военного округа вместе с его разведотделом. Ей предстояло действовать в Маньчжурии, силовым методом отстаивая перед китайцами права СССР на Китайско-Восточную железную дорогу, а потом, если придется, драться уже непосредственно с Квантунской армией. Времена изменились, и каждому стало понятно, что близится большая драка. Командованию Красной армии стала отчетливо видна необходимость в квалифицированных переводчиках с японского языка. Об Ощепкове вспомнили, когда он этого уже не ожидал и совсем не хотел. Теперь ему снова предстоял переезд, но обратно — в Забайкалье или Хабаровск. Инициативу удалось перехватить в последний момент: быстро и решительно. «По данным С. А. Слугина, начальнику разведотдела СибВО Тимуру Федоровичу Дедюкину удалось отстоять Василия Сергеевича, уберечь его от перевода на Дальний Восток и сохранить для своего подразделения. ... он дал добро на перевод пропагандиста дзюу-до в Москву для работы по линии преподавания рукопашного боя...»

Глава двадцатая

ГОТОВНОСТЬ К ТРУДУ, ОБОРОНЕ И НОВЫМ ПОБЕДАМ

В сентябре 1929 года Ощепков наконец-то получил вызов в Москву. Существует легенда, связанная с этим, основанная на рассказе одного из лучших его учеников — Николая Галковского. С годами, когда развернулся процесс спортивной реабилитации основателя самбо, она стала необыкновенно популярна. Если верить ей, Василия Сергеевича вызвал в столицу лично знаменитый краском Михаил Тухачевский — краса и гордость молодой Красной армии и один из главных сторонников ее реформирования. Якобы будущий маршал, впечатленный ощепковским козырем — демонстрацией приемов самозащиты, приказал бывшему разведчику написать учебник по японскому языку и посо-

бие по рукопашному бою для военнослужащих РККА[276]. Что и говорить, легенда красивая, но основания для ее возникновения неясны. Еще М. Н. Лукашев заметил, что в 1929 году Тухачевский командовал Ленинградским военным округом и там ему до Ощепкова точно не было ровным счетом никакого дела, хотя еще более легендарный полководец и тоже будущий маршал — С. М. Буденный на занятиях Ощепкова однажды присутствовал, но случилось это уже после переезда того в Москву. Впрочем, по информации А. М. Горбылева, легендарная встреча могла произойти и в 1927 году, а сам Тухачевский — в прошлом большой любитель борьбы — в середине 1930-х годов тоже посещал Институт физкультуры, где, по некоторым сведениям, даже выходил на ковер с нашим героем. Вот только убедительных доказательств этого рандеву как не было, так и нет.

Но в тот момент, о котором речь идет сейчас, важную роль в жизни нашего героя, скорее всего, сыграл уже знакомый нам Борис Алексеевич Кальпус, который знал Василия Сергеевича либо с 1927 года, когда тот показывал приемы самообороны на спартакиаде в Москве, либо с 1928-го — со времен региональной иркутской спартакиады. В значительной степени именно в руках Кальпуса, вскоре ставшего главой Инспекции по физической подготовке и спорту РККА, находилась судьба всего армейского рукопашного боя. Он же должен был «продавить» приказ о назначении переводчика из Сибири В. С. Ощепкова инструктором Центрального дома Красной армии (ЦДКА), созданного его же, Кальпуса, приказом от 23 февраля 1928 года.

Приезд Ощепкова в Москву ознаменовался классической агитационной атакой Мастера в прессе и на спортивном ковре (татами, по понятным причинам, в Москве не было в наличии, как, впрочем, и в Новосибирске). 29 ноября 1929 года центральная армейская газета «Красная звезда» опубликовала заметку под названием «Акклиматизация “дзюу-до” в Советском Союзе» за подписью «ВСО» (Василий Сергеевич Ощепков): «Вопрос о постановке рукопашного боя в частях Красной армии, наконец, можно считать разрешенным. Об этом, между прочим, свидетельствует организация при ЦДКА специальных курсов рукопашного боя для начсостава Московского гарнизона, которые открываются в первых числах декабря. Выходившие до сих пор по этому вопросу руководства и инструкции не могли охватить в полном объеме отдела защиты и нападения. Теперь и этот пробел окончательно заполнен. Из ряда пере-

смотренных боевых упражнений за основу взята японская система самозащиты "Дзюу-до", как наиболее проработанная и включающая элементы спортивного порядка...»[277]

Учитывая сроки подготовки журнальных материалов (около месяца), получается, что одновременно со статьей в газете Василий Сергеевич разместил объявление в декабрьском номере журнала «Физкультура и спорт» за 1929 год:

«Дзюу-до — путь к ловкости. Так называется неизвестная у нас до сих пор японская система самозащиты. В предстоящем зимнем сезоне с этой системой Москва впервые познакомится. На днях при спортивном секторе ЦДКА открываются двухмесячные курсы.

В программу занятий войдут:

1) броски, рычаги. Удары ногами и руками и удушения;

2) приемы самозащиты невооруженного против вооруженного винтовкой, револьвером, саблей, ножом или другим холодным оружием ближнего боя;

3) приемы рукопашной схватки двух невооруженных. За основу будет принята японская система самозащиты "дзюу-до" как наиболее проработанная, а главное, представляющая собой уже готовый комплекс различных приемов самозащиты.

Для желающих совершенствоваться в этой системе будут созданы специальные спортивные группы, которые будут проходить тренировку и выступать в соревнованиях, намечающихся к проведению в будущем. Курсами будет руководить инструктор т. Ощепков, окончивший институт "Кодокан-дзюу-до" в Японии (в Токио)»[278].

Обратите внимание на объяснение названия японской борьбы в начале статьи. Дзюдо можно перевести как «Путь ловкости», но вряд ли сегодня придет кому-то в голову переводить его как «путь К ловкости». В этом — в предлоге «к» — ныне видится принципиальное отличие дальневосточной и европейской философий адептов единоборств: если там, на Востоке, современные занятия борьбой ставят своей целью сами занятия, то есть сам процесс (нередко с весьма туманной перспективой получения от этого какой-либо конкретной отдачи), то для нашего сознания необходимо сразу определить ясную конечную точку: то, к чему мы хотим стремиться. Поэтому для европейцев/американцев черный пояс — финал и награда за труды, а для японцев только начало восхождения к скрытой в тумане вершине мастерства и определение степени ответственности. Понятно, что в 1929 году в Москве об этом никто

не задумывался: начало есть начало, и с первого шага, как известно, начинается путь длиною в тысячу верст. Раз есть путь, значит, с нашей точки зрения, у него должна быть финальная точка, а стало быть... «...к ловкости»?

Самому Василию Сергеевичу с филологией неожиданно пришлось вплотную столкнуться вскоре после переезда в Москву и тоже в связи с дзюдо. В столичном издательстве готовился к печати очередной, XXI том первого издания Большой советской энциклопедии (БСЭ). По данным М. Н. Лукашева, Б. А. Кальпус, входивший в состав авторского коллектива БСЭ, предложил Василию Сергеевичу написать статью о... «джиу-джицу». Почему в энциклопедии не оказалось дзюдо, теперь уже не выяснить. Так или иначе, но в тексте (том вышел из печати в 1931 году) появилось именно «джиу-джицу», и даже Кодокан в ней стал «институтом джиу-джицу»[279], то есть, скорее всего, неизвестное пока в Советском Союзе «дзюу-до» (вероятно, Ощепков писал название так и в энциклопедической статье) просто заменили на «джиу-джицу», как на более знакомое, бывшее на слуху, слово. Так что первый опыт общения дзюдоиста с серьезными литературными формами ему не слишком удался, но к победе на литературном фронте он и не стремился. Ощепкова в то время занимали задачи куда более практического и насущного характера.

Вслед за сообщением в «Физкультуре и спорте» о наборе в группы «дзюу-до» Василий Сергеевич вышел на ковер лично и провел показательные выступления для москвичей и учившихся в столице военных. Об этом выступлении рассказал уже следующий, январский номер «Физкультуры и спорта» в заметке, где слово «изучивший» (продолжим наши лингвистические придирки) следовало бы заменить на «изучавший»: «Недавно на спортивном вечере ЦДКА состоялась первая в Москве демонстрация японской системы индивидуальной самозащиты “дзюу-до”. Демонстрацию проводил инструктор ЦДКА тов. Ощепков... Особо наглядно были продемонстрированы приемы, когда против вооруженного (винтовкой, револьвером, ножом) в целях самозащиты выступал сам тов. Ощепков, изучивший “дзюу-до” в Токио». По большому — «японскому» счету — «тов. Ощепков» находился только в начале пути настоящего изучения единоборств, но вряд ли кто-то, кроме него самого, ясно сознавал это. Во всем остальном статья заметно перекликалась с более ранними сибирскими, неизвестными столичным читателям публикациями. В ней тоже кратко рас-

сказывалось о том, что такое дзюдо и насколько оно важно для армии и полиции в Японии. Собственно московских дополнений к известному материалу было два. Во-первых, сообщалось, что в ЦДКА уже (!) созданы две мужские группы («из военнослужащих и членов ЦДКА») и одна женская, и эти «группы пропущены через медосмотр». Во-вторых, прослеживался «сибирский след» преподавателя: «Если в некоторых местах Советского Союза (например, в Сибири) кое-где существуют группы по "дзюу-до", то только мужские; начинания с женской группой ЦДКА представляют исключительный интерес». Как мы помним, женская группа работала в Новосибирске, но то ли к тому времени она прекратила свое существование, то ли Василий Сергеевич использовал идею обучения женщин в особой группе как приманку для эмансипированной Москвы. В том случае столичные дамы после такого сообщения были уверены, что у них есть шанс стать первыми представительницами прекрасного пола, вступающими на нелегкий «путь к ловкости» в Центральном доме Красной армии.

ЦДКА располагал передовыми по тому времени возможностями для этого изучения методов физической подготовки военнослужащих РККА. Он, собственно, и создавался, в том числе, как ведомственный центр для подобных исследований. Что же касается его борцовского зала, то он и вовсе был крупнейшим во всем Советском Союзе. Все занятия, в том числе в группах Ощепкова, впервые были не просто поставлены под контроль врачей, но стали частью большого медицинского эксперимента. Руководил им профессиональный спортивный врач Г. И. Котов (очевидно, упомянутые в статье «Физкультуры и спорта» группы были «пропущены» через как раз им организованный медосмотр), который подготовил первую в истории СССР «Врачебную оценку спортивной дзюу-до (джиу-джитсу)»[280]. «Оценку» дали положительную: построение уроков по «вольной борьбе по системе дзюу-до» признали физиологически правильным, тренировка для сердечно-сосудистого аппарата давалась хорошая, емкость легких в результате занятий заметно увеличивалась, а вот травматизм, наоборот, оказался невысоким и зависел почти исключительно от уровня выполнения самостраховок при падении.

Работа над «оценкой» велась более полутора лет, и главным ее итогом стало то, что Котов, как авторитетный спортивный врач, высказался за включение дзюудо в только что принятый (в 1931 году) комплекс «Готов к труду и обороне»

(ГТО). Первоначально комплекс состоял из набора общих физкультурно-спортивных упражнений и норм, в основном рассчитанных на развитие выносливости и скорости: бега, прыжков, плавания и других подобных видов физической активности. Весь 1931 год Ощепков, уже с новыми коллегами и учениками, готовил дополнение к комплексу, рассчитанное на подготовку молодежи к рукопашному бою в реалиях предстоящих войн. Да и не только молодежи. Комплекс ГТО был всевозрастным, а значит, и борьбу вольного стиля по системе Ощепкова можно было адаптировать для всех. Вот тут особенно пригодились результаты исследований доктора Котова, гарантировавшего доступность и безопасность искусства самозащиты для широких слоев населения Советской страны.

Несмотря на желание, кстати, полностью соответствовавшее концепции своего учителя — основателя дзюдо Кано Дзигоро, сделать дзюдо основой физкультуры для миллионов граждан страны (и тут уж не важно, о дзюдо или о дзюудо идет речь), Василий Сергеевич все-таки видел в качестве своей целевой аудитории в первую очередь военных. Военная форма была выбрана и как одежда для тренировок. Для межвоенных десятилетий это была почти обычная одежда, совершенно не обязательно указывающая на место службы ее обладателя. Ощепков надевал военную форму для фотосъемки с демонстрацией своей системы или для выхода на ковер в тренировочном процессе, где для повышения уровня реалистичности требовалось использование «штатного обмундирования». На большинстве снимков, предназначенных для иллюстраций приемов самозащиты в книгах и пособиях, Василий Ощепков запечатлен в гимнастерке, галифе, ботинках с кожаными крагами (по ним его легко опознать даже на рисунках, сделанных с фото, — ноги в крагах выглядят «бутылкообразными») и в форменной фуражке.

В полувоенной форме с характерными крагами Ощепков запечатлен на фото еще в Новосибирске, а в Москве, в 1930 году в ней же он позировал во время исполнения приемов самозащиты для подготовки иллюстраций к учебному пособию «Физические упражнения в РККА» (опубликованному годом позже), где в главе 9 — «Приемы рукопашного боя» — он показывал свою систему. Но не только показывал, не только участвовал в демонстрациях и объяснениях, когда заранее понятно, кто мастер, а кто «мальчик для битья», кто инструктор, а кто ассистент. Едва придя в ЦДКА, 5 апреля

1930 года Василий Сергеевич принял участие в спортивных соревнованиях по штыковому бою, и, как сообщала газета «Красная звезда», «по штыку в группе комсостава I место занял инструктор ЦДКА тов. Ощепков... Общее первенство в группах комсостава и курсантов по штыку занял инструктор ЦДКА т. Ощепков». 30 апреля он закрепил успех, заняв первое место на первенстве Московского гарнизона для комсостава. Современному читателю трудно представить себе, что такое «штыковой бой по системе Калачёва», по которой проводились соревнования, а потому дадим слово очевидцу: «Соревнования представляли исключительный интерес, так как новые правила боя допускали комбинированные приемы для поражения противника. Сюда входили удары прикладом, удушения, вольная борьба, обезоруживание...»[281] По современным понятиям, это был почти «бой без правил», как раз то, в чем Ощепков знал толк, в чем после Новосибирска был особенно силен и о чем мечтал как минимум несколько лет: бороться самому, учиться и тренировать, разрабатывать новую, эффективную систему боя, самозащиты, обеспечить этим новым оружием армию и милицию.

Сотрудникам последней Ощепков преподавал недавно в том же Новосибирске, не оставил он этот опыт и в Москве. В конце 1931 года Василий Сергеевич стал преподавателем в Центральной высшей школе Рабоче-крестьянской милиции (ЦВШ РКМ), зал для занятий рукопашным боем которой находился на территории отторгнутого у церкви Ивановского женского монастыря в центре Москвы. Рукопашный бой для милиционеров преподавался с учетом профессиональных требований. Для этого «Ощепков проанализировал около 1200 зафиксированных боевых эпизодов столкновений работников правоохранительных органов с уголовными элементами и правонарушителями»[282]. Это была поистине фантастическая работа на стыке науки и прикладного преподавания, выполненная на высочайшем уровне. Валентин Васильевич Сидоров, бывший ассистентом Ощепкова при демонстрации приемов, вспоминал, что ему пришлось особенно нелегко в монастыре во время очередных съемок. Когда Василий Сергеевич готовил для милиционеров специальное пособие, сам он надевал милицейскую форму, а Сидоров облачался в гражданскую одежду, изображая уголовника, снова и снова падая на землю при исключительно реалистичном выполнении техники борьбы, пока у фотографа не получался удачный кадр[283].

Успехи в ЦДКА, на соревнованиях, получение возможности присоединиться к работе над комплексом ГТО естественным образом привели Ощепкова в «кузницу физкультурных кадров страны» — Государственный центральный институт физической культуры (ГЦИФК). Во второй половине 1931 года, одновременно с началом преподавания в ЦВШ, Василий Сергеевич возглавил им же и созданный курс боевого и спортивного дзюудо на кафедре защиты и нападения инфизкульта, присовокупив к нему, как обычно, группу для желающих совершенствоваться в искусстве самозащиты.

Тут Ощепкову в очередной раз повезло. Повезло не в том смысле, что произошло какое-то чудо — он на это и не надеялся. Повезло потому, что его усилия не пропали даром, а снова привели к намеченной цели. В ГЦИФКе у Василия Сергеевича появились новые замечательные коллеги — специалисты в различных видах единоборств: по боксу (среди них выделялись первый чемпион СССР, представитель молодого поколения советских спортсменов Константин Градополов и, наоборот, один из ветеранов Аркадий Харлампиев, вскоре отдавший заниматься к Ощепкову своего сына Анатолия), французской (позже — классической, ныне — греко-римской) борьбе (В. Иванов, Г. Пыльнов, А. Катулин, Н. Сорокин, Н. Чионов), фехтованию, штыковому бою, тяжелой атлетике. Как и в ЦДКА, в ГЦИФКе осуществлялось квалифицированное медицинское обеспечение[284].

Здесь же, в инфизкульте, с новой силой развернулась работа по развитию комплекса «Готов к труду и обороне». 7 декабря 1932 года была утверждена его вторая, более высокая ступень. Для Василия Сергеевича это стало шагом на пути к мечте о всеобщем овладении навыками самозащиты. Законодательно было закреплено, что теперь каждый выпускник любого из четырех физкультурных институтов или двадцати четырех физкультурных техникумов СССР обязан был, во-первых, сдать нормативы по дзюудо, а во-вторых, быть готовым к его дальнейшему преподаванию. Сама по себе эта идея была ощепковской только частично. Точно так же, как японской по происхождению была спортивная форма советских борцов (в ее основе лежал японский тренировочный костюм ги), как японские (отчасти и европейские) прототипы имели нагрудники и маски для штыкового боя, которые призывал внедрять в воинских частях Красной армии Ощепков, так и сам проект подготовки профессиональных инструкторов рукопашного боя в опреде-

ленной степени был позаимствован там, где юный Василий постигал науку самозащиты, — в Японии. В Обществе воинской добродетели великой Японии (Дай Ниппон Бутокукай), ставшей в начале XX века основной организацией, аккумулирующей и развивающей опыт преподавания и сохранения японских боевых искусств, руководимой крупнейшими мастерами (создатель дзюдо доктор Кано входил в ее совет директоров), вплоть до 1945 года существовала специальная школа для подготовки преподавателей кэндо и дзюдо. Окончившие ее специалисты получали и второе образование — преподавателей классической литературы, что позволяло им в любом случае найти работу в школах, но основной задачей при этом оставалась подготовка молодежи к использованию навыков единоборств в неизбежной войне. К слову сказать, перед началом Второй мировой войны среди членов общества числилось более двух миллионов обладателей черных поясов, а значит, свою задачу организация и ее школа выполняли на «отлично». Василий Сергеевич не знать об опыте Дай Ниппон Бутокукай не мог: в пору его пребывания в Японии эта организация фактически как раз поднялась на ноги, став едва ли не монополистом в деле преподавания боевых искусств, и лишь дзюдо как-то выделялось из общего ряда за счет существования Кодокана. Цели же обеих организаций по подгототовке молодежи к грядущей войне и по включению боевых искусств в общенациональное физкультурное движение во многом совпадали.

Разумеется, ГЦИФК (с 1934 года — ГЦОЛИФК) разительно отличался от Дай Ниппон Бутокукай по всем статьям, и в случае с рукопашным боем это было тоже заметно. Система вольной борьбы дзюудо Василия Ощепкова, точнее, та ее часть из тридцати девяти приемов[285], которые вошли в норматив по самозащите комплекса ГТО II ступени, встретилась там с — внимание! — французской борьбой, английским боксом, фехтованием на штыках или эспадронах и рубкой. Одну из этих норм надо было выбрать и сдать. Подразумевалось, что наш полупрофессиональный спортсмен-физкультурник будет намного более универсален, чем любой его иностранный визави. Что до количественных показателей, то до японских двух миллионов мастеров единоборств дело не дошло (но и времени у наших было не в пример меньше). Нормы ГТО II ступени, значок которой в народе прозвали «физкультурным орденом», к началу войны сдали 165 500 человек. Сколько из них выбрали дзюудо в качестве профилирующего предмета в разделе самообороны,

неизвестно. На это Ощепков напрямую повлиять уже не успевал, не мог, он не был всесилен, хотя и старался, всей душой желая, чтобы таких людей было как можно больше.

1929—1932 годы стали временем, когда в очередной раз всплеск успехов нашего героя совпал с изменениями в жизни целой страны. Для городского ее населения это время казалось начинающимся расцветом, становлением нового государства, укрепления новой идеологии, по сути и новой нации — советского народа, который вроде бы, несмотря на фактическое уничтожение крестьянста и избиение интеллигенции, на бесчисленные глупости, повсеместные бытовые идиотизм и хамство, начинал успешно строить новую светлую жизнь. Всего через несколько лет эти прекраснодушные мечты о счастливом будущем будут сброшены в расстрельные рвы, но тогда — в конце 1920-х и вплоть до 1934 года — казалось, что все получится, надо только работать изо всех сил. И ведь действительно получалось! И сменовеховец Василий Ощепков после нескольких лет провалов в работе и в жизни наверняка чувствовал, что вот оно — мечта начинает сбываться! Революция, Гражданская война, зимовки на Сахалине под видом бэнси, грозившие смертью, полтора тяжелейших по напряжению года в Японии, не менее тяжелые, похоронные годы в Сибири — все это кончилось. Опять начинается новая жизнь, новая часть биографии, начатая с переезда в главный город страны, наконец-то сделанный — и окончательно! — выбор жизненного пути и то, чего еще никогда не было в его жизни: признание. Признание пусть пока еще не его лично, но созданного им продукта: новой советской борьбы и системы самозащиты.

Все было настолько хорошо, что в это невозможно было поверить. И даже семейная жизнь, со смертью Марии Григорьевны, казалось бы, навсегда оставшаяся в прошлом, началась заново, да так, как Василию Сергеевичу не снилось и не мечталось.

Глава двадцать первая

БЛИЖНИЙ КРУГ

Осенью 1929 года Василий Сергеевич ехал в Москву работать и в работе забыться от горя. Мария Григорьевна умерла в Новосибирске. К сожалению, мы не знаем точно, в каком году это случилось. Известно только, что в Москву Ощепков попал уже без нее.

Вряд ли он рассчитывал, что, едва схоронив молодую жену, окажется героем нового романа, но именно так и случилось. Неизвестно, когда точно это произошло — его приемная дочь Александра (в семье ее всегда называли Диной, позже — Диной Николаевной) рассказывала потом об этом без деталей, но, сопоставляя разные отрывки ее воспоминаний, получается, что в любом случае весну 1930 года Ощепков встретил уже со своей третьей женой.

Его ровесница Анна Ивановна Казем-Бек, в девичестве Ожешко, тоже не была москвичкой. В столицу она перебралась из Казани, но не исключено, что ей доводилось посещать и Харбин. Муж Анны Ивановны Николай Алексеевич Казем-Бек происходил из древнего персидского рода и являлся прямым потомком одного из первых профессиональных востоковедов России Мирзы (Александра Касимовича) Казем-Бека. Его троюродный племянник Александр Львович Казем-Бек слыл одиозным лидером «Союза младороссов» — эмигрантской организации с крайне запутанным и противоречивым идейным содержанием, но воспринимавшейся всегда в качестве злейшего врага советской власти. В конце советской эпохи, в 1980-х годах, он, хотя и оставшись за кадром, даже стал одним из «плохих» персонажей сериала «Государственная граница». Отец Николая Алексеевича был известным на всю страну врачом, эту же специальность выбрал брат Николая Владимир, с 1920 года живший в Харбине. «Доктор Володя» заслужил поистине народную славу, любовь и уважение харбинцев как высококлассный специалист и чрезвычайно отзывчивый человек: нередко он лечил бесплатно и русских, и китайцев. Василий Сергеевич вполне мог с ним встречаться в пору своего пребывания в «столице Русской Атлантиды», а уж не слышать эту фамилию харбинцу было никак не возможно*. Поэтому, когда в Москве его пути пересеклись с женщиной по фамилии Казем-Бек, поводом для более близкого знакомства вполне могло стать упоминание имени «доктора Володи» из Харбина. Николай Казем-Бек, замужем за которым была Анна Ивановна и от которого в 1912 году она родила дочь Александру, ко времени переезда семьи в Москву уже умер (сейчас о его судьбе вообще ничего не известно), и Анна

---

* Владимир Алексеевич Казем-Бек (1892—1931), «доктор Володя», умер в Харбине, спасая от дифтерита китайскую девочку. Усилиями общественности спасен памятник на его могиле в этом городе.

Ивановна оказалась в столице в том же вдовьем статусе, что и Василий Сергеевич.

Первое время Ощепков жил в Москве в комнате в общежитии ЦДКА, фактически — прямо на месте своей первой работы. Казем-Беки ютились в подвальном помещении в одном из угловых домов на пересечении Неглинной улицы и бульваров (в каком именно доме, к сожалению, неизвестно). Анна Ивановна работала белошвейкой, и, вероятно, среди ее клиентуры были известные в Москве люди. Во всяком случае, историк борьбы Лев Семенович Матвеев запомнил рассказ ее дочери — Дины Николаевны о том, что перебраться из подвала в нормальную квартиру маме и любимому отчиму помогла популярная уже тогда актриса Рина Зеленая*. Благодаря ей семья переехала в комнату в квартире с телефоном на третьем этаже большого доходного дома прямо напротив Страстного монастыря, по адресу Страстной бульвар, 4.

Там, где сегодня стоит памятник А. С. Пушкину на площади его имени, разбит сквер и построен кинотеатр «Россия» (позже «Пушкинский», с 2012-го — театр «Россия»), в начале 1930-х высилась колокольня и царили белокаменные стены бывшего монастыря. Бывшего — потому что, когда Ощепков приехал в Москву, в нем уже был устроен Центральный антирелигиозный музей всесоюзного значения при Центральном совете Союза воинствующих безбожников (была в нашей стране и такая организация). Приемная дочь Василия Сергеевича рассказывала много десятилетий спустя, что отчим был верующим человеком — обучение в семинарии у Николая Японского, которое он тщательно маскировал в анкетах «японской школой», не прошло даром, хотя он практически ничего об этом и не рассказывал. И не просто верующим. В условиях Москвы, где в результате грандиозной антирелигиозной кампании к концу 1920-х годов были закрыты почти все церкви и монастыри, Василий Сергеевич с Анной Ивановной сильно рисковали, но время от времени все же ходили в храм — душа просила. Оттого, наверно, особенно невесело было им глядеть из окна на антирелигиозный музей на месте Божьего приюта. Ближайшим действующим к дому Ощепковых

---

* Сведения о семейной жизни четы Ощепковых — Казем-Бек, если другое не оговорено особо, приводятся по воспоминаниям Л. С. Матвеева и А. А. Будзинского, много общавшихся с А. И. Казем-Бек в конце ее жизни.

стал храм Воскресения Словущего на Успенском Вражке. Он сохранился до наших дней, притаившись в тихом Брюсовом переулке, между Тверской и Большой Никитской.

По пути к храму от Страстного бульвара, несколько в стороне от Тверской, стоит знаменитый в начале XX века «московский тучерез» — десятиэтажный Дом Нирнзее в Большом Гнездниковском переулке. Это место, где Михаил Булгаков познакомился с двумя своими будущими женами, где часто бывали Есенин, Маяковский, да, пожалуй, все представители московского бомонда тех лет, вероятно, очень часто посещалось Ощепковыми, но совершенно по иной причине. В этом же доме, на втором этаже, с 1930 года жил еще сахалинский друг, однокашник и коллега Василия Сергеевича по работе в приморском подполье Трофим Степанович Юркевич. Бывший семинарист, казачий офицер и советский разведчик получил в столице должность преподавателя в Московском институте востоковедения и в Коммунистическом университете трудящихся Востока и проработал там до октября 1933 года. Не сохранилось никаких свидетельств о встречах Ощепкова и Юркевича, но трудно поверить в то, что этих встреч закадычных, с самого детства, друзей, прошедших вместе столько бед и лихолетий, не было.

Зато Дина Николаевна вспоминала, что ее отчима, когда тот жил еще в ЦДКА, посещал другой дальневосточник, обосновавшийся по соседству, — Николай Петрович Мацокин. Формально тоже профессор Московского института востоковедения, крупнейший японовед, этот человек был сотрудником ИНО ОГПУ, то есть политической разведки. К Ощепкову он заходил, чтобы проконсультироваться с ним по вопросу составления некоего военного словаря японского языка (судьба этого издания неясна). Настоящий ас советской контрразведки, Роман Николаевич Ким, выдающийся знаток японского языка, сам учившийся в Токио, тоже встречался с Василием Сергеевичем, но по другому профессиональному вопросу. Ким, в прошлом отличный борец, лучший спортсмен японского колледжа Фуцубу, имевший прозвище «ёкодзуна» (что значит «чемпион»), внимательно изучал различные аспекты деятельности тайных служб. Он беседовал с Ощепковым о применении на практике различных систем рукопашного боя. А возможно, и не только беседовал, тем более что они вполне могли познакомиться еще во Владивостоке, где оба начинали работать в большевистских спецслужбах.

Василий Сергеевич, судя по всему, и в Москве неплохо зарабатывал. Летом семья выезжала на дачу: обычно к морю, в Ялту, в Гурзуф, где снимала домик по соседству с уединенной дачей другого сахалинского героя — А. П. Чехова. К отдыху в Крыму относится одно из самых трогательных воспоминаний Дины Николаевны. Она рассказывала, что отчим обожал ее настолько, что даже за стол никогда не садился, «пока Диночка не прибежит» — в семье царили любовь и взаимное уважение. Правда, Ощепков никогда не купался. Об этом вспоминал и его ученик Андрей Будзинский. Может быть, страдал каким-то кожным заболеванием и стеснялся? Неизвестно.

Если не получалось уехать в Крым, снимали дачу в Подмосковье, в Пушкино. По странному стечению обстоятельств там с 1935 года тоже жили старые знакомые Василия Сергеевича. Это был еще один бывший семинарист, ставший сотрудником НКВД Владимир Дмитриевич Плешаков, тот самый Митрич из Хакодатэ, который спас в Токио резидента номер 1/1043, и профессиональный, еще царских времен, военный разведчик и японовед Василий Николаевич Крылов, с которым все они могли пересекаться и в Харбине, и во Владивостоке, и в Японии[286]. Совпадение ли в таком случае, что именно в Пушкино находилась одна из секретных разведывательных школ Коминтерна, которой требовались инструкторы по самым разным дисциплинам? И этого мы пока не знаем.

В Москве же у Василия Сергеевича кипела бурная жизнь, от которой он мог отдохнуть только в летние каникулы (по выходным они с Анной Ивановной частенько посещали боксерские матчи — их много тогда проводилось на различных аренах Москвы)[287]. Появились десятки учеников: разных возрастов, уровней мастерства, знаний и степени желания заниматься, но все же это были именно его ученики — умные, талантливые, хотелось надеяться, что верные. Среди них скоро выделилась десятка лучших — тех, кто после смерти Учителя подхватит его дело и доведет его до состояния, когда оно начнет жить и развиваться само. Однако сначала хочется рассказать о других людях, о тех его студентах, кто не был близок к Мастеру, но кого автору этих строк посчастливилось застать в живых и удалось самому записать их воспоминания.

Герц Адольфович Крупкин (окончил ГЦОЛИФК в 1935 году по профилю «плавание») вспоминал в 2005 году:

«Я познакомился с Василием Сергеевичем Ощепковым в начале 1930-х годов, когда мы начали заниматься дзюдо у нас в институте. Причем произошло это не в институте, а в какой-то милицейской школе, кажется, где-то на Хитровке (в ЦВШ РКМ. — *А. К.*). Он давал там уроки самозащиты милиционерам. Основным учеником Ощепкова и, как мне думается, доверенным лицом был Николай Галковский. Он был на курс старше меня, то есть выпускался в 1934 году, и в этой самой милицейской школе они преподавали вдвоем, и Галковский ассистировал Ощепкову. Наш курс был первым четырехгодичным после трехгодичных, и набирали на него только пролетариев, невзирая на возраст, так что сорокалетние студенты были у нас совсем не редкостью. Были даже студенты — ровесники самого Ощепкова — 1890-х годов рождения...

Василий Сергеевич даже внешне выделялся в нашем институте: стройный, подтянутый, с ярко выраженной интеллигентностью в облике. Он был роста выше среднего, мощного телосложения, но резкий в движениях — завалить мог любого. Обладал очень большой физической силой. Я отчетливо помню, как он выдергивал меня из ковра в воздух одними руками. Резко делал захват, подсечку — и ты уже летишь в воздухе! Но самое главное, мне кажется, он был очень добрым человеком, исключительно вежливым, никогда никому не грубил и этим резко выделялся на "пролетарском фоне" института. Могу даже сказать, добродушный он был человек. Хотя, естественно, друзьями мы не были и особенно близко не общались»[288].

Еще один студент, точнее, студентка, которая рассказала об Ощепкове, Нина Филипповна Розанова, после войны много лет возглавляла в ГЦОЛИФКе кафедру художественной гимнастики. Она вспоминала:

«...По-моему, Василий Сергеевич пришел в институт в 1930 году. Это был потрясающе обаятельный, интеллигентнейший человек. В институте он как-то сразу выделился своей манерой общения — очень культурный был, воспитанный. Мы тогда не знали, что он жил за границей, такие вещи в те времена скрывались, но было видно, что Ощепков явно неординарный человек. Занятия он, кстати, проводил в японском белом костюме. Потом мы узнали, что это называется кимоно.

Я поступила в институт в 1931 году — во время его структурной перестройки. В институт тогда пришли во-

енные. Воинских званий еще не было, но в современном понимании ректором стал генерал, а проректором полковник. Ввели военную дисциплину и войсковую подготовку. В том числе и для женщин: нас всех обучали футболу, хоккею, боксу, а Ощепков учил нас борьбе.

Жили мы все, включая москвичей, в общежитии, утром вставали на поверку, потом на зарядку, на завтрак, на занятия. У тех, кто учился на спортивных факультетах, была своя специализация, а я училась на педагогическом, и нас обучали всему подряд. И вот тут-то я увлеклась самбо и скажу, что личность Василия Сергеевича сыграла в этом определенную роль — с ним было очень приятно и интересно работать.

Познакомилась я с ним на уроке — мы построились, вошел новый преподаватель — очень приятное лицо, крепкий, лысоватый, солидный такой. Я стала тренироваться не только на занятиях, но и вечером ходила на дополнительные тренировки. Со мной было несколько девочек, среди которых самой сильной оказалась моя подруга Галя Шулятьева. Ощепков был с нами исключительно вежлив и внимателен, и мы, конечно, очень любили занятия у него»[289].

К сожалению, другие, близкие ученики Ощепкова, те, кого в Японии назвали бы «ути-дэси», то есть «домашними учениками, жившими в доме Учителя, вхожими в него», не оставили подобных воспоминаний. Они могли бы рассказать значительно больше, но увы... Сначала были слишком заняты, чтобы писать мемуары, откладывали на потом, но не успели, не дожили. Тем не менее это именно те люди, которые стояли рядом с Василием Сергеевичем и на кого он мог опереться, и опирался, в трудную минуту, те, кто входил в его ближний круг. О каждом из этого круга можно было бы написать отдельную интересную биографическую книгу. Здесь же следует вспомнить хотя бы некоторых из них.

В Ленинград переехал из Владивостока один из первых учеников Василия Сергеевича Владимир Григорьевич Кузовлев. Став преподавателем в Институте физкультуры им. П. Ф. Лесгафта, он, по согласованию с учителем, переработал правила соревнований по дзюдо, приблизив их к спортивным образцам. Дело Кузовлева продолжили Андрей Ларионов, Иван Васильев, Сергей Дашкевич и Валерий Щеголев. Последний со временем перебрался в Москву и продолжил тренировки в группе другого ученика Ощепко-

ва — Анатолия Харлампиева в обществе «Крылья Советов» (Дворец спорта «Авиахим») на Ленинградском проспекте. Остальные ленинградцы открыли секции самозащиты по системе Ощепкова в местных институтах: педагогическом, инженеров гражданского воздушного транспорта, связи, инженеров железнодорожного транспорта, авиационном и механическом техникумах, в многочисленных местных военных училищах, в спортивных обществах «Судостроитель», «Красный кондитер», «Темп» и «Водник»[290].

В Москве «первым и лучшим» учеником Василия Сергеевича называли Валентина Сидорова — выходца из первого кружка, организованного в ЦДКА еще в 1929 году, позже одного из первых мастеров спорта и отличного тренера. Это он позировал для многих ранних учебных пособий по самозащите. Будучи неплохим художником, Сидоров сам переводил для учебников фотографии в контурные рисунки, на многих из которых, сохранившихся до наших дней, угадываются черты Василия Ощепкова.

Часто и много ассистировал учителю Борис (Бабкен Аршакович) Сагателян, здоровенный армянин, по комплекции наиболее удачно подходивший для работы в паре с Василием Сергеевичем. Поступив в ГЦОЛИФК по спецнабору, он сначала год учил русский язык, которого почти не знал, и лишь потом отправился на основной курс. Окончив его в 1936 году, он показал такие результаты, что был оставлен преподавателем. Не раз боровшийся с ним в паре Анатолий Харлампиев в своих конспектах занятий самокритично отмечал, как раз за разом Борис бросал его на тренировках самыми изощренными способами. Сагателян проработал в ГЦОЛИФКе до 1941 года, продолжив дело учителя по подготовке пособий по рукопашному бою для армии. После войны он стал заведующим кафедрой физического воспитания Московского областного педагогического института, одного из лучших по этому профилю в стране.

Николай Михайлович Галковский, еще один из ближайших помощников Ощепкова и будущий кандидат педагогических наук, о котором упоминал Герц Крупкин, прошел с учителем почти весь «московский путь» создания новой борьбы, а после смерти Ощепкова никогда не забывал того, кто научил его сражаться. Это Николай Галковский водил по послевоенным московским улицам молодого тогда энтузиаста изучения истории самбо Льва Матвеева, показы-

вая ему дома, где жил Василий Сергеевич, залы, где тот тренировал своих учеников, маршруты, которыми он ходил. Благодаря его усилиям во многом сохранилась московская топография Ощепкова, улицы, бульвары и тропинки, которыми и сегодня можно пройти, чтобы вспомнить Мастера. И как тут не вспомнить вошедшую в историю, ставшую легендой у старых борцов, «чистопрудную практику» Ощепкова, которую Мастер внедрил, помня об уроках Новосибирска, для своих, избалованных наличием милиции на улицах, столичных учеников.

По рассказам Анны Ивановны, все началось с их совершенно случайной встречи на улице с пьяным хулиганом. Здоровенный громила, топая навстречу супругам, «тыкал в физиономию» каждого встречного прохожего. Испуганная Анна Ивановна попросила мужа перейти на другую сторону, как делали все нормальные люди, но услышала в ответ просьбу не мешать. Дальше все произошло очень быстро. Позже она вспоминала: «Я так испугалась. Мы пошли дальше, а он остался лежать на асфальте и даже не пошевелился...»[291]

Похожую историю, но совсем с иным эмоциональным фоном и уже не о самом Мастере, а об ученике Ощепкова — Валерии Щеголеве (химике, переехавшем в столицу из Ленинграда), рассказывал более молодой воспитанник Василия Сергеевича — Андрей Будзинский. Возвращаясь вместе с Щеголевым (друзья называли его Валеричем) с тренировки во Дворце спорта «Авиахим», они стали свидетелем пьяного дебоша очередного амбала, громившего рюмочную на улице Горького. Щеголев, как потом выяснилось, штатный сотрудник НКВД, точнее, печально знаменитой ныне «лаборатории "Х"», где пытали и убивали политзаключенных, персонаж с темным прошлым и светлым обаянием, имевший прекрасное образование и ярко выраженные садистские наклонности, вступил в бой. «Глаза Валерича широко открыты, горят желтым огнем, зубы обнажены, как у хищника. Поверженный хрипит, глаза вылезают из орбит. Мне пришлось напомнить своему учителю, что мы на улице Горького, а не в джунглях... Что характерно, Валерич во время драки и конвоирования противника (который, кстати, орал благим матом — ему было больно) не терял хладнокровия и все время говорил на "вы": "Не вопите, хуже будет, не безумствуйте" и так далее»[292]. Стоит обратить внимание читателей на то, что Щеголев, беспре-

кословно слушавшийся и уважавший Ощепкова, резко выделялся своим экстравагантным поведением среди других учеников, в массе своей составлявших прослойку «спортивной интеллигенции» Москвы, но и по уровню мастерства не был среди них самым лучшим.

Описывали ученики и случай, когда, возвращаясь из института (ГЦИФК располагался на улице Казакова, 18, неподалеку от злачного Курского вокзала), уже сам Василий Сергеевич столкнулся с тремя грабителями, вооруженными «финками». Финал для последних оказался плачевным, а для Ощепкова стал поводом к окончательному оформлению идеи об обкатке боевого духа и мастерства самозащиты в реальных условиях. «Полигон» быстро нашли в самом центре Москвы.

Чистопрудный бульвар в 1930—1950-х годах слыл местом красивым, но небезопасным. Здесь по вечерам собирались шпана, всяческое хулиганье и настоящие урки. Не случайно завязка снятого много позже популярного телесериала «Место встречи изменить нельзя», когда бандиты «прикололи» к скамейке Васю Векшина, происходит именно там. Гулять по бульвару (как, впрочем, и по Сокольникам, и по Петровскому парку, и по многим других московским аллеям) было небезопасно, но других мест для прогулок в центре города особо и не сыскать... Вот и ходила туда молодежь на свой страх и риск посмотреть на лебедей, покататься с девушками на лодках, послушать оркестр да поесть мороженого. Любимой «фишкой» шпаны, пристающей к прохожим, считалось подставить ножку проходившим мимо девушкам. Как раз с такой сценки начинается снятый в 1934 году молодым оператором Борисом Буртом рекламный фильм о новом искусстве самозащиты, и сыграли ее ощепковские ученики мастерски, жизненно. Не менее умело противостояли они бандитам и в реальной обстановке. Во всяком случае, ни о каких серьезных случаях травматизма среди учеников Василия Сергеевича неизвестно, несмотря на то что работать приходилось и против блатных мастеров уличного боя, не расстававшихся с холодным оружием. И, конечно, нельзя считать эти «стажировки» безрассудной авантюрой молодых людей, мышцы которых переполняла сила, а сердце — стремление показать свою удаль. Во время столкновений они страховали друг друга, а нередко за молодежью наблюдал и сам учитель — Василий Ощепков.

Глава двадцать вторая

ВОТ ТАКОЕ КИНО

История, связанная со съемками упомянутого киноролика по пропаганде ощепковского стиля самозащиты, долгие годы хранившегося в семье ученика Ощепкова Андрея Будзинского, в 2004 году оцифрованного и выложенного в Интернет, весьма показательна. Во-первых, тем, что Ощепков (в том, что снимался ролик по его инициативе и, скорее всего, под его режиссерским руководством, сомнений нет*) применил самый современный на тот момент способ рекламы своего продукта. Учитывая общеобразовательный уровень в Советской стране образца 1934—1935 годов, Василий Сергеевич «ударил по-ленински»: признал важнейшим из всех искусств пропаганды и агитации кино и привлек своих учеников к созданию пяти минут уникального киноматериала. Да и какого еще подхода можно было ожидать от бывшего главы международной кинокомпании «Slivy-Films» из Токио? В Новосибирске у него таких шансов не было, в Москве появились. Ощепков повел себя как на татами: увидел (создал) возможность — провел прием. Причем не исключено, что Василий Сергеевич увидел не только возможность, но и иностранный образец. В 1931 году Всесоюзное общество культурных связей (ВОКС) вело переговоры о прокате в СССР пропагандистского ролика о дзюдо: «В этой картине изображены с пояснениями все отдельные приемы японского дзюдзюцу или жужицу (как пишут безграмотно), картина интересна для занимающихся спортом гражданских и военных, интересна также для женщин, для самозащиты которых имеется немало подходящих приемов»[293]. К переговорам ВОКС имел прямое отношение Роман Ким, и от него бывший кинопромышленник Ощепков вполне мог получить информацию о новинках своих коллег из Японии — вне зависимости от того, попал фильм на советские экраны или нет.

Во-вторых, ролик донес до нас трогательную атмосферу тех лет, начиная с одежды и городских пейзажей и заканчивая выполнением борцовской техники. С высоты сегодняшних мастеров она кажется довольно наивной, простенькой. Кажется, что лучшие «дзюудоисты» страны показывают приемы на уровне сегодняшних разрядников, но такова

* Существует, впрочем, версия, что ролик был снят в рамках рекламной кампании ГТО, но одно не исключает другого.

история вообще и история спорта в частности: с небес, в виде божественных откровений и мгновенной обученности, техническое совершенствование валится на головы мастерам только в японских легендах о самураях и демонах. В жизни же люди учились, старались, обкатывали технику исполнения приемов, потели и получали травмы, оттачивая свое мастерство по движению, совершали ошибки и исправляли их по «полдвижения» в год — шаг за шагом. Но именно «шаг за шагом» — и есть настоящий путь единоборств. Остальное — от лукавого, от демонов. Так что кинокамера запечатлела для нас действительно очень высокий уровень спортивного мастерства и, если бы ученики Ощепкова, да и он сам, не достигли когда-то его, не было бы и сегодняшних чемпионов, которым показанная техника кажется примитивной.

Несмотря на, казалось бы, однозначность, линейность поставленной задачи (реклама дзюдо), в фильме существует определенный сюжет, точнее, сюжеты, есть композиция. Он начинается уличной сценкой, снятой в одном из парков и возвращающей нас к «чистопрудной» практике: несколько девушек (одна из них Галина Шулятьева (Шулятева), о которой вспоминала Нина Розанова) задают трепку хулиганам. Таким образом зрителю демонстрируется сразу итог занятий, тот заветный результат, которого, очевидно, может достичь практически любой желающий, в том числе и женщины.

Затем, на 26-й секунде, возникает обрезанный кадром по краям, но узнаваемый фасад старого здания Института физкультуры на улице Казакова, и возникает борцовский ковер, натянутый под открытым небом, где в центре, в окружении двух десятков учеников, скрестив ноги по-турецки, сидит Василий Ощепков. Он в белом дзюдоги, то есть в костюме, который у нас уже давно привыкли называть дзюдоистским кимоно, перепоясанном черным поясом. Они — в темных приталенных куртках — что-то среднее между кимоно и гимнастеркой (позже эти куртки с некоторыми изменениями войдут в экипировку самбистов) — и спортивных трусах (и этот предмет экипировки доживет до наших дней). На краю ковра видна снятая обувь, а сам ковер мягкий, с крупными складками верхнего покрытия. Внешнее отличие его от жесткого, гладкого и слегка пружинящего дзюдоистского татами заметно скажется на технике самбо, даже на стойках борцов. Дзюдоисты в поединке стоят много выше, прямее самбистов — в такой стойке легче сколь-

зить босыми ногами по татами. Самбисты, наоборот, выходя в боевое соприкосновение на ковре, сильно наклоняются вперед — так легче поднырнуть, уйти в ноги противнику, которого из мягкого ковра надо вытащить на бросок, ведь тут уже не поскользишь, не «потанцуешь», как на японских соломенных матах. Да и опасно так передвигаться босиком — слишком велик риск травмировать пальцы о складки покрытия. А потому Ощепков (возможно, в творческом альянсе с кем-то из учеников) придумывает специальную обувь: мягкие кожаные сапожки с высокой шнуровкой и на тонкой кожаной подошве, которые спасают пальцы ног от травм, от выбивания на плохо натянутом ковре. Их прообраз — борцовки спортсменов французской борьбы, но в самбо их потом так и назовут: самбовки. Автору этих строк еще посчастливилось держать в руках самбовки, которые сам Василий Ощепков подарил своему первому московскому ученику Валентину Сидорову, и, похоже, сшиты они были вручную*. В пролетарском ГЦИФКе, среди студентов, вчера только снявших лапти, сапоги, размотавших обмотки и портянки, Ощепкову наверняка пришла в голову мысль о том, что наших борцов эстетичнее, да и гигиеничнее будет не разувать, как японских, а, наоборот — обувать (хотя и в Европе джиуджитсеры нередко обувались, а не разувались). Отчасти это соображение подкрепляет и исчезновение белых японских дзюдоги из экипировки наших бойцов. Защитного цвета куртки можно было не так часто стирать, как белое кимоно, а белые штаны могли слишком явно ассоциироваться у студентов-пролетариев с исподним, с кальсонами — не каждому понравится, не каждый вчерашний рабочий согласится так «щеголять» перед девчонками-одногруппницами. Лучше уж было заменить их на давно уже привычные спортивные трусы. Впрочем, так это было или нет на самом деле, тоже доподлинно неизвестно.

Кадры с учениками на ковре, вероятно, символизируют (фильм-то немой и без титров, мы можем только догадываться) теоретическую часть занятий. После нее следуют занятия практические, которые, по идее режиссера,

---

* К сожалению, судьба их, как и судьба оригинала кинопленки, печальна. Хранившиеся в семье Будзинских самбовки и пленка были переданы в частный Музей истории боевых искусств на Покровке, и их дальнейшая судьба нам неизвестна. Сыну ученика Ощепкова Александру Будзинскому удалось вернуть только пустую коробку из-под кинопленки.

и должны привести к тому совершенству самообороны, которое было показано в начале фильма. Теперь те же ученики, в той же форме, построившись на стадионе в стройные колонны, выполняют подготовительные упражнения к выполнению приемов. Ощепков идет позади. Одет он уже по-другому: не лишенный элегантности спортивный белый костюм, которые тогда носили преподаватели Института физкультуры, подчеркивает отлично фигуру и маскирует слегка кривоватые «по-кавалерийски», как говорили в те времена, ноги.

Затем на экране появляются кадры тренировки студентов в парах (причем везде девушки тренируются наравне с мужчинами), демонстрация на камеру отдельных приемов, в том числе «приближенных к реальной обстановке», когда две девушки сражаются против одного противника, умело помогая друг другу, — это не имеет никакого отношения к спорту, это чистой воды самозащита. И, наконец, на второй минуте на ковер выходит Василий Сергеевич, лично показывая нам, зрителям XXI века, то, что видели Буденный, Кальпус и многие-многие другие энтузиасты рукопашного боя почти сто лет назад.

На этом первая, полутораминутная часть бесценного фильма заканчивается. Во второй, которая больше походит на совершенно самостоятельный фильм, спортсмены (главным образом, вероятно, студенты Института физкультуры) демонстрируют национальные виды борьбы. Впоследствии эти кадры станут визуальным подтверждением легенды о «многонациональном начале» самбо, позволившей назвать самбо борьбой, возникшей на основе национальных ее разновидностей, характерных для народов Советского Союза. На смену «националам», или «нацменам» (то есть представителям национальных меньшинств Советского Союза), боровшимся в халатах и босиком*, выходят уже вполне современные спортсмены-самбисты. Вторая часть ролика снималась много позже, в ней принимали участие и другие ученики Василия Сергеевича: борцы выглядят уже намного увереннее, ловчее, ухватистее, даже крупнее. Ритм, в ко-

* В соответствии с распоряжением ЦК ВКП(б) и НК РКИ СССР, начиная с 1931 года 25 процентов принятых на обучение в ГЦОЛИФК студентов должны были представлять национальные окраины, республики Союза ССР. Оканчивали же институт немногие. На групповом фото выпускников 1935 года среди 150 бывших студентов лишь три-четыре человека, судя по фамилиям и внешности, могли представлять закавказские и среднеазиатские республики СССР.

тором демонстрируются приемы, спокойнее, в движениях нет того веселого спортивного озорства, которое было в начале ролика, только уверенность и самообладание. Куртки и самбовки разных цветов, но у всех аккуратно повязаны пояса. Несколько секунд разделяют первую и вторую часть, но между ними — годы занятий, тренировок, соревнований, познания пути борьбы.

Создание этого замечательного кинороликa о системе самозащиты Ощепкова стало апофеозом мощной просветительской, агитационной и рекламной кампании его автора, напрямую увязанной с планами включения «дзюу-до» в комплекс ГТО II ступени и созданием системы специализированной подготовки инструкторов, с массовым обучением самозащите студентов ГЦОЛИФКа и других вузов и техникумов, с внедрением рукопашного боя в Красную армию. Кампания включала в себя любые мероприятия, в которых он видел хотя бы малейший шанс принять участие. Михаил Лукашев справедливо писал в связи с этим, что в тот период в Советском Союзе «не было ни одного официального начинания по укреплению обороноспособности страны, в котором не участвовал бы Василий Сергеевич, если это касалось его профессиональных возможностей»[294]. Стоит лишь добавить, что не только о мероприятиях «по укреплению обороноспособности» могла идти речь. Помимо основной тренерской, научной и преподавательской работы Ощепков успевал консультировать киногруппы во время съемок художественных фильмов (если требовалось, например, показать драки между «жандармами» и «революционерами»), готовил группы студентов института к выступлению на парадах на Красной площади и находил время для семьи.

Василий Сергеевич был настолько неутомим, что его активность пробила советский «железный занавес» и привлекла внимание другого воспитанника доктора Кано — посла Японии в Советском Союзе Хирота Коки*. Алексей Горбылев обнаружил короткое сообщение главы японской дипломатической миссии, подготовленное им для сведения японского МИДа, но попавшее в профильный дзюдоистский журнал. Читая его, никак не получается избавиться от

---

* По информации А. М. Горбылева, Кано Дзигоро в тот период был проездом в Москве и встречался со своим учеником, ставшим послом Японии в СССР. Говорили ли они о советском дзюдо и вспоминали ли Ощепкова — вопрос, на который нет ответа.

ощущения, что держишь в руках сводку донесений японского разведчика — уж слишком по-телеграфному лапидарен стиль, и отчасти это ощущение справедливо. Хирота Коки был очень непростым и весьма неглупым человеком, к тому же обладателем высокой мастерской степени дзюдо. Он понимал, что речь в его донесении идет не только о спорте, но и, возможно, об оружии — таком же, каким не без оснований гордились сами японцы:

«15 февраля 7 года Сёва (1932-го. — *А. К.*)

От Чрезвычайного и полномочного посла Японии
в Советском Союзе Хирота
Министру иностранных дел Японии Ёсидзава

...1. Районы распространения дзюдо:

В последние два года дзюдо распространяется главным образом в городе Москве. Кроме того, организуются командировки для преподавания дзюдо в город Ленинград и в другие места. Однако какой-либо единой организации дзюдо не существует.

2. Положение с распространением дзюдо в Москве, столице [СССР]:

А. Дзюдо в ассоциации физической культуры: в рамках секции дзюдо проводятся курсы под руководством обладателя 2-го дана Кодокана Василия Ощепкова.

Стандартная продолжительность курсов — 30 часов. Как сообщают, число занимающихся на таких курсах (в основном это учащиеся) достигает 300 человек за год. Кроме того, в секции дзюдо с позиций медицинской науки проводятся исследования влияния занятий дзюдо на здоровье человека.

Б. Школа милиции: Курсы по дзюдо проводит также означенный выше Василий Ощепков. Как сообщают, число занимающихся на 30-часовых курсах достигает 300 человек за год. Главная цель проведения курсов заключается в обучении сотрудников милиции приемам самозащиты.

В. Дом Красной армии: Курсы по дзюдо проводит также означенный выше Василий Ощепков. Как сообщают, число занимающихся на 30-часовых курсах достигает около 30 человек за год.

Г. Спортивная секция "Динамо", работающая под управлением ГПУ: Проводятся курсы под руководством некого Спиридонова, число слушателей курсов неизвестно»[295].

Этот исключительно важный документ проливает свет на ситуацию, в которой оказался в Москве Василий Сергеевич. Продолжавший, как тренер, методист, как спортсмен,

изучать мировое наследие борьбы в большей степени теоретически, он лихорадочно искал выходы на мировой уровень. Прежде всего, конечно, его интересовала связь с Кодоканом. Установление таких контактов в 1931—1932 годах было рискованным, если не безрассудным, шагом. Не исключено, что со временем мы увидим документы о наблюдении советской контрразведки за преподавателем инфизкульта Ощепковым — непонятно, как, с чьей санкции или вообще без оной, он пошел на контакт с японскими дипломатами, находившимися под плотным контролем ОГПУ. Поверить в то, что о связях Ощепкова и японского посольства на Лубянке не знали, не получается.

Интересно, что ни о какой модернизации японского дзюдо, уже давно осуществлявшейся Ощепковым, в документе речь не идет. Непонятно, в какой степени старый дзюдоист Хирота был введен в заблуждение кодокановским прошлым Ощепкова и действительно ли он думал, что тот преподает в Советской России японское дзюдо. Но, во всяком случае, возможность узнать содержание дзюудо Ощепкова у посла была. В том же 1932 году некто Петров опубликовал статью в 5-м номере журнала «Физкультура и социалистическое строительство», где писал очень четко: «Система дзюудо объединяет все современные достижения по рукопашному бою: джиу-джитсу, французский бокс, вольноамериканскую борьбу, СМО — японская профессиональная борьба (сумо. — *А. К.*) и элементы фехтования»[296].

Возможно, что это утверждение справедливо только для 1932 года, ведь в коротком списке источников будущего самбо начисто отсутствуют национальные виды единоборств народов Советского Союза. Вроде бы тот же киноролик показывает, что, помимо большой аналитической работы по осмыслению и адаптации к авторской системе самозащиты европейских и американских видов борьбы, Институт физкультуры дал Василию Сергеевичу огромный простор для анализа национальных видов борьбы Советского Союза.

Сложно сказать сегодня, насколько был прав Михаил Николаевич Лукашев, когда писал, что среди «нацкадров» студентов, поступивших в Институт физкультуры, «едва ли не каждый был хорошо знаком с искусством борьбы своего народа»[297]. Скорее всего, это сильное преувеличение — свое отношение к «национальным истокам» ветераны самбо, первые ученики Ощепкова, еще выскажут через

полвека. Но тогда, в предвоенные годы, аргументы об истинно советском происхождении самбо активно приводились свидетелями по понятным политическим мотивам — с целью вывести на задний план роль японского дзюдо и выпятить сугубо советские источники в становлении самбо. В условиях неприятия всего иностранного в Советском Союзе 1930-х годов это было естественно. Связь с Японией автоматически закрывала дорогу борьбе, основанной на дзюдо, а указание на местное, советское, происхождение, да еще укрепляющее дружбу народов, наоборот, могло обеспечить успех новой системе. Тем более что не во всех случаях национальные виды борьбы упомянуты совсем уж из конъюнктурных соображений. Вот что вспоминал ученик и коллега Василия Сергеевича Николай Галковский о хранителях национальных традиций в ГЦОЛИФКе: «Эти любители борьбы обменивались опытом со специалистами из других видов единоборств. Мы специально практически изучали элементы техники из этих видов борьбы, в которых нас особенно привлекали приемы с действием ногами. Эти приемы были особенно хорошо разработаны в грузинской народной борьбе "Чидаоба". Аналогичные приемы имелись также в татарской, узбекской, казахской, киргизской, туркменской и других видах борьбы»[298].

Армянин Сагателян вторил Галковскому: «В. С. Ощепков занимался изучением национальных видов борьбы, о чем часто говорил на наших учебных занятиях. В тренировочных занятиях по приглашению Ощепкова принимали участие нацмены, которые учились в институте. Многие из них знали вид борьбы, в котором применялись подножки. Это были студенты, знающие грузинскую борьбу чидаоба или азербайджанскую гюлеш или узбекскую кураш»[299]. Другой ученик Василия Сергеевича — Анатолий Харлампиев вспоминал, что Ощепков специально устраивал товарищеские схватки своих кружковцев с «нацменами», а ученикам, поступившим в московский институт с окраин советской империи, тому же Сагателяну, поручал привозить с каникул фотографии приемов национальных единоборств.

В любом случае, результатом особого внимания преподавателей ГЦОЛИФКа, прежде всего самого Ощепкова, к вопросам туземных единоборств стало появление в нормах комплекса ГТО II ступени возможности замены сдачи ощепковской системы дзюудо национальной борьбой, если

таковая вообще практиковалась в какой-то определенной местности. Пожалуй, это действительно тот случай, когда можно говорить о реально существовавшем пролетарском интернационализме и даже о своеобразной спортивной демократии и ни капли не кривить душой при этом. Однако о том, как этот борцовский плюрализм осуществлялся на практике (если такое вообще имело место в истории), убедительных свидетельств пока не найдено.

Для самой ощепковской системы 1932—1934 годы стали новым витком развития, очередным этапом подъема к вершинам совершенства и популярности, и короткий фильм оператора Бориса Бурта (по мнению Льва Матвеева, его дипломная работа во ВГИКе) сохранил для нас экспресс-репортаж этого подъема. Из него ясно видно, как изменилась структура ощепковского дзюудо, как оно шагнуло из Кодокана в море новой системы единоборств, где безопасные волны спортивного раздела соседствовали с боевой техникой, работа над которой проходила в том числе в условиях реальных столкновений. Теперь оставалось немногое: запустить эту систему в плавание, обозначив фарватер буйками правил, выставив лучших учеников как издалека видные маяки и организовав четкую систему подготовки новых капитанов, штурманов, лоцманов: чемпионов, тренеров, преподавателей.

После введения в 1934 году в Институте физкультуры специализации по дзюудо и начала подготовки профессиональных тренеров началось строительство федераций. Именно на их фундаменте должна была покоиться вся эта система. В 1935 году были созданы Московская городская секция дзюудо (Н. М. Галковский) и Ленинградская секция борьбы вольного стиля (И. В. Васильев), открылись новые кружки в этих городах, были проведены первые межгородские соревнования по «вольной борьбе дзюудо». Начал работу кружок в Харькове, и в том же году в Москве, в Бауманском детском доме культуры, Валентин Сидоров открыл первую в СССР детскую секцию дзюудо — в 1940-х годах первое поколение советских дзюудоистов должна была сменить молодежь...

Изучение, конструирование, разработка методики нового вида борьбы, ее преподавание, обучение тренеров, агитация, пропаганда и реклама — все это было поставлено на ход одним человеком, которому беззаветно верили и которому помогали, не жалея своих сил, его ученики. И только

в одном пропагандистском моменте Василий Сергеевич допустил роковую, фатальную для его наследия ошибку. Вопрос, который казался ему тогда, возможно, не слишком важным, не насущным, стал определяющим для сохранения памяти Мастера на много десятилетий вперед.

Глава двадцать третья

СХВАТКА БУЛЬДОГОВ У БОРЦОВСКОГО КОВРА

Приехав в Москву в конце 1929 года, Василий Сергеевич с его системой дзюудо оказался не первым, кто предложил поставить экзотическую японскую борьбу на службу обществу. Да, Ощепкову едва ли не мгновенно удалось завоевать авторитет и популярность с помощью высокого личного мастерства, оценить которое мог любой желающий, построения грамотной рекламной кампании и благодаря команде — замечательным ученикам, в которых он вкладывал душу. Речь идет в первую очередь о тех самых ути-дэси — ближнем круге его воспитанников, ставших в будущем мастерами и ведущими тренерами по самбо. Но вообще учеников у Василия Сергеевича было много и, как ни парадоксально это может показаться на первый взгляд, не все изначально были «ощепковцами». Динамовец В. С. Харитонов рассказал много десятилетий спустя Михаилу Лукашеву, что вместе с несколькими товарищами он был специально заслан в кружок Ощепкова в ЦДКА с разведывательной миссией по заданию своего истинного на тот момент наставника — Виктора Афанасьевича Спиридонова.

Спиридонов считается сегодня еще одной, возможно, даже не менее легендарной личностью в истории самбо, чем Василий Ощепков. Виктора Афанасьевича и поныне многие, очень многие считают подлинным создателем борьбы самбо или, во всяком случае, «одним из основоположников». При этом реальная биография Спиридонова мало кому интересна, ибо обросла мощным панцирем мифов и легенд. К тому же, в отличие от Василия Сергеевича, у Виктора Афанасьевича не осталось после его смерти преданных последователей, не только сохранивших веру в него и в историю своего учителя, но и донесших до нас хотя бы обрывочные, но подлинные свидетельства о его жизни, отчего степень современной мифологизации здесь еще

выше[300]. Но в общем и целом эта своеобразная спиридоновская мифология базируется на трех китах.

Кит первый: будущий мастер овладел японским «джиу-джитсу» на фронтах Русско-японской войны, где, воюя с самураями в конной разведке, проявил себя истинным героем, вернувшись домой с двумя (иногда указывают — с тремя) орденами. Есть даже отдельная, совсем уж былинная история о том, что Спиридонов (в разных вариантах: гренадер, гвардеец, полковник) попал к японцам в плен и, отстаивая честь русского офицерства, показал такую силу и волю к победе, что оказался допущен в святая святых японских единоборств, познал секреты клановых школ и вернулся из плена натуральным ниндзя*. Документы же, способные пролить свет на события далекой поры, якобы были уничтожены в 1941 году НКВД как особо секретные.

Кит второй: Виктор Афанасьевич после Русско-японской войны создал страшную по своей эффективности систему самообороны, похожую на джиу-джицу (именно так — в европейском варианте дзюдзюцу), но полностью русскую (некоторые относят ее истоки к «рукопашному бою ариев», другие же называют ее «перевоплощением казачьих систем боя» — при отсутствии реальных фактов фантазия не ограничена ничем), которую поставил на вооружение чекистов и милиции. Якобы система его, в отличие от «небоевой» и более спортивной системы Ощепкова, носила полностью прикладной характер, а потому всегда была секретной. До сих пор она лежит в основе всего того, что только может быть секретным в рукопашном бое, включая таинственную «систему ГРУ» и секретный комплекс формальных упражнений «Ладонь, покрытая цветами».

Кит третий: именно Спиридонов, будучи мастером джиу-джицу и сотрудником НКВД, создал самбо. Это он, а не Ощепков пропагандировал его по всей стране, он готовил кадры, разрабатывал методики, писал книги, наконец, именно он придумал само это название: самбо.

Что же в этом правда, а что нет?

Прежде всего надо сказать, что личное дело офицера царской армии Виктора Спиридонова прекрасно сохранилось и находится там, где ему и надлежит быть: в Российском государственном военно-историческом архиве в

---

* Один из вариантов этой легенды, правда без всяких отсылок к Спиридонову, был экранизирован в телесериале режиссера Владимира Хотиненко «Гибель империи» (2005).

Москве. Оно несекретно. Любой исследователь, надлежащим образом оформивший допуск к работе в архиве, может его увидеть, перелистать, изучить. Правда, судя по отметкам на нем, до сих пор оно мало кого интересовало. Зря — там много любопытного. Прежде всего, из него можно узнать, что Виктор Афанасьевич, родившийся в 1882 году в семье мещан из Вятской губернии, действительно был кадровым военным и на самом деле *считался* участником Русско-японской войны. Именно считался — потому что 150-й пехотный полк, в котором служил Спиридонов, на фронт был отправлен лишь под занавес боевых действий, границу России пересек в конце лета 1905 года и до боевых порядков в Маньчжурии так и не успел добраться — Россия и Япония заключили мир. Вряд ли Виктор Афанасьевич жалел о том, что не побывал в японском плену, тем более что награду он все равно получил. Правда, не Анну и не Станислава, как о том пишут в Интернете, а скромную «темно-бронзовую медаль в память об участии в Русско-японской войне». Светло-бронзовая, которой награждали участников именно боевых действий, ему оказалась не положена по вышеуказанной причине.

Впрочем, и орденами Виктор Афанасьевич обойден не был, но случились награждения много позже по иным поводам: пока служил в линейных частях в русской глубинке (по выслуге лет) и когда отправился на бои Первой мировой. Здесь матерый 32-летний штабс-капитан (в современном понимании — старший лейтенант) всего через несколько дней после прибытия на передовую попал под обстрел, оказался тяжело контужен германским снарядом и санитарным поездом вывезен в тыл. Жизнь ему спасти удалось, но ущерб для здоровья Виктора Афанасьевича был настолько серьезен, что, за исключением приказа о награждении его орденом, все остальное пространство довольно пухлого дела — вплоть до 1917 года — занимает бесконечная переписка раненого с различными «обществами вспоможения героям, пострадавшим за Царя и Отечество». Спиридонов писал просьбы об увеличении пенсии по инвалидности, писал сам, и по его почерку хорошо видно, как ему было непросто и как тяжела была контузия: текст в этих письмах читается с большим трудом, огромные буквы пляшут и вываливаются из строк. Тем более удивительно выглядит в связи с этим метаморфоза дальнейшего превращения настоящего инвалида войны, тяжелобольного человека в энергичного и уверенного в себе преподавателя джиу-джицу.

Что ни говори, а сила воли у отставного штабс-капитана была фантастическая, и в этом смысле он был настоящим супергероем: человек, чье образование, спортивный, прикладной, тренерский опыт не были известны тогда и остаются неизвестными сегодня, сумел на десятилетия вперед прославиться как мастер боевых искусств. Таковым он остается до сих пор для многих своих поклонников. Джиу-джитсу Спиридонова было полностью почерпнуто из книг (больше и негде было ему научиться, не у кого), но у него было неодолимое желание снова стать здоровым человеком, полноценным членом общества, остаться офицером. Жажда активной деятельности Виктора Афанасьевича, бьющая порой через край, а также неистовое стремление его учеников познать экзотическую борьбу, вкупе с пустым и ровным полем конкуренции, на котором до 1929 года противников его школы просто не встречалось, стали главными слагаемыми успеха системы Спиридонова[301].

Как обучение по этой системе выглядело на практике, можно отчасти представить по воспоминаниям подполковника милиции Александра Рубанчика, записанным в 1958 году другим бывшим динамовцем — Б. В. Тимофеевым. Замечу: 1958 год — время, когда Ощепков был полностью «забыт» официальной историей и прессой. Поэтому, хотя на полную объективность в мемуарах рассчитывать трудно (А. М. Рубанчик вскоре после знакомства с Ощепковым покинул своего первого учителя), локальный исторический фон, на котором они записаны, весьма ценен и интересен.

«Вплоть до 1926 года не существовало ни одного кружка, где бы занимались этим видом борьбы (джиу-джицу. — *А. К.*). Существовавшая в системе спортивного общества "Динамо" секция джиу-джицу (где преподавал В. А. Спиридонов. — *А. К.)* не культивировала этот вид борьбы в широком смысле слова, а занималась только обучением отдельным приемам, взятым из дореволюционных полицейских наставлений и несколько систематизированным.

Так, в 1927 году я, попав преподавателем физкультуры в Школу милиции городе Новочеркасске, будучи знаком с французской борьбой и зная отдельные запрещенные приемы этой борьбы, ознакомившись также с литературой по джиу-джицу, начал преподавать в Школе милиции. Проработав год и накопив некоторый опыт преподавания, я тогда стремился пополнить свои знания и приобрести технику владения приемами борьбы джиу-джицу. Случай подвер-

нулся в начале 1928 г., когда в г. Ростов приехал инспектор по джиу-джицу Центрального совета "Динамо" В. А. Спиридонов для проведения краевых курсов по джиу-джицу.

Попав на эти курсы, я, спустя несколько дней, был весьма разочарован тем фактом, что Спиридонов, вместо того, чтобы передать свои знания собравшимся на этих курсах, в том числе и мне, увидел во мне своего помощника, и, дав мне свою книгу, целиком передоверил мне проведение своих курсов»[302].

При чтении этого фрагмента воспоминаний старого самбиста мне вспомнился эпизод из времен собственного обучения в военном училище. Однажды на физподготовке командир взвода, худосочный капитан Павлов, построил курсантов, объявил тему занятий, подошел к брусьям, положил на них руки и громко объявил: «Упражнение номер 16-в на брусьях. Показываю». Затем сделал шаг назад и кивнул лучшему гимнасту из курсантов: «Товарищ сержант, покажите упражнение».

Спиридонов, наверно, мог что-то показать сам — все-таки, пусть и по книгам, он занимался этим около десяти лет, но для полноценного обучения этого «чего-то» явно не хватало, и он выходил из положения с помощью доверчивых учеников, лучше подготовленных физически, чем он сам. Выходил до поры до времени.

«По окончании курсов, — продолжает свой рассказ А. М. Рубанчик, — приехав со мной в Новочеркасск, Спиридонов отрекомендовал меня начальнику Школы милиции как одного из своих лучших учеников. Нет нужды говорить, что мои знания, а тем более техника джиу-джицу нисколько не пополнились ни от сборов, ни от похвалы Спиридонова.

В 1929 году... я узнал о том, что в Москве находится окончивший токийский институт дзюу-до Кодокан Василий Сергеевич Ощепков, и что он будет проводить Всесоюзный сбор преподавателей физкультуры по этому виду спорта. Я активно включился в организацию этого сбора и летом 1930 года был откомандирован в Москву.

Двухмесячный сбор по дзюу-до проходил в помещении спортивного зала ЦДКА, на нем присутствовали 13 человек из разных городов Советского Союза. Сбор этот по борьбе дзюу-до и *по прикладной части дзюу-до* (курсив мой. — *А. К.)* проводился строго по принятой в Японии системе. Меня приятно поразило, как проводил Василий Сергеевич этот сбор, вернее, его неутомимое личное участие в показе

всех приемов борьбы дзюу-до. Работали мы по 6 часов в день, из коих очень немного, и то по ходу, отводилось на теорию. Из 13 человек, бывших на курсах, 7 человек по разным причинам присутствовали не до конца, такой нагрузки не выдержали.

...Мы не только обучались приемам дзюу-до, но в... спортивных схватках приобретали навыки борьбы, причем с противниками различных весовых категорий. Каждый из нас должен был ежедневно бороться с Василием Сергеевичем, и тут меня буквально поразила его техника. Он предупреждал, что будет бросать только таким-то приемом, и бросал — несмотря на все наши предупредительные меры. В отношении боевых приемов Василий Сергеевич требовал не обозначения удара или укола, а настоящий удар или укол, и с какой-то невообразимой ловкостью он демонстрировал уход или контрприем. Да, у него было чему поучиться. Он являлся не только педагогом, но и примером того, чего может достичь человек при тренировке. Блестящий техник борьбы, он всех нас заразил желанием постичь эту технику и в дальнейшем, т. е. после сборов, продолжать совершенствоваться.

...Я, наконец, удовлетворил свои давнишние желания, т. е. углубил свои знания и приобрел нужную технику исполнения практических приемов, чего не мог мне дать ни Спиридонов, ни кто-либо другой из его последователей... но самое главное, Василий Сергеевич заложил в нас желание и дал нам возможность дальнейшей самостоятельной тренировки, дальнейшего самосовершенствования... Вот в этом и сказалось главное различие между преподаванием системы дзюу-до и кустарным натаскиванием "по разделам" системы Спиридонова физкультурного общества "Динамо"».

Не только Рубанчик, но и другие спортсмены из «Динамо», получившие возможность сравнить стили Ощепкова и Спиридонова, поняли, в чем главное различие между ними, и в результате сделали выбор не в пользу последнего. Прежде всего понял это сам Виктор Афанасьевич, а потом опасность положения осознал и Василий Сергеевич.

В апреле 1934 года Ощепков написал пространное письмо во Всесоюзный совет физической культуры (ВСФК) при ЦИК СССР, где подробно изложил свое видение отличий собственной системы от системы Спиридонова, а заодно привел краткую хронологию эскалации конфликта между двумя школами:

«1. В 1931 г. ВСФК и МСФК организовали закрытый просмотр дзюудо с цель ее сравнения с джиу-джицу Спиридонова, которая намечалась к просмотру после просмотра дзюудо. <...> ...присутствовали: инспектор физподготовки РККА тов. Кальпус, от МФСК — т. Кононов, Догаев (Ростовская школа) и, от московского "Динамо" — Давыдов и Столяров; Аксельрод, Таперов, Любимов, Слепнев, Кривошеин, Жамков, д-р Котов, Харлампиев (старший, Аркадий, отец будущего самбиста. — *А. К.*) и др. <...> Просмотр джиу-джицу, несмотря на согласие, данное Лапиным, Спиридоновым организован не был.

2. В 1933 г. <...> ...ВСФК вторично пожелал просмотреть ту и другую системы, но и на этот раз предложение ВСФК осталось без внимания со стороны "Динамо".

3. Инструкторам физкультуры РК милиции т. Рубанчику (Ростов-на-Дону) и Дашкевичу (Ленинград), окончившим специальные курсы дзюудо ЦВШ РКМ в Москве в 1931 г., преподавание дзюудо было запрещено их непосредственными начальниками.

4. Студентам Бабковскому и Стакеевичу, окончившим ГЦИФК и поступившим на работу в "Динамо", запрещено преподавание дзюудо.

5. Успешно существовавший с 1932 г. кружок дзюудо в ленинградском совете "Динамо" запрещен в марте-месяце этого года (инструктор "Динамо" т. Щеголев).

6. В августе-месяце 1933 г. я был приглашен минским "Динамо" для проведения курсов по дзюудо среди инструкторов "САМ" и командного состава ОГПУ. Перед самым выездом приглашение мое было аннулировано. Впоследствии выяснилось, что в это дело вмешался Спиридонов, который категорически опротестовал мое приглашение (Миттельман — минское "Динамо").

7. В январе-месяце 1934 г. по распоряжению Главного управления милиции существовавшая около трех лет в ЦВШ РК милиции секция дзюудо была закрыта, а вместо нее введен "САМ". На предложение руководства школы устроить просмотр обеих систем и оставить ту, которая окажется лучшей, последовало "разъяснение", что в органах ОГПУ и милиции должна существовать единая система, каковой считается система Спиридонова (Гомберг — ЦВШ).

8. Спиридонов не удовлетворился тем, что наконец добился моего устранения из органов милиции, и попытался вмешаться в дела ГЦИФК. Так, в феврале сего года в ГЦИФК явился его ученик Пронин, который от "Динамо"

заявил протест против того, что стипендиаты "Динамо" проходят в ГЦИФК дзюудо, а не "САМ", и потребовал, чтобы эти студенты ходили не на дзюудо, а на "САМ" под руководством динамовского преподавателя (Чупанов)...»[303]

Упоминаемая Василием Сергеевичем система «САМ» — это и есть тот самый загадочный и секретный рукопашный бой, разработанный Спиридоновым и поначалу называвшийся просто «джиу-джицу» (а как еще он мог называться, если — из книг?). Но «основательное ознакомление с системой "джиу-джицу" т. Спиридонова [по его учебно-методическим произведениям и путем встреч в тренировках с его лучшими учениками] убедило меня в том, — писал Ощепков, — что система Спиридонова не имеет ничего общего с подлинной японской "джюу-дзюцу" (джиу-джицу, дзюдзюцу. — *А. К.*), существовавшей в Японии до появления дзюудо, и тем более, резко отличается от современной системы дзюудо, значительно уступая ей в смысле подбора приемов, их техники и жизненности».

Ненормальность сложившейся ситуации заключалась вовсе не в том, что автор одной школы — вчерашний инвалид войны, начитавшись заморских диковинных книг, на их основе придумал свое «искусство самозащиты» и противопоставил его оппоненту, учившемуся рукопашному бою профессионально, знакомому даже не с первоисточниками, а с авторами некоторых первоисточников лично и, как говорят дзюдоисты, «вышибавшим пыль из татами» телами родоначальников боевых искусств. Дикость в том, что противопоставление это Спиридонов осуществил не сам, не его ученики, не на борцовском ковре, а, наоборот, тщательно избегая его и используя самый эффективный прием всех времен и народов: удушение административным ресурсом.

Но, может быть, спиридоновская система «САМ» действительно превосходила и джиу-джицу самураев, и дзюудо Ощепкова за счет появления в ней каких-то необыкновенно эффективных способов ведения реального боя в противовес якобы спортивной направленности дзюудо? Увы. Мы уже хорошо знаем об испытаниях практикой ощепковской системы в Новосибирске и Москве, нам известно мнение на этот счет Александра Рубанчика, и сам Ощепков в письме руководству ВСФК подробно рассказывает о наличии в дзюудо двух составных частей — спортивной и прикладной, о разделах: борьбе невооруженных и вооруженных противников, в партере и в стойке, и еще раз подтверждает: «...современная дзюудо (читай: ощепковская система борьбы. — *А. К.*) пред-

ставляет собой не только дисциплину "самозащиты" в узком применении этого слова, но является вообще широко разработанной системой рукопашного боя, построенной в основе на спортивной борьбе вольного стиля, которая и служит источником развития техники в дзюудо.

...В чем же основное отличие системы дзюудо от джиу-джицу Спиридонова и почему я настаиваю на культивировании именно дзюудо в советских условиях? ...Комплекс приемов джиу-джицу Спиридонова представляет собой набор приемов из старых книг о джиу-джицу (авторов Ганкока, Кара Асикага, Ходзио Такуи) и некоторых приемов, взятых им из французской и вольно-американской борьбы. <...> ...Приемы эти претерпели большое искажение, а сведение их в определенную систему лишило эту систему цельности, необходимой стройности и, в большинстве своем, даже жизненности.

Система "САМ" построена исключительно на "Самозащите без оружия", то есть *на единственном разделе борьбы невооруженных* (курсив мой — *А. К.*)...»

А далее в письме раскрывается причина враждебного отношения Виктора Афанасьевича к Василию Сергеевичу (по версии последнего, конечно). Она проста как мир: ревность и четкое понимание того, что вот-вот тебя схватят за ухо и выведут из аудитории, разоблачив как мошенника и самозванца. А значит — надо идти в атаку и объявить мошенником и самозванцем настоящего, но «прекраснодушного» специалиста. Василий Ощепков с удивлением рассказывает в письме: «Я неоднократно в дружеских тонах указывал т. Спиридонову на необходимость очищения системы "САМ" от архаических приемов и введения вместо них новейших и наиболее жизненных приемов современной дзюудо, но предложения мои не были приняты т. Спиридоновым, а его позиция стала резко враждебной по отношению ко мне. Дело началось с распускания слухов, что моя система — ничего нового, что все это "известно и старо"... "что я никогда не был в Японии, не знаю японского языка, никакого института в Японии не кончал, никакого звания мастера не имею и что вообще я аферист"...»

Финал письма позволяет нам отказаться от обширных комментариев: «Вопрос о дзюудо у нас в СССР должен рассматриваться под таким же углом зрения, под каким рассматривается любая полезная для нас спортивная дисциплина. Было бы колоссальной политической ошибкой в наше время... пользоваться старыми, давно отжившими

приемами самозащиты, которые в условиях излишней доверчивости культивируются ловкими дельцами под маркой популярной, но давно не существующей джиу-джицу».

Впрочем, кое-что к этой, актуальной и сегодня, фразе добавить все-таки можно. В целом обоснованно и понятно критикуя Спиридонова, Василий Сергеевич в некоторых деталях все же ошибался. Например, в том, что дзюдзюцу в Японии «давно не существует». Выражая таким образом корпоративные взгляды воспитанников Кодокана, он просто закрыл глаза на существование десятков клановых школ этого боевого искусства, действующих там и сегодня и являющихся важной составляющей японской культуры единоборств. Разбирая систему Спиридонова, Ощепков писал, что у того отсутствуют приемы обезоруживания. Это не так — они не всегда работали в реальных условиях, но такие приемы были. Говорил Василий Сергеевич о неприменимости «болевых рычагов» в стойках, но время показало, что они применимы, да и самим Ощепковым использовались похожие приемы — разве что в комплексе, в связке с другими, да названия использовались поначалу иные — японские. А вот в остальном, прежде всего в характеристике системы как насквозь книжной, теоретической, архаичной, а ее автора как не вполне ответственного специалиста, Василий Сергеевич не ошибался.

Понимая всю ненормальность (или, наоборот, нормальность?) ситуации, Ощепков взывал к мудрости высшего физкультурного руководства страны, просил создать при ВСФК авторитетную комиссию из мастеров борьбы, бокса и фехтования. Во время просмотра обеих систем — его и Спиридонова — на ковре они могли бы выяснить, какая из них лучше, какая дает своему обладателю шанс на выживание в реальном бою, а какая лишь застит глаза беспочвенной верой в собственную неуязвимость благодаря владению «рычагом локтя» по методе Спиридонова — Асикага. Именно так было сделано в самой Японии в 1882 году, когда подобные соревнования выиграла никому дотоле не известная школа дзюдо Кодокан, и дзюдзюцу «перестало существовать». То есть дзюдо было официально признано на государственном уровне и везде внедрялось, а дзюдзюцу осталось для частного использования — по большому счету это положение сохраняется в Японии и сегодня. Но ничего этого не произошло в Советском Союзе ни в 1934 году, ни позже. Письмо Василия Сергеевича так и осталось гласом вопиющего в пустыне. Председатель того

самого ВСФК — Всесоюзного совета физической культуры при Центральном исполнительном комитете партии большевиков, к которому апеллировал Ощепков, Василий Николаевич Манцев был старым «динамовцем», чекистом с 1918 года, членом коллегии ОГПУ, будущим председателем Специальной коллегии Верховного суда СССР, судившей врагов сталинского режима. То ли неинтересно ему было разбирать склоки по поводу какой-то непролетарской борьбы, то ли не хотелось разоблачать афериста в собственном ведомстве, а может быть, попросту руки не дошли. Не исключено, что в силу своего служебного положения Манцев оказался ознакомлен с секретным документом, подготовленным годом ранее, где ситуация с противоборством Ощепков — Спиридонов рассматривалась совершенно под другим углом:

«5 января 33 года.

СЕКРЕТНО

ЗАМ. ПРЕД. ОГПУ тов. ЯГОДА

Согласно Ваших указаний работа по "самозащите и нападению без оружия по системе Джиу-Джитцу" проводилась и проводится организациями "Динамо" только с оперативным составом органов ОГПУ в секретном порядке. 19 ноября прошлого года Зам. Предом. ОГПУ тов. БАЛИЦКИМ разрешено преподавание самозащиты на тех же основаниях и в органах милиции.

В то же время в ряде других организаций (ЦДКА, Институты физкультуры) начала развиваться японская система "Дзю-до". Эта система, проводником которой является некто ОЩЕПКОВ, выходец из Японии, в первый период в силу сложности, длительности обучения, а главное неприспособленности к нашим условиям — не представляла из себя какой-либо опасности. С течением времени гр. ОЩЕПКОВ стал постепенно видоизменять свою систему, переводя ее на рельсы динамовской "самозащиты" и делая тем самым ее массовой. Различные организации, в частности организации Советов Физкультуры, заинтересовались в последнее время Дзю-до и принимают меры к культивированию ее среди широких масс населения. Во всей этой работе организации "Динамо" не принимают никакого участия, что вызывает многочисленные нарекания на т. СПИРИДОНОВА — руководителя и основоположника динамовской "самозащиты", нарекания на его якобы боязнь конкуренции. Все возрастающий размах работы гр. ОЩЕПКОВА в различных организациях и постепенно

совершенствование системы Дзю-до становятся, в смысле бесконтрольного обучения масс этому искусству, опасным и явно противоречат Вашим установкам.

Доносим на Ваше распоряжение.

ПРИЛОЖЕНИЕ: выписка из протокола Секретариата ВСФК»[304].

В отличие от письма Ощепкова Манцеву, донос на имя Ягоды не подписан или имя автора скрыто при первой публикации. Мы сейчас можем только гадать, кем составлена эта бумага. Судя по осведомленности и явной принадлежности к системе, в которой состоит *товарищ* Спиридонов и которой так не нравится «некто *гражданин* Ощепков», который к тому же «выходец из Японии», писал кто-то из руководства «Динамо». Уж не сам ли Манцев пожаловался зампреду ОГПУ Генриху Ягоде, ставшему, в силу долгой и тяжелой болезни председателя — Менжинского, фактическим хозяином «чрезвычайки» сразу после смерти Дзержинского?

В любом случае, кто бы ни написал эту бумагу, некоторые тенденции борьбы между школами Ощепкова и Спиридонова можно проследить довольно точно. Во-первых, сразу обращает на себя внимание стремление «органов» засекретить свою систему. Здравой логики в этом нет. Как мы уже знаем сегодня, никаких «смертельных приемчиков», интересной системы обучения и освоения техники школа Спиридонова не содержала, а завеса тайны над ней была вызвана не только параноидальной привычкой чекистов «секретить» все без разбора и общей тягой спецслужб преувеличивать свои возможности. Раз секретно — значит опасно, действенно, страшно! Тяга объявить систему Спиридонова секретной жива и сейчас. Ее ревностные почитатели по-прежнему придумывают якобы существовавшие ее разделы, применение которых настолько опасно, что даже рассказывать о них никак нельзя... Конечно, действия Ощепкова, знавшего на японском примере, что в рукопашном бою побеждает не секретность методички, а уровень мастера, что засекречивать все подряд бессмысленно и вредно, раздражали представителей «Динамо» на всех уровнях. Исключением оказались только рядовые бойцы, которых интересовала не степень закрытости системы, а возможности ее применения в реальных условиях. Пример Рубанчика, Жамкова, многих других спортсменов, имевших возможность выбирать из двух систем лучшую и остановивших свой выбор на школе Ощепкова, тому свидетельство.

Во-вторых, констатация пассивности во внедрении нового единоборства со стороны «Динамо» и самого Спиридонова налицо. Но если понять, что дзюудо Ощепкова было объективно лучше, полнее, несравнимо более пригодно для преподавания и обучения, то становится понятно, что и Спиридонов тут ни при чем. Виктор Афанасьевич был, вероятно, лучшим специалистом в своей области, настоящим фанатиком своего дела — целеустремленным, энергичным, умеющим преодолевать трудности. Был — до появления на его «поле» Ощепкова, не менее энергичного и увлеченного, но вооруженного, в отличие от оппонента, системой знаний о борьбе и практическим опытом ее изучения.

В-третьих, очевиден страх перед опасностью передачи «массам» какого-то не контролируемого «органами» оружия, пусть сам автор письма и называет его «искусством». Да еще и передает его «некто... выходец из Японии». Если бы Ягода принял это письмо ко вниманию и сотрудники ОГПУ получили данные о контактах Ощепкова с японским посольством год назад — в 1932-м, приговор Василию Сергеевичу должен был быть подписан еще тогда. Но не случилось, обошлось, и ничего не знавший (хотя, возможно, и догадывавшийся) о доносах на себя Ощепков продолжал искать правду.

Казалось бы, время все расставило по своим местам: самбо Ощепкова, родившееся из дзюудо, живет и процветает, система джиу-джицу Спиридонова забыта более полувека назад. Но самое обидное в этой истории для Мастера другое. Увлекшись разработкой новой борьбы, новой системы рукопашного боя, пропагандируя ее в высоких кабинетах и на борцовских коврах по всей стране, привыкнув к японскому происхождению этой системы, Василий Сергеевич забыл о главной «мелочи» — о названии. Как только не именовали ее он сам, его ученики и их противники: «дзюудо», «вольная борьба советского стиля», «борьба дзюудо по системе Ощепкова» — все это было не то — не то, что нужно. А нужно было короткое, броское, емкое слово, которое сразу же запоминалось бы, отличало бы новую систему и от японской дзюдо, и от американской или французской борьбы, наконец, от спиридоновского «САМ». По злой иронии судьбы, уже после смерти Василия Сергеевича, борьба, которую он сконструировал и апробировал, выстрадал долгими годами напряженной работы, получила название, придуманное тем, с кем он боролся последние четыре года своей жизни. Спиридонов трансформировал название своей системы «САМ» в «Самоз», а затем — в САМБО.

Глава двадцать четвертая

СВОБОДНОЕ ДЫХАНИЕ

Первая ощепковская пятилетка в Москве завершалась непросто. Стартовавшие с необыкновенным взлетом в 1929—1932 годах развитие дзюудо и преподавательская карьера Василия Ощепкова вдруг затормозились под влиянием не зависящих от него факторов. Особенно трудным оказался 1934 год, когда конфликт со Спиридоновым обострился настолько, что отразился на самочувствии нашего героя. Ощепкову перевалило за сорок, и здоровье Василия Сергеевича резко пошатнулось. Это заметно даже сегодня, если внимательно рассматривать фотографии тех лет: запечатленный чаще всего в окружении учеников, Василий Сергеевич выглядит усталым, каким-то отрешенным. Одутловатое лицо, расслабленные, опущенные плечи. На групповом снимке выпускников ГЦОЛИФКа 1935 года, там, где портреты преподавателей сделаны одиночными и расставлены веером над карточками учеников, фото Ощепкова привлекает внимание не тем, что человек на нем не смотрит в камеру (он и на более ранних снимках почти всегда отворачивался от объектива), а тем, что наставник откровенно устало и даже с каким-то осуждением глядит в сторону.

Настоящий русский богатырь внешне, Василий Ощепков страдал серьезнейшим заболеванием — стенокардией, которую в старые времена называли «грудной жабой». Болезнь, которую провоцируют чрезмерные эмоциональные и физические нагрузки, то есть то, что сегодня называют стрессом, плохие условия жизни, ударила Мастера как финский нож, и против нее в арсенале Ощепкова не оказалось контрприема. Безрадостное сахалинское детство, невероятная психологическая нагрузка во время учебы в семинарии и Кодокане, работа в разведке, смерть любимой жены, конфликт со Спиридоновым — все это копилось годами, а обрушилось на Василия Сергеевича в один день. Обрушилось так, что ни вздохнуть, ни охнуть, ведь во время приступа стенокардии резкая, острая боль разрывает левую половину груди человека — там, где сердце. Незадолго до своей кончины страдавший тем же недугом Николай Японский писал: «Прескверное состояние, когда чувствуешь, что дышать почти нечем; выходил наружу и открывал рот во всю ширину, глотая воздух до дна легких, как рыба, которая задыхается в воде, лишенной воздуха»[305]. От нехватки воздуха возникают невыносимые боли, а един-

ственное лекарство — нитроглицерин под язык да снижение нагрузок.

С последними было проще. Чтобы вернуть учителю свободное дыхание, с 1935 года основную тяжесть в проведении тренировок и даже в организации соревнований начали принимать на себя лучшие ученики: Галковский, Сидоров, Жамков, Рубанчик, Сагателян, Васильев, Школьников и др. В московском Дворце спорта «Авиахим» на Ленинградском проспекте преподавал Анатолий Харлампиев, к нему же приехал из Ленинграда выдавленный из местного «Динамо» Спиридоновым чекист Щеголев. По воспоминаниям их общего ученика — Андрея Будзинского, Харлампиев, которого в зале добродушно называли «Харлашей», Валерича-Щеголева заметно побаивался и на ковре, и в жизни, отчего в секции фактически царило двоевластие, не мешавшее, однако, работе, тренировкам, подготовке и участию в состязаниях.

Еще в 1932 году в Москве прошли первые соревнования по дзюудо — открытое первенство членов секции Ощепкова в Институте физкультуры. На следующий год его студенты боролись уже в рамках институтской спартакиады. К 1935 году уровень спортивного соперничества дзюудоистов вырос уже до первенства столицы. Не отставал Ленинград, а вскоре подтянулся Харьков, где появилась своя очень сильная секция под руководством Романа Школьникова. К 1937-му количество соревнований по дзюудо выросло до полутора десятков.

Спиридонов, когда-то первым в Москве организовавший соревновательные схватки по джиу-джицу, к тому времени совсем отошел от этой деятельности и продолжал секретить свой «САМ», но общение между борцами разных стилей не прекращалось никогда. По воспоминаниям А. А. Будзинского, динамовцы иногда приходили на тренировки в «Авиахим», одетые в форму сотрудников госбезопасности, снимали сапоги и прямо в галифе и гимнастерках выходили на ковер. За характерный запах, издаваемый их прокуренной формой, ощепковцы звали их «махорочниками», но в целом общение с коллегами на рабочем уровне складывалось ровно.

На исходе 1936 года, несмотря на сопротивление Спиридонова, система Ощепкова вышла на всесоюзный уровень. 11 октября была создана специальная секция дзюудо во вновь образованном Всесоюзном комитете по делам физической культуры и спорта при Совнаркоме Союза ССР.

Возглавил организацию с бесконечным названием сам Василий Сергеевич, заместителем председателя выбрали Галковского, секретарем — Сидорова, еще четверо учеников Ощепкова стали членами секции[306].

Одним из них был динамовец, мастер спорта по стрельбе, снайпер и автор нескольких специальных учебников Федор Иванович Жамков. Он относился не к тем ученикам Спиридонова, которые ушли от него к Ощепкову, а наоборот. Учился у Василия Сергеевича еще во Владивостоке, поднимался по карьерной лестнице в Приморье и оттуда был переведен в Москву. Там, неожиданно для своих друзей, занял должность начальника оборонно-спортивного отделения ЦС «Динамо» — того самого отдела, который курировал в том числе и работу секции самозащиты. Позже, во второй половине 1938 года, Жамков решительно, но аккуратно «выдавил» оттуда Спиридонова, находившегося уже в предпенсионном возрасте, подобрав для него должность преподавателя рукопашного боя в одной из частей НКВД. Была ли это месть? Каждый может ответить на этот вопрос по-своему, но Жамков, тесно контактировавший по роду службы и с динамовцами, и с ощепковцами, имел все возможности для сравнения систем. Да, он принял на себя ответственность, которую, безусловно, правильнее было бы возложить на специальную комиссию, но что делать, если эта комиссия год за годом не могла собраться или, собравшись, не могла дождаться выхода на ковер Спиридонова или его учеников? В таком случае и в спорте ведь присваивают победу тому, кто готов сражаться, драться, отстаивать свою правоту. Отказавшийся от поединка получает «баранку»...

Спустя много лет, когда уже ни Ощепкова, ни Спиридонова не было в живых, а борьба самбо набирала после войны необыкновенную популярность, именно Федор Иванович Жамков встретился с начинающим историком борьбы и журналистом Михаилом Лукашевым. Тот был убежденным сторонником версии о происхождении самбо, где основоположником значился Анатолий Харлампиев, но пытался разобраться, какую роль в создании борьбы сыграл Спиридонов. Журналист разыскал ветерана, чтобы услышать от него рассказ, как думал Михаил Николаевич, о выдающемся мастере и пропагандисте Викторе Спиридонове, по отношению к которому молодой историк борьбы был настроен тогда весьма романтически (и потом исполнил свою мечту, написав правдивую книгу о Спиридонове).

Однако, вместо того чтобы рассказывать Лукашеву о Викторе Афанасьевиче как об истинном создателе борьбы самбо, Жамков назвал совсем другое имя: Василия Сергеевича Ощепкова, тем самым определив всю дальнейшую судьбу Михаила Николаевича, магистральный путь изучения истории самбо и, косвенным образом, даже рождение той книги, которую вы держите в руках[307].

Но это позже. А пока здоровье Ощепкова внушало все большие и большие опасения его товарищам. В 1935 году, когда он впервые серьезно слег, Анатолий Харлампиев, взяв с собой лучших учеников, пришел проведать учителя. Ощепков лежал в постели, был слаб и это резко контрастировало с его привычной активностью, даже с физическими параметрами: ведь это всегда особенно странно, когда болеет не только не старый еще человек, но и крупный, физически сильный спортсмен, от которого никак не ждешь слабости, доходящей до беспомощности.

Василий Сергеевич был рад приходу Харлампиева, пообщался с учениками, а к Андрею Будзинскому, которого особо приметил по тренировкам в «Авиахиме», имел отдельный разговор. Зная, что этот парень не только отличный, перспективный спортсмен (в 1939 и 1940 годах Будзинский станет первым чемпионом Советского Союза по «вольной борьбе советского стиля», то есть, де-факто, по самбо), но и талантливый художник, Ощепков попросил его об одолжении. Василий Сергеевич начал готовить книгу с изложением своей системы и предложил Будзинскому оформить для нее обложку. В качестве пищи для вдохновения Ощепков подарил Андрею вырезанный из японской книги снимок с изображением броска «катагурума», или «мельницы». По мысли автора, нечто похожее должно было украсить и обложку его новой книги. Польщенный Будзинский, известный, помимо всего прочего, и мастерским выполнением «мельницы», всю жизнь хранил подаренный учителем снимок, завещав его сыну*. Вот только художественные навыки Андрея Александровича Будзинского тогда не пригодились. Книгу Василий Сергеевич выпустить не успел. Да и слишком многое в ней пришлось бы переписывать в условиях меняющейся международной обстановки,

* Сын Андрея Будзинского передал эту вырезку в частный Музей истории боевых искусств на Покровке. Дальнейшая судьба подарка Ощепкова (как и самбовок Сидорова, подлинника кинопленки с роликом о дзюудо и некоторых других раритетов) неизвестна.

ибо в 1932—1933 годах у Советского Союза появился новый главный противник — Япония.

1930-е годы смело можно назвать неистовыми по уровню накала борьбы за территории, борьбы, приведшей в итоге ко Второй мировой войне. Польша, Великобритания, Франция, Германия, Америка и, конечно, СССР с Японией — все они готовы были впиться друг другу в горло, заново расчерчивая карту мира. Разница была только в том, что кто-то делал это менее заметно, как, например, Соединенные Штаты, а кто-то не особенно скрывал своих имперских устремлений. К числу последних относилась и Япония. Захватив в 1932 году Маньчжурию — северо-восточную часть Китая, японская армия подошла вплотную к границам СССР. Одновременно советская разведка получила исчерпывающие сведения о намерениях Японии спровоцировать войну с Советским Союзом. В качестве предупреждающего удара, сорвавшего провокацию, Кремлем были организованы вбросы в советскую прессу, прежде всего в газету «Известия», секретной информации, раскрывающей планы японских военных. Операция удалась, но имела далекоидущие последствия. Развернувшиеся в результате этих публикаций несколько волн повальной японофобии захлестнули многие тысячи ни в чем не повинных людей, в первую очередь имевших хоть какое-нибудь отношение к Японии.

В апреле 1934 года Ощепков неосторожно написал, обращаясь к руководству ВСФК:

«Дзюудо — это система физического развития, сложившаяся в Японии более 50 лет тому назад, представляет как бы квинтэссенцию из весьма разнообразных и многочисленных систем самозащиты, каковыми были дзюу-дзюцу, тэнзинсиньорю, киторю и другие... Современную систему дзюудо я изучил в Японии в Центральном Институте Кодокан-дзюудо в Токио, который закончил в 1913 г. в звании мастера 2-й ступени, пробыв в названном институте около пяти лет. В подтверждение сказанного имею надлежащие документы. На поприще преподавателя и пропагандиста дзюудо я работаю 14 лет. Владея японским и английским языками, я все время слежу за развитием системы дзюудо, как в Японии, так и в Европе и Америке, используя все, что встречается в литературе нового о методах этой системы, ее технике, тактике, а также обогащения ее новыми приемами...»

Эта статья вторила, звучала в унисон другой, опубликованной в 5-м номере журнала «Физкультура и социалисти-

ческое строительство». Автором ее числился некто Петров, но энергичный стиль, композиция, содержание (от «страшилки» к «чудесному спасению»), даже транслитерация японских слов (смо, дзюу-до) почти не оставляют сомнений в том, что Петров и Ощепков если и не одно и то же лицо, то первый, во всяком случае, писал по тезисам второго. Начинался материал резко, даже шокирующе: «Что такое дзюудо? Родина воинствующего фашизма, страна реакции, террора и интервенции — Япония имеет систему физического воспитания, предназначенную исполнять классовые заказы японских империалистов. Эта система носит название дзюдо». Такой напор должен был подготовить читателя к главному выводу: «Предстоящие классовые бои, в которых роль рукопашной схватки может быть решающей в исходе боя, вызывают необходимость более широкого, внимательного и серьезного овладения техникой дзюу-до».

Сознавал ли Василий Сергеевич, что оба этих текста, особенно в сопоставлении, «в комплекте» выглядят странно, «политически невыдержанно», особенно для военных и чекистов, входивших в руководство Спорткомитета? Тем более что в дальнейшем материал «Петрова» не раз и не два был републикован в самых разных околофизкультурных изданиях. Похоже, что нет. Он не задумывался о том, что выпускник института дзюдо, главный тренер и пропагандист рукопашного боя для Красной армии, может стать одновременно и главой соответствующей секции в Спорткомитете страны, и «проводником системы физического воспитания японских милитаристов». Логика Ощепкова понятна, но слишком уж линейна: если у врага есть современное и эффективное оружие, то, при желании, секретами этого оружия можно овладеть. Значит, можно и нужно бить врага его же способами. То, что он сам себя называет знатоком этого оружия, обучившимся владению им в логове врага, Василия Сергеевича не смущало. Увлеченный своей работой, Ощепков искренне пытался убедить советских партийных, государственных и военных бюрократов в пользе своего дела для всей страны и прежде всего для армии:

«Следует наконец учесть, что дзюудо в Японии стоит на высокой ступени технического развития, считается обязательной не только в армии, флоте и полиции, но и в средних учебных заведениях. Японский империализм, стремясь к оснащению своей армии передовой техникой, придает огромное значение дзюудо, которая вооружает ее личный состав приемами ловкости, гибкости, умения нападать и

защищаться не только с оружием, но и без оружия... Для бойцов и командиров Рабоче-Крестьянской Красной Армии освоение приемов искусства дзюудо должно стать боевой задачей дня, ибо Красная Армия, защищающая границы единственного в мире государства трудящихся, не может отставать от возможных врагов своих ни в технической вооруженности, ни в физической подготовленности».

Судя по этому тексту, Ощепков верил в здравый смысл, верил в, если угодно, торжество разума. Но ведь он не мог не знать, не видеть того, что происходило вокруг...

В относительно не кровожадное время — в начале 1930-х годов первая, пока еще еле-еле цепляющая волна репрессий прокатилась по японоведам, в том числе по тем, с кем близко был знаком наш герой. В июле 1931 года был арестован брат его первой жены Гавриил Журавлев, бывший семинарист и красный разведчик, работавший теперь переводчиком на Сахалине. Приговор: шпионаж, но срок небольшой — он вышел на свободу в 1935 году. В сентябре 1931-го взяли Николая Мацокина, только незадолго до этого консультировавшегося с Ощепковым по поводу перевода японских военных документов. Приговор — 10 лет концлагеря за измену родине. Не будучи даже уволен из кадров ОГПУ, Мацокин отсидел три года и в 1934-м был освобожден. В 1933 году оказался уволен «по непригодности» из Московского института востоковедения один из лучших японоведов Союза, близкий друг Василия Сергеевича сахалинец Трофим Юркевич. Ему пришлось собрать вещи в доме Нирнзее и вернуться во Владивосток, где он немедленно был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Японии. Вышел в 1934 году. Автор этих строк видел следственные дела их всех, за исключением Журавлева. Вина никого из обвиняемых не была доказана — этим в основном и объясняются малые сроки заключения. Японоведов пока просто напугали, на время сохранив им жизни.

И ведь это произошло еще до декабря 1934-го, когда после убийства главы ленинградских большевиков Кирова в стране поднималась только одна из первых волн массового террора. Уже тогда от него было только одно спасение — случайность. Только на счастливый случай могли надеяться люди, которые больше других знали, лучше других что-то умели, были умнее, честнее, интеллигентнее — словом, все те, кто одним своим присутствием на земле возбуждал лютую зависть и ненависть серой массы псевдокоммунистического быдла, точно и емко описанного Михаилом

Булгаковым в «Собачьем сердце». Именно этой массой, во главе с ее вожаками, объявлялось вражеским и подлежащим уничтожению все, что было выше их понимания. Особенно же пугало и раздражало их то, что имело непонятное, недоступное их уровню развития интеллекта и культуры, в том числе иностранное, происхождение. Только знали об этом еще не все, заметно это было не каждому.

Как раз в это самое время для Ощепкова открываются новые горизонты в связи с устранением Спиридонова с арены борьбы за борьбу. Мешает только пошатнувшееся здоровье, но это ничего, надеется он, переможется. На 1935/36 учебный год в ГЦОЛИФКе Василий Сергеевич подготовил грандиозную «программу-максимум» для студентов, специализирующихся на его дзюудо. Она была рассчитана на два года обучения, или на 700 учебных часов. Вид борьбы, преподаваемый Ощепковым, в программе получил название «Дзюудо по схеме ГЦОЛИФК» — это почти копия японского «Кодокан дзюдо», то есть дзюдо по системе Кодокан. Конструктивно же новый стиль включал в себя уже знакомые нам «боевую часть дзюудо» и «борьбу вольного стиля дзюудо», то есть часть спортивную[308].

В это же время в 15—16-м (сдвоенном) номере журнала «Физкультура и спорт» за август — сентябрь 1936 года появляется статья ученика Василия Сергеевича Н. М. Галковского. Название: «Что такое дзюу-до». Но в тексте уже никакой «родины фашизма», теперь дзюдо всего лишь «квинтэссенция из наиболее жизненных приемов всех существующих систем рукопашного боя в Японии». Перевод с английского еще одного материала, продолжающего в номере тему японской борьбы, по стилю очень похож на рекламные рассказки начала XX века. Главное — никакой политики.

Секция дзюудо Всесоюзного комитета по физкультуре и спорту, возглавляемая Ощепковым в конце 1936 года, утвердила «Правила соревнований по дзюудо», «Комплекс приемов самозащиты по системе дзюудо», «Первый спортивный комплекс приемов борьбы вольного стиля дзюудо» и «Комплекс боевых приемов по системе дзюудо для военнослужащих РККА»: все авторства Василия Сергеевича. В «Динамо», пока на «партизанских» почти началах, в одной из ячеек одного из районных советов, но все же возобновилось после трехлетнего перерыва преподавание дзюудо. Занятия вел Валентин Сидоров. Готовилась книга — институтский учебник. На пороге были первые всесоюзные соревнования, в которых должны были участвовать мастера со

всей страны — такого в истории советской борьбы вольного стиля еще не бывало. Жизнь снова начала налаживаться. Ненадолго показалось даже, что новый, 1937 год начинается совсем неплохо.

Глава двадцать пятая

1937-й

Увы, со страниц газет почти каждый день сыпались тревожные новости. В конце января новый, сменивший Ягоду нарком внутренних дел Николай Ежов лично провел судебный процесс по делу «Антисоветского троцкистского центра». В ходе шитого белыми нитками «дела» следствие «выявило», помимо всего прочего, главных недругов Советского государства не только среди советских граждан, но и за его пределами: «Враг народа Л. Троцкий... обещал, в случае прихода к власти троцкистского правительства, в результате поражения Советского Союза, сделать Германии и Японии ряд политических, экономических и территориальных уступок за счет СССР, вплоть до уступки... Приморья и Приамурья — Японии»[309]. Те из японоведов, кто уже знал, что означает ночной стук в дверь, как, например, Юркевич или Мацокин, и те их близкие друзья, с кем они могли поделиться своими страшными воспоминаниями и опасениями, поняли, что означают эти слова обвинения, напечатанные во всех советских газетах. Но и они не могли знать, что механизм нового, самого страшного в советской истории витка репрессий уже запущен, и еще тешили себя надеждами, что все обойдется. Не обошлось.

В марте в НКВД был подписан очередной внутренний приказ об «усилении бдительности». Особо пристально предписывалось теперь бдить за проживающими на территории СССР потенциальными «шпионами и разносчиками капиталистической заразы»: немцами, поляками, «харбинцами» — теми, кто когда-либо жил в этой столице белогвардейского Китая, и бывшими белогвардейцами, где бы они ни жили[310]. Проблем с наблюдением не было: НКВД через кадровые отделы предприятий и организаций, через территориальные управления, отделы и отделения ВЧК-ОГПУ-НКВД с самой Гражданской войны вел тщательный учет ББО (бывших белых офицеров) и «харбинцев». Нет сомнений, что стоял на таком массовом учете и бывший контрразведчик Василий Ощепков и отсчет времени

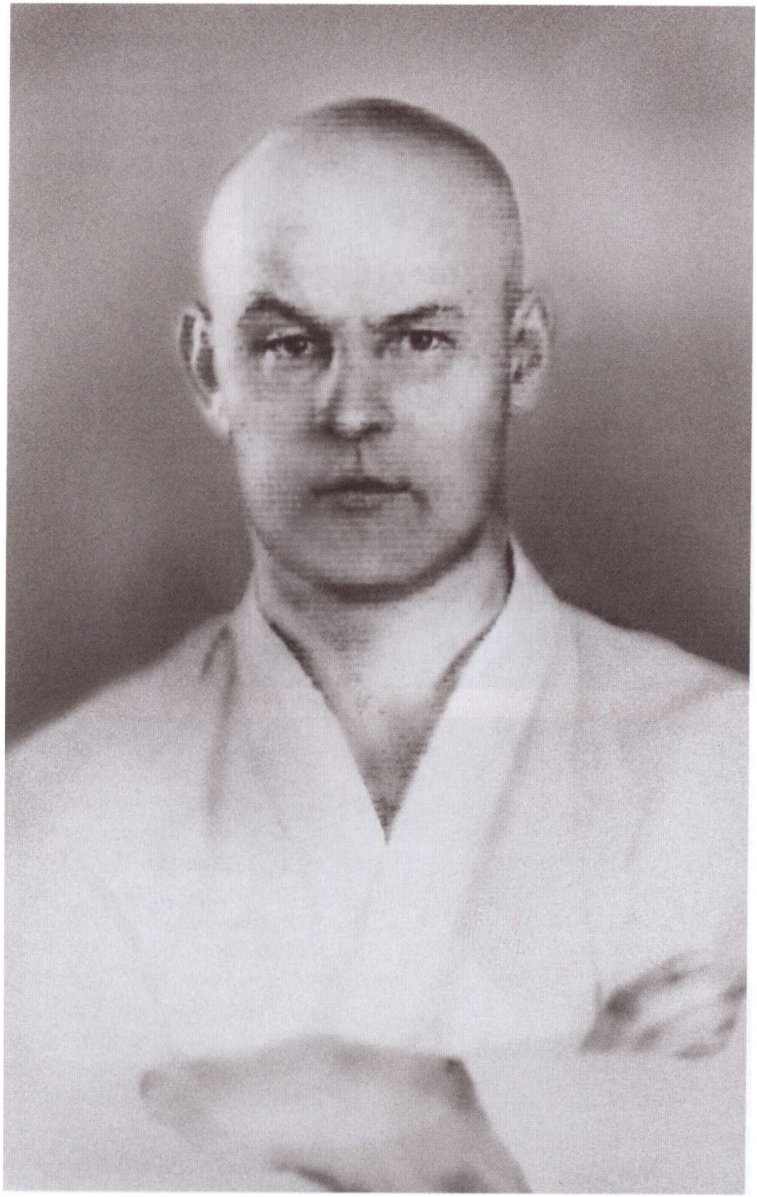
для него уже начался. Но в первую очередь органам требовалось провести чистку в структурах самого НКВД, где, по уверению Ежова, засели наиболее опасные германские и японские шпионы. Учитывая, что в разведке и контрразведке работало много специалистов со знанием языка, каждый из них представлялся чекистам без образования (а именно они в основном и выдвинулись теперь поближе к начальственным креслам) потенциальным шпионом. Оставалось только исполнить приказ.

Первого человека, который потом расскажет на допросе об Ощепкове (во всяком случае из тех, о ком мы это точно знаем), взяли весной. 2 апреля был арестован Роман Ким — японовед и сотрудник контрразведки, как мы помним, тоже учившийся в Японии, хотя и не в семинарии. Ким по Восточному институту знал Трофима Юркевича (он там учился, а Юркевич — преподавал). Тот выполнил просьбу Романа Николаевича, увлекавшегося ниндзюцу и много слышавшего о дзюудо, и познакомил его с Ощепковым, который как раз прибыл в Москву[311]. Начались допросы.

2 июня, выступая на расширенном заседании Военного совета при Наркомате обороны Союза ССР, Сталин с некоторым, как кажется, удивлением, разочарованием и гневом объявил, что советская разведка оказалась полностью заражена японскими и немецкими агентами. Открылась настоящая «охота на ведьм». Уже арестованных людей начали допрашивать повторно, «выявляя» их связи на воле, фиксируя любые случаи общения с иностранцами, жизни за границей и больше ничего. Снова особое внимание оказалось направлено на тех, кто был связан с Германией и Японией, — во исполнение директивы органов госбезопасности. Сначала потихонечку, выхватывая пока по одному, начали брать востоковедов и «харбинцев», не служивших в органах.

6 июня 1937 года был арестован идеолог сменовеховства Николай Васильевич Устрялов. «Сменовеховцем устряловского толка» назвали Ощепкова в анкете во время работы в Разведупре. 14 сентября Устрялова расстреляли как японского шпиона. Понятие «...устряловского толка» из неприятного факта биографии быстро трансформировалось сначала в обвинение, а потом и в приговор.

8 июня Василий Ощепков подготовил очередное письмо на имя спортивного руководства страны о состоянии дел в преподаваемой им системе. На этот раз, вновь объясняя, что такое дзюудо, он был уже куда осторожнее, чем прежде. Теперь в изложении Василия Сергеевича «дзюудо... пред-

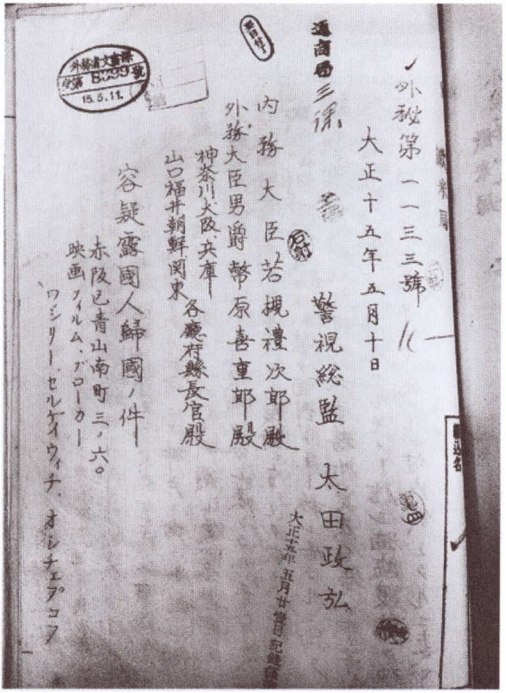


Василий Ощепков — человек-легенда

Свидетельство на возвращение токийского резидента Василия Ощепкова в СССР. *Публикация М. Н. Лукашева*

Свидетельство на возвращение в СССР Марии Ощепковой

Рапорт
по наблюдению
за Ощепковым
тайной полиции токко.
Весна 1926 г.
Архив МИД Японии



外秘第一一三三號
大正十五年五月十日
警視総監 太田政弘
内務大臣 若槻禮次郎殿
外務大臣男爵 幣原喜重郎殿
神奈川、大阪、兵庫
山口、福井、朝鮮 各廳府縣長官殿
容疑露國人歸國ノ件
赤阪区青山南町三ノ六。
映画フィルム、ブローカー
ワシリー・セルゲイウィチ、オシチェアコフ

Василий Ощепков
вскоре после
возвращения
на родину. *Архив*
А. А. Будзинского

СССР

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

МОСКОВСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ

ДИПЛОМ

Дан сей инструктору по дзю-до 4 МСП тов. Ощепкову

в том, что, выступая на первенство Московского Гарнизона в соревновании по штыковому бою, для команды т. дала 1-е место

Председатель Гарнизонного комитета физической подготовки гор. Москвы

Главный судья

Отв. секретарь комитета

Москва № 30 30 Апреля 1930 г.

Мастеру штыкового боя

Выпускники курсов инструкторов дзюдо во Владивостоке. В центре — В. С. Ощепков и П. Н. Азанчевский. *1927 г.*
Публикация М. Н. Лукашева

ОРГАН ВЫСШЕГО СОВЕТА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ при ВЦИК

ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ

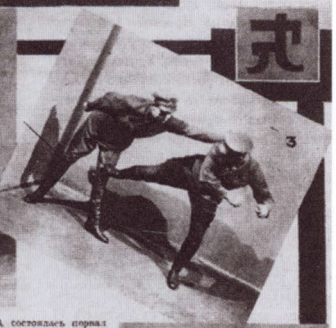
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В МЕСЯЦ

№ 1 (105)

5 января 1930 г.

ДЗЮ-ДО

2



3

Недавно на спортивном вечере ЦДКА состоялась первая в Москве демонстрация японской системы индивидуальной самозащиты «дзюу-до». Демонстрацию проводил инструктор ЦДКА тов. Ощепков.

Мы знаем, что в европейских странах большое распространение в качестве системы самозащиты получил бокс. Большое распространение бокс имеет и у нас, в СССР.

Однако с азиатскими системами самозащиты мы мало знакомы. В № 20 журнала «Физкультура и Спорт» уже были перечислены те приемы, которые входят в программу японской системы «дзюу-до».

Изучение этой системы доступно каждому: от занимающегося не требуется законченного физического развития. Здесь силовое преимущество против нас имеет второстепенное значение. Главную роль играют ловкость, смекалка, быстрота. Для Красной армии, милиции и т. д. «дзюу-до» имеет колоссальное значение, так как включает в себя много элементов военно-прикладного характера.

Особо наглядно и показательно были продемонстрированы приемы, когда против вооруженного (винтовкой, револьвером, ножом) в целях самозащиты выступал сам тов. Ощепков, изучивший «дзюу-до» в Токио.

Оказывается, и в бою, и в обычной обстановке есть целый ряд комбинированных приемов, ведущих не только к защите от вооруженного противника, но и к победе над ним.

В Японии система физического воспитания построена в основном на боевых упражнениях, к которым японцы относят фехтование на штыках, эскадронах и «дзюу-до».

«Дзюу-до» и обязательном порядке проходится в армии, флоте и полиции. Кроме того, «дзюу-до» и фехтование введены также в обязательном порядке во всех средних и высших учебных заведениях.

В Токио имеется специальный институт «дзюу-до» — Кодокан, электрический свет в 1883 году профессором Кано.

В целях популяризации и у нас, в СССР, системы «дзюу-до» в ЦДКА организованы две группы мужские (из военнослужащих и членов ЦДКА) и одна группа женская; группы пригласили через медсанчасть.

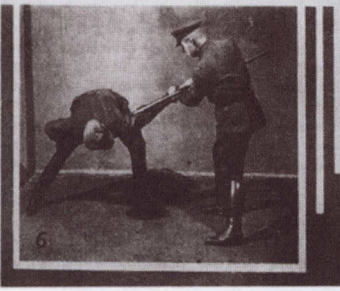
Если в некоторых местах Советского Союза (например, в Сибири) кое-где существуют группы по «дзюу-до», то только мужские; начинания с женской группой ЦДКА представляют исключительный интерес.

А. К.

1

4

5



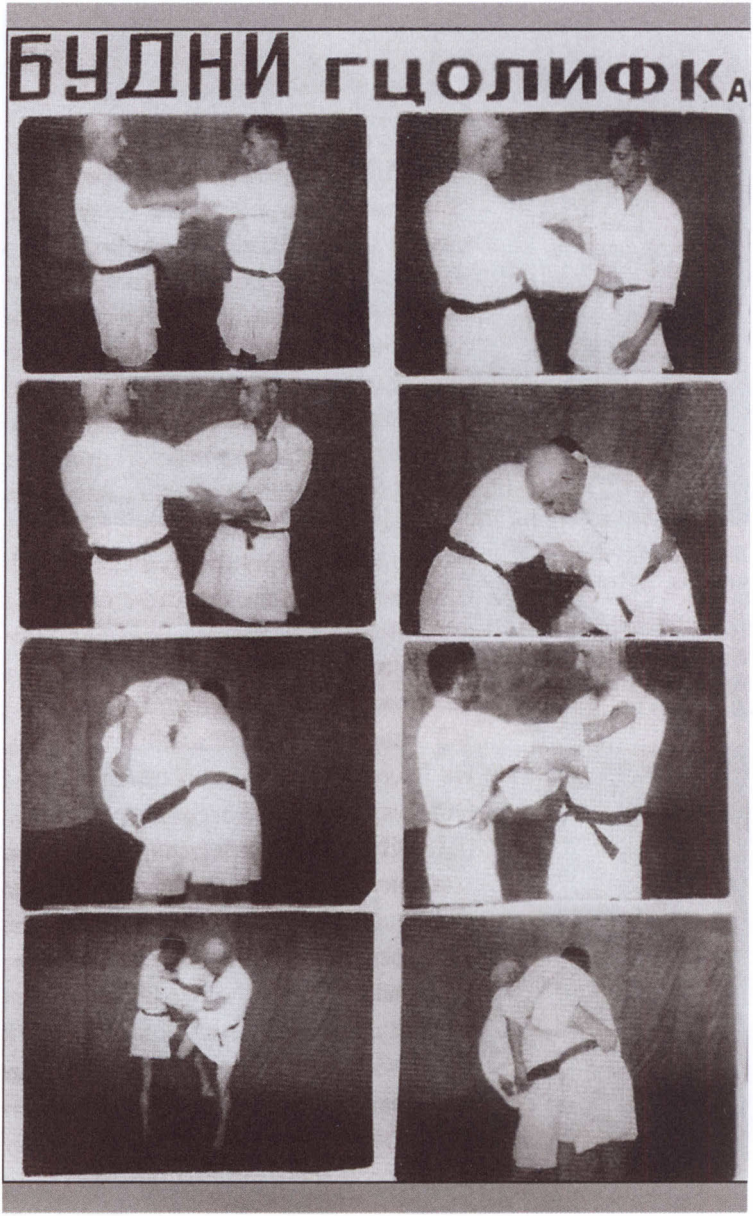
6

«Дзюу-до — в Красную армию!»
Приемы показывает Василий Ощепков

Ощепков демонстрирует прием на своем лучшем ученике — Валентине Сидорове. *1930 г.*

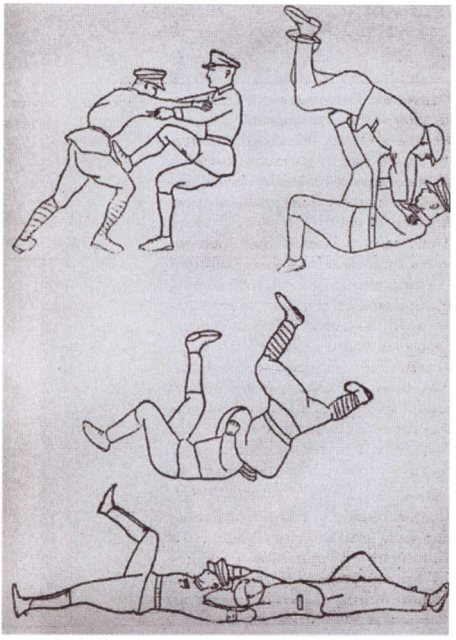
Василий Ощепков с учениками. Слева от него — Николай Галковский, справа — Иван Васильев. *Начало 1930-х гг.*

Первые курсы инструкторов дзюдо для преподавателей физвоспитания из различных регионов СССР. В третьем ряду: Александр Рубанчик, Василий Ощепков, Сергей Дашкевич. *Начало 1930-х гг.*

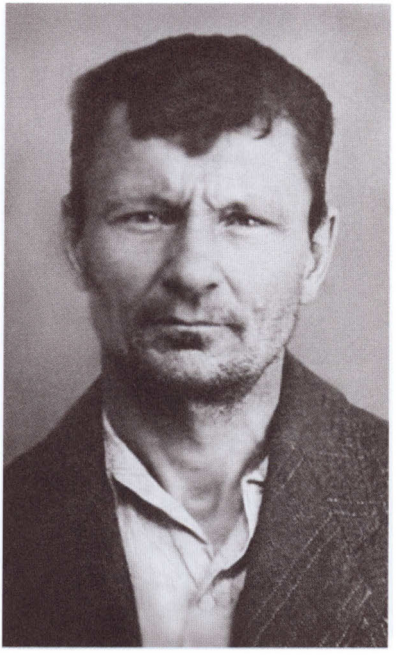


Демонстрация техники дзюу-до. *Около 1935 г.*

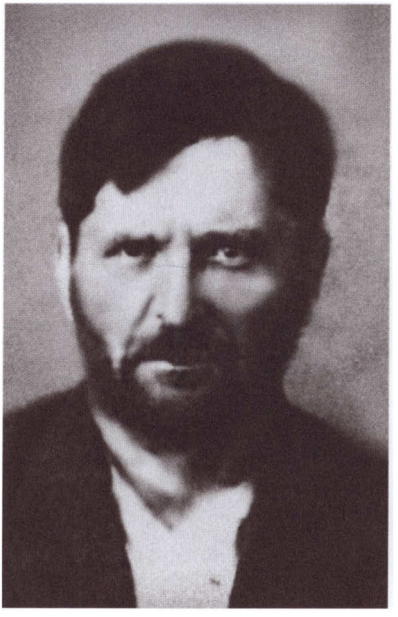
Раскадровки съемок выполнения приемов Ощепковым, ставшие иллюстрацией к пособию по самозащите



Ощепков с молодыми преподавателями ГЦОЛИФКа. Слева от него Анатолий Харлампиев, справа — Валентин Сидоров. Стоит крайний справа — Борис Сагателян. *Около 1935 г.*



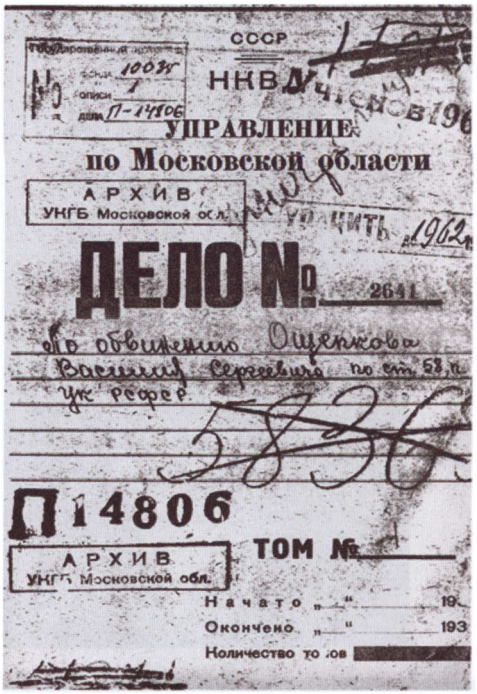
Дмитрий Плешаков — Митрич. *1937 г. Предрасстрельное фото. ГА РФ*



Анатолий Заколодкин, начальник разведотдела 17-го Приморского стрелкового корпуса. *1937 г. Предрасстрельное фото. Архив Сахаровского центра в Москве*

Трофим Юркевич, близкий друг Василия Ощепкова.
1937 г. Предрасстрельное фото. ГА РФ

Бутырская тюрьма в Москве.
Современный вид

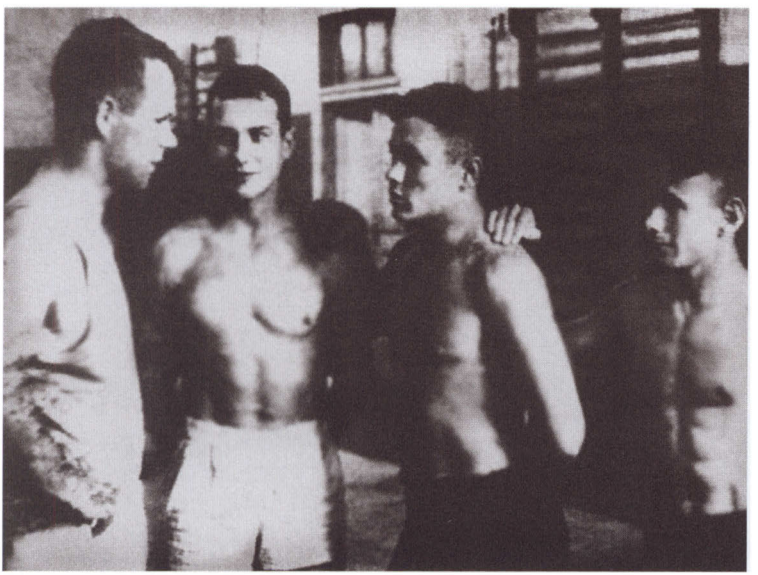

СССР
НКВД
УПРАВЛЕНИЕ
по Московской области
АРХИВ
УНГБ Московской обл.
ДЕЛО №
2641
по обвинению Ощепкова
Василий Сергеевич по ст. 58 п.
Ук РСФСР
П 14806
АРХИВ
УНГБ Московской обл.
ТОМ №
Начато
Окончено
Количество

Уголовное дело, заведенное на В. С. Ощепкова
НКВД. 1937 г.
ГА РФ

Одно из внутренних помещений Бутырской тюрьмы. *1937 г.*

1937 год: матч по дзюу-до между командами Москвы и Ленинграда

Ученики Василия Ощепкова: Анатолий Харлампиев, Анатолий Неведомский, Андрей Будзинский и Николай Сазонов на Всесоюзных сборах по «борьбе вольного стиля» (дзюу-до). *1938 г.*



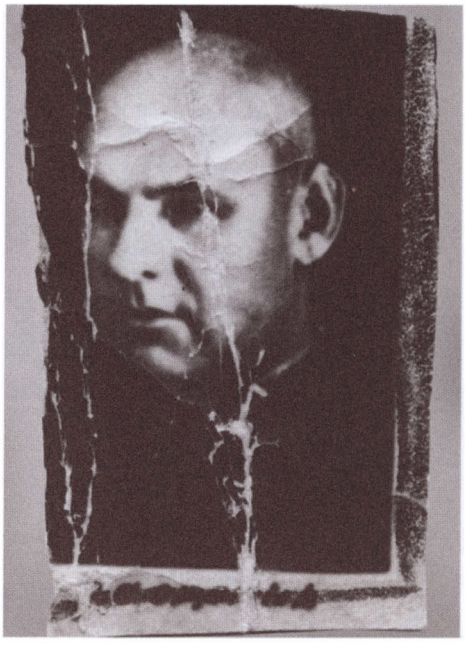


Фото Ощепкова, чудом сохранившееся после того, как было вырезано из общего снимка, измято и едва не выброшено. *Архив А. М. Горбылева*

Постановление о реабилитации В. С. Ощепкова. *ГА РФ*

имеется отметка о том, что по картотеке 2-го отдела УГБ УНКВД МО сведений нет. (л.д. 6).

Произведенной в настоящее время проверкой в Учетно-Архивных отделах УКГБ по Московской области, гор. Москве, Государственном Особом Архиве МВД СССР, Приморском краевом государственном архиве, Центральном Государственном Архиве СССР Дальнего Востока, Хабаровской Крайгосархиве данных о принадлежности ОЩЕПКОВА к иноразведорганам не имеется. (л.д. 15-20).

Исходя из изложенного выше и руководствуясь ст. 221 УПК РСФСР,

П О С Т А Н О В И Л:

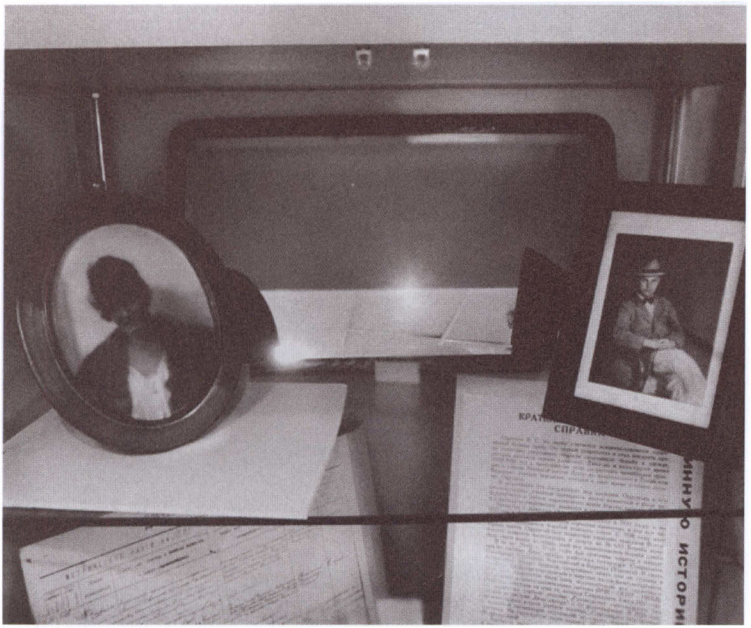
1. Постановление УГБ УНКВД МО о прекращении дела ОЩЕПКОВА В.С. за смертью последнего отменить.

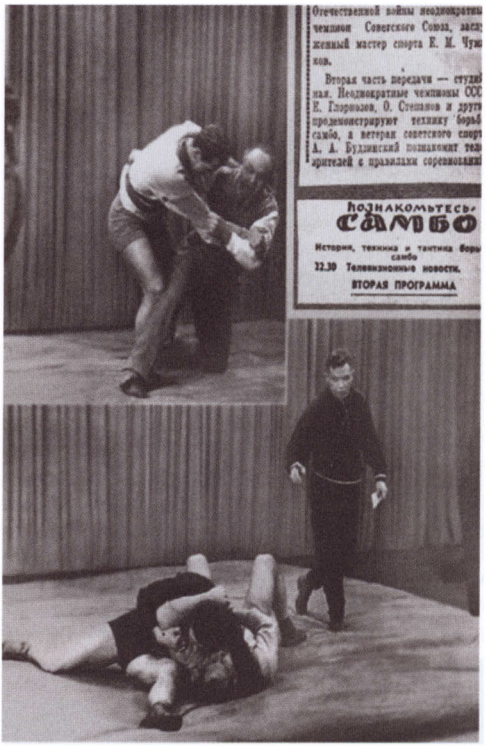
2. Дело по обвинению ОЩЕПКОВА [illegible] Сергеевича прекратить по п. 5 ст. 4 УПК РСФСР за отсутствием в его действиях состава преступления.

ПОМ. ВОЕННОГО ПРОКУРОРА МВО
МАЙОР ЮСТИЦИИ (БАБУРОВ)

Александра (Дина) Казем-Бек — приемная дочь Ощепкова. *Архив семьи Будзинских. 1980-е гг.*

Зеркало семьи Ощепковых. *В овальной рамке портрет Анны Ивановны Казем-Бек. Архив Т. В. Ксендзовой*




Отечественной войны неоднократный
чемпион Советского Союза, засл
женный мастер спорта К. М. Чуш
ков.
Вторая часть передачи — студи
ная. Неоднократные чемпионы СС
К. Глорнозов, О. Степанов и друг
продемонстрируют технику борьб
самбо, а ветеран советского спорт
А. А. Будзинский познакомит теле
зрителей с правилами соревнован
Познакомьтесь:
САМБО
История, техника и тактика бор
самбо
22.30 Телевизионные новости.
ВТОРАЯ ПРОГРАММА

Анонс первой в истории телепередачи с раскрытием имени Василия Ощепкова как создателя борьбы самбо. На татами — его ученик Андрей Будзинский и диктор Центрального телевидения Виктор Балашов. *1960 г.*

Те, кто знали и помнили, «как все начиналось». Сидят: третий слева — Николай Галковский, четвертый — Андрей Будзинский, пятый — Виктор Балашов. Стоит третий слева — Лев Матвеев. *1980-е гг.*

ставляло собой прежде всего один из видов борьбы вольного стиля», и все на этом, и никакой лишней «японщины», которая могла бы быть воспринята как преклонение перед потенциальным противником в войне[312]. Он уже все понимал. Раньше упоминание Японии в статьях Ощепкова было прямым указанием на то, что дзюдо — «вражеское изобретение», которое можно поставить на службу Советской стране. Тогда ему еще казалось возможным кого-то в чем-то убедить. Теперь риторика Василия Сергеевича меняется, подстраивается под новый газетный тон — нормальная реакция советского человека на «колебание генеральной линии». Но уже поздно.

Между прочим, в том же письме снова, как будто отвечая далеко вперед, в будущее, тем, кто десятилетия спустя будет считать, что дзюдо Ощепкова представляло собой исключительно спортивную борьбу (в отличие от якобы боевого самбо Спиридонова), автор письма замечал: «С точки зрения пропаганды комплекса самозащиты дзюудо... выступления имели, безусловно, положительную сторону, но зато у зрителя складывалось впечатление, что дзюудо не борьба, а самозащита, что это сугубо прикладная система, которая не имеет ничего общего со спортом».

Так что Ощепкова беспокоило как раз то, что боевая часть его системы оттесняет на задний план спортивную, и в письме он, наоборот, просил увеличить ему количество часов на преподавание дзюудо как борьбы. Василий Сергеевич с грустью и разочарованием отметил, что начиная с 1931 года никто из спортивного руководства — от директора Института физкультуры до главы Спорткомитета страны ни разу не присутствовал на соревнованиях по дзюудо. Это, по мнению Ощепкова, привело к плачевным последствиям и откату в развитии борьбы на позиции начала 1930-х: к 1937 году, когда «вольная борьба» советского стиля вроде бы начала завоевывать долгожданные прочные позиции в армии, дзюудо исключили из программы физкультурных техникумов, из учебного плана институтов физкультуры на 1937—1938 годы, была сорвана встреча клубов Москвы и Ленинграда. Он снова и снова просил вернуть преподавание дзюудо, открыть дополнительные курсы, дать возможность дзюудо дышать полной грудью. Тщетно: все это писалось тогда, когда сам по себе любой термин японского происхождения звучал как приговор.

7 июля на окраине Пекина произошла стычка между японскими и китайскими солдатами — так называемый ин-

цидент на мосту Марко Поло (Лугоуцяо). Завязалась перестрелка, длившаяся... более восьми лет — началась Вторая японо-китайская война, которую в самом Китае считают началом Второй мировой. Немедленно выросло напряжение на границе СССР и японского марионеточного государства Маньчжоу-Ди-Го. Дальняя авиация СССР готова была по первому сигналу вылететь на бомбежку Токио с аэродромов под Владивостоком. Одновременно японцы накапливали силы в Маньчжурии, в направлении Приморья и у монгольской границы — до боев на Хасане и Халхин-Голе оставалось совсем немного времени. Но пока Квантунская армия оттачивала боевое мастерство на китайцах, НКВД привел свои территориальные подразделения в финальную степень готовности к проведению чистки «японских шпионов» и «харбинцев», что для чекистов было одно и то же.

В июле повторно пришли за Николаем Петровичем Мацокиным. После освобождения в 1934 году он уволился из разведки и занимался наукой. Получил квартиру напротив Матросской Тишины, каждую ночь слышал, как с лязгом открываются и закрываются ворота, впуская очередную порцию обреченных. Стараясь выглядеть как можно более лояльным власти, со всей силой своей энергичной натуры набрасывался в печати и на собраниях на коллег, недостаточно, по его мнению, преданных делу коммунизма. Не помогло. Мацокина расстреляли 10 октября в Москве.

В начале августа вышел очередной, 14-й номер журнала «Спутник агитатора» с разгромной статьей одного из самых речистых воинствующих безбожников Союза ССР Бориса Кандидова. Статья называлась «Церковные шпионы японского империализма». Четыре страницы убористого текста были посвящены разоблачению связи Японской православной церкви с врагами советской власти, Советского государства. Многое в этой статье правда, многое — ложь. Разбирать, где что, в 1937 году никто не собирался. Упоминалась в ней и Токийская православная духовная семинария, в которой учился Василий Сергеевич и о которой еще в 1917 году посольский священник Петр Булгаков писал: «...школа в Токио, носящая название "православная духовная семинария", в свое время издала руководство для разведчиков-японцев с целью помочь делу допроса русских»[313]. Правда, «товарищ Кандидов» был не в курсе, что в семинарии учились русские подростки, а потому обрушился только на японских ее выпускников: «Воспитанники Суругадайской семинарии, получившие образование за счет миссии...

командируются переводчиками в японские полки, находящиеся в Сибири, где благодаря недурному знанию русского языка оказывают немалую услугу по изучению столь интересующего японцев материка. <...> ...услуги, которые японские церковники оказывали оккупационной армии, выражались не только в "изучении материка", но также в самой разнообразной шпионской деятельности и содействии войскам. Благодаря знанию русского языка и своему церковному званию японские православные попы устанавливали нужные связи, собирали шпионские сведения, активно участвовали в борьбе с партизанским движением, помогали японским генералам... "Религиозная программа" японской разведки встречала и встречает поддержку со стороны ряда церковников и сектантов, мечтающих о свержении Советской власти и реставрации капитализма. Через своих агентов японская военщина много раз оказывала материальную поддержку религиозным организациям, которые она совершенно правильно считает одним из надежнейших орудий реакции и контрреволюции...»

В ночь с 15 на 16 августа арестованного Романа Кима спросили об Ощепкове. Сломленный пятью месяцами допросов, он признался, что был знаком с Ощепковым с 1929 года «на базе джиу-джицу», но последние пару лет с ним не встречался — некогда было. Когда потребовали «признаться», что Ощепков и Юркевич японские разведчики (значит, уже вели их, ждали!), Ким, безуспешно пытавшийся в тюрьме покончить с собой, чтобы прекратить мучения, подтвердил и это[314]. Сразу скажем, что никакого прямого влияния на судьбу Василия Сергеевича и Трофима Степановича слова арестованного контрразведчика не оказали или, во всяком случае, не успели оказать. Но вопрос о том, почему, откуда, из каких документов на следствии Кима вообще всплыла фамилия Ощепкова, остается открытым — ответа на него нет, как нет пока ответа на вопрос, упоминался ли Ощепков в допросах других людей. Для того чтобы узнать это, надо «перелопатить» дела арестованных «харбинцев», а их много. Очень много — не один десяток тысяч.

20 сентября нарком внутренних дел Николай Ежов подписал оперативный приказ № 00593. Вот его краткое содержание (полный текст легко можно найти в Интернете*):

---

* Например, на сайте Сахаровского центра. — http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=876. Дата обращения: 18 мая 2017 года.

«Органами НКВД учтено до 25.000 человек, так называемых "харбинцев"...

Учетные агентурно-оперативные материалы показывают, что выехавшие в СССР харбинцы в подавляющем большинстве состоят из бывших белых офицеров, полицейских, жандармов, участников различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций и т. п. В подавляющем большинстве они являются агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной и шпионской деятельности...

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. С 1-го октября 1937 г. приступить к широкой операции по ликвидации диверсионно-шпионских и террористических кадров харбинцев на транспорте и в промышленности.

2. Аресту подлежат все харбинцы:

а) изобличенные и подозреваемые в террористической, диверсионной, шпионской и вредительской деятельности;

б) бывшие белые, реэмигранты, как эмигрировавшие в годы гражданской войны, так и военнослужащие разных белых формирований...

е) служившие в китайской полиции и войсках как до захвата Манчжурии японцами, так и после образования Манчжоу-Го;

ж) служившие в иностранных фирмах, прежде всего японских, а также белогвардейских (фирма ЧУРИНА и друг.)...

3. Аресты произвести в две очереди:

а) в первую очередь, арестовать всех харбинцев, работающих в НКВД, служащих в Красной армии, на железнодорожном и водном транспорте, в гражданском и воздушном флоте, на военных заводах, в оборонных цехах всех других заводов, в электросиловом хозяйстве всех промпредприятий, на газовых и нефтеперегонных заводах, в химической промышленности;

б) во вторую очередь — всех остальных харбинцев, работающих в советских учреждениях, совхозах, колхозах и проч. ...

5. Следствие по делам арестованных харбинцев развернуть с таким расчетом, чтобы в кратчайший срок полностью разоблачить всех участников диверсионно-шпионских и террористических организаций и групп.

Выявляемую в процессе следствия харбинцев новую сеть шпионов, вредителей и диверсантов — НЕМЕДЛЕННО АРЕСТОВЫВАТЬ.

6. Всех арестованных харбинцев разбить на две категории:

а) к первой категории — отнести всех харбинцев, изобличенных в диверсионно-шпионской, террористической, вредительской и антисоветской деятельности, которые подлежат расстрелу...

8. После утверждения списков НКВД СССР и прокурором Союза приговор приводить в исполнение — НЕМЕДЛЕННО...

11. Операцию закончить к 25 декабря 1937 года.

12. В отношении семей репрессируемых харбинцев руководствоваться моим приказом № 00486 от 15 августа 1937 года...»

Правомерно ли было применить этот приказ к Ощепкову (дикость самой идеи уничтожения людей по географическому признаку мы не обсуждаем)? Судите сами. Василий Сергеевич был мобилизован Колчаком. Служил в японской армии. Хотя в приказе речь шла о китайской, причастность к службе в японской для НКВД была еще лучше: во вражеской аж с 1904 года армии служить мог только предатель — однозначно. Ощепков формально был реэмигрант, так как в 1926 году впервые получал советский паспорт, числясь с 1923 года гражданином Японии (да, это понадобилось для прикрытия при выезде в командировку с разведывательной целью, но для следствия это никакого значения не имело). Работал он и в японской фирме, а до революции и вовсе был сотрудником царской контрразведки — жандармом в категориях, которыми мыслили в НКВД образца 1937 года. Стоит заметить, что мыслили широко: органы ОГПУ — НКВД публиковали совершенно секретные (гриф «Хранить наравне с шифром»!) «Списки контрразведчиков, милиции, официальных чинов министерства внутренних дел белых правительств», в который попадали и разведчики, и провокаторы, и даже агенты ВЧК. Ни Ощепкова, ни других героев этой книги в известном автору рассекреченном справочнике нет, но зато среди 3491 человека, перечисленных на 234 страницах, оказался Алексей Луцкий — бывший начальник Василия Сергеевича по харбинской контрразведке, работавший на большевиков, казненный белоказаками и японцами в апреле 1920 года вместе с Сергеем Лазо и Всеволодом Симбирцевым во Владивостоке[315]. Наконец, Василий Сергеевич был военнослужащим Красной армии, а затем преподавал в вузе, имеющем оборонное значение, был бывшим белым офицером, которые находились на особом негласном учете, а значит, подлежал изъятию из жизни в первую очередь.

Те, кто впервые сталкивается сегодня с историей сталинских репрессий, могут задать наивный, но неизбежный вопрос: как же так — ведь он был советским разведчиком? Об этом должны были быть документы! Его должны были немедленно выпустить! Снова — увы. Почти все его друзья и однокашники (Крылов, Плешаков, Мацокин, Ким и многие другие) были советскими разведчиками с такими заслугами перед родиной, которые она никогда не должна была бы забыть. Но право решать, что хорошо для родины, а что — плохо, присвоил себе НКВД, поэтому об этих заслугах просто не вспомнили. Точнее, не разрешили вспомнить. В следственных делах Юркевича и Плешакова совсем отсутствуют упоминания о том, что они были разведчиками. Да, людей, далеких от реалий сталинской эпохи, это шокирует, но на самом деле такова была узаконенная практика: в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом тех лет, упоминание подследственным своей секретной работы приравнивалось к разглашению государственной тайны и автоматически добавляло еще одно обвинение, увеличивало тяжесть вины, удлиняло срок... Причем следователь и оперативный работник часто был одним и тем же лицом, и если на какого-либо обвиняемого заводилось оперативное дело (например, на основании доноса), то, в соответствии со статьями 93, 97 и 109 УПК РСФСР от 1923 года, получивший его чекист, выступая уже в качестве следователя, мог допрашивать обвиняемого на основе имеющихся материалов, по собственному желанию предъявляя или не предъявляя арестованному «доказательства» и не подшивая их в уголовное дело[316]. «Доказательствами» же могли служить зафиксированные, например, службой наружного наблюдения встречи с иностранцами — не важно по какому поводу! — или перехваченная и перлюстрированная переписка — хотя бы по поводу установления связи с Кодоканом в Токио. В двухтомном уголовном деле Кима вся его работа вывернута наизнанку и каждый эпизод вербовки японца, например, рассматривается как, наоборот, вербовка японцем. В деле Крылова тому, что он разведчик, вообще не придано никакого значения. И так было со многими. Сменовеховец, «харбинец», реэмигрант, японский шпион, бывший жандарм Василий Ощепков был обречен в любом случае, по любому из пяти возможных (и десятку невозможных) пунктов обвинения.

Несмотря на то что «широкую операцию по ликвидации» было предписано начать 1 октября, массовые аресты

начались, как только приказ был подписан. «Все поголовно советские служащие КВЖД оказываются сплошь, включая жен, детей и бабушек, японскими шпионами. Но надо признать, что их брали уже и несколькими годами раньше», — писал А. И. Солженицын в бессмертном «Архипелаге ГУЛАГ». Но точно так же стоит признать, что не только о советских служащих шла речь.

1 сентября дома в Пушкино взяли ветерана российской и советской военной разведки, участника Русско-японской, мировой, Гражданской войн Василия Николаевича Крылова. Его отозвали из Харбина в 1934-м, когда почувствовали угрозу для него со стороны японской разведки. Уважаемый востоковед, ученый-энциклопедист, шестидесятилетний Крылов после нечеловеческих пыток был расстрелян 21 октября на Бутовском полигоне. Там же расстреляли его жену, обвиненную в заговоре против Сталина.

7 сентября из соседнего дома с той же 2-й Домбровской улицы в Пушкино забрали Митрича — Владимира Дмитриевича Плешакова, бывшего семинариста, советского военного разведчика, с 1935 года служившего переводчиком в НКВД. 14 октября и его расстреляли на том же полигоне под Москвой. Жену расстреляли как «пособницу» жены Крылова. Василий Сергеевич ничего об этом не знал.

Жизнь семьи Ощепковых в то время протекала мирно, даже буднично. После 1935 года Василий Сергеевич с семьей по какой-то неизвестной нам причине переехал со Страстного бульвара чуть дальше от центра — в Дегтярный переулок, дом 6. В своей небольшой комнате квартиры 21 сделали ремонт. Стены, вспоминал Николай Галковский, по тогдашней моде оклеили ярко-красными обоями, а на столе поместилась лампа с пурпурным абажуром — такая же стояла в келье Николая Японского в Токио[317]. По соседству, в Петровском переулке, в филиале Художественного театра, время от времени шла пьеса про большую квартиру с абажуром — «Дни Турбиных» Михаила Булгакова. Несмотря на то что играли ее, пусть и с перерывами, уже много лет, на каждый спектакль выстраивались очереди сверху — от Тверской, и снизу — от Дмитровки. Поэтому, когда Ощепковым удалось взять билеты на спектакль, назначенный на 10 октября 1937 года, они были счастливы. Пьеса была про своих, про бывших «золотопогонников», ставших сменовеховцами, про их друзей, выбравших эмиграцию, про войну, смерть, предательство и веру в то, что человек все превозможет и что самый страшный год от

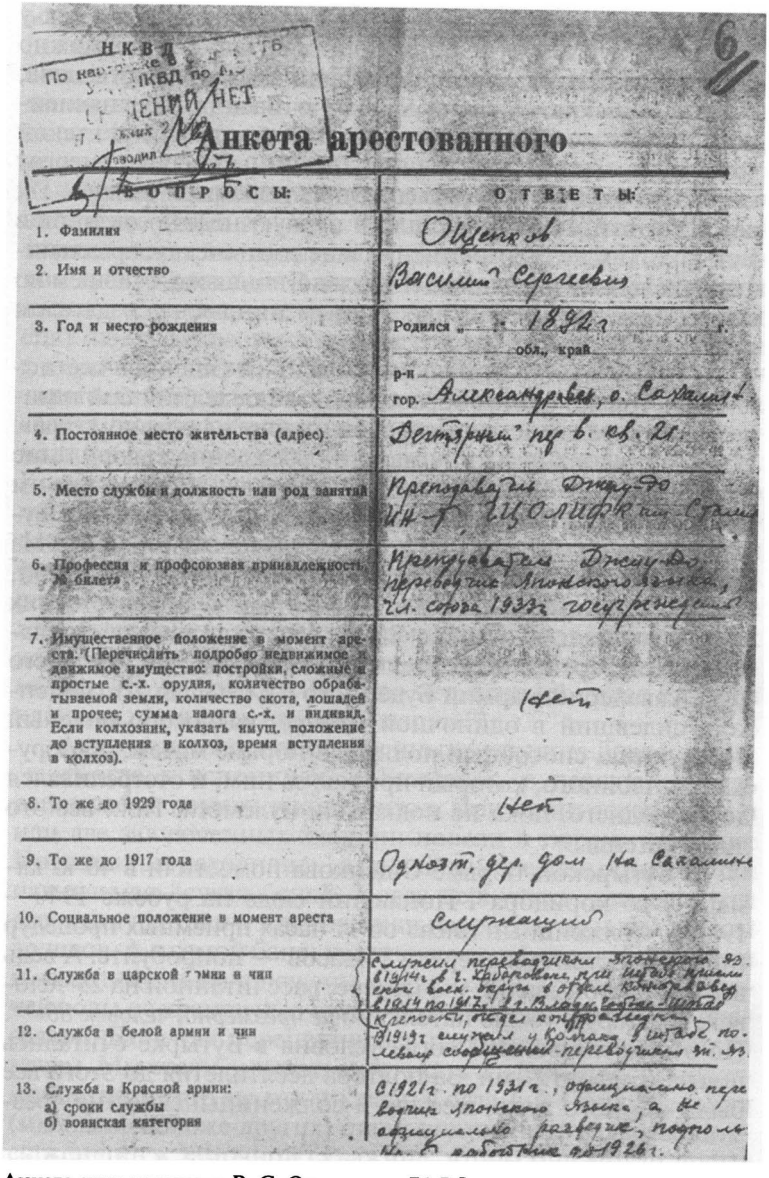
Рождества Христова — 1918-й уже миновал вместе с Гражданской войной и ничего хуже уже не будет.

29 сентября, в среду, прокурор Юлий Берман утвердил «Постановление об аресте Ощепкова Василия Сергеевича, 1892 г. р., уроженца Александровска на Сахалине. Беспартийного, русского, преподавателя Института физкультуры имени Сталина». Еще ни единого документа не было подшито в дело № 2641 УНКВД по Московской области (были ли они в другом — неизвестном нам деле Ощепкова — вот вопрос!), а в постановлении уже было вколочено черным по белому: «...достаточно изобличается в том, что, проживая в СССР, занимается шпионажем в пользу Японии... привлечь обвиняемым по ст. 58 п. 6»[318].

58-6 — это шпионаж, который в советском судопроизводстве, все по тому же Александру Солженицыну, «был прочтен настолько широко, что если бы подсчитать всех осужденных по нему, то можно было бы заключить, что... ничем другим не поддерживал жизнь наш народ в сталинское время, а только иностранным шпионажем и жил на деньги разведок». Вести дело было поручено старшему лейтенанту госбезопасности Вольфсону.

Ночью с 1 на 2 октября, с пятницы на субботу, за Василием Сергеевичем приехал наряд под командованием сотрудника 3-го отдела УГБ НКВД Черкасова. В разных документах об аресте дата «плавает» в пределах двух суток — делалось это не быстро, без спешки. Начали забирать 1-го, забрали только 2-го, ведь еще нужно время на обыск! В протоколе обыска короткая запись: «Взято для доставления в 3 отдел УГБ НКВД МО... Паспорт МС № 729784. Штык-тесак». Так в протоколе назван плоский штык к японской винтовке Арисака образца 1905 года, который Ощепков использовал на показательных выступлениях как орудие вероятного противника. Жалоб при обыске заявлено не было, в протоколе, под записью «В комнате осталась проживать жена Ощепкова», Василий Сергеевич расписался собственноручно. Последнюю в своей жизни подпись он поставил несколько часов спустя, когда в Бутырской тюрьме на него была оформлена «Анкета арестованного». В графе 21, «Состояние здоровья», сделана запись: «Порок сердца, грудная жаба». Потом — на восемь дней — пустота.

Вечером в воскресенье, 10 октября 1937 года, в 18 часов 55 минут, за пять минут до начала спектакля «Дни Турбиных», билеты на который пропали навсегда, Василий Сергеевич Ощепков умер.



НКВД
По кварт... НКВД по ...
...ЕНИЙ НЕТ
...ких
Препровод...

6/II

Анкета арестованного

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
1. Фамилия	Ощепков
2. Имя и отчество	Василий Сергеевич
3. Год и место рождения	Родился 1894 г. обл., край р-н гор. Александровск, о. Сахалин
4. Постоянное место жительства (адрес)	Дегтярный пер. 6. кв. 20.
5. Место службы и должность или род занятий	Преподаватель Дзиу-до Ин-т ГПУ Олифк ... Сталин
6. Профессия и профсоюзная принадлежность № билета	Преподаватель Дзиу-до переводчик японского языка, Ст. состав 1933г. госуниверситет
7. Имущественное положение в момент ареста. (Перечислить подробно недвижимое и движимое имущество: постройки, сложные и простые с.-х. орудия, количество обрабатываемой земли, количество скота, лошадей и прочее; сумма налога с.-х. и индивид. Если колхозник, указать имущ. положение до вступления в колхоз, время вступления в колхоз).	Нет
8. То же до 1929 года	Нет
9. То же до 1917 года	Однозт. двр. дом на Сахалине
10. Социальное положение в момент ареста	Служащий
11. Служба в царской армии и чин	Служил переводчиком японского яз. с 1914г. в г. Хабаровске, при штабе округа сего воен. округа в отдел контрразвед. с 1914 по 1917г. в г. Владивостоке, штаба крепости, отдел контрразведки
12. Служба в белой армии и чин	с 1919г. служил у Колчака в штабе полевого оперативного переводчика 4й Ар.
13. Служба в Красной армии: а) сроки службы б) воинская категория	С 1921г. по 1931г., официально переводчик японского языка, а не официально разведчик, подполковник в отставке с 1926г.

Анкета арестованного В. С. Ощепкова. *ГА РФ*

Его смерть до сих пор вызывает массу вопросов как у поклонников Мастера, так и у оппонентов. Всех их можно понять: не зная реальной биографии Василия Сергеевича, а питаясь исключительно мифом о Василии Великолепном, они не могут себе позволить поверить в то, что такой человек — махина, настоящий былинный герой, умер от какого-то удушья в переполненной тюремной камере. Их версия о том, что произошло в первую неделю октября в Бутырке, так же прямолинейна и не соответствует реальности, как легенда о ученике Николая Японского, ставшем по его «благословению» православным ниндзя — создателем самбо, и так же оторвана от жизни.

С точки зрения этих людей, Василий Ощепков мог погибнуть только одним образом: «дать последний бой палачам и мучителям и сложить свою голову в неравном бою». «Он им показал кузькину мать! — убежденно говорил мне один фанат. — Чекисты скрывают правду, потому что им до сих пор стыдно: один самбист разметал всю охрану Бутырской тюрьмы, прежде чем его удалось застрелить! На Лубянке о нем и сейчас рассказывают легенды!» Другой, столь же эмоциональный и уверенный в правоте своих слов энтузиаст в октябре 2011 года рассказывал слушателям конференции по боевым искусствам, как от своего деда, кавалериста армии Буденного (!), слышал, что Ощепков, сидевший в одиночной камере, как особо опасный преступник, способный поднять в тюрьме мятеж, обезоружил конвойного, который пришел за ним, и отстреливался до последнего, пока не подкатили пулемет... Но... все это лишь легенды.

В Бутырской тюрьме Ощепкова поместили в 46-ю камеру 7-го коридора*. Попавший сюда на рубеже 1940—1950-х, Солженицын писал об 11 часах приемных процедур (просто постойте в очереди 11 часов — попробуйте. А ведь вас не арестовывали!) и о камере, рассчитанной на 25 человек, в которую «было натолкано *не чрезмерно, человек 80*»[319]. Но это после войны, когда условия в Бутырке считались почти комфортными. За полтора десятилетия до этого все было намного хуже, жестче, и солженицынское «не чрез-

---

* Номера камер и коридоров в Бутырском следственном изоляторе менялись многократно, документы об изменениях сохранились лишь частично, поэтому сегодня понять, где именно находилось это место, не представляется возможным, несмотря на помощь администрации СИЗО, любезно оказанную автору.

мерно» не случайно. Почитайте воспоминания бывших политзаключенных о том, что такое Бутырка в 1930-х. Эти бесценные мемуары немногочисленны (кому охота вспоминать ужас?), но они есть. Вот что писал тоже бывший разведчик Дмитрий Александрович Быстролетов-Толстой, попавший сюда в 1938-м:

«Камера длинная, с двумя окнами на другом конце. Решетки, двойные грязные стекла и высокие железные козырьки почти не пропускают дневного света. Под потолком тускло краснеют электрические лампочки. Направо и налево — деревянные нары, на которых плотными рядами спят люди, головами к проходу, ногами к стенам, лицами к дырочке в двери — глазку или очку, через которую надзиратель наблюдает за спящими. Обе руки у всех положены сверху, поверх пальто или одеял. Такие же, как у меня, домашние наволочки, набитые вещами, заменяют подушку. Кое-кто лежит на грязных измятых пальто, большинство прикрывается ими. В проходе стоит длинный, чисто выскобленный стол, на нем кружки и чайник. Под столом и скамьями, прямо на кафельном полу, спят люди, их в камере человек семьдесят. Прямо у входа, справа — две высокие железные бочки, покрытые крышками. Это — параши, так называют в тюрьмах бочки для мочи. Увидев их, я вдруг замечаю, что задыхаюсь. Воздуха нет, жаркий смрад кажется клейким, он похож на бурый пар...»[320]

А вот жена «изменника родины» Антонина Лаврентьева:

«Когда я вспоминаю о Бутырках, в первую очередь всплывает в памяти такой эпизод. Примерно через неделю или две заключенных женщин повели в тюремную баню. Пока мы там находились, в нашей камере шел обыск — так называемая "сухая баня". Когда вернулись, увидели, что все наши постели и жалкие вещи перевернуты и проверены до швов. А в самой бане, как только за нами закрыли двери и замкнули их на ключ, мы обнаружили, что вместо горячей воды из кранов шел сухой пар, а холодной воды не оказалось. Баня так переполнилась паром, что дышать стало нечем. Мы стали задыхаться, стучать в дверь, просить о помощи, но никто не откликался. Тогда я и Соня Меламуд (мы были моложе других) стали подтягивать задыхающихся женщин к замочной скважине, чтобы они могли подышать воздухом. Вскоре, потеряв сознание, мы все лежали как бревна на полу. Когда пришли надзиратели, нас стали обильно поливать холодной водой и вытаскивать за ноги в коридор. Когда мы очнулись, нам сказали: "Попробуйте

только пожаловаться, нам ничего не будет, а вам несдобровать". Долго мы не могли прийти в себя: болела голова, у некоторых началась рвота. Мы лежали как трупы.

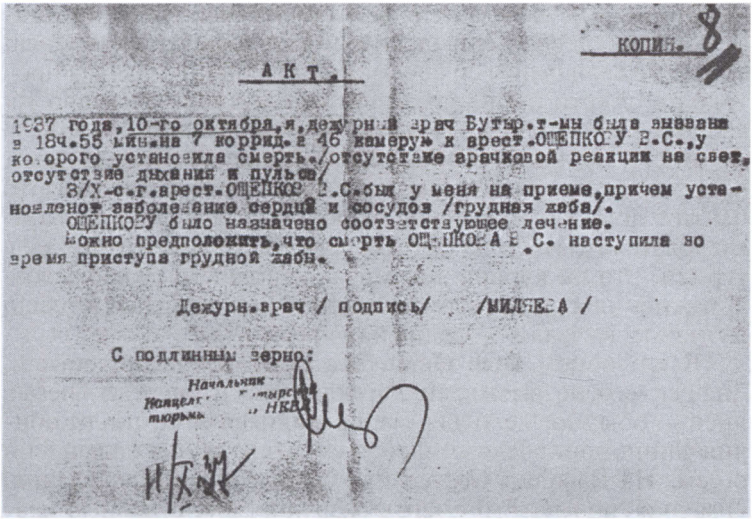
В тюрьме я просидела около трех месяцев, за это время мне не предъявили никаких обвинений»[321].

Найдите и почитайте эти и другие воспоминания о том, как людии стояли в камерах плечом к плечу, потому что сесть не было возможности, и так же, стоя, держали плечами умерших, потому что тем некуда было упасть. Стояли в камерах, где не хватало не просто свежего, а никакого воздуха, и от удушья умирали и совершенно здоровые люди, а не то что больной стенокардией стокилограммовый великан, которому сил на борьбу за жизнь требовалось в разы больше, чем многим из остальных, а взять их было негде. Убивала духота, убивало, сдавливало сердце чувство бессилия, понимание, что с тобой, вчера еще таким большим и сильным, могут сделать все что угодно и вряд ли получится сопротивляться и даже умереть достойно, скорее всего, не удастся.

У смертельно больного Василия Ощепкова не было сил сражаться против тюремщиков, потому что не осталось их даже на борьбу за себя. Вся его жизнь была — борьба, а вот теперь — сил не хватило. И лишь в одном любители былин безусловно правы: Василий Ощепков не умер, а был убит в тюрьме. Нет, он был убит не на допросе, дело до этого не дошло — некогда было, следователи тогда, осенью — зимой 1937/38 года, оказались завалены работой так, что не успевали руки от крови отмывать, и даже первого допроса жертвам приходилось порой ждать неделями. Его убили, уже просто арестовав, изъяв из жизни. Не гражданской, а просто — из жизни. Убили, оклеветав, взяв ни за что, ибо никаким шпионом он, конечно, не был, а был настоящим русским патриотом и очень больным человеком, не выходившим на улицу без нитроглицерина. В камеры Бутырского замка с таблетками не запускали...

11 октября дежурный врач тюрьмы Миляева отстучала на пишущей машинке акт о том, что «3/X — с. г. арест. ОЩЕПКОВ В. С. был... на приеме, причем установлено заболевание сердца и сосудов (грудная жаба). ОЩЕПКОВУ было назначено соответствующее лечение. Можно предположить, что смерть ОЩЕПКОВА В. С. наступила во время приступа грудной жабы».

«Назначено лечение...» Как тут снова не вспомнить Солженицына, назвавшего тюремных врачей «лучшими



КОПИЯ.

АКТ.

1937 года, 10-го октября, я, дежурный врач Бутыр.т-мы была вызвана в 18ч.55 мин. на 7 коррид. в 46 камеру к арест. ОЩЕПКОВУ В.С., у которого установила смерть, отсутствие врачковой реакции на свет, отсутствие дыхания и пульса.

8/X-с.г. арест. ОЩЕПКОВ В.С. был у меня на приеме, причем установлено заболевание сердца и сосудов /грудная жаба/.

ОЩЕПКОВУ было назначено соответствующее лечение.

Можно предположить, что смерть ОЩЕПКОВА В.С. наступила во время приступа грудной жабы.

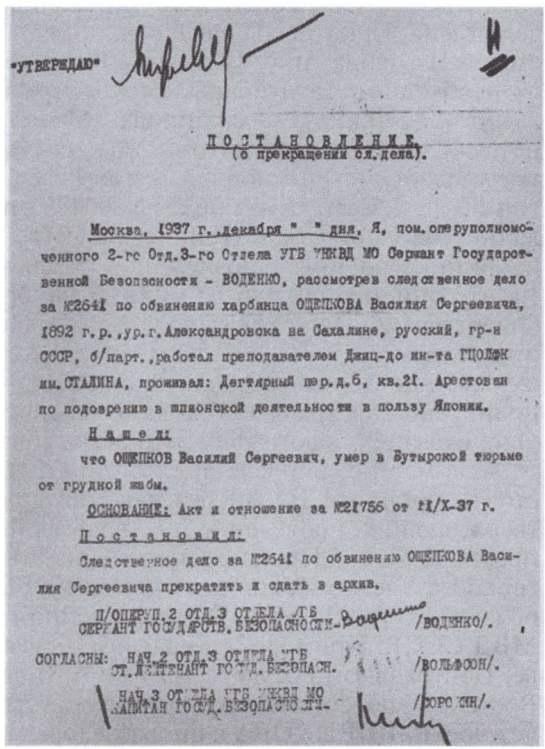
Дежурн. врач / подпись/ /МИЛЯЕВА /

С подлинным верно:

Начальник Бутырской тюрьмы НКВД

11/X-37

Акт о смерти
В. С. Ощепкова.
ГА РФ



"УТВЕРЖДАЮ"

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.
(о прекращении сл. дела).

Москва, 1937 г., декабря " " дня. Я, пом. оперуполномоченного 2-го Отд. 3-го Отдела УГБ УНКВД МО Сержант Государственной Безопасности - ВОДЕНКО, рассмотрев следственное дело за №2641 по обвинению харбинца ОЩЕПКОВА Василия Сергеевича, 1892 г.р., ур. г. Александровска на Сахалине, русского, гр-на СССР, б/парт., работал преподавателем Дальне-до ин-та ГЦОЛФК им. СТАЛИНА, проживал: Дегтярный пер. д.6, кв.21. Арестован по подозрению в шпионской деятельности в пользу Японии.

Нашел:

что ОЩЕПКОВ Василий Сергеевич, умер в Бутырской тюрьме от грудной жабы.

ОСНОВАНИЕ: Акт и отношение за №21756 от 11/X-37 г.

Постановил:

Следственное дело за №2641 по обвинению ОЩЕПКОВА Василия Сергеевича прекратить и сдать в архив.

П/ОПЕРУП. 2 ОТД. 3 ОТДЕЛА УГБ
СЕРЖАНТ ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ /ВОДЕНКО/.

СОГЛАСНЫ: НАЧ. 2 ОТД. 3 ОТДЕЛА УГБ
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУД. БЕЗОПАСН. /ВОЛЬФСОН/.

НАЧ. 3 ОТДЕЛА УГБ УНКВД МО
КАПИТАН ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ /СОРОКИН/.

Постановление
о прекращении
дела
В. С. Ощепкова

помощниками следователя и палача»? Как не вспомнить о том, что следователи-палачи могли запытать, забить до смерти, а врач потом со спокойной душой подмахивал протокол о смерти от цирроза печени или от инфаркта, а уж что касается лечения: «Лечить? У нас не лечат!» Но даже в таком случае, когда все кончалось на первом и последнем допросе, в дело обязательно подшивался протокол о вызове на этот допрос: чекистская бюрократия все фиксировала, следователям тоже надо было отчитываться, что не халтурили, что не курили часами, а выполняли «физические упражнения с резиновой палкой». Потому правило было железное: вызвали — подшей бумагу.

В уголовном деле Ощепкова протоколов нет совсем. Значит, его не вызывали, он ждал своей очереди восемь дней — обычное дело для «зашивавшихся» в те дни от обилия «шпионов» следователей, а умерев, оставил палачей ни с чем. На Василия Сергеевича были собраны показания, «имелись виды». Его смерть разрушила их судебные перспективы. Прахом пошли попытки «пришить» Ощепкова к делу Кима, Крылова, Плешакова, позже — Юркевича. Его смерть избавила Анну Ивановну Казем-Бек («харбинка»!) от необходимости отправиться в лагерь в соответствии с пунктом 12 приказа «о харбинцах». Может быть и то, что ее не арестовали независимо от мужа — случайность, ошибочное удаление из списков после смерти Ощепкова и закрытия его дела. Ссылка на приказ № 00486 в пункте 12 говорила об уголовной ответственности ЧСИР — «членов семьи изменника родины», подлежащих заключению просто за то, что они любили своего мужа, отца, брата. Но вместе с Ощепковым из списков выпала и его жена, и ее никогда не преследовали.

Постановление о реабилитации Василия Ощепкова было подписано 2 февраля 1957 года. В нем, помимо всего прочего, сказано (орфография источника сохранена):

«Из материалов дела видно, что ОЩЕПКОВ был арестован органами НКВД без наличия доказательств, подтверждающих проведение им враждебной деятельности против СССР... Произведенной в настоящее время проверкой в Учетно-Архивных отделах УКГБ по Московской области, гор. Москве, Государственном Особом Архиве МВД СССР, Приморском краевом государственном архиве, Центральном Государственном Архиве СССР Дальнего Востока, Хабаровском Крайгосархиве данных о принадлежности ОЩЕПКОВА к иноразведорганам не имеется...

1. Постановление УГБ УНКВД МО о прекращении дела ОЩЕПКОВА В. С. за смертью последнего, отменить.

2. Дело по обвинению ОЩЕПКОВА Василия Сергеевича прекратить по п. 5 ст. 4 УПК РСФСР за отсутствием в его действиях состава преступления»[322].

Василий Ощепков умер, погиб. Умер в страшных мучениях, но поневоле совершил последний подвиг в своей жизни: появившись на свет в царской каторжной тюрьме, он покинул его в тюрьме советской, никого не оговорив, не предав, не оставив о себе ни единого слова недоброй памяти. Но и без этого многие, кто имел отношение к судьбе разведчика, разделили ее. Давайте вспомним хотя бы некоторых персонажей этой, уже заканчивающейся книги, чтобы никогда больше не забывать о них.

Первый теоретик русской разведки, учитель учителей Ощепкова, начальник штаба Юго-Западного фронта во время знаменитого Брусиловского прорыва 1915 года, царский генерал Владислав Наполеонович Клембовский стал сменовеховцем. Приняв советскую власть, он этой самой властью был арестован и умер после двухнедельной голодовки протеста в 72-й камере 7-го коридора Бутырской тюрьмы[323]. Не реабилитирован.

Его наследник в деле развития теории спецслужб, бывший шеф колчаковской разведки генерал Павел Федорович Рябиков иллюзий в отношении советской власти не питал. После пребывания в Японии и Китае, где он находился в качестве представителя атамана Семенова, уехал в Чехословакию, где мирно скончался в августе 1932 года[324].

Бывший подчиненный Рябикова Владимир Дмитриевич Плешаков — советский разведчик Митрич, как мы помним, — был расстрелян в 1937 году под Москвой. Реабилитирован в 1957 году[325].

Еще один товарищ Ощепкова по семинарии, в доме которого он жил по пути в Японию в 1924 году, Исидор Яковлевич Незнайко, тоже был связан с советской разведкой. Но, став лучшим переводчиком с японского языка на КВЖД, отказался вернуться в СССР в 1935 году и тем самым спас жизнь себе и своей семье. Он приехал на родину только в 1954-м, был сослан на целину и скончался в 1968 году, передав своим наследникам память о Токийской семинарии и том страшном времени.

Трофим Степанович Юркевич, старый друг нашего героя, был арестован по приказу «о харбинцах» в конце марта 1938 года. 25 марта он «сознался» на допросе, что в

1929 году был завербован «агентом японской разведки» Василием Ощепковым. Через два дня изменил показания, но это ничего не решало... Расстрелян на Бутовском полигоне 10 июля 1938 года. Реабилитирован в 1958-м[326].

Сведений о их однокашнике по семинарии и коллеге по службе в большевистской разведке Гаврииле Николаевиче Журавлеве после 1935 года не обнаружено, но известно, что в 1989 году он был реабилитирован. Очевидно, и его жизнь закончилась в конце 1930-х...[327]

Стефан Петрович Сазонов, тоже бывший семинарист, ставший адъютантом атамана Семенова, в конце концов уехал из Японии в Маньчжурию, где, по некоторым сведениям, стал редактором газеты. 13 сентября 1945 года был арестован органами контрразведки «Смерш» Амурской флотилии. 24 января 1946 года расстрелян в Хабаровске. Реабилитирован в 1991 году, но его уголовное дело до сих пор засекречено[328].

Сам атаман, генерал-лейтенант Григорий Михайлович Семенов был захвачен в августе 1945 года в китайском Даляне. Через год повешен в Москве. Репрессирована вся его семья. Не реабилитирован.

«Товарищ Аркадий», Леонид Яковлевич Бурлаков, с сентября 1938-го по декабрь 1940 года сидел в тюрьме по стандартному обвинению в шпионаже в пользу Японии. Его пытали, требовали выдать «шпионов», однако виновным себя Аркадий так и не признал. Был освобожден, всю войну занимался подготовкой чекистов к заброске в тыл врага, к работе против абвера, был награжден. Его сын погиб в боях на Курской дуге. Сам Аркадий умер в 1957 году в Москве[329].

Евгений Алексеевич Фортунатов — настоящий вербовщик Ощепкова и его друзей, как и Бурлаков, был пойман китайской полицией. Его также выкупило из тюрьмы советское правительство. В начале 1930-х годов он стал руководителем Дальневосточного сектора советской разведки. Создал Ленинградский музей ВЧК (под другим названием он существует до сих пор). Расстрелян в 1938 году. Год спустя расстреляли и его сына — тоже чекиста, но сын, в отличие от отца, реабилитирован.

Бывший начальник Ощепкова в разведке, виновник отзыва резидента из Токио и остановки деятельности нелегальной резидентуры на восемь лет, Анатолий Федорович Заколодкин к 1937 году стал одним из высших командиров Московского округа ПВО. Был обвинен в контрреволюци-

онном заговоре, в попытке организовать бомбежку Кремля и 17 июня 1937 года расстрелян. Реабилитирован в 1956 году[330].

Еще один из начальников, немало попивших крови Ощепкова, Михаил Агапович Бабичев (Яхонтов) — тот, что руководил резидентом в Токио, не имея на то ни знаний, ни таланта, ничего, кроме должностных полномочий, в 1928 году был уволен из армии «в связи с невозможностью использования» и отправлен на хозяйственную работу в Свердловск. Расстрелян в ноябре 1937 года[331]. О реабилитации неизвестно.

Грозивший во Владивостоке вернувшемуся из Токио Ощепкову подвалами ОГПУ Михаил Абрамов (Шадрин) сам попал в них в мае 1937 года, отозванный из Японии, где служил первым секретарем советского посольства. Расстрелян как «японский шпион» 2 сентября того же года — за месяц до того, как его угроза в адрес Василия Сергеевича сбылась. О реабилитации не сообщается[332].

Глава двадцать шестая

ПРИОБРЕТЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

Арест и гибель Василия Ощепкова сразу попали в разряд опасных тайн, а это всегда было самой плодородной почвой для произрастания разного рода легенд. Первые из них появились еще тогда, когда сложно было даже представить, что о репрессиях 1930—1940-х годов вообще можно будет говорить вслух. Однажды я спросил Нину Филипповну Розанову, знала ли она об аресте своего тренера, и услышал в ответ: «Это сейчас, наверно, трудно понять, но в том году арестовывали практически каждый день. В ГЦОЛИФКе были расстреляны почти все руководители, включая ректора. Декан нашего факультета Михаил Тимофеевич Окунев тоже был арестован и расстрелян. Многие писали доносы, и мы это знали. Мы с девочками пошли к одной даме в руководстве института и начали доказывать, что Окунев не мог быть врагом народа, на что она мне возразила: "Вы что-то слишком рьяно его защищаете. А может, вы с ним заодно?" Я оказалась на грани ареста, но в ту же ночь была арестована сама эта дама, и меня гроза миновала. Такие были времена, и поэтому мы, честно говоря, не заметили, что Василий Сергеевич пропал»[333].

Руководство же ГЦОЛИФКа не просто «заметило», что руководитель кафедры дзюудо пропал, но знало это

совершенно точно. Учет в сталинских кадровых органах был налажен неплохо, и еще 8 октября, за два дня до смерти Ощепкова, дзюдо было исключено из учебных планов института, а все преподаватели во главе с Василием Сергеевичем отправлены в отпуск с последующим увольнением с 1 ноября 1937 года. Николай Галковский, однако, вскоре вернулся на улицу Казакова и продолжил подготовку бойцов-рукопашников[334].

Другой сокурсник Нины Розановой — Герц Адольфович Крупкин свидетельствовал в беседе с автором этих строк: «Я до встречи с вами, до тех пор, пока вы не рассказали мне о его судьбе, был абсолютно уверен, что видел Ощепкова после войны. Помню, шло какое-то собрание в актовом зале. Я его там увидел и даже сказал кому-то об этом: вот, мол, Ощепкова выпустили! Наверно, ошибся... Я, как видите, жив до сих пор, а Василий Сергеевич, оказывается, нет»[335].

Розанова и Крупкин не были учениками Ощепкова из ближнего круга — те довольно скоро поняли, что случилось, и особых надежд на благополучный исход дела не испытывали. Именно поэтому тогда произошло событие, ставшее «яблоком раздора» на многие десятилетия и разделившее несколько поколений сторонников советской официальной (харлампиевской) и в те времена апокрифичной (ощепковской) версий появления борьбы самбо. Вот как об этом написал Михаил Николаевич Лукашев, слышавший много рассказов о событиях тех лет от Анны Ивановны Казем-Бек и от учеников Василия Сергеевича: «Вскоре после ареста Ощепкова Харлампиев зашел к его жене Анне Ивановне, которая еще не знала, что уже стала вдовой, собрал целый чемодан книг богатейшей ощепковской библиотеки и других его материалов и перенес всё к себе»[336].

Лев Матвеев, тоже слышавший этот рассказ, уточнял: «Не знаю, как насчет чемодана, но в авоське Харлампиев книги уносил точно — Анна Ивановна это хорошо запомнила»[337].

Ученику Ощепкова Андрею Будзинскому Дина Николаевна Казем-Бек рассказывала следующее: «Оставшиеся [после ареста] бумаги, альбомы и пр. забрал Харлампиев», и тот записал этот рассказ на бумагу, сохранившуюся в семейном архиве.

Валентин Васильевич Сидоров (первый московский ученик и обладатель подаренных Василием Сергеевичем самбовок) вспоминал: «Из послевоенных встреч с А. А. Харлампиевым считаю необходимым отметить самую первую,

которая состоялась в 1947 году... У меня, естественно, возник к нему вопрос, а что стало с учебно-методическим материалом и всем архивом В. С. Ощепкова после его ареста. На это Анатолий Аркадьевич Харлампиев ответил мне буквально следующее: "Его материал не пропал. Я его весь приобрел у Анны Ивановны (это жена Ощепкова)"»[338]. Удивительно в этом контексте слово «приобрел», которое по своему значению чаще всего подразумевает «купил», но поверить в то, что А. И. Казем-Бек, еще не зная о смерти мужа, немедленно принялась распродавать ученикам его библиотеку, абсолютно невозможно[339]. Вероятно, «приобрел» означает в данном случае просто «получил» или «получил на временное хранение», «стал обладателем». Вероятно — потому что ничего точно об этом сказать нельзя, а, учитывая обстановку, в которой жила семья Ощепкова после ареста Василия Сергеевича, предполагать можно все что угодно. В конце концов, его тренировочное кимоно (дзюдоги) Анна Ивановна собственноручно сожгла в какой-то печи, о чем с горечью рассказывала три десятилетия спустя ученикам своего мужа.

Еще один ученик Ощепкова, Георгий Николаевич Звягинцев, много лет спустя, уже летом 1989 года, написал запрос на имя начальника УКГБ СССР по городу Москве и Московской области. Некоторые фрагменты этой официальной бумаги стоит воспроизвести. Прежде всего, Звягинцев начал с того, что «Совет ветеранов борьбы самбо СССР занимается восстановлением имени истинного творца борьбы самбо в Советском Союзе, т. к. по этому поводу в нашей печати ходит много анекдотических слухов»[340]. Далее он кратко рассказал об истории преподавания борьбы Ощепковым, называя ее «борьбой вольного стиля дзю-до (ныне борьба самбо)», и сообщил, что «в 1937 году Ощепковым В. С. было написано пособие по борьбе вольного стиля для спортивных секций. Готовую к изданию рукопись на 2-й день после ареста его забрал А. А. Харлампиев, и она с малыми изменениями была издана в 1949 году». Ответ КГБ последовал через два месяца: «В имеющихся архивных материалах сведений о рукописи Ощепкова по борьбе вольного стиля нет. Данными о знакомстве или поддержании каких-либо отношений между Ощепковым В. С. и Харлампиевым А. А. не располагаем».

Что это значит? Близкие ученики Василия Сергеевича — те, кто тренировался вместе и рядом с Анатолием Харлампиевым, пока Ощепков был жив, после реабилитации

своего учителя фактически выступили против товарища по ковру, обвиняя его едва ли не в мошенничестве, с помощью которого ему досталась библиотека Ощепкова, независимо от того, каким именно способом он ее «приобрел». К слову сказать, в «Воспоминаниях» самого Харлампиева не только этот эпизод, но вообще 1937 год почти отсутствует, за исключением рассказов о сугубо спортивных моментах да трогательного повествования об организации выступления борцов в Кремле перед Ворошиловым и персональным пенсионером (!) Подвойским. Сама глава называется просто и решительно: «Решающие дни перед победой. 1937—38 гг.»[341]. В ней Анатолий Аркадьевич в подробностях рассказал... как боролся с ангиной. Арест учителя Харлампиев по какой-то загадочной причине перенес на гораздо более ранний период и описал его следующим образом: «Придя на очередное заседание в ГЦОЛИФК, я был срочно вызван к ректору. Он был очень взволнован: "Товарищ Харлампиев, Ощепкова арестовали. О причинах ареста меня в известность не поставили. Временно принимайте все дела по дзюдо. Учебный план и программа должны быть к окончанию учебного года выполнены... А дальше мы решим".

Я стоял ошеломленный... Меня, кроме самого факта ареста, озадачивал вопрос: "Как я должен отвечать на вопросы студентов и сотрудников?" Об этом я спросил ректора. Он ответил: "Отвечайте, что Василий Сергеевич вызван по делам государственной важности и когда прибудет в ГЦОЛИФК — неизвестно". Не успел я войти в зал борьбы, как на меня посыпались вопросы. Я сказал: "Василий Сергеевич вызван по делам государственной важности, и, видимо, пока они не закончатся — в ГЦОЛИФК приходить не будет, ректор просил, чтобы во время отсутствия Василия Сергеевича занятия и все намеченные мероприятия по дзюдо проводились согласно плану и программе". Но на мое объяснение многие в раздумье покачали головами...

Проводя занятия, я не мог отделаться от мыслей об аресте Василия Сергеевича. Почему? Зачем? Я не мог себе представить, что мой любимый учитель, не жалевший сил для передачи своего *скромного опыта* (курсив мой. — *А. К.*) советским людям, — "враг народа"... Арест своего учителя я представлял как какую-то грустную ошибку, и непроизвольно поглядывал на дверь, ожидая, что он вот-вот войдет в зал, я отдам ему рапорт, он поздоровается со всеми, а мне пожмет руку. У меня было такое сильное желание, чтобы мои мечты осуществились, что я даже чувствовал тепло по-

жимаемой в моем воображении руки Василия Сергеевича, но шли часы, дни, недели — а он не только не возвращался, но даже сведений о нем никаких нельзя было узнать.

Крупные неприятности не бывают обычно одиночными...»[342]

Так ли все было на самом деле (не считая серьезного сдвига в датах)? Что произошло, когда случились «крупные неприятности» с человеком, передававшим свой «скромный опыт» советским людям, и как на это отреагировал его преемник? Попробуем разобраться с фактами.

Во-первых, часто пишут о том, что сам Анатолий Харлампиев в то время находился в чрезвычайно сложной ситуации из-за ареста НКВД брата Георгия — известного альпиниста. Михаил Лукашев прямо указывает, что Анатолий Аркадьевич в такой ситуации совершил практически подвиг: «На такой поступок (изъять у А. И. Казем-Бек библиотеку учителя. — *А. К.*) мог решиться только очень смелый человек и, к тому же, беззаветно любящий свое дело». Правда, Лукашев говорил о том, что Харлампиев проявил «подлинное мужество при спасении ощепковских материалов», будучи «братом врага народа»[343], вероятно, не зная о том, что Георгий Аркадьевич Харлампиев был арестован лишь 16 марта следующего — 1938 года[344]. По смыслу же воспоминаний других учеников получается, что Анатолий Аркадьевич пришел в дом Ощепкова вскоре после его ареста (чуть ли не на следующий день), а значит, ко времени своего поступка «братом врага народа» не был и даже предполагать не мог, что окажется им через несколько месяцев. Можно ли считать в таком случае, что «подвига» не было? Замечу, что в то время каждый, даже просто контактируя с семьей обреченного, арестованного по политической 58-й статье человека, рисковал жизнью ежеминутно. Рисковал жизнью и Анатолий Харлампиев. Значит, все-таки подвиг? Спас библиотеку от уничтожения, от огня, от продажи в неизвестные руки в тяжелые годы? На этот вопрос пусть каждый ответит для себя сам (и учтет некоторую путаницу и странный тон воспоминаний).

Во-вторых, самим фактом того, что он эти книги «приобрел», история не заканчивается, а только начинается. Примем как рабочую версию о том, что Харлампиев пошел на риск ради борьбы и спас книги и записи своего учителя, и все это произошло не в октябре 1937-го, а зимой—весной 1938 года. Да — в условиях того времени это был пример настоящего героизма. И представьте, какой ужас, должно

быть, испытал Анатолий Аркадьевич, когда узнал, что арестован его брат Георгий. В такой ситуации самым разумным выходом было держать язык за зубами и никому ничего не рассказывать. С того самого момента получилось, что письменное наследие Василия Ощепкова стало личным наследием Анатолия Харлампиева, сохранившего его тем самым от гибели. Но и с того же самого момента почти вся документально зафиксированная история самбо стала уже харлампиевской, а не ощепковской историей. Получается, что Анатолий Аркадьевич изъял книги не только у Анны Ивановны, он изъял их у истории и тщательно от последней оберегал, сознательно мифологизируя историю самбо? Ответ и на этот вопрос у каждого может быть свой. Возможно, Харлампиеву единственной возможностью и самому не попасть в лагерь или на расстрельный полигон, и сохранить наследие учителя показалось объявление дзюудо-самбо своей собственной системой, возникшей и развивавшейся совершенно независимо от «японской» ощепковской системы. Возможно, что в процессе спасения он зашел слишком далеко и потом не мог остановиться, так сам поверил в себя, в то, что он сам, едва ли не единолично, создал самбо, что вспоминал об учителе не слишком часто — в мемуарах, на одном из совещаний, да в год признания дзюдо олимпийским видом спорта, и снова в уже знакомом нам тоне: «В. С. Ощепков, чутко прислушиваясь к критике нашей молодежи, во многом отошел от японских правил дзю-до, а затем частично отказался и от японской терминологии»[345].

Михаил Лукашев вспоминал, как Харлампиев показывал ему изданный в Амстердаме в 1674 году фолиант Николаса Петтера «Искусный борец» и рассказывал о том, как отец Анатолия Аркадьевича — известный боксер, работавший в ГЦОЛИФКе вместе с Ощепковым, купил эту книгу и как разучивал по ней приемы вместе с внуком. Лишь много позже Валентин Сидоров предъявил Лукашеву фотокопии этой книги, снятые задолго до 1937 года с оригинала, хранившегося, по его словам, не у Харлампиева, а у Ощепкова. Но, так или иначе, теперь книга хранится в семье Харлампиевых, и доказать, кто у кого скопировал ее, крайне сложно, если возможно вообще. То же самое касалось фотографий и вырезок из статей, обильно цитировавшихся в книге, которую вы держите в руках, и относящихся к дальневосточному и сибирскому периодам жизни Ощепкова[346].

В 2002 году А. М. Горбылев побывал в гостях у сына Анатолия Харлампиева — Александра Анатольевича и своими глазами увидел «...с десяток раритетных, первых десятилетий XX века, изданий по дзюдо, дзюдзюцу, самозащите на японском, китайском, английском, немецком, французском и русском языках» и, заодно, ту самую книгу Николаса Петтера. Обо всем этом уникальном собрании Александр Анатольевич Харлампиев высказался так: «Я не знаю, принадлежали ли эти книги Василию Сергеевичу Ощепкову или нет, но совершенно точно, что он ими пользовался», а заодно назвал версии о том, что его отец унес из квартиры арестованного Ощепкова то ли авоську, то ли чемодан книг, «фантазиями злопыхателей»[347]. Однако фантазии фантазиями, а свидетельство Сидорова и тот факт, что в куче книг оказались фотографии и вырезки явно из ощепковского домашнего архива, как и частичное цитирование преемником своего погибшего наставника, никуда не денешь.

В-третьих, вполне возможно, что Харлампиев забрал все-таки не всю библиотеку, а только какую-то ее часть. Некоторые книги Ощепкова оказались у ближайшего помощника и продолжателя дела Василия Сергеевича в ГЦОЛИФКе Николая Галковского, часть материалов сохранилась в архиве Владимира Кузовлева и т. д. В общей сложности 176 источников по истории и теории разных видов борьбы и самозащиты, опубликованных в период с 1674 по 1937 год в разных странах мира на восьми языках, были включены А. М. Горбылевым в список материалов библиотеки Василия Ощепкова, перепроверены, прокомментированы и воспроизведены в отдельном, 847-страничном издании «Специальная библиотека В. С. Ощепкова», вышедшем в Москве в 2013 году. Этот труд должен стать одной из основ для обоснования идентичности ощепковской системы «вольной борьбы дзюудо» и знаменитого советского самбо.

Наконец, в-четвертых, репутация Анатолия Харлампиева, одного из лучших, но все же не самого лучшего ученика Ощепкова, о чем свидетельствуют и его собственные дневники, и спортивная статистика, после гибели учителя вдруг оказавшегося во главе процесса развития советской борьбы вольного стиля, подкрепленная странным перемещением книг, о котором знали все остальные, более близкие к Ощепкову ученики, оказалась сильно подмоченной. Один из однокашников Анатолия Аркадьевича даже считал того

виновным в гибели учителя: «По доносу Харлампиева в органы было сообщено, что Василий Сергеевич долгое время был в Японии, окончил там институт Кодокан дзюдо и является японским резидентом, и, якобы, у него имеется сеть шпионов: в Баку — Галустян, в Ленинграде — Васильев, в Харькове — Школьников. И это послужило поводом для его ареста в 1937 году». Еще один «очевидец» рассказывал о том, что своими глазами видел донос Харлампиева в деле Ощепкова, а третий — о том, как обиженный на Ощепкова за то, что тот не взял его в аспирантуру ГЦОЛИФКа, Харлампиев грозился, что и сам Василий Сергеевич на своем месте долго не засидится[348].

Однако то, что касается доноса, скорее всего, лишь домыслы. Во всяком случае, в уголовном деле Ощепкова его нет. Правда, мы так и не знаем, почему о Василии Сергеевиче начали спрашивать арестованного Романа Кима — с чьей подачи это произошло? В целом, зная методику и принципы наблюдения и задержания НКВД потенциальных «врагов народа», мы можем с высокой степенью уверенности утверждать, что Василий Ощепков попал в сети чекистов во время широкой операции против «харбинцев», а не в индивидуальном порядке. Но так ли это на самом деле — до сих пор неизвестно. Если свидетельства против Ощепкова и были, то они подшиты в других делах, в материалах его арестованных знакомых: помимо Романа Кима, назвал Василия Сергеевича японским шпионом его друг Трофим Юркевич, а может быть, и кто-то еще? «Признанию» Кима хода не дали — для сложного дела этого опытного контрразведчика Ощепков был фигурой неинтересной, а Юркевич «сознался» и вовсе спустя почти полгода после гибели Василия Сергеевича. Мацокин, арестованный раньше, вообще ничего об Ощепкове не вспомнил, как и Митрич-Плешаков. Не тронули учеников Ощепкова — никого.

Невозможно поверить в то, что Анатолий Аркадьевич был виновником гибели своего учителя, но почему-то у многих других учеников Ощепкова, хорошо знавших Харлампиева, «осадочек остался». И ведь с этим чувством им вместе предстояло работать дальше. Работа — учебная, преподавательская, тренировочная, соревновательная возобновилась очень скоро. В конце 1937 года, в самый разгар репрессий, прошел первый в истории междугородный турнир по дзюудо «Москва — Ленинград». Сразу после него состоялись перевыборы Всесоюзной секции борьбы дзюудо, на которых ее председателем был избран Александр

Рубанчик, заместителем Николай Галковский, а остальные ученики Ощепкова вошли в секцию на правах рядовых членов (И. Васильев, Н. Гладков, Б. Сагателян, В. Сидоров, А. Харлампиев). Секция запланировала продолжение деятельности по той самой схеме, которую прорабатывал Василий Сергеевич: расширение географии, утверждение новых правил, создание программы и проведение 1-го Всесоюзного личного первенства[349]. Роль Харлампиева стала заметна лишь через полгода: в пору противостояния с Японией у озера Хасан на Дальнем Востоке он провел 1-й Всесоюзный методический учебно-тренировочный сбор по дзюдо в июне — июле 1938 года. После сборов состоялась и 1-я Научно-методическая конференция, принявшая решение о переименовании «борьбы вольного стиля дзюдо» в «советскую борьбу вольного стиля». Естественно, что о японском происхождении борьбы и о самом Ощепкове в это время мог упоминать только самоубийца. А еще через три месяца произошло событие, ставшее важнейшей точкой отсчета в официальной истории борьбы самбо.

16 ноября 1938 года Всесоюзный комитет по физической культуре и спорту издал приказ № 633: «О развитии борьбы вольного стиля», с которого пока что ведет свою историю российское самбо. Принято считать, что именно этот документ положил начало развитию самбо (причем само это название все еще не употреблялось), как массового вида спорта. На самом же деле это было совсем не так. Появление этого приказа никак не изменило ситуации с состоянием «советской борьбы вольного стиля», и день 16 ноября выбран в качестве дня рождения самбо совершенно произвольно[350]. Только в 1964 году Анатолий Харлампиев, уже создавший к тому времени вполне гладкую советскую легенду об «основании самбо», подкрепил ее ссылкой на приказ, заодно перефразировав его: «Борьба вольного стиля в СССР, сложившаяся из наиболее ценных элементов национальных видов борьбы нашего необъятного Союза... представляет собой чрезвычайно ценный по своему многообразию техники и оборонному значению вид спорта...»[351] На самом деле в приказе были перечислены эти самые национальные виды борьбы, из которых якобы сложилось самбо: грузинская, таджикская, казахская, узбекская, киргизская, татарская, карачаевская, но это противоречило более ранней версии самого Харлампиева, где за основу самбо была взята «русская борьба»[352]. Еще позже, 26 ноября 1986 года, фактически на исходе жизни основной плеяды первых

ощепковских учеников, А. А. Будзинский, Г. Н. Звягинцев и некоторые другие, входившие в Совет ветеранов самбо, подготовили письмо, своеобразное признание-завещание молодым историкам и самбистам, в котором выразили свое отношение к упомянутым событиям 1938 года, участниками которых они стали в молодости, — от летнего сбора до подписания приказа № 633:

«Анализ сбора 1938 года: из 24 человек на сборе оказались 6 человек случайных, присланных из различных республик по обязательной разверстке, по окончании сбора они канули в неизвестность. Из остальных 18 человек 10 москвичей, из которых один старший тренер — Харлампиев, и трое его помощников — Неведомский, Будзинский и Сазонов, слушатели сбора — Васюков, Шинин, Салмин, Чумаков. Еще двое москвичей — вольнослушатель Квасников и известный "классик" Я. Невретдинов.

От Ленинграда 5 человек, причем, как ни странно, многоопытный Васильев, один из первых учеников Ощепкова, попал в число рядовых слушателей, а кроме него Ларионов, Магеровский, Пурзал и Иванов В. От Украины был Зарубин. Из Таджикистана Полтаев, азербайджанец Ахмедов — вот и весь состав так называемого многонационального сбора.

Следует учесть еще один фактор: что сбор проходил в обстановке крупнейшего конфликта с Японией, назревало время боев в районе оз. Хасан, Халхин-Гол и Баир-Нур. Надо срочно было избавляться от всего японского. Стали искать выход, он нашелся и был отражен в приказе ВСФК № 633 от 16 ноября 1938 г.: "Борьба вольного стиля в СССР сложилась из наиболее ценных элементов национальных видов борьбы нашего необъятного Союза..."

Таким образом родился документ, поставивший трактовку истории борьбы самбо с ног на голову и не отражающий его истинной предыстории. Время было сложное, противоречивое. Дело было сделано, и имя автора термина "борьба вольного стиля" Василия Сергеевича Ощепкова, как "врага народа", было предано забвению»[353].

По утверждению Евгения Яковлевича Гаткина, ученика Георгия Николаевича Звягинцева, у того вообще было собственное мнение о вышеуказанных сборах, высказанное им в статье, которая никогда не публиковалась:

«Ни преподаватели ГЦОЛИФК, ни тренеры спортивных обществ, ни спортсмены Москвы участия в конференции не принимали. В Высшей школе тренеров ГЦИФК в 1937 году

было открыто отделение борьбы вольного стиля, где обучались представители многих республик и городов РСФСР: по три человека из Грузии и Украины, по два из Ростова-на-Дону, Рыбинска, по одному из Белоруссии, Владивостока, от немцев Поволжья, Воронежа, Загорска, Коломны, Электростали. Десять мест было за москвичами. Их готовили как специалистов по вольной борьбе дзюудо, причем специалистов высшей квалификации. Кому бы, как не им, на научно-методической конференции нести передовые научные идеи в массы. Организаторы сбора тренеров и конференции отлично знали о существовании отделения борьбы вольного стиля в Высшей школе тренеров и о задачах, стоящих перед его слушателями. Однако на конференцию были приглашены делегаты, которые, в основной своей массе, никогда потом борьбой вольного стиля не занимались. Вся техника борьбы вольного стиля прикладного раздела была переведена на русский язык В. С. Ощепковым и так существует до настоящего времени. Это можно проследить по всем комплексам упражнений, составленных им с 1931 по 1937 годы. Конечно же на конференции были делегаты, которые отлично знали, откуда и как пришла на нашу землю борьба вольного стиля, но возражать лектору не решились. Это было опасно. Сейчас часто приходится слышать: "А что же они молчали тогда?!" Отвечу: "За своих близких боялись. И не знаю, кто может осудить этих людей, лишенных элементарного человеческого права — сказать правду"»[354].

В мае 1939 года состоялся «Матч шести городов», а в ноябре того же года в Ленинграде прошло 1-е Всесоюзное личное первенство СССР по «борьбе вольного стиля». Участвовали в нем почти исключительно ученики Василия Ощепкова и ученики его учеников. На этом первенстве, как и на втором, состоявшемся в конце предвоенного 1940 года, одним из чемпионов стал Андрей Будзинский — тот самый парень, которому больной Василий Сергеевич доверил рисовать обложку своей несостоявшейся книги и который потом всю жизнь будет тщательно сберегать спортивное наследие Ощепкова, завещав эту нелегкую работу своему сыну. Другие ученики — Школьников, Галковский, Сагателян — подготовили перед войной учебные пособия и программы преподавания борьбы, участвовали в разработке «Наставления по подготовке к рукопашному бою РККА» 1938 и 1941 годов[355].

В 1940 году случилось последнее «полуприжизненное» столкновение системы Ощепкова и Спиридонова. Учив-

шийся у обоих наставников Владислав Павлович Волков опубликовал учебное пособие для школ НКВД «Курс самозащиты без оружия "Самбо"». Спиридонов обвинил своего ученика в плагиате, и для рассмотрения жалобы была создана специальная комиссия, в которую вошли пять человек — все ученики Ощепкова, ибо других мастеров борьбы в Советском Союзе, в том числе в ЦС «Динамо», уже попросту не было. Комиссия рассмотрела дело и постановила, что В. А. Спиридонов является «...малограмотным работником в области самозащиты и физкультуры в целом», а его книга 1933 года издания, плагиатом которой Виктор Афанасьевич и назвал работу Волкова, «является абсолютно непригодной вследствие технической неграмотности автора в вопросах самозащиты...». «Вывеску», доставшуюся НКВД от Спиридонова, менять не стали: под придуманной им маркой «самбо» началось преподавание «вольной борьбы», созданной Василием Ощепковым. В 1946 году появляется название «вольная борьба самбо», а с 1948 года борьба называется просто «самбо»[356]. Название, придуманное Спиридоновым, досталось системе его главного противника: борьба за самбо всегда была жесткой и бескомпромиссной. Парадокс же заключается в том, что первые самбисты, за исключением немногих, никогда не разделяли систему Ощепкова и самбо.

В 1956 году на пленуме Всесоюзной секции самбо представитель Ленинграда Борисов говорил: «Что касается комплекса ГТО, то в нем нет борьбы. Ни классической, ни вольной, ни САМБО. Прежде САМБО была. Правда, под другим названием — "Джиу-до". Но дело не в названии, а в содержании... Эта борьба широко распространена в Японии и в Корее». Другой представитель Ленинграда на тех же основаниях тогда заявлял: «Я занимаюсь борьбой самбо с 1935 года»[357]. Два десятилетия спустя, в 1987 году, один из создателей сборной Советского Союза по дзюдо, ее главный тренер в самый ответственный период признания дзюдо олимпийским видом спорта — в 1962—1977 годах Владлен Михайлович Андреев еще более четко и кратко сформулирует мнение тех, кто знал подлинную историю самбо в СССР, подписывая Андрею Александровичу Будзинскому книгу о самбо: «Дзюдо и самбо — одно и то же! Знай!». Будзинский знал. Еще 20 декабря 1960 года он выступил по Второй программе советского Центрального телевидения в передаче из цикла «Познакомьтесь — спорт». В ее анонсе, опубликованном в газете «Известия» неделей

раньше, говорилось: «Первая часть передачи посвящена возникновению и развитию самбо в Советском Союзе. Наверно, немногие знают о том, как оно впервые появилось у нас. Ответом на этот вопрос и начнется передача. Телезрители услышат о В. С. Ощепкове — замечательном русском спортсмене и педагоге, очень много сделавшем для развития самбо в нашей стране...»

Помимо Будзинского в программе участвовали диктор Центрального телевидения, а в прошлом один из первых чемпионов Москвы по самбо Виктор Балашов, неоднократные чемпионы СССР Евгений Глориозов и Олег Степанов. А вот заявленный в анонсе заслуженный мастер спорта СССР Евгений Михайлович Чумаков на съемки не явился...

В 1962 году, в связи с признанием дзюдо олимпийским видом спорта, в СССР пришлось срочно искать дзюдоистов для выступления на Токийской олимпиаде 1964 года. Их нашли в сборной Союза по самбо, и они не подкачали. Одним из открытий в Токио стал Олег Степанов, четырьмя годами ранее демонстрировавший приемы самбо по телевидению. А еще через год, в 1965-м, была создана федерация самбо Японии. Все вернулось на круги своя: вывезенное когда-то из Японии дзюдо стало дзюудо, затем советской борьбой вольного стиля, самбо и, сильно измененное, модернизированное, оснащенное новыми техниками и методиками преподавания, вновь вернулось в Японию. Вернулось, чтобы удивить родоначальников единоборств новым и необыкновенно эффективным видом спортивной борьбы и рукопашного боя, в которых угадывалось что-то родное, кодокановское, но которое оставалось при этом тайной за семью печатями.

Да, самбо окончательно формировалось и совершенствовалось уже без Ощепкова, но, безусловно, именно его надо признать основоположником этого вида борьбы. Это он, Василий Ощепков, на протяжении двух десятилетий изучал все известные ему виды борьбы, отбирал из них лучшее, наиболее практичное, рациональное зерно, пересматривал отобранное, создавая новый синтетический вид единоборства, разрабатывая и опробируя методику его преподаваний, правила соревнований, внедряя «в народ». Это именно он — Ощепков — воспитал учеников, которые оказались в состоянии продолжить его путь. Вклад каждого из них со временем смогут оценить и детально разобрать историки спорта.

Присвоение «системе дзюудо Ощепкова» названия «самбо», не им придуманного и поначалу не вызывавшего никаких с ним ассоциаций, и замалчивание связи этой борьбы с Японией фактически спасло ее, помогло ей сохраниться и не попасть под запрет. А в поисках ответа на вопрос, каковы же истоки новой системы, в 1938 году естественным для тех времен образом возникла идея об огромной роли национальных видов борьбы народов СССР.

К сожалению, в годы, когда опасность репрессий уже миновала, роль Ощепкова оказалась принижена и на первый план вышла фигура Харлампиева. Как это произошло: при сознательном содействии Харлампиева или «просто так получилось» — это уже вопрос к историкам самбо и биографам Харлампиева, но не Ощепкова. Так же как и вопрос о вкладе Харлампиева в самбо на научном уровне. То, что именно Анатолий Харлампиев, проявив уникальные пропагандистские способности, в послевоенные годы сделал самбо не просто популярным, а всенародно любимым видом спорта — бесспорно.

Здесь надо заметить, что Ощепков безусловно интересовался всем, что связано с борьбой вообще: книгами, фильмами, отдельными изображениями. Скорее всего, даже мысленно сравнивал все это с тем, чему его научили в Кодокане и потом. Сам Василий Сергеевич писал, например: «Приемы вольной борьбы "Дзюудо" имеют много общего с кавказской и нашей русской борьбой...», но это, безусловно, указание на схожесть, замеченную мастером, а не на то, что их приемами надо дополнить Кодокан дзюдо[358]. Но... интересоваться и изучать — разные вещи. Нельзя знание о том, что в той или иной стране боролись определенным образом, считать тождественным с профессиональным изучением этого. Да, такие виды борьбы, как древнеегипетская и монгольская, были известны нашему герою. Первая — по репродукции с настенной росписи Бени-Гассана, а вторая — по фильму 1936 года «Сын Монголии», снятому на Ленинградской кинофабрике режиссером Ильей Траубергом[359], но они никак не повлияли на развитие ощепковской системы и потом самбо. Вряд ли можно считать издание «Илиады» Гомера «публикацией по древнегреческой борьбе»[360], хотя вполне возможно, что Василий Сергеевич и не без удовольствия видел в этом произведении описание приемов рукопашного боя.

Из всего увиденного, прочитанного, даже зафиксированного, в систему, естественно, было включено только

лучшее. Хотя, безусловно, поскольку планировалось создание учебников и монографий по борьбе, все материалы по истории борьбы надо было рассматривать в хронологическом порядке и по странам (что потом его ученики и сделали). Так что итогом изучения Ощепковым разных видов и систем борьбы стала их творческая переработка: не только включение в систему годных приемов, но и отсев негодных, тем более что в 1920-х годах в нашей стране появился интерес к национальным видам борьбы народов СССР: «В национальных республиках начали организовываться соревнования и показательные выступления, фиксироваться и публиковаться правила проведения схваток»[361].

Это было начало систематизации борьбы с привязкой к национальным видам, итогом которой в некоторой степени можно считать возможность замены в комплексе ГТО II ступени сдачи дзюдо национальным видом борьбы. Но окончательно это все было упорядочено уже без Ощепкова.

В 1930—1937 годах состоялись многочисленные публикации, посвященные национальной борьбе, в журнале «Физкультура и спорт», газете «Красный спорт», других изданиях. Во время 1-й Всесоюзной спартакиады народов СССР проводились показательные выступления борцов из разных республик Советского Союза. Но можно ли считать, что попытка ученика Ощепкова — Романа Школьникова опубликовать книгу «Борьба народов СССР» в 1937 году и систематизация видов единоборств, проведенная Галковским, могут свидетельствовать о дополнении дзюдо приемами национальных видов борьбы?

Популярный взгляд на историю возникновения самбо выразил Евгений Гаткин в своей книге «Все о самбо»:

«Отвечая на вопрос, откуда же взялась спортивная борьба самбо, можно утверждать: прародительницей нашего вида борьбы стала японская система дзюдо, а первым из русских, кто в совершенстве освоил ее и перенес на русскую землю, был В. С. Ощепков. Переработали и существенно дополнили эту систему его ученики и те, для кого учителями стали они сами. То, что сейчас называется спортивным разделом САМБО, — это измененная и серьезно переработанная система ДЗЮДО, причем изменения настолько глубоки, что новая борьба не только стала самостоятельным видом спорта, но и оказала влияние на свою родоначальницу. САМБО — система открытая и сектантству в ней места нет. Самбистское братство не признает единого “гуру” и слепого повиновения ему.

...САМБО — продукт коллективного творчества, и характерно для этого вида борьбы то, что здесь не только ученики копируют учителей, но и учителя на примере своих лучших учеников выстраивают учебный процесс как творческое действо. САМБО, на мой взгляд, лучшее воплощение демократии, где младшие преклоняются перед старшими, а те, в свою очередь, демонстрируют глубокое уважение к своим подопечным. Самбо создавалось и развивается, используя именно этот принцип, и возводить кого-то одного в ранг "создателя" на современном этапе уже не представляется возможным. На самом деле нет равных тому, кто систему ввел, придумал правила под свои особенности (сильные и слабые стороны), организовал процесс и возглавил его, но если идущие следом не становятся искуснее и лучше — система умирает»[362].

С одной стороны, это вопросы, лежащие уже за пределами биографии Василия Ощепкова. С другой — для десятков тысяч самбистов, для миллионов простых людей до сих пор остается тайной судьба пионера русского дзюдо и основоположника самбо — того, «кому нет равных». В его истории по-прежнему не поставлена точка, не восстановлена до конца справедливость. Василий Сергеевич, будучи реабилитированным (!), до сих пор не числится в списках жертв сталинских репрессий. Все вроде бы «за», и главная организация, взвалившая на себя крест составления этих списков — «Международный мемориал», имеет все необходимые документы для этого, а Ощепков по-прежнему жертвой не считается. То, что Василия Сергеевича не расстреляли, а удушили воздухом бутырской камеры, до сих пор сказывается, но уже не на его судьбе, а на памяти о нем.

С другой стороны, Михаил Лукашев, Лев Матвеев, Андрей Будзинский, Георгий Звягинцев, Николай Галковский, другие ученики Ощепкова и просто люди, болевшие душой за правое дело, многие десятилетия делали все, чтобы восстановить доброе имя советского разведчика, японоведа, борца. Они посвятили свои жизни изучению подлинной истории самбо, год за годом по крохам восстанавливая биографию создателя уникальной борьбы. Идет время, и ежедневные, ежечасные изыскания сегодняшних энтузиастов кажутся незаметными, каплями знаний вливаясь в океан Интернета. Кто вспомнит сегодня, откуда взялась там оцифрованная запись кинохроники Бориса Бурта, запечатлевшего Василия Сергеевича и его учеников? Кто знает о том, что привычная уже всем «интернет-знатокам» истории самбо

фотография юного семинариста Васи Ощепкова в кругу его сверстников еще несколько лет назад не определялась так однозначно, как именно его — Ощепкова — снимок? А ведь восемь страниц «Заключения Центра судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны РФ», убедительно доказывающие, что бритый юноша на японских снимках и основатель самбо — одно и то же лицо, стали плодом усилий одного человека — Льва Семеновича Матвеева. Он ходил, искал, просил, оплачивал... На книжных полках автора этих строк стоит уже целый ряд фундаментальных работ Алексея Горбылева по истории самбо, стоят книги Михаила Лукашева, а в толстой красной папке с наклеенным на обложку бланком Управления НКВД по Московской области хранятся десятки документов, повествующих об удивительной судьбе героя этой книги. Сахалинские энтузиасты добились открытия мемориальной доски своему земляку в Александровске и памятника в Южно-Сахалинске. Поставлены бюсты и памятники Мастеру во Владивостоке и Хабаровске. Много лет мы безуспешно (надеемся, что пока!) ведем борьбу за увековечивание памяти Василия Ощепкова в Москве. Этот памятник будет, обязательно будет. Год за годом, день за днем мы занимаемся этой работой и верим, что когда-нибудь каждый наш соотечественник познакомится с еще одной героической страницей истории своей родины, которую стоит помнить, с биографией человека, которым стоит гордиться.

Вместо заключения

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЗЕРКАЛА, ИЛИ ЗЕРКАЛО ОДНОЙ ИСТОРИИ

О зеркало старинное! Вздыхая,
Беру тебя при ясном свете дня,
И чудится, красавица младая
Из тьмы веков взирает на меня...
Сусукида Кюкин*

В 2014 году в московском Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына состоялась выставка под названием «Дело русских семинаристов». Выставка небольшая, уютная, в чем-то даже семейная (и потомки нескольких бывших семинаристов приняли в ней участие). Готовить ее пришлось долго — не один год, и все же вещей для экспозиции удалось собрать, как говорится, кот наплакал. Причина проста: большинство героев выставки погибли. Пали жертвами репрессий. А вслед за ними пали-пропали и их вещи. Родственники спешили избавиться от того, что мы сегодня называем вещественной памятью, а тогда было просто уликами, и нет у нас права судить их за это, нельзя. Но кое-что, по счастью, все же сохранилось, и это кое-что сегодня на вес золота. Крохи достались наследникам и в семье Василия Ощепкова: столовый нож основателя самбо, пепельница никогда не курившего первого дзюдоиста страны, портрет его третьей жены в тяжелой бронзовой раме и зеркало. Зеркало, в которое он, его женщины, их потомки смотрелись и смотрятся вот уже 90 лет.

Довольно большое, очень тяжелое, рама из красивого японского дерева (кипарис? криптомерия?), с прекрасным толстым стеклом. На «подкладке» синий штамп на японском языке: изготовлено в маленькой мастерской одного из сел префектуры Сидзуока, что у подножия священной горы Фудзи. Возможно, Василий Сергеевич купил его, обустраивая свою жизнь в Японии в 1924 году. Если так, то оно висело еще в Кобэ, где они жили у станции Санномия, и уж точно — в Токио, на краю кладбища Аояма. Зеркало видело их каждый день — растрепанных с утра и принаряженных к

* Перевод с японского А. А. Долина.

вечеру, собранных перед началом работы и растерянно мечущихся в поисках ответов на бесконечные «что делать?», которыми так богата была жизнь первого советского нелегального резидента в Токио.

Оно могло видеть не только их. Посмотритесь в него: точно так же в это зеркало заглядывал лейтенант от артиллерии барон Датэ, поправляя левой рукой воротничок, перед тем как вручить хозяйке дома — Марии Ощепковой букет алых роз, которые она так любила. Подмигивал своему отражению в этом зеркале и задорно постукивал себя стеком по плечу всегда довольный собой будущий герой битвы на Иводзиме, где он сгорит в танке и даже тела не найдут, лейтенант от кавалерии барон Ниси, заскакивавший за хозяином квартиры по имени Васири, чтобы на своей машине отвезти его в клуб дзюдо в Адзабу.

По какой-то причине хозяин не бросил тяжеленную раму в Японии, когда в срочном порядке бежал оттуда, вызванный во Владивосток бездарным шпионским начальником. А может быть, слабая и хрупкая, заходящаяся в чахоточном кашле Мария тащила его с собой, следуя потом за мужем одна, но под пристальным наблюдением японских полицейских? Странно. Или они вообще не везли его, а купили позже, в насквозь прояпоненном Владивостоке на рынке? Нет ответа. Мы не знаем. А может, за массивным деревянным задником, прикрученным к раме мелкими шурупами, было спрятано что-то такое, что очень надо было провезти через границу, и ради этого пришлось так надрываться? Все может быть...

Так или иначе, зеркало недолго пожило во Владивостоке, а потом продолжило свой путь в Новосибирск, но там уже не заглядывали в него щегольские японские лейтенанты, а лишь вглядывалась со все возрастающей тревогой двадцатилетняя Мария, каждый день замечая, как впадают щечки, как на заострившихся скулах начинает играть страшный, нехороший румянец, и тогда только она улыбалась этому своему отражению, когда видела, что к ней сзади подходит муж, сильными руками обнимает ее худющие плечи, целует в шею и, улыбаясь этому самому зеркалу, говорит: «Не бойся. Все будет хорошо». А когда она успокаивалась и уходила, он сам подолгу стоял и смотрел на свое отражение, удивленный тому, как нагло и бестрепетно он ее обманывает, и благодарный зеркалу за то, что оно все знает, но никогда его не выдаст.

Вскоре Василию некого стало обнимать, и зеркало, погрустив о Марии, отправилось дальше в свое путешествие, на этот раз в Москву. Сначала висело в общежитии Центрального дома Красной армии — ЦДКА, а потом в нем вновь отразилась красивая женщина. На этот раз это была брюнетка с огромными глазами и тонкими чертами лица — Анна Казем-Бек. А рядом в зеркало заглянул ребенок — ее дочка Дина, которая полюбила Василия Сергеевича как родного отца, а он полюбил ее, и зеркало очень часто теперь видело не одно и не два, а сразу три счастливых лица.

Увы, прошло всего семь лет, и эти люди снова стали смотреться в зеркало со все большим беспокойством. Сначала заболел глава семейства. Но нитроглицерин худо или бедно помогал, и Анна Ивановна время от времени останавливалась на ходу, чтобы облегченно поправить сбившуюся, пока искала лекарства и наливала воду, прическу — «Васеньке лучше». В зеркале отражались ученики, сидевшие у постели больного: Галковский, Сагателян, Харлампиев, Сидоров, Будзинский. Все они тоже смотрелись в него, одергивая перед уходом свои гимнастерки, мятые пиджаки и толстовки. Потом это зеркало увидело на мгновение уж совсем радостную картину: Василий Сергеевич достал билеты на «Дни Турбиных» — пьесу, которую любил, которая напоминала ему о таких же, как он, «бывших» и наталкивала на одну и ту же, страшно сжимавшую ему сердце, мысль: а правильно ли сделал, что вернулся? Он повернулся к жене лицом, руку с билетами держал за спиной, но она увидела билеты в отражении, и это был тот случай, когда старый разведчик так наивно «прокололся», но совсем тому не расстроился. Анна Ивановна улыбалась, Дина хохотала от радости, что они все вместе пойдут в филиал МХАТа (тут рядом, в соседнем переулке), и зеркало отражало радостные ярко-красные обои, абажур над настольной лампой, голубую пепельницу, державшуюся для гостей, и столовый нож, забытый Диной на столе. Все было хорошо.

А потом зеркало увидело другое. Ночью вспыхнул свет и вошли они — в фуражках с околышами в тон обоям. С ними дворник. «Полностью изобличается в том, что является японским шпионом!» Обыск. Плач Дины и Анны Ивановны. Растерянное лицо хозяина. Из ящика достали японский штык. «Оружие! Покушение на вождя?! Паспорт! Руки назад!» И хозяин ушел. Даже не посмотрел на прощание в него — в кусочек стекла, который проделал с ним такой путь длиною в целую жизнь. Просто забыл. Растерялся.

Потом были другие люди, другие картины. Кто-то помогал Анне Ивановне упаковывать архивы, чтобы поскорее вынести, и зеркало видело, как стыдливо торчал из авоськи старинный фолиант с буквами на незнакомом языке. Вот она сама долго, никак не решаясь, смотрела на его борцовское, еще из Японии, кимоно, наконец опустила голову, завернула многажды собственноручно перестиранную спортивную форму в старые тряпки — жечь. И наступила другая жизнь. Другая. Лучше, но... без него.

Теперь в это зеркало смотрим мы. Давайте не будем забывать о том, что оно видело. Никогда.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ЯПОНСКАЯ ПРЕССА О РУССКИХ СЕМИНАРИСТАХ

«Господа! Как вы знаете, Россия является в мире сильным государством. Она хвасталась званием цивилизованной державы. Другие люди также соглашались с этим. Поэтому о таких делах, как командирование в Японию учеников для обучения, она даже во сне не грезила. Но Японо-русская война усилила блеск Японии. Вместе с этим Россия также, по-видимому, изумилась японской цивилизации и после заключения мира безостановочно начала посылать в Японию студентов для обучения. Она приказывает изучать всю организацию японской культуры начиная с языка, и поэтому русские мальчики от 14 до 18 лет присылаются в Японию. Я намерен здесь поговорить с моими молодыми читателями о целях и других обстоятельствах этих предприимчивых мальчиков.

<...> ...мы поместили фотографию десяти русских учеников, находящихся в Японии. Среди них Трофим Юркевич и Федор Юркевич — братья. Они прибыли в Японию в прошлом году в сентябре. Остальные же 8 человек прибыли в конце ноября.

Какие же мотивы их прибытия в Японию?

По этому поводу нужно сказать, что еще до Японо-русской войны в Православную семинарию в Канда на Суругадай приехали два ученика: Романовский и Легасов и, обучаясь в Японии только четыре года, возвратились на родину. Романовский сделался переводчиком в армии, а Легасов переводчиком в рыбопромышленном обществе. Первый из них находится в Харбине, а второй в Хабаровске. Результаты их обучения оказались очень хорошими. Поэтому вышеназванные десять учеников также приехали для обучения в Японию на четыре года. Г. Александр Вилямовский приезжал в качестве их проводника. Они поступили в интернат Православной семинарии. Попечителем их является архиепископ Николай, а инспектором — ректор Православной семинарии г. Сэнума Какусабуро. Для того чтобы они совершенно прониклись японскими нравами и обычаями, они, как видно на фотографии, одеты в японское платье и обувь [гэта] совершенно в японском стиле. Но так как японские широкие штаны [хакама] походят на русскую женскую юбку, то мальчики сначала очень неохотно их надевали, но потом привыкли. Стульев европейских и столов

они совершенно не употребляют и одинаково с японскими учениками садятся пред японскими столами, согнув колена. Они учатся, стройно сидя по-японски. Постели [футон] они употребляют также, как и говорят по-японски.

Из каких же сословий общества эти ученики? Братья Юркевич и Волков Александр из купеческого. Персяков Владимир — сын музыканта, другие все дети казаков и офицеров. Отсюда можно заключить, насколько русские дети, особенно казаки, после войны поняли фактическую силу Японии. Какое же воспитание получили эти мальчики на родине? Юркевич и Дзимбатов дошли до 3-го класса гимназии, другие же окончили низшую школу. Во время Японо-русской войны они жили в Маньчжурии и все знают более или менее по-китайски. Среди них Юркевич говорит по-китайски особенно хорошо. Теперь они едят совершенно одну японскую пищу. В январе они ели даже зоони [японские новогодние пирожки] и очень любят их. Они неподдельно говорили, что это вкусно. Русские все очень любят моти [пирожки из риса]. Бывшие раньше в Японии Романовский и Легасов, как говорят, также очень любили моти. Русским не нравятся сырая рыба [сасими], улитки и осьминог; они называют эти блюда червями и содрогаются при одной мысли о еде их.

Интересно, какое впечатление произвела на этих мальчиков Япония, когда они приехали впервые. Братья Юркевичи, высадившись в Цуруга, изумлялись тесно построенным одним вблизи другого дома. Проезжая в Токио, в поезде при массе пассажиров они удивлялись тому, что их любезно спрашивали, куда они едут, и все им объясняли. На их родине, если кто спросит дорогу, то люди с грубым и неприятным видом никогда не отвечают на вопрос.

Выехав из своей страны, переплыв через море десять тысяч ри, не понимая ни востока, ни запада, приехав в чужое государство и увидев здесь людей, гораздо более любезных, нежели на их собственной родине, они в своем детском сердце обрадовались, и это, вероятно, также вызывает их изумление. Теперь они с радостью говорят об этом. Приехав в Токио, они очень удивлялись электрическому трамваю.

Из всего этого можно ясно понять, насколько их родина отстала от пути цивилизации.

Русские крестьяне, строя дома, накладывают горизонтально бревна одно на другое и из них делают стены. Крыша их устраивается также безобразно из бревен. Пропорционально затрачиваемому на постройку времени, красоты никакой не получается. В отличие от этого японская вертикальная постройка чрезвычайно удобна, поэтому ученики очень хвалят

японские дома. В России не только нет запрещения курить табак мальчикам, но дети считают курение табака совершенно обыкновенным делом. Поэтому эти ученики, приехав в Японию, курили даже сигары, и в последнее время, покупая папиросы "Сикисима" и "Ямато", иногда курят. Конечно, в Православной семинарии курение табака запрещено, и поэтому они курят секретно, за что директор делает им выговоры. Отсюда также можно заключить о низкой степени цивилизации в России.

Русские школы стоят на очень низкой степени. 3-й класс средней школы — соответствует окончанию высшего отделения низшей японской школы. Дисциплины в русских школах совсем нет. Поэтому русские ученики чувствуют себя стесненными дисциплинарными нравами Православной семинарии. Они всегда стремятся к тому, чтобы избегнуть надсмотра и контроля надзирателя, но в невинных живых шалостях они превосходят японских детей. В свободное от учения часы они вместе весело играют. Этот вид их очень привлекателен.

Хотя среди этих мальчиков есть любящие отцов и матерей, и они постоянно ожидают от них писем, но по большей части они в чувстве сыновней любви испытывают недостаток. Во всяком случае, в 14—15 лет, оставив родину, разлучаться с родителями и братьями и поехать в далекую иностранную землю это большая воля, и я думаю, что японская молодежь должна у них этому поучиться.

Скажу кстати: фамилии и лета мальчиков на фотографии, помещенной в начале этого номера журнала, следующие:

Айсбренер Александр 16 лет,
Юркевич Трофим 17 лет,
Шишлов Иосиф 16 лет,
Родионов Емельян 15 лет,
Плешаков Владимир 14 лет,
Попилев Трофим 15 лет,
Юркевич Федор 14 лет,
Волков Александр,
Незнайко Исидор»[363].

* * *

«Вчера в 1 час пополудни в клуб Православного юношества в Суругадае пригласили русских мальчиков, приехавших учиться японскому языку в Православной семинарии, и слушали от них, какое впечатление произвела на них Япония. Таких мальчиков всего десять. Они каждый через переводчика выразили свои впечатления и, между прочим, сказали следу-

ющее: "По прибытии в Японию, прежде всего нам казалось приятным то, что везде все здесь содержится в чистоте и сады и дома. Затем дисциплинированность, приветливость и аккуратность всех японцев до прислуги включительно. А тяжелым нам кажется, это — сидеть по-японски, ходить в деревянной обуви, есть палочками, ходить по чрезвычайно многолюдным улицам Токио. Удивительным нам кажется: платье японцев, постройка домов, затем дзинрикша вместо лошади, и беспрестанное наклонение головы со стороны прислуги. Самым приятным представилась дешевизна предметов и обилие фруктов. Интересным кажется зоологический сад и трофеи войны, находящиеся на дворцовой площади Маруноути. Не могли есть: соленую редьку и сасими (т. е. сырую свежую рыбу). Нам особенно хорошим в Японии казалось запрещение курить табак детям и то, что все относятся без страха к учителям".

Дети все смеются и много болтают. Например, Попилев, Волков и Юркевич самые милые мальчики. В семинарии для них основан специальный класс, и начиная от пищи и платья их решительно во всем заставляют вести себя по-японски. Они приехали учиться именно в Православную семинарию, потому что, во-первых, многие семинаристы, живущие в азиатской России, сравнительно с японскими учениками школы иностранных языков говорят по-русски гораздо лучше, во-вторых, в семинарии учились прежде два русских мальчика Федор Легасов и Андрей Романовский, которые теперь уже на службе в Маньчжурии и Куанченцзы и очень хорошо владеют японским языком, служат переводчиками и считаются важными людьми. Чтобы находиться в дружественных отношениях с Японией, Россия хочет распространить японский язык среди своих подданных и тем дать знать русским о Японии и японских обычаях. Русские власти прислали десять мальчиков в Токио после разрешения преосвещенного Николая»[364].

РУССКИЕ ВОСПИТАННИКИ В ТОКИЙСКОЙ СЕМИНАРИИ

«В № 920, газеты "Россия", от 20-го ноября 1908 г., напечатана заметка Марии Г-ской: "Русские мальчики в Православной японской миссии". Сообщаемое в ней о мальчиках — сплошная выдумка, ни на чем не основанная. Вот правда об этих мальчиках, с самого начала до настоящего времени.

В феврале 1902 г. главный начальник Квантунской области вице-адмирал Е. И. Алексеев из Порт-Артура спросил меня, может ли он прислать в миссийскую семинарию двух мальчиков для образования из них переводчиков японского языка? Я ответил готовностью принять мальчиков, с условием, чтобы они были не моложе 14 лет, способные, хорошего поведения, и чтобы жили здесь среди японских воспитанников совершенно по-японски: питались японскою пищею, одевались в японское платье, сидели по-японски и соблюдали все прочие условия японской жизни, а равно и все правила семинарской инструкции. Послал, согласно запросу адм. Алексеева, и точный расчет, сколько будет стоить содержание мальчиков, без копейки в пользу миссии. В августе 1902 г. два мальчика прибыли, помещены были отдельно друг от друга в среду японских учеников, и в продолжение года настолько освоились с японским языком, что могли дальше наравне с японскими сверстниками проходить предметы семинарского курса. Японские семинаристы по-братски приняли их в свою среду, всегда дружески и ласково обращались с ними. Трудное время войны пережили здесь русские воспитанники, но и в это время не видели дурного обращения от своих товарищей, а видели только их деликатность. К 1906 году оба воспитанника так усвоили японский язык, что им стало труднее говорить по-русски, чем по-японски; письменную часть японского языка они выучили с не меньшим успехом. Видя, что назначение, с которым присланы были эти воспитанники, исполнено, я снесся с командующим войсками на Дальнем Востоке генералом от инфантерии Н. Н. Гродековым, и, согласно его распоряжению, в июне 1906 г. воспитанники были отправлены, уже в качестве переводчиков военных штабов, один в Харбин, а другой в Хабаровск.

Видя такие результаты воспитания в семинарии, военное начальство из Харбина в сентябре 1906 г. телеграммою, через здешнего военного агента полковника Самойлова, запросило: "не возьмется ли духовная миссия воспитать 26 мальчиков,

для обучения их японскому языку, на тех же основаниях, на каких воспитаны прежние два?" Я посоветовался с ректором и наставниками семинарии, и мы нашли, что 26 никак не можем принять, даже и поместить их негде, но что, хотя и с немалым стеснением для нас, 10 принять можем. В таком смысле чрез полковника Самойлова отвечено было в Харбин, и 11 ч. ноября 1906 г. от начальника Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи, генерал-лейтенанта Н. М. Чичагова, с адъютантом штаба присланы были из Харбина в семинарию 8 мальчиков, — все дети казаков ("казачата", как о них пишется в официальных бумагах).

Из Хабаровска военное начальство также попросило миссию принять несколько воспитанников; и миссия, в виду очевидной пользы для местностей, откуда просят, хотя и с стеснением для себя, приняла: в августе 1907 г. трех и в декабре одного, — всех по представлению военного губернатора Приморской области и наказного атамана Уссурийского казачьего войска, генерал-майора В. Е. Флуга. Из сих воспитанников трое также "казачата" и один значится сыном чиновника.

Выбор означенных 8 харбинских и 4 хабаровских воспитанников, к сожалению, не сделан был с должным вниманием. Трое из харбинских и один из хабаровских оказались неисправимыми нарушителями мира между своими и японскими товарищами и правил школьной дисциплины, а потому, к общей радости и русских и японских учеников, отосланы обратно: в Харбин двое 15 января 1907 г. и один 20 июня того же года, в Хабаровск один 7 июля 1908 года. Что они возвращены после такой долгой жизни в школе, может служить ясным показанием того, что терпеливо употреблены были все меры к исправлению их.

Места выбывших воспитанников не остались праздными. Вот что писал мне генерал-лейтенант Н. М. Чичагов от 23 августа 1908 г., за № 728: "Одновременно с сим перевожу вам кредит на вторую половину учебного года, всего в сумме 1,278 рублей и посылаю, на замену убывших, трех новых учеников: Александра Плешакова (14 лет), Ивана Панпурина (13 лет) и Петра Перетолчина (13 лет). Они выбраны намеренно из числа самых молодых кандидатов, так как опыт приводит к заключению, что более взрослые воспитанники по своему поведению мало надежны и не подходят под режим, установленный в школе. Кроме того, прошу считать пансионером округа воспитанника вашей школы Михаила Сокольского".

Таким образом, всего будет наших учеников 9 человек. Нарочно не довожу до разрешенного мне в 10 человек штата из опасения, как бы не выйти из установленного кредита, так

как цены в Японии растут, а на увеличение отпуска денег рассчитывать трудно. На обратный путь уволенным вами в отпуск (на каникулы) воспитанникам приказал выдать по 30 рублей, и они выезжают в Токио вместе с вновь посылаемыми мальчиками 29 августа нашего стиля.

Из Хабаровска также, вместо возвращенного воспитанника, прислан в семинарию после минувших каникул другой, более надежный.

Я говорю это о казенных русских воспитанниках в семинарии, которых из Харбина ныне 9 и из Хабаровска 4.

Но есть, кроме того, несколько воспитанников частных, попавших в семинарию совершенно неожиданно для нее.

1906 г. 27 августа является в миссию рыбопромышленник из селения Рыковского на Сахалине, С. Г. Юркевич, в сопровождении двух сыновей 15 и 12 лет, и убедительно просит принять их в семинарию. Приняли. Младшего сына Юркевич, по прошествии года, взял обратно, по малоспособности его к ученью; старший и теперь здесь учится.

1907 г. 24 августа ротмистр И. М. Комаровский из Харбина просил принять его племянника М. Сокольского, сына коллежского секретаря, в семинарию. Принят. Ныне он, как выше сказано, присоединен к казенным харбинским воспитанникам.

1907 г. 1 сентября явился в миссию мальчик Василий Ощепков, сын сосланной на Сахалин, ныне круглый сирота, с письмом от своего опекуна, учителя Новомихайловского училища в Александровском посту на Сахалине, потомств. почетного гражданина В. П. Кострова и просьбою о принятии в семинарию. Принят.

1908 г. 31 августа также совсем неожиданно явился с Сахалина мальчик Гавриил Журавлев, с прошением от своего отца, крестьянина Александровского поста, принять его в семинарию. Принят.

Всего частных воспитанников ныне в семинарии 3. И в будущем угрожает ей возрастание сего числа. Г. Костров от 24 августа 1908 г. пишет мне: "Воспитанник В. Ощепков после каникул снова возвращается в вашу обитель. Год, проведенный в Токийской духовной семинарии, конечно, сказался. Мальчик своим корректным поведением и умением держать себя в кругу взрослых произвел очень хорошее впечатление на всех знакомых. Вообще он и Юркевич так расположили к себе сахалинцев, что многие думают у вас воспитывать своих детей. Слова эти не лесть, а дань того, что дает Токийская семинария".

Итак, ныне в семинарии всех русских воспитанников 16, при 54 японских. К счастию, все русские воспитанники ныне ведут себя вполне корректно; оттого между ними и японскими

сверстниками не возникает никаких недоразумений и столкновений, и живут все в полном мире и товарищеской дружбе.

Но я должен откровенно признаться, что русские воспитанники составляют для семинарии немалое неудобство. Семинария имеет свою строго специальную цель — воспитывать служителей церкви; программа преподавания в ней соответственна своей цели, корпорация наставников приспособлена к сему. И вдруг для тех же наставников совершенно постороннее дело: учить русских японскому языку и сопряженных с сим предметам — японской географии, истории, писанью китайских иероглифов и т. п.! Когда русские усвоят японский язык настолько, что их можно присоединить к соответствующему их знаниям классу японских учеников, тогда неудобство прекращается, уроки одинаковы для всех. Но ведь когда же они присоединятся, особенно при таком розничном поступлении в школу! Думаю, что указанное неудобство понятно для всех. Но прошу принять во внимание, что корпорация наставников семинарии не тяготится этим неудобством и не ропщет на него, а со всею готовностию делает для русских воспитанников все, что требуется, и это с единственною, ясно сознаваемою целью, насколько силы позволяют, делать дело несомненно полезное для России и для закрепления ея добрых отношений к Японии. Этим сознанием только и вознаграждается для наставников их труд, в материальном отношении можно сказать бескорыстный. Положено, правда, с воспитанников по 2 ены в месяц за специальные уроки для них; но эта малая сумма, разделенная на всех преподающих им учителей, разве может быть названа вознаграждением? В пользу же собственно миссии от всех воспитанников не поступает ровно ничего; скорее от миссии перепадает на них, при трудности с точностью рассчитать, по причине колебания цен, сколько именно составляет ежемесячное содержание каждого, а только это содержание и присылается на них, со включением того, что требуется на одежду, обувь и мелочи.

Теперь о том, как смотрят японцы на обучение русских воспитанников в здешней семинарии. Совершенно противоположно тому, что пишет о сем г-жа Г-ская: смотрят дружески, благоприятно. Никому из нас здесь не приходилось ни слышать, ни читать в газетах что-нибудь не дружеское об этом; напротив, всегда и всеми выражается удовольствие, что вот и русские начинают изучать японский язык. Сколько раз и от скольких газет приходили репортеры повидаться с нашими мальчиками, расспросить их, как нравится им жизнь в Японии и т. под., и потом в самых симпатичных чертах описывали их и цель их обучения! Снимались с них фотографии и помеща-

лись в печати, и всегда с самыми добрыми речами о них, или по поводу их. Раз только пришлось встретить в газете порицательный отзыв о русских учениках, но это по поводу дурных поступков вне школы тех учеников, которые потом были выключены из семинарии. Воспитанники японских школ, даже из провинций, вступают с ними в товарищескую переписку; кадеты хороших фамилий заводят знакомство с ними. В прошлом году, в одно воскресенье, маршал маркиз Ояма, главнокомандующий японских войск в минувшую войну, прислал в миссию пригласить одного из русских воспитанников в гости к своему сыну кадету; Т. Юркевич, хорошо говорящий по-японски, отпущен был, и провел день в доме маркиза, в дружеском общении с его сыном, на что лучше доказательства, что японцы к русским воспитанникам в семинарии относятся так хорошо, что лучшего и желать нельзя?

Считаю не лишним исправить и следующие неверности.

Г-жа Г-ская пишет: "много поколений японцев выучились в миссии русскому языку"; "японцы смотрят на миссию благосклонно лишь потому, что она является школою русского языка", и прочее в сем роде. Все это не соответствует истине. Миссийская семинария никогда не задавалась и не думала задаваться целию воспитывать знатоков русского языка. Русский язык в ней преподается, во-первых, потому, что духовные учебники до сих пор еще не все переведены на японский язык, и ученики в старших классах должны готовить уроки по русским учебникам, хоть отвечают их по-японски; во-вторых, потому, что для служителей церкви здесь должна быть открыта русская духовная литература. И потому кончающие здесь курс семинарии, русскую книгу читают, но говорить по-русски не могут. Если встречаются во Владивостоке и в других местах хорошо говорящие по-русски из учившихся в семинарии, то они приобрели это практикой, по оставлении семинарии или церковной службы, уже без всякого отношения к миссии и семинарии; но это редкие случайности — их можно перечесть по пальцам; и если бы только они составляли знатоков русского языка для Японии, то Япония не больше бы знала русский язык, чем Россия японский. Не от миссии здесь широкое знание русского языка, а главным образом от правительственной школы русского языка, существующей, кажется, с 1871 г.; по крайней мере, когда я поселился в Токио в 1872 году, эта школа уже была налицо и имела десятки учеников. С тех пор до настоящего времени она беспрерывно действует, не переставая выпускать более или менее компетентных знатоков русского языка. Правительство всегда озабочивалось иметь для нее, кроме учителей японцев, способных преподавать русский

язык, учителей из России и непременно с университетским образованием. Таков и ныне здесь главный профессор русского языка и русской литературы в правительственной школе, имеющей 67 учеников. За тем, русский язык и до войны преподавался, а ныне усиленно преподается в военных заведениях: военной академии, артиллерийско-инженерном училище, юнкерском училище и кадетском корпусе; преподается он также в коммерческом училище, а в последнее время стал преподаваться и в университете. Словом, широкою волною вливается русский язык в Японию, но уж никак не чрез миссийскую семинарию.

"Выдача от миссии каждому православному японцу от 8 до 10 ен в месяц", "громовая проповедь в церкви", "отпадение от православия более 5000 японцев, по прекращении пособия от 8 до 10 ен", — выдумки г-жи Г-ской, повергающие в изумление. Не японцам дается, а японцы дают: лишь только крестится японец, как он должен участвовать в расходах на церковь. По статистическому листу, приложенному к книжке протоколов собора нынешнего года, значится, что японские христиане за год, с собора прошлого года по собор нынешнего, дали на церковные нужды: 17,859 ен 76 сен. На 30, 432 наших христианина это довольно значительная сумма.

Архиепископ Николай.
Токио. 12 декабря 1908»[365].

ВЫДЕРЖКИ ИЗ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ДОНЕСЕНИЙ В. С. ОЩЕПКОВА

ПОЛОЖЕНИЕ
на Северном Сахалине со времени его оккупации

Во время оккупации Северного Сахалина (в апреле 1920 года) на северной части Сахалина была расквартирована 25 бригада, которая стояла здесь до весны 1923 года. Ввиду переорганизации армии в Японии, сокращения штатов в июне месяце сего 1923 года последовал приказ о сокращении расположенных войск на Сахалине и вместо бригады (из 7-й дивизии) на Сахалине осталось два батальона четырехротного состава № 10 и № 12 из 25 дивизии без артиллерии и кавалерии. В настоящее время эти два батальона расквартированы здесь следующим образом:

Г. АЛЕКСАНДРОВСК — 2 роты пехоты, 2-я и 3-я численностью около 400 человек при 8 пулеметах системы «Гочкиса» без щитов и легкого типа (ружейного обрезания) с прикладом, при каждом пулемете 4 номера прислуги. (Казармы расположены в центре города, фот. № 7.) 5 орудий 3[-дюймового] калибра, дальность стрельбы 7 ½ верст (в настоящее время стоят в артиллерийском складе без употребления). Никаких укреплений нет. Кавалерии нет.

Железно-дорожная рота численностью 100 чел.

Саперный батальон № 8 численностью около 500 чел.

Телеграфная рота численностью около 100.

Временно-морской отряд численностью — 150, вооружен исключительно винтовками. Имеет свой беспроволочный телеграф, расположен на горе около устья реки Александровка. Штаб, казармы и беспроволочный телеграф отмечен на фотографической карточке №... тремя крестиками ххх. Отряд служит связью с 6-й охранной эскадрой (несущей охрану северного побережья Сахалина и рыбалок). Состав ея 2 крейсера, из коих 1 крейсер легкого типа (истребитель), и 4 миноносца.

Беспроволочный телеграф японского сооружения около 10 килоуат находится на горе около моря в 3-х верстах от города Александровска.

Второй беспроволочный телеграф 5 килоуат, бывший русский, находится в 2-х верстах от города. См. фотографический снимок № 2.

В гор. АЛЕКСАНДРОВСКЕ.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ и самостоят. располож. учрежд.

1. Военно-административное управление о. Сахалина (фото № 3 / в центре города).
2. Александровский отдел (в центре города).
3. Жандармское управление Сахалина (в центре города).
4. Военный госпиталь (в центре города).
5. Военные склады (см. фот. № 5 / в центре города).
6. Военное управление портом (см. фото № 6 / на пристани).
7. Военный телеграф и почта (в центре города).
8. Юридический отдел (в центре города).
9. Железно-дорожное управление (в центре города).
10. Автомобильный гараж (фот. № ...), пассажирских автомобилей 4, грузовых 6, тракторов 5, мотоциклов 5...

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ

Главнокомандующий экспедиционными войсками на ос. Сахалине генерал-лейтенант ИНОУЭ ИЧИЗИ — его краткая биография и характеристика.

Генерал Иноуэ — дворянин Токиосской губернии и младший брат Иноуэ Томоичи, бывшего губернатора губернии Токио. Ему 51 год. 25 сентября 27 года Мейдзи он был произведен в подпоручики. В Японско-китайскую войну отличился храбростью. После этой войны был прикомандирован к 20-му пехотному полку, в 30 году эры Мэйдзи он произведен в поручики. В 1901 году поступил в академию и окончил ее по первой степени в 1903 году, после чего был откомандирован в Управление Генерального штаба, до Русско-японской войны командирован в Корею с особым поручением. Во время Русско-японской войны он был штаб-офицером Главного штаба армии на р. Ялу. В этой кампании он состоял по комиссии по приему иностранных военных агентов. В 1905 году произведен в майоры. После войны состоял лектором в военной академии, а также занимал другие военные посты, был командирован в Сингапур, на Филиппины и другие места. В 1910 году произведен в подполковники и назначен военным агентом при японском посольстве в Вашингтоне. В 1912 году он был произведен в полковники и назначен командиром 26 пехотного полка, потом командиром гвардейского полка, затем состоял в должности начальника штаба 4-й дивизии. В 1917 году произведен в генерал-майоры и назначен комендантом гарнизона в Циндао. В ноябре того же года назначен старшим военным агентом при японском посольстве в Вашингтоне. После возвращения оттуда в 1920 году состоял при штабе 5-й дивизии, а ныне занимает пост Главнокомандующего Сахалинскими

экспедиционными войсками. Имеет орден 2-й степени Восходящего солнца.

Генерал Иноуэ вполне доступен для всех и со всеми прост, как обыкновенный гражданин. Благодаря долгому пребыванию в Америке генерал воспринял хорошую черту американцев — свобода и равенство, он не разбирается ни с классовым, ни с национальным различием. К посетителям, как к русским, так и к японцам, одинаково любезен. Генерал говорит: «Японцы, будьте великодушным народом Японии». ...

КАНЦЕЛЯРИЯ ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ведает нижеследующими делами:

А) По политическим секретным вопросам.

Б) Личного состава.

В) По хранению казенных печатей.

Г) По пересмотру и скреплению всех официальных отношений и проэктов содержаний бумаг, исходящих из управления, по регистрации входящих и исходящих бумаг.

Д) По составлению, редактированию и хранению официальных бумаг, статистики, протоколов и библиотеки.

Е) О зданиях управления, квартирах и наблюдение за исполнением служащими возложенных на них обязанностей...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ОТДЕЛ

А) Об административной полиции.

Б) О судебной полиции.

В) О предохранении от заболевания и других делах, касающихся общественной гигиены.

Г) Об эпизоотии и лечении домашних животных.

Д) О медицинских делах и медикаментах.

Е) Об амбулаториях для гейш и кельнерш.

Ж) О тюрьме...

Селение Воскресенское

Учрежден рыборазводный завод, который ведает исследованием и опытами по размножению и улучшению кеты и горбуши и других ценных рыб.

Между селением Дербинским и Рыковским учреждена опытно-показательная земледельческая ферма, которая ведает исследованиями и опытами по ведению сельского хозяйства, руководством и распространением полезных знаний по земледелию, продажей семян и производителей скота, сельскохозяйственных продуктов, а также и случки животных.

В связи с реорганизацией Военно-административного управления назначены начальниками отделов:

Начальник канцелярии подполковник... ЯМА

Начальник отдела внутренних дел майор ОКОМАТО

Начальник интендантского отдела майор НУКАЗАВА
Начальник лесного отряда инженер ЁСИЕ
Начальник отдела земледелия и землеустройства инженер ТАЧИБАНА
Начальник горного отдела инженер ТОМУРИ
Начальник отдела водных промыслов инженер НУКАДА
Начальник полицейского отдела подполковник ИСИКУРО
Начальник юридического отдела судья ООЯМА

[*Подпись*]
С подлинным верно:
Делопроизводитель Разведчасти

МАТЕРИАЛЫ ПО КОМПЛЕКСУ ГТО 1-Й И 2-Й СТУПЕНИ СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВСФК СССР

(Издание третье, переработанное и дополненное. Физкультура и туризм. Москва, 1933)[366]

Приложения
Инструкции для проведения испытаний по дзюу-до

Дзюу-до предусматривает законченный комплекс приемов самозащиты против различных моментов нападения, будь это борьба невооруженных, бой невооруженного против вооруженного или бой вооруженных противников.

В испытание на значок ГТО 2-й ступени по дзюу-до включаются только основные приемы, предусматривающие исключительно стандартные моменты нападения:

1. Раздел боя невооруженных состоит из приемов:

а) защиты от ударов ногами и захватов спереди и сзади при помощи захватов и бросков с подножками и без подножек;

б) контрборьбы лежа на земле;

в) захватов рук и ног на «гяку» в стойке и в борьбе лежа на земле;

г) способов удержания и «гяку» рук и ног при нахождении поверх противника и под противником.

2. Раздел боя невооруженного против вооруженного состоит из приемов защиты:

а) против удара ножом, палкой или саблей сверху, справа и слева;

б) против удара ножом снизу в живот;

в) против револьвера при наведении сверху, в грудь или в живот;

г) против винтовки со штыком.

3. Раздел боя вооруженных состоит:

а) из моментов схватки вооруженного винтовкой со штыком против вооруженного саблей, палкой, малой лопаткой или ножом;

б) из моментов схватки между собой вооруженных винтовками со штыком, когда действие оружием невозможно.

Из раздела боя невооруженных в стойке нужно знать следующие приемы:

1. Отхват левой и правой ногой при левой и правой стойке;
2. Заднюю подножку;

3. Боковой подбив с места и в движении;
4. Коленный бросок с места и в движении;
5. Бросок через бедро с любым захватом корпуса;
6. Боковой бросок при положении крест-накрест;
7. Захват ног за бедро с передней подножкой;
8. Захват ног за бедро с отхватом изнутри;
9. Бросок через голову с упором ногой в живот;
10. «Гяку» кисти внутрь в стойке;
11. «Гяку» кисти наружу с отхватом или с передней подножкой;
12. Отхват ноги за пятку с «гяку» ступни к спине при обхвате на задний пояс;
13. Зацеп ногами ног противника с захватом за шаровары и ударом затылком по лицу при обхвате на задний пояс;
14. Удар рукой в промежность с «гяку» руки за спину при обхвате на задний пояс;
15. «Гяку» пальцев или кисти при обхвате за передний пояс;
16. Захват ноги крест-накрест с «гяку» ступни к спине при ударе носком ноги в промежность;
17. Захват ноги изнутри с отхватом при ударе носком в бок;
18. Удержание обхватом шеи рукой, сидя сбоку лежащею на спине противника;
19. «Гяку» локтя через ногу с обхватом шеи рукой, сидя сбоку лежащего на спине противника;
20. «Гяку» руки через ногу с захватом ногами головы при положении сидя сбоку противника;
21. Уход в сторону головы противника с переходом к «гяку» локтя через ногу с захватом руки между ног при обхвате шеи противником, лежащего на боку или на спине под обороняющимся;
22. «Ножницы» туловища и «гяку» локтя через ногу, лежа на спине под противником;
23. Переход к «ножницам» туловища для удушающего сдавливания со стороны спины противника, когда последний лежит на животе или стоит на скамейке;
24. «Гяку» ступни ногой при «ножницах» корпуса со стороны спины;
25. «Гяку» локтевого сустава, когда кисть обращена к голове при положении лежа поперек противника, лежащего на спине;
26. Захват руки и «гяку» кисти наружу с отхватом или передней подножкой при ударе ножом сверху;
27. «Гяку» кисти внутрь при ударе ножом сверху;
28. Захват руки руками с «гяку» кисти за спину при ударе ножом снизу в живот;
29. Захват руки разнохватом с «гяку» кисти внутрь при ударе ножом вправо;

30. Захват руки разнохватом с «гяку» кисти внутрь при ударе ножом слева наотмашь;

31. Отбив револьвера левой рукой вправо с «гяку»;

32. Отбив револьвера левой рукой влево с ударом ногой в промежность при наведении револьвера в грудь;

33. «Гяку» кисти внутрь при наведении револьвера сверху;

34. Отбив ствола винтовки влево левой рукой с подбивом ноги под колено правой ногой с ударом рукой по горлу при уколе штыком в грудь;

35. Отбив ствола винтовки вправо правой рукой с ударом носком в промежность и с отхватом левой ногой;

36. Отбив винтовкой винтовки влево с отхватом;

37. «Гяку» локтя внутрь через винтовку при ударе малой лопаткой слева;

38. «Гяку» локтя захватом руки под мышку с ударом ногой в промежность при ударе малой лопаткой сверху или справа;

39. «Гяку» кисти через винтовку с обхватом передней или задней подножки при ударе ножом снизу в живот.

Каждый сдающий испытания по дзюу-до обязан:

1. Объяснить и показать данный прием на своем партнере;

2. Показать соответственный прием самозащиты при назывании ему случая нападения;

3. Автоматически применить соответствующий прием против внезапного нападения;

4. Уметь провести вольную схватку по правилам спортивной борьбы дзюу-до в течение 5 минут без перерыва, показав применение приемов на противнике, ориентировку и выносливость.

5. Знать правила спортивной борьбы дзюу-до и судейства.

Настоящая норма до дзюу-до действительна как для мужчин, так и для женщин.

<...>

НОРМЫ ГТО 1-Й И 2-Й СТУПЕНИ

Сокращенный справочник для войсковых частей (Составитель И. Терехов. Государственное военное издательство «На варті», Киев, 1935)[367]

Инструкция по проведению испытаний на значок ГТО 2-й ступени

От составителя:

«...Для настоящего справочника данные взяты из книжки "Готов к труду и обороне" ВСФК Союза ССР и указаний Инспекции физподготовки РККА».

<...>

16. Приемы самозащиты

Норма по самозащите применяется по одному из следующих видов:

1) борьба французская,

2) бокс английский,

3) дзюу-до,

4) фехтование на штыке или эспадроне,

5) рубка.

Для женщин норма состоит в знании приемов дзюу-до.

От специальной проверки освобождаются все, принимавшие участие по одному из указанных видов в соревнованиях между коллективами или в масштабе района и выше, при условии участия в качестве судьи данного соревнования представителя судейской коллегии СФК. Подготовленность участника не ниже разряда новичков по данному виду должна быть удостоверена судейской коллегией. Поражение в схватке не лишает участника права на зачет по данному виду, если он не снят судейской коллегией за незнание приемов и неподготовленность.

Участие в соревновании может быть заменено специальным испытанием, в котором участник должен показать по одному из видов самозащиты знание следующих приемов:

а) по французско-финской борьбе,

б) по английскому боксу,

в) по дзюу-до,

г) по фехтованию на штыке.

<...>

Инструкция для проведения испытаний по дзюу-до

Дзюу-до предусматривает законченный комплекс приемов самозащиты против различных моментов нападения, будь это борьба невооруженных, или невооруженного против вооруженного, или бой вооруженных противников.

В испытание на значок ГТО 2-й ступени по дзюу-до включаются только основные приемы, предусматривающие исключительно стандартные моменты нападения.

1. Раздел боя невооруженных состоит из приемов:

а) защиты от ударов ногами и захватов спереди и сзади при помощи захватов и бросков с подножками и без подножек;

б) контрборьбы лежа на земле;

в) захватов рук и ног на «гяку» в стойке и борьбе лежа на земле.

2. Раздел боя невооруженного против вооруженного состоит из приемов защиты:

а) против удара ножом, палкой или саблей сверху, справа и слева;

б) против удара ножом снизу в живот;

в) против револьвера при нападении сверху, в грудь или в живот;

г) против винтовки со штыком.

3. Раздел боя вооруженных состоит:

а) из моментов схватки вооруженного винтовкой со штыком против вооруженного саблей, палкой, малой лопаткой или ножом;

б) из моментов схватки между собой вооруженных винтовкой со штыком, когда действие оружием невозможно.

Настоящая норма по дзюу-до действительна как для мужчин, так и для женщин.

ИЗ ПЕРЕВОДА ЯПОНСКИХ ПРАВИЛ ПО ДЗЮДО, ВЫПОЛНЕННЫХ В. С. ОЩЕПКОВЫМ[368]

От составителя:

«Данные правила представляют собой копию 3 машинописных листов. Судя по слитному написанию "дзюудо" и качеству листов, перевод сопоставим по времени с работой "Прохождение дзюудо", т. е. 1936—1937 гг.».

§ 1. Соревнования по дзюудо выражаются в борьбе, которая решается броском со стойки или соответствующим приемом в партере.

Борьба стоя заключается в бросках, не связанных с падением ради броска, и в бросках, связанных с падением ради приема.

Борьба лежа на ковре заключается в приемах удержания противника спиною на ковре, удушающих захватов и захватов рук в целях перегиба локтевого сустава в обратном сгибу направлении.

§ 2. Борьба начинается в стойке, к борьбе же в партере переходят в следующих случаях:

а) когда был выполнен бросок более чем наполовину, но не принес победы;

б) когда один из борцов в момент броска сам упал на ковер или упал от приема противника, арбитр по своему усмотрению имеет право перевести борцов в стойку, если они перешли к борьбе в партере без броска.

§ 3. Борьба решается одним поражением.

§ 4. Если один из борцов добился победы броском или соответствующим приемом в партере, то арбитр прекращает схватку и объявляет результат возгласом «иппон» («поражение»).

§ 5. Когда арбитр затрудняется присудить победу за соответствующий бросок или прием в партере, т. к. противник хотя и с трудом, но все же быстро успел уйти из создавшегося положения, которое давало арбитру право присудить победу, то последний в таких случаях объявляет данный бросок или прием в партере возгласом «вазаари» (может быть переведено: «есть /или был/ прием»).

Если после этого у того же борца снова будет такой же бросок или прием в партере, то арбитр, принимая во внимание оба броска, или бросок с партерным приемом, или оба партерных приема, может признать оба положения за поражение,

объявляя возгласом «авасэтэ иппон» (может быть переведено: «соединяя оба приема, считаю поражение»).

§ 6. Если борьба не дает результата в течение известного времени, то арбитр прекращает схватку возгласом «хикиваке» («ничья»).

§ 7. Если один из борцов более трех раз безрезультатно коснется своим корпусом ковра, независимо от того, делает ли он это с целью приема или нет, арбитр может по своему усмотрению присудить ему поражение.

§ 8. Поражением считается:

а) когда один из борцов падает на ковер от броска или умышленно с целью избежать такового. Случаи падения ради приема и благодаря личной оплошности за поражение не считаются;

б) когда один на борцов вообще упал на бок или лицом кверху, причем благодаря характеру приема трудно было установить, действительно ли он упал по всем правилам поражения;

в) когда противник с силой или по инерции упал на ковер.

§ 9. Если падающий от броска противника успеет перевернуться и стать на ноги или на четвереньки, поражение не засчитывается.

§ 10. Брошенный на ковер противник по всем правилам поражения, как бы он ни стремился после этого принять удобное для себя положение, все равно ему засчитывается поражение, раз его падение явно произошло от броска.

§11. Если борьба происходит в партере, то борец, признающий себя побежденным, подает сигнал голосом «сдаюсь», ударяет рукой или ногой по ковру или же по телу противника более двух раз. Арбитр по..., ожидая сигнала о сдаче.

§ 12. Если во время борьбы один из борцов из-за несчастного случая не сможет продолжать схватку, то арбитр принимает решение, основываясь на следующих пунктах:

а) если несчастный случай произошел исключительно по вине пострадавшего благодаря его действиям или невнимательности, причем партнер не был причастен к этому, то пострадавшему присуждается поражение;

б) если будет установлено, что несчастный случай произошел не по ошибке партнера, а благодаря его действиям или его невнимательности, то виновнику несчастного случая присуждается поражение;

в) если несчастный случай произошел благодаря обоюдным действиям, или благодаря обоюдной невнимательности, или нельзя было установить виновника несчастного случая, присуждается «ничья»;

г) если арбитр признает, что несчастный случай оказался настолько серьезен, чтобы прекратить борьбу, а пострадавший отказывается от продолжения схватки, то арбитр по своему усмотрению присуждает «ничью» или поражение пострадавшему противнику.

§ 13. Если несчастного случая не было, но борец вдруг во время схватки отказывается продолжать борьбу, ссылаясь на объективные причины, то арбитр, руководствуясь в данном случае пунктом «г» § 12, прекращает схватку, присуждая «ничью» или поражение отказавшемуся борцу.

§ 14. Если один из борцов, обхватив своего противника вдоль или поперек, ловко поднимет его в горизонтальном положении на соответствующую высоту, то арбитр по своему усмотрению присуждает победу поднявшему. Борец, поднявший своего противника, не должен бросать его на ковер. Нарушивший эти правила рассматривается согласно 16-му параграфу.

§ 15. Борцы обязаны соблюдать следующие правила:

а) запрещается применять приемы, угрожающие повреждением шейных и спинных позвонков;

б) запрещается прибегать к удушающему захвату туловища и к перегибанию всех суставов на руках и ногах, кроме локтевого сустава;

в) если противник, лежащий на ковре, будет поднят или приподнят, то запрещается внезапно бросить его на ковер или ударить его о ковер;

г) если один из борцов стоит на ногах или на коленях, находясь в таком положении, при котором можно приподнять лежащего лицом кверху противника, то последнему запрещается делать ногами ножницеобразный захват шеи и руки в целях перегиба локтевого сустава;

д) запрещается для захвата просовывать пальцы в отверстия рукавов и штанин.

§ 16. Если во время борьбы арбитр усмотрит некорректное поведение борцов, то он должен прекратить данную схватку и, в зависимости от степени поведения борцов, присудить поражение.

ИЗ РАБОТЫ В. С. ОЩЕПКОВА ПО ИСТОРИИ ДЗЮДО[369]

Преподаватель Ощепков

ДЗЮУ-ДО
СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ПО УЧЕБНЫМ ДИСЦИПЛИНАМ 1932/33 УЧ. Г.
(ОГИЗ — «Физкультура и туризм», Москва, 1934)

Вводная часть

Полное отсутствие пособий, которые могли бы облегчить работу студентов ГЦИФК, изучающих современную спортивную и прикладную дзюу-до, побудило меня составить настоящий конспект. В основу конспекта положен комплекс приемов дзюу-до, составляющих норму, вошедшую в комплекс норм ГТО 2-й ступени. В конспекте, помимо учебного материала, приводятся краткие сведения по истории развития системы дзюу-до и даются организационно-методические указания по проведению занятий.

Конспект рассчитан исключительно на студентов, проходящих дзюу-до в ГЦИФК под моим личным руководством, и в качестве самоучителя по дзюу-до рекомендован быть не может.

Дзюу-до в системе советской физкультуры

Система рукопашного боя дзюу-до, существующая в Японии свыше 50 лет и получившая ныне широчайшее распространение во всем мире, официально введена в систему советской физкультуры всего около трех лет назад и является для нас совершенно новым видом спорта.

В основном мы позаимствовали эту систему у японского института Кодокан-дзюу-до, учрежденного в Токио в 1882 году.

Полноценность дзюу-до заключается в том, что эта система, признанная в Японии системой физического воспитания, построена на основе комплекса боевых упражнений, имеющих колоссальное военно-прикладное значение.

В эту систему входят главные элементы всех существующих видов рукопашного боя, начиная от французского и английского бокса, китайской у-ши или у-и и кончая приемами различных стилей борьбы.

Все эти приемы комбинируются в дзюу-до в различных сочетаниях, позволяющих защищаться от нападений противника, не только невооруженного, но и вооруженного любым огнестрельным или холодным оружием при близком с ним соприкосновении.

В основу тренировки по системе дзюу-до положено сопротивление при борьбе двух движущихся противников-партнеров, что дает значительную физиологическую нагрузку как на мышцы, так и на центральную нервную систему. Дзюу-до, как и всякая другая система рукопашного боя, построенная на борьбе человека с человеком, наилучшим образом вырабатывает хладнокровие, решительность, быстроту, подвижность, выносливость и умение выйти из самых затруднительных положений, используя в борьбе с противником его силу и экономя силу собственную. Таким образом эта система воспитывает все те психофизические качества, которые необходимы нашему физкультурнику — бойцу Красной Армии в обстановке предстоящих классовых боев, в исходе которых роль рукопашной схватки может быть решающей.

Прикладное значение дзюу-до и огромная роль этой системы в деле общей физической подготовки выгодно выделяют ее из ряда всех существующих ныне систем самозащиты и нападения. Именно поэтому мы должны основательно вооружиться знанием этой интересной и полноценной для нас системы, стремясь достигнуть в применении ее приемов той высокой техники, которая пока является достоянием только японцев.

Введение дзюу-до у нас в СССР в комплекс норм ГТО 2-й ступени указывает на то, что мы должны не только изучить ее как распространенную систему, но и добиться применения ее в деле укрепления обороноспособности нашей страны, обогатив ее нашими достижениями в смысле методики изучения и техники выполнения ее приемов.

История дзюу-до в Японии

Искусство рукопашного боя в Японии стало развиваться примерно с 29 года до нашей эры. История отмечает двух популярных борцов того времени — Номино Сукуне и Тамано Куэхая. Характерно, что правила борьбы в то время разрешали как угодно бросать противника на землю и наносить ему удары ногами. В 97 году нашей эры у японцев появляется первая система рукопашного боя, которая называлась «кумиучи», что значит «бой вплотную».

В течение многих столетий (примерно с 200 по 1671 год)

развитие искусства рукопашного боя связано с несколькими фамилиями. Из рода в род, от деда к внуку передавалась эта почетная профессия иногда на протяжении сотен лет. Естественно, что каждый из руководителей (а они принадлежали к разным родам) создавал и развивал свою систему. Таким образом, к концу XVII столетия в Японии насчитывалось уже свыше 40 различных систем рукопашного боя. Наибольшей популярностью, однако, пользовались две из них: в 1674 году — система циокусинрю, адептом которой являлся Ибараки Сансэй, а в 1683 году — система сибукаварю, которую возглавлял Терада Садаэмон. Главным образом из системы сибукаварю и сложилась впоследствии дзюу-дзюцу.

Естественно, что культивированием систем рукопашного боя как составной дисциплины военного дела занимались представители привилегированного общества, главным образом военная каста самураев, полным достоянием которой являлись дзюу-дзюцу и фехтование.

Только с уничтожением (в 1868 году) каст самураев эти системы сделались доступными для каждого гражданина Японии. Тогда же был поднят вопрос об установлении в стране единой системы рукопашного боя, которая могла бы послужить целям физического и морального воспитания нового поколения Японии, призванного оберегать покой нарождающейся буржуазии.

За установление единой системы рукопашного боя особенно боролся Кано Дзигоро, которому и удалось добиться полного успеха.

В 1882 году в Токио было построено специальное здание, в котором сосредоточилось преподавание единой системы рукопашного боя дзюу-до; зданию же было присвоено название «Кодокан-дзюу-до», что значит «институт, где читаются лекции по дзюу-до».

В дзюу-до вошли наиболее жизненные приемы из трех систем рукопашного боя: дзюу-дзюцу, тензинсиниорю и киторю. Эти системы были самыми популярными в Японии в 1868—1882 годах. Система дзюу-до, вполне оправдавшая себя как система психофизического воспитания, в настоящее время принята в Японии во всех учебных заведениях, физкультурных кружках, в армии, флоте и полиции.

Смысл слов «дзюу-дзюцу» и «дзюу-до»

Слово «дзюу-дзюцу» в японском языке состоит из двух иероглифов; первый из них (дзюу) имеет значение «гибкость, эластичность, мягкость»; второй (дзюцу) означает «искус-

ство». В соединении эти два иероглифа образуют понятие «искусство гибкости, искусство эластичности, искусство мягкости» (в смысле гибкости и эластичности). Всякий другой перевод слова «дзюу-дзюцу» — вроде «дробление костей», «ломание мускулов», «магия мышечного преодолевания» и пр. — является результатом невежества или вульгаризации и не имеет ничего общего с подлинным смыслом названных иероглифов.

Единственно правильное чтение, соответствующее действительному понятию двух приведенных выше иероглифов, надо транскрибировать по-русски: дзюу-дзюцу, а не джиу-джицу, потому что джиу-джицу ни в какой мере не соответствует произношению японцев, в языке которых нет звука «ж», равно как нет и других шипящих звуков, свойственных русскому языку. Начертание «джиу-джицу» перенесено в русскую литературу из западноевропейских источников (французского, немецкого и английского языков), в которых чтение приведенных иероглифов транскрибируется латинским алфавитом, обычно *jiu-jitsu*, *djiu-djitsu* или *ju-jitsu*.

Русские переводчики европейских языков, не знакомые с японским языком, транскрибировали это слово по-русски — джиу-джицу, что совершенно не соответствует ни чтению иероглифов, ни действительному названию самой системы. Слово «дзюу-до» имеет первым иероглифом тот же иероглиф, что и в «дзюу-дзюцу», второй же иероглиф (до) имеет значение «путь», «дорога». В сочетании эти два иероглифа образуют понятие «путь к гибкости, путь к эластичности, путь к мягкости» (в смысле гибкости и эластичности). Под словом «путь» или «дорога» подразумевается процесс учебы, который должен привести человека к гибкости и укреплению его психофизических качеств.

Принципы дзюу-до

Смысл первого иероглифа «дзюу» (гибкий, эластичный, мягкий) считается принципиальной основой системы дзюу-до. По принципу системы дзюу-до бросать противника следует не силой, а ловкостью, построенной на быстроте, гибкости, эластичности и на знании техники. Для этого нужно вначале поддаться силе противника, то есть отступить назад, расслабляя свои мышцы, а в момент применения броска, наоборот, сосредоточить на приеме всю свою силу, резкость и быстроту.

История развития дзюу-до в России до и после Октябрьской революции

Дзюу-до как спорт до 1914 года в России не культивировался. Дзюу-дзюцу стала известна в России из книг американского офицера Ганкока только как система самозащиты. Некоторые из ее приемов изучались в Петербургской полицейской школе начиная с 1902 года.

В 1914 году впервые в России мною был создан любительский кружок изучения спортивной дзюу-до во Владивостоке. В кружке занималось около 50 человек, преимущественно учащаяся молодежь. Сюда приходили тренироваться и японцы, проживавшие во Владивостоке. Кружок существовал до 1920 года.

В 1925 году во Владивостоке мною были проведены трехмесячные курсы среди советских инструкторов физкультуры.

В 1928 году под моим руководством дзюу-до изучалась в Новосибирске в «Динамо», в Школе милиции и в Штабе Сибирского военного округа.

В 1930—1933 годах работа по дзюу-до развертывается мною в Москве в ЦЦКА, ГЦИФК, ЦВШ р.-к. милиции и в некоторых воинских частях РККА.

ИЗ СТАТЬИ В. С. ОЩЕПКОВА «ДЗЮУ-ДЗЮЦУ И ДЗЮУ-ДО В СТРАНАХ ЕВРОПЫ И В АМЕРИКЕ»[370]

От составителя:

«Данная рукопись (на 3 ученических тетрадях, каждая по 12 листов) хранится в архиве А. А. Харлампиева. На обложке первой тетради рукой Анатолия Аркадьевича сделана пометка: "История писана в 1936—37 гг. В.С.О."».

Первыми проводниками Дзюу-Дзюцу в Европе и Америке, бесспорно, явились европейцы, которым удалось побывать в Японии при посольствах, консульствах, торговых представительствах или в качестве корреспондентов, инструкторов, преподавателей и т. д.

Они знакомили Старый и Новый Свет с новым видом борьбы главным образом теоретически — докладами, статьями, книгами и брошюрами и меньше всего — практически.

Мы склонны думать, что уже в 1542 г. представители Португалии, Испании и Голландии в своих докладах о системе боевой подготовки японского воина не забывали упомянуть и о приемах рукопашного боя.

В 1674 г. в Амстердаме (Голландия) была издана книга по рукопашному бою Николая Петтера, в которой автор излагал главным образом приемы самозащиты и нападения во время боя невооруженных и невооруженного против вооруженного. Описанные в книге приемы были абсолютно схожи с теми приемами, которые культивировались в Японии в эпоху феодализма, и особенно в период феодалов Токугава. Оставляя в стороне вопрос о заимствовании, мы должны сказать, что европейским инструкторам военного дела, снабжавшим и обучавшим самураев больших и малых феодалов владению огнестрельным оружием в конце XV века, если и не удавалось изучить японские приемы рукопашного боя, то, во всяком случае, они имели возможность зарисовать и описать их, что не делали японцы.

Что же касается XVIII и XIX вв. (особенно после 1868 г.), то каждый проживавший в Японии европеец имел возможность свободно изучать не только различные системы «Дзюу-Дзюцу», но и вообще все виды древнего военного искусства.

Мы уже говорили о том, что Европа и Америка стали знакомиться с Дзюу-Дзюцу либо по книгам о Японии, либо по специальной литературе.

К сожалению, большинство писателей редко обладали практическими знаниями в области Дзюу-Дзюцу; но зато они

всегда картинно насыщали описания о Дзюу-Дзюцу, делая ее одной из тайн восточной сущности.

Вся заграничная литература о Дзюу-Дзюцу — журнальные и газетные статьи, брошюры, книги, а также отдельные главы в книгах о Японии всегда освещали Дзюу-Дзюцу как систему самозащиты или как один из видов борьбы, имеющей ценное практическое значение, а само название «Дзюу-Дзюцу» переводилось в большинстве случаев таинственными или грозными словами: «ломка мускулов», «раздробление мускулов», «чародейство», «магия», «магия мышечного преодолевания», «дробление костей» и т. д. Лишь некоторые авторы давали такие названия, как «искусство слабейшего» или «нежное или мягкое искусство», что в некоторой мере приближалось к переводу слова «Дзюу-Дзюцу», но оно не было настолько рекламным, чтобы сразу заинтриговать обывателя.

Вообще все было направлено к тому, чтобы создать выгодную конъюнктуру для успешной распродажи издаваемой литературы по «Дзюу-Дзюцу», хромкой по форме и пустой по содержанию.

К таким европейским авторам Дзюу-Дзюцу до империалистической войны принадлежат Бартон Райт, Эркин Бельц, Мартин Фохт, Лафкадио Херн, Ирвин Ганкок, Э. Гаррисон, К. Арманд, Г. Скиннер, Л. Зетцер, Репье, Пешар, А. Лонгхюрст, А. Черпиллод, Э. Андре и целый ряд других авторов.

Из японских авторов, издававших свои труды о Дзюу-Дзюцу на европейских языках, следует отметить М. Цуцуми и К. Хигаси, Н. Моринага, К. Миура, К. Сайте, К. Кояма и А. Минами, Х. Такудзи, Д. Сюнеко, С. Уэноси, С. Аримо, Иокояма и Осима, Х. Фукуда, А. Накамура и др. Указанные японцы все без исключения были мастерами Дзюу-Дзюцу и вели работу по пропаганде Дзюу-Дзюцу.

С появлением японских мастеров Дзюу-Дзюцу в Европе и Америке, выступавших в качестве демонстраторов в варьете, цирках, мюзик-холлах и на эстрадах, интерес как к самим японцам, так и к их Дзюу-Дзюцу был колоссальным. Пока японцы демонстрировали приемы Дзюу-Дзюцу друг с другом и иногда принимали вызов любителей, которые неизменно проигрывали, так как совершенно не знали приемов Дзюу-Дзюцу, ловкие предприниматели и капиталисты таких демонстраторов распускали слухи о неуязвимости японских дзюудистов, о сплошных их победах и т. д., старались создать больше шума вокруг Дзюу-Дзюцу, ее знатоков, и тем самым окутать ее мраком таинственности и таким образом создать впечатление о силе, могуществе и непобедимости самой Японии.

Все это прекрасно удавалось как самим японцам, так и их

антрепренерам, которые грели руки на этом доходном для них предприятии.

Особенного успеха такие выступления достигли после Русско-японской войны, события которой так памятны для нас.

Для поднятия большого интереса к Дзюу-Дзюцу и ее японским чемпионам стали устраиваться матчевые встречи дзюудистов с представителями европейских видов спорта — борцами, боксерами, гиревиками и т. д. Были ли это действительно настоящие матчи или фиктивные, мы не знаем, но факт то, что японским дзюудистам в большинстве случаев удавалось выходить победителями.

Имена японских дзюудистов Мияки, Хигаси, Тани, Хирано, Кояма, Дайбуцу, Минами, Цуцуми, Ухиоси, Махди, Оно и целого ряда других больших и малых чемпионов известны были во всей Европе и Америке.

Несмотря на хорошо поставленную пропаганду Дзюу-Дзюцу за границей и интерес к ней со стороны зрителей, развитие ее в клубах шло медленно и туго. Первыми, кто стал изучать Дзюу-Дзюцу, были богатые буржуа, которые смотрели на Дзюу-Дзюцу как на развлечение. Японцы же, учитывая это, преподавали им лишь отрывки Дзюу-Дзюцу, не открывая всех ее секретов и не добиваясь серьезного к ней отношения.

Вскоре, конечно, такие занятия, в большинстве случаев ничего не дававшие «ученикам», надоедали последним, и занятия прекращались.

У изучавшего составлялось такое впечатление, что вещь, безусловно, хорошая, но ее нужно изучать или смолоду, или только способному для этого дела человеку, так как требует большой резкости, быстроты и т. д., чего нельзя добиться большинству людей.

Незначительное количество европейских спортсменов все же было заинтересовано в ее развитии, но это была такая незначительная кучка, что о ней и говорить не приходится.

Дзюу-Дзюцу, вероятно, так бы и умерла в Европе и Америке, если бы ею не заинтересовалась полиция, для которой эта дисциплина явилась своего рода счастливой находкой.

Сделавшись сначала игрушкой в руках буржуазии, Дзюу-Дзюцу постепенно отошла от «веселящихся» классов и попала в руки агентов уголовной и политической полиции, которая сделала ее орудием борьбы не только против уголовных элементов, но и против рабочего класса.

Опыт империалистической войны показал, что многие солдаты и офицеры были убиты или ранены только потому, что не знали приемов рукопашного боя, который, несмотря ни на какое развитие и применение огневых, технических и

химических средств борьбы в современном бою, очень часто играл решающую роль.

Это обстоятельство заставило военные министерства пересмотреть свои отношения к рукопашному бою и направить его по новому руслу, значительно расширив его задачи и предъявляемые к нему требования.

При разработке так называемого комплекса приемов рукопашного боя было обращено внимание на изучение разделов борьбы и боя невооруженных и невооруженного против вооруженного, которые стали на одном уровне с изучением раздела боя вооруженных противников.

Из кабинетов тайной и наружной полиции Дзюу-Дзюцу стала перекочевывать в армию и во флот. Правительства европейских государств и Америки ввели в военных школах, в войсках и даже в колледжах преподавание почти всех видов единоборства, стали изучать английский и французский бокс, французскую борьбу и борьбу вольного стиля, фехтование, Дзюу-Дзюцу и специально разработанные комплексы приемов самозащиты. Но и здесь Дзюу-Дзюцу заняла место как специфическая система самозащиты и не была превращена в чисто спортивную дисциплину.

После империалистической войны все виды единоборства — бокс, борьба и фехтование получили широкое распространение не только в клубах полиции и армии, но и среди гражданского населения как спорт, который стал достоянием не только буржуазии, но и рабочего класса всех стран Европы и Америки, а Дзюу-Дзюцу стала тянуться в хвосте.

Что же мешало ей занять если не ведущее, то, во всяком случае, не последнее место среди этих видов боевых упражнений?

В силу утвердившегося о ней мнения как о новой форме драки, полезной для самозащиты, — европейская публика не признаёт ее за чистый вид спорта, — этому мешает наличие некоторых элементов в Дзюу-Дзюцу, которые, например, во французской и любительской американской борьбе считаются запрещенными. Кроме того, и костюм, служащий в этой борьбе специально для захватов, постоянно напоминает зрителю, не привыкшему к такому зрелищу, о Дзюу-Дзюцу как о сугубо прикладной борьбе.

Если сейчас Кано Дзигоро и скорбит о том, что Дзюу-Дзюцу в Европе с трудом переименовывается в Дзюу-До и преследует совершенно не те цели, которые он ставил и продолжает ставить сейчас, то он должен принять вину в таком неуспехе только на себя. В Европе и Америке с самого начала должно было быть не Дзюу-Дзюцу, а Дзюу-До, и не самозащита, а

борьба вольного стиля, лишь на базе которой могла быть создана самозащита.

Если бы Дзюу-Дзюцу появилась в Европе и Америке как спорт, как борьба, она бы на сегодняшний день имела чрезвычайно широкое распространение и как борьба, и как самозащита.

На сегодняшний день положение с Дзюу-Дзюцу в Европе и Америке остается немногим лучше, чем это было 20—30 лет тому назад. Она по-прежнему именуется «Дзюу-Дзюцу», а не «Дзюу-До», ее также считают ценной системой самозащиты и отказываются признавать ее как спорт.

Зритель в своей массе, не испытавший Дзюу-Дзюцу на себе в условиях спортивной обстановки, не верит, что она может быть безопасна как спорт.

Кроме того, для Дзюу-Дзюцу в Европе и Америке растет серьезный конкурент — с одной стороны, американская профессиональная борьба вольного стиля, которая, включая в себя все приемы Дзюу-До, начиная с бросков и кончая всеми болевыми захватами, пользуется таким успехом у зрителя, что французская профессиональная борьба, не имея возможности с ней конкурировать, находится на краю полного банкротства, а в некоторых странах даже совсем вытеснена американской борьбой.

С другой стороны — любительская американская борьба вольного стиля, которая, включая в себя все броски Дзюу-До, за исключением собственного падения на спину ради приема, не имеет ни одного болевого приема — ни в стойке, ни в партере.

Эта борьба имеет успех у зрителя и постепенно привлекает все больше и больше сторонников. Надо полагать, что и оно в недалеком будущем станет серьезным конкурентом любительской французской борьбе.

В 1934 году Кано Дзигоро предпринял очередное путешествие по Европе в целях пропаганды Дзюу-До.

В результате этой поездки Дзюу-Дзюцу была переименована в Дзюу-До, создана организация Европейского союза по Дзюу-До и проведены первые европейские соревнования по Дзюу-До на звание чемпиона Европы.

В соревнованиях участвовали дзюудисты пяти весовых категорий в количестве 60 человек. Больше всего участников выставила Германия. Участвовали также представители Австрии, Англии, Венгрии, Латвии и Чехословакии. Германия, Швейцария и Венгрия дали судей. Все пять победителей были немцы. На первое место вышла Германия, а на второе Чехословакия.

Далее мы перейдем к освещению истории Дзюу-Дзюцу по отдельным странам...

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С УЧЕНИКАМИ В. С. ОЩЕПКОВА, ОПУБЛИКОВАННОГО В ЖУРНАЛЕ «ДОДЗЁ» № 1 ЗА 2005 ГОД

Нина Филипповна Розанова:

— Сейчас могу что-то перепутать в датах, ведь столько времени прошло, но, по-моему, Василий Сергеевич пришел в институт в 1930 году. Это был потрясающе обаятельный, интеллигентнейший человек. В институте он как-то сразу выделился своей манерой общения — очень культурный был, воспитанный. Мы тогда не знали, что он жил за границей, такие вещи в те времена скрывались, но было видно, что Ощепков явно неординарный человек. Занятия он, кстати, проводил в японском белом костюме. Потом мы узнали, что это называется кимоно.

Я поступила в институт в 1931 году — во время его структурной перестройки. В институт тогда пришли военные. Воинских званий еще не было, но в современном понимании ректором стал генерал, а проректором полковник. Ввели военную дисциплину и войсковую подготовку. В том числе и для женщин: нас всех обучали футболу, хоккею, боксу, а Ощепков учил нас борьбе.

Жили мы все, включая москвичей, в общежитии, утром вставали на поверку, потом на зарядку, на завтрак, на занятия. У тех, кто учился на спортивных факультетах, была своя специализация, а я училась на педагогическом, и нас обучали всему подряд. И вот тут-то я увлеклась самбо и скажу, что личность Василия Сергеевича сыграла в этом определенную роль — с ним было очень приятно и интересно работать.

...Тогда это называлось дзюдо, а писалось с буквой "у" в середине: дзюу-до. И на афишах так было написано. Мы ведь участвовали в очень многих соревнованиях, объездили московские спортклубы, почти все институты. Василий Сергеевич очень много рассказывал о дзюдо всем желающим, популяризировал борьбу. Было видно, что он влюблен в свое дело.

Познакомилась я с ним на уроке — мы построились, вошел новый преподаватель — очень приятное лицо, крепкий, лысоватый, солидный такой. Я стала тренироваться не только на занятиях, но и вечером ходила на дополнительные тренировки. Со мной было несколько девочек, среди которых самой сильной оказалась моя подруга Галя Шулятьева. Ощепков был с нами исключительно вежлив и внимателен, и мы, конечно, очень любили занятия у него.

...Василий Сергеевич очень много рассказывал о дзюдо всем желающим, популяризировал борьбу. Было видно, что он влюблен в свое дело.

Так прошло два года. Никакой аттестации у нас не было и никаких разрядов нам не присваивалось. Они, по-моему, году в 1935 только появились... Я как раз тогда окончила институт и осталась в нем работать. Занималась художественной гимнастикой — в те времена очень модными были парады с участием гимнасток. С Ощепковым мы встречались, конечно, где-то в коридорах института, здоровались, но на тренировки я не ходила — было просто некогда.

Это сейчас, наверно, трудно понять, но в том году арестовывали практически каждый день. В ГЦОЛИФКе были расстреляны почти все руководители, включая ректора. Декан нашего факультета Михаил Тимофеевич Окунев тоже был арестован и расстрелян. Многие писали доносы, и мы это знали. Мы с девочками пошли к одной даме в руководстве института и начали доказывать, что Окунев не мог быть врагом народа, на что она мне возразила: «Вы что-то слишком рьяно его защищаете. А может, вы с ним заодно?» Я оказалась на грани ареста, но в ту же ночь была арестована сама эта дама, и меня гроза миновала.

Такие были времена, и поэтому мы, честно говоря, не заметили, что Василий Сергеевич пропал.

Герц Адольфович Крупкин:

— Я познакомился с Василием Сергеевичем Ощепковым в начале 1930-х годов, когда мы начали заниматься дзюдо у нас в институте. Причем произошло это не в институте, а в какой-то милицейской школе, кажется. Где-то на Хитровке (в Центральной высшей школе рабоче-крестьянской милиции, располагавшейся в здании Ивановского монастыря близ Хитровки. — *А. К.*). Он давал там уроки самозащиты милиционерам. Основным учеником Ощепкова и, как мне думается, доверенным лицом был Николай Галковский. Он был на курс старше меня, то есть выпускался в 1934 году, и в этой самой милицейской школе они преподавали вдвоем, и Галковский ассистировал Ощепкову. Наш курс был первым четырехгодичным после трехгодичных, и набирали на него только пролетариев, невзирая на возраст, так что сорокалетние студенты были у нас совсем не редкостью. Были даже студенты — ровесники самого Ощепкова — 1890-х годов рождения. Естественно, курс был очень необразованным: с семью классами школы ребят было очень мало. Но это не учитывалось, главное, чтобы

был рабоче-крестьянского происхождения. Более того, для неграмотных студентов в институте даже создали ликбез, как ни странно это звучит сегодня.

Я это вам рассказываю не случайно. Сами понимаете, спустя семьдесят лет Ощепкова я помню смутно, но вот впечатления от общения с ним очень живы, и впечатления эти превосходные! Василий Сергеевич даже внешне выделялся в нашем институте: стройный, подтянутый, с ярко выраженной интеллигентностью в облике. Он был роста выше среднего, мощного телосложения, но резкий в движениях — завалить мог любого. Обладал очень большой физической силой. Я отчетливо помню, как он выдергивал меня из ковра в воздух одними руками. Резко делал захват, подсечку — и ты уже летишь в воздухе! Но самое главное, мне кажется, он был очень добрым человеком, исключительно вежливым, никогда никому не грубил и этим резко выделялся на «пролетарском фоне» института. Могу даже сказать, добродушный он был человек. Хотя, естественно, друзьями мы не были и особенно близко не общались.

...До встречи с вами, до тех пор, пока вы не рассказали мне о его судьбе, я был абсолютно уверен, что видел Ощепкова после войны. Помню, шло какое-то собрание в актовом зале. Я его там увидел и даже сказал кому-то об этом: вот, мол, Ощепкова выпустили! Наверно, ошибся...

ПИСЬМО В. С. ОЩЕПКОВА В ВЫСШИЙ СОВЕТ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ[371]

Преподаватель «Дзюудо»
Г.Ц.И.Ф.К.
В. С. ОЩЕПКОВ
«...» апреля 1934 года
г. Москва, Страстной бульвар, 4, кв. 97,
телеф. 5-28-38

В 1930 г. я приехал в Москву с Дальнего Востока с целью популяризации совершенно неизвестной в СССР спортивной дисциплины «ДЗЮУДО». По предложению инспектора физподготовки РККА тов. Кальпуса, я развернул работу в ЦДКА с целью популяризации дзюудо в частях Московского гарнизона.

В Москве я ближе познакомился с системой самозащиты т. Спиридонова, культивируемой им в «Динамо» под названием «джиу-джицу» (ныне переименованной в «САМ»).

Основательное ознакомление с системой «джиу-джицу» т. Спиридонова (по его литературным трудам и путем встреч в тренировках с его лучшими учениками) убедило меня в том, что система Спиридонова не имеет ничего общего с подлинной японской «дзюу-дзюцу» (джиу-джицу), существовавшей в Японии до появления дзюудо, и, тем более, резко отличается от современной системы дзюудо, значительно уступая ей в смысле подбора приемов, их техники и жизненности.

Что же представляет собою современная дзюудо? В чем заключается коренное отличие этой системы от «джиу-джицу» Спиридонова? Где изучил я систему дзюудо и почему отстаиваю ее как лучшую систему самозащиты?

Дзюудо — это система физического развития, сложившаяся в Японии более 50 лет тому назад, представляет как бы квинтэссенцию из весьма разнообразных и многочисленных систем самозащиты, каковыми были дзюу-дзюцу, тэнзинсиньорю, киторю и другие.

Современное дзюудо делится на две основные части: спортивную и прикладную. Спортивная часть состоит из раздела борьбы невооруженных в стойке и лежа на земле. Борьба представляет собой вольный стиль борьбы, в которой разрешается бросать партнера подножками, а в партере применять болевые захваты суставов рук и ног с целью принудить противника к сдаче. Наиболее опасные и болевые приемы ограничены здесь

строгими правилами, благодаря чему для партнеров совершенно исключается возможность причинить какой-либо вред друг другу. Спортивная борьба дзюудо, наравне с французской борьбой и боксом, требует не только одной работы мышц, но и концентрированного внимания, что наилучшим образом способствует повышению физических и воспитанию волевых качеств человека, вырабатывает в нем выносливость, быстроту, подвижность, хладнокровие и решительность. Борьба вольного стиля по системе дзюудо дает возможность в освоении техники, тактики и умения применять в нужный момент соответствующие ему наиболее эффективные приемы, позволяющие выйти из самых затруднительных положений, создающихся в схватке с противником, особенно при внезапном нападении. Прикладная часть дзюудо состоит из трех разделов борьбы невооруженных, борьбы невооруженного против вооруженного и борьбы вооруженных.

Борьба невооруженных в стойке и лежа на земле заключается в весьма разнообразных приемах: броски (запрещенные в спортивной борьбе дзюудо), гяку (рычаги суставов рук и ног, запрещенные в спортивной борьбе дзюудо) дыхательных путей и органов, удары руками и ногами и способы защиты против указанных приемов. Комбинации и контрприемы предусматривают всевозможные моменты нападения невооруженного противника спереди, сзади, сбоку и лежа на земле.

Борьба невооруженного против вооруженного построена на захватах и обезоруживании противника, вооруженного ножом, палкой, саблей, револьвером и винтовкой со штыком, путем использования в комбинированном сочетании всех приемов из раздела борьбы невооруженных.

Борьба вооруженных предусматривает использование приемов дзюудо в моменты близкого сближения вооруженных противников (нож против ножа, револьвер против револьвера, винтовка против винтовки и т. д.), когда становится невозможным воспользоваться оружием.

Таким образом, современная дзюудо представляет собою не только дисциплину «самозащиты» в узком применении этого слова, но и является вообще широко разработанной системой рукопашного боя, построенной в основе на спортивной борьбе вольного стиля, которая и служит источником развития техники в дзюудо. Культивирование этой системы в Японии поручено специальному Институту в Кодокан-дзюудо, созданному в 1882 г.

Современную систему дзюудо я изучил в Японии в Центральном Институте Кодокан-дзюудо в Токио, который закончил в 1913 г. в звании мастера 2-й ступени, пробыв в названном

институте около пяти лет. В подтверждение сказанного имею надлежащие документы. На поприще преподавателя и пропагандиста дзюудо я работаю 14 лет. Владея японским и английским языками, я все время слежу за развитием системы дзюудо, как в Японии, так и в Европе, и Америке, используя все, что встречается в литературе нового о методах этой системы, ее технике, тактике, а также обогащения ее новыми приемами. Следовательно, мои выступления в качестве пропагандиста дзюудо в Советском Союзе — это выступления специалиста, вооруженного подлинными знаниями названной системы, стремящегося передать эти знания советской физкультурной молодежи.

В чем же основное отличие системы дзюудо от джиу-джицу Спиридонова и почему я настаиваю на культивировании именно дзюудо в Советских условиях? Подобное рассмотрение этих двух систем заняло бы слишком много места. Поэтому я остановлюсь здесь лишь на некоторых наиболее существенных положениях, характеризующих, с моей точки зрения, недостатки джиу-джицу как системы самозащиты. Для окончательного же сравнения и оценки дзюудо и джиу-джицу Спиридонова необходим прежде всего тщательный просмотр Советской физкультурной общественностью каждой из этих систем, о чем я и прошу в настоящем заявлении. Комплекс приемов джиу-джицу Спиридонова представляет собою набор приемов из старых книг о джиу-джицу (авторов Ганкока, Кара, Асикаго, Ходзио, Такуй) и некоторых приемов, взятых им из французской и вольно-американской борьбы. Будучи заимствованными из разных европейских литературных источников, о качестве и новизне которых т. Спиридонов не мог судить вследствие незнания природы современной дзюудо, приемы эти претерпели большое искажение, а сведение их в определенную систему лишило эту систему цельности, необходимой стройности и, в большинстве своем, даже жизненности.

Система «САМ» построена исключительно на «Самозащите без оружия», т. е. на единственном разделе борьбы невооруженных. Она совершенно не содержит таких важнейших разделов, как борьба невооруженного и борьба вооруженных, а следовательно не может быть полноценной системой самозащиты в условиях оперативной работы ОГПУ, Милиции и РККА. Из каких же приемов состоит этот единственный раздел борьбы невооруженных в системе «САМ»? Приемы в стойке основаны главным образом на «рычагах», т. е. на таких приемах, которыми выворачивают суставы рук в болевом направлении.

«Рычаги» в стойке в условиях серьезной рукопашной схватки не имеют практического значения и могут быть действительны лишь тогда, когда противник «добродушно поддается» и «не ожидает нападения» или вообще «не имеет в виду сам нападать». Значение их тем более уменьшается, если на них делается ставка, как на самостоятельный прием. «Рычаг» может быть действителен только в сочетании с подножкой или с ударом, но таких сочетаний и главным образом сочетаний жизненных в системе «САМ» нет. В Японии давно уже отказались от применения «рычагов» в стойке во время борьбы. Даже француз Жозеф Рено в своей книге говорит: «Существуют преподаватели, которые, демонстрируя рычаги в стойке, претендуют на преподавание джиу-джицу, однако вы имеете полное право им не доверять».

Подножки в дзюудо играют главную роль и имеют решающее значение в этой системе. Научиться прочно стоять на ногах и свободно владеть ими с целью броска составляет основу системы дзюудо. В системе «САМ» подножки считаются трудно выполнимыми приемами, требуют много времени на их изучение, решающего значения в схватке не имеют, а поэтому им придается второстепенное значение и на их изучение не обращено должное внимание. Игнорирование подножками объясняется не тем, что их трудно изучить или они не имеют жизненного применения, а тем, что Спиридонов не знает подножек и не знает, как обучать технике их применения. Введенные Спиридоновым в систему «САМ» пять подножек (кстати сказать, без полного объяснения) искажены, архаичны и нежизненны.

В системе «САМ» нет защиты против ударов руками и ногами и не указаны способы удушения в стойке и на земле при помощи костюма, а также не указаны способы оживления. Все это дает возможность знающему английский бокс без особого труда и в короткий срок расправиться с любым мастером спорта «САМ».

В системе «САМ» отсутствует спортивная основа, хотя существуют правила соревнований (кстати говоря, по которым никогда, нигде и никто не проводил еще соревнований), правила эти расходятся с фактическими приемами, большинство которых, по признанию самого Спиридонова, являются «по результатам своим опасными и влекут за собой различные повреждения, начиная с мелких растяжений и вывихов до переломов конечностей и позвоночника», а следовательно, не могут быть применимы в соревнованиях (В. Спиридонов «Самозащита без оружия», издание Москва 1933 г., стр. 15-я).

Отличительные свойства обеих систем значительно возрастут, если коснуться методики, техники и тактики каждой.

Здесь со всей наглядностью всплывает вся неосновательность построения «САМ», ее непродуманность, наносность, устарелость и нежизненность большинства ее приемов. Я неоднократно в дружеских тонах указывал т. Спиридонову на необходимость очищения системы «САМ» от архаических приемов и введения вместо них новейших и наиболее жизненных приемов современной дзюудо, но предложения мои не были приняты т. Спиридоновым, а его позиция резко стала враждебной по отношению ко мне. Дело началось с распускания им слухов, что моя система ничего нового, что все это «известно и старо» (Давыдов — Московское «Динамо»), «что я никогда не был в Японии, не знаю японского языка, никакого института дзюудо в Японии не кончал, никакого звания мастера не имею и что вообще я аферист» (Рубанчик — Милиция — Ростов-на-Дону; Любимов — ГЦИФК; Грибашев — ЦВШ), что «САМ» является засекреченной системой самозащиты в «Динамо», и что дзюудо как родственная система «САМ» будет в скором времени запрещена не только во всех физкультурных вузах и коллективах, но и в органах Милиции. Слухи о запрещении ДЗЮУДО поползли буквально отовсюду. Мне об этом передавали и студенты ГЦИФК, и курсанты, и служащие ЦВШ РК Милиции, и наконец об этом мне сказал сам лично т. Лаврентьев.

Не ограничиваясь подобными лживыми измышлениями, Спиридонов перешел в активное наступление против меня, действуя не совсем добросовестными методами. Какие же результаты дали на сегодняшний день интриги Спиридонова?

1. В 1931 г. ВСФК и МСФК организовали закрытый просмотр дзюудо с целью ее сравнения с джиу-джицу Спиридонова, которая намечалась к просмотру после просмотра дзюудо. Просмотр дзюудо был организован в ЦДК 21 ноября, на котором присутствовали: инспектор Физподготовки РККА тов. Кальпус, от МСФК — т. Кононов, Догаев (Ростовская школа Милиции), от Московского Динамо — Давыдов и Столяров; Аксельрод, Таперов, Любимов, Слепнев, Кривошеий. Жамков, д-р Котов, Харлампиев и др. (при необходимости могу представить часть сохранившейся у меня стенограммы).

Просмотр джиу-джицу, несмотря на согласие, данное Лапиным, Спиридоновым, организован не был.

2. В 1933 г. по инициативе т. Непомнящего ВСФК вторично пожелал просмотреть ту и другую систему, но и на этот раз предложение ВСФК осталось без внимания со стороны Динамо.

3. Инструкторам физкультуры РК Милиции т. Рубанчику (Ростов-на-Дону) и Дашкевичу (Ленинград), окончившим специальные курсы дзюудо Центральной Высшей Школы

Рабоче-Крестьянской Милиции в Москве в 1931 году — преподавание дзюудо было запрещено их непосредственными начальниками.

4. Студентам Бабковскому и Стакеевичу, окончившим ГЦИФК и поступившим на работу в Динамо, запрещено преподавание дзюудо.

5. Успешно существовавший с 1932 года кружок дзюудо в Ленинградском Совете Динамо запрещен в марте месяце этого года (инструктор дзюудо Динамо т. Щеголев).

6. В августе месяце 1938 г. я был приглашен Минским Динамо для проведения курсов по дзюудо среди инструкторов «САМ» и командного состава ОГПУ. Перед самым выездом приглашение мое было аннулировано. Впоследствии выяснилось, что в это дело вмешался Спиридонов, который категорически опротестовал мое приглашение (Миттельман — Минское Динамо).

7. В январе месяце 1934 г. по распоряжению Главного Управления Милиции существовавшая около трех лет в ЦВШ РК Милиции секция дзюудо была закрыта, а вместо нее введена «САМ». На предложение руководства школы устроить просмотр обеих систем и оставить ту, которая окажется лучшей, последовало «разъяснение», что в органах ОГПУ и Милиции должна существовать единая система, каковой считается система Спиридонова (Гомберг — ЦВШ).

8. Спиридонов не удовлетворился тем, что наконец добился полного моего устранения из органов Милиции, и попытался вмешаться в дела ГЦИФК. Так, в феврале месяце сего года в ГЦИФК явился его ученик Пронин, который от Динамо заявил протест против того, что стипендиаты Динамо проходят в ГЦИФК дзюудо, а не «САМ», и потребовал, чтобы эти студенты ходили не на дзюудо, а на «САМ» под руководством Динамовского преподавателя (Чупанов).

Перестраивая нашу физкультурную работу на базе освоения новой физкультурной техники, мы стремимся к тому, чтобы в самом непродолжительном времени не только догнать, но и перегнать буржуазные страны по всем видам спорта. Создание в СССР целого ряда школ мастеров по отдельным видам спорта, специализация в физкультурных вузах и личное знакомство с техникой иностранных мастеров показывают, что мы не можем уже оставаться на завоеванных позициях в области физкультурных достижений, а должны стремиться к высотам мировой спортивной техники, освоение которой является боевой задачей дня.

Вопрос о дзюудо у нас в СССР должен рассматриваться под таким же углом зрения, под каким рассматривается лю-

бая полезная для нас спортивная дисциплина. Было бы колоссальной политической ошибкой в наше время, когда у нас имеются налицо все возможности быть впереди, пользоваться старыми, давно отжившими приемами самозащиты, которые в условиях излишней доверчивости культивируются ловкими дельцами, под маркой популярной, но давно не существующей джиу-джицу.

Следует наконец учесть, что дзюудо в Японии стоит на высокой ступени технического развития, считается обязательной не только в армии, флоте и полиции, но и в средних учебных заведениях.

Японский империализм, стремясь к оснащению своей армии передовой техникой, придает огромное значение дзюудо, которая вооружает ее личный состав приемами ловкости, гибкости, умения нападать и защищаться не только с оружием, но и без оружия.

Для бойцов и командиров Рабоче-Крестьянской Красной Армии освоение приемов искусства дзюудо должно стать боевой задачей дня, ибо Красная Армия, защищающая границы единственного в мире государства трудящихся, не может отставать от возможных врагов своих ни в технической вооруженности, ни в физической подготовленности.

В заключение считаю необходимым просить ВСФК рассмотреть вопрос о дзюудо и «САМ», для чего предлагаю

1. Создать при ВСФК комиссию из представителей высококвалифицированных мастеров французской борьбы, бокса и фехтования, которая должна изучить эти две системы.

2. Устроить общественный просмотр, пригласив на него ответственных лиц советской физкультурной общественности.

3. Комиссия, на основе изученного материала и просмотра, должна решить вопрос о единой унифицированной системе самозащиты в Советском Союзе, которая нашла бы свое применение в оперативной работе ОГПУ, Милиции, РККА и в то же время получила бы широкое распространение среди физкультурных масс нашего Советского Союза как спортивная борьба вольного стиля, как это мы видим в Японии, Германии и других странах.

В. Ощепков

ПИСЬМО В. С. ОЩЕПКОВА В ГЦОЛИФК[372]

Руководитель курса дзюу-до ГЦОЛИФК им. т. Сталина

8 июня 1937 г.

В ученый Совет ГЦОЛИФК им. Сталина
Копии: Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта
Инспекция ф/подготовки и спорта ГЦОЛИФК им. т. Сталина
ГОЛИФК им. Лесгафта
УТИФК
ЗГИФК

В марте 1931 года, по приглашению ГЦИФК, мною был прочитан доклад дзюу-до и продемонстрированы ее приемы. По мнению руководства ГЦИФК и Студенческого актива института, дзюу-до явилась именно той дисциплиной, которая отвечает всем принципам, положенным в основу физической подготовки нашей молодежи. Ввиду этого дзюу-до была включена в учебный план ГЦИФК на 1931/32 учебный год и для ее прохождения было отведено по 30 часов.

Ясно, что за это время можно было лишь бегло ознакомить студентов с дзюу-до и научить их весьма ограниченному количеству приемов.

Что же такое дзюу-до и в чем заключается ее ценность для нас? Дзюу-до всегда представляла собой прежде всего один из видов борьбы вольного стиля. Чтобы иметь ясное представление о ней, как о борьбе вольного стиля, я позволю себе сравнить дзюу-до с французской борьбой. Во французской борьбе существует всего два элемента: броски с падением без подножек и захватов ног руками и способов переворачивания противника на обе лопатки, когда он лежит на животе или стоит на коленях и локтях в так называемой «скамейке».

В борьбе же дзюу-до, помимо всех этих приемов, которые входят во французскую борьбу, разрешается применять еще подножки, захваты руками ног противника, бросать его, оставаясь при этом на ногах, производить захваты, удерживающие противника спиною на ковре в течение определенного времени и применять в области локтевого сустава, ахиллесового сухожилия и шеи такие захваты, которые заставляют противника сдаваться.

Таким образом, мы видим, что борьба вольного стиля дзюу-до по своему содержанию гораздо богаче и прикладнее (так

в тексте. — *А. К.*) борьбы греко-римского стиля, что дает ей полное основание развиваться в СССР как спортивной борьбе, способствуя в то же время подъему и развитию многих национальных видов борьбы вольного стиля в нашем Союзе, которые по своему характеру имеют много общего с борьбой вольного стиля дзюу-до.

Однако, несмотря на это, я счел необходимым на базе ее приемов разработать специальный комплекс приемов самозащиты, знание которых обеспечивает возможность, в условиях рукопашного боя, невооруженному справляться не только с невооруженным противником, но и с противником, вооруженным любым холодным или огнестрельным оружием.

В 1932 году комплекс приемов самозащиты был просмотрен и получил одобрение МСФК, ЦВШ РК милиции и инспекцией физподготовки РККА и введен в руководство по физподготовке в РККА, ЦВШ милиции и включен в нормы ГТО 2-й ступени. Введение комплекса приемов самозащиты по системе вольной борьбы дзюу-до в РККА, милиции и в нормы ГТО 2-й ступени поставило меня в необходимость переключиться на подготовку кадров преподавателей по этому комплексу. В силу этого программа по дзюу-до в ГЦИФК была переделана в соответствии с комплексом самозащиты, изучение которого стало вестись в объеме 30 часов, отведенных для ознакомления с дзюу-до в академическое время.

Неоднократные показательные выступления студентов ГЦИФК на различных физкультурных вечерах и т. д. с демонстрацией дзюу-до были построены на показе главным образом приемов самозащиты ввиду того, что были эффектны, разнообразны и хорошо воспринимались зрителем, который видел не только форму каждого приема, но и технику и содержание как каждого приема в отдельности, так всего комплекса в целом.

С точки зрения пропаганды комплекса самозащиты дзюу-до, подобные выступления имели безусловно положительную сторону, но зато у зрителя создавалось впечатление, что дзюдо не борьба, а самозащита, что это сугубо прикладная система, которая не имеет ничего общего со спортом.

Такое же неточное представление о дзюу-до, к сожалению, сложилось и у большинства руководства института и во Всесоюзном Комитете по делам физкультуры и спорта.

Уже в 1933 г. я заметил и понял, что упор в дзюу-до как на самозащиту ведет к тому, что оттесняет на задний план ее чисто спортивную сторону, имевшую не меньшее значение, чем самозащита по этой системе. Я стал просить, и неоднократно, руководство ГЦИФК увеличить часы на дзюу-до для того,

чтобы параллельно с комплексом самозащиты вести занятия по обучению борьбе вольного стиля дзюу-до. При этом я обратил внимание руководства на то обстоятельство, что преподаватель по самозащите будет полноценным только тогда, когда он освоит технику борьбы вольного стиля дзюу-до.

К сожалению, мои просьбы не были удовлетворены и положение с увеличением часов на основном отделении осталось без изменения до настоящего времени.

Между тем дзюу-до как борьба продолжала успешно развиваться в различных кружках г. Москвы и по линии клубной работы СКИ. За время с 1931 г. по 1937 г. только в Москве было проведено около пятнадцати открытых и закрытых соревнований, в которых приняло участие до 300 с лишним человек и на сегодняшний день по Москве и Ленинграду имеется около двухсот человек дзюдоистов, получивших 3 и 2 разряды.

К сожалению, за все это время ни директор ГЦОЛИФК, ни его помощники, а также никто из руководства Всесоюзного Комитета ни одного раза не посетили занятий по борьбе вольного стиля дзюу-до и не присутствовали ни на одном соревновании по дзюу-до.

Это свидетельствует о том, что руководство ГЦОЛИФК и Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта относятся к дзюу-до совершенно безразлично и нисколько не заинтересованы в ее развитии в СССР.

Даже более, есть основание думать, что они скорее против дзюу-до, чем за дзюу-до, так как на мои обращения еще в ВСФК устроить общественный просмотр дзюу-до, подвергнуть ее тщательному обсуждению с целью внедрения ее в СССР — меня не удостоили даже ответом. А не так давно в разговоре с т. Харченко на последнем Ленинградском активе дзюдоисты услышали о дзюу-до самый отрицательный отзыв.

Это отношение Председателя Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта говорит о том, что он имеет о дзюу-до смутное представление. На докладную записку, представленную заведующим доцентурой дзюу-до ГОЛИФК им. Лесгафта т. Кузовлевым с просьбой заслушать доклад с демонстрацией работников по дзюу-до Московского и Ленинградского институтов, ответа до сего времени не последовало.

Результаты такого отношения к дзюу-до налицо:

а) дзюу-до исключено из учебного плана техникумов ф. к.

б) Ленинградский комитет отказался от встречи по дзюу-до Москва—Ленинград.

в) дзюдо исключено из учебного плана на основном отделении институтов ФК на 1937/38 учебный год.

Что дзюу-до не только самозащита, но и спорт, об этом говорят авторитетные лица, мнение которых я позволю себе здесь привести.

В предисловии к книге Ирвинг Ганкок — «Дзюу-дзюцу», Париж, 1905 г. указывается, что дзюу-до является методом борьбы и упражнениями гимнастического характера. В предисловии к другой книге «Le jiu-jitsu et le Femme», Париж, 1906 г. доктор Ф. Лангранж вскрывает воспитательные качества дзюу-до с точки зрения физического развития и указывает, что дзюу-до много столетий определила (вероятно, правильно: опередила. — *А. К.*) шведскую гимнастику Линга.

Те же положительные качества дзюу-до с точки зрения физкультуры подчеркивают и все японские авторы. Последние подчеркивают еще и моральную сторону дзюу-до, ее положительное значение в развитии психофизических качеств.

Ввиду того, что в настоящее время производится пересмотр программ на 1937/38 учебный год, я считаю, что дзюу-до, как одна из ценнейших для нас спортивных дисциплин, должна быть включена в учебные планы институтов и техникумов ФК, и на изучение ее должно быть отведено не 30 часов, как это было до сего времени, а 80 часов, с тем, чтобы дзюу-до была изучена не только как самозащита, но и как борьба вольного стиля. Если будет отведено указанное количество часов, то студенты основного отделения не только технику, но смогут изучить и частную методику каждого упражнения, а также получат познания в области теории, тактики и приобретут инструкторские навыки для преподавания дзюу-до.

Если же руководство института считает, что изучение дзюу-до не входит в задачу подготовки студента, как будущего квалифицированного педагога, как не входит в эту задачу и борьба и бокс, то я считаю совершенно необходимым, чтобы в институтах проводилось обязательное ознакомление с дзюу-до и не только как с самозащитой, но и как с борьбой вольного стиля, на тех же правах и в течение того же времени, которое будет отведено для борьбы и бокса на основном отделении.

Снимать же дзюу-до с учебного плана без всякого к тому основания считаю мероприятием совершенно ошибочным. Изучение дзюу-до в факультативное время является для студентов делом совершенно не обязательным, а поэтому обречено на полный провал. Это красноречиво подтверждается положением дзюу-до в техникумах ФК и в текущем 1936/37 учебном году.

Наконец, необходимо с 1937/38 учебного года открыть на ВШТ при ГЦОЛИФК им. т. Сталина двухгодичное отделение дзюу-до на 30 человек для подготовки высококвалифицированных преподавателей-тренеров по борьбе вольного стиля дзюу-до и по самозащите. Позволю себе надеяться, что Ученый Совет заинтересуется создавшимся положением с подготовкой кадров по дзюу-до и разрешит все вопросы, связанные с ее развитием в СССР.

Руководитель курса дзюу-до ГЦОЛИФК им. т. Сталина
Ощепков

ИЗ СТАТЬИ Б. КАНДИДОВА «ЦЕРКОВНЫЕ ШПИОНЫ ЯПОНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА»[373]

Церковь, испытанный союзник и орудие всякой реакции и контрреволюции, является для иностранной, в частности японской, разведки одним из резервов ее шпионских и диверсантских «кадров».

В истории японского шпионажа особую роль выполняла и выполняет японская православная церковь, существующая в Японии с 1858 г. Она возникла в результате миссионерской деятельности православных попов, посланных царским правительством в Японию для шпионажа и укрепления влияния российского империализма.

Японское правительство вполне терпимо относилось к этой организации царского шпионажа, так как японские православные попы охотно «совместительствовали» в японской разведке, оказывая и ей свои шпионские услуги.

После победы Советской власти их двойная служба окончилась, и они целиком «посвятили» себя японским хозяевам. Начиная с 1917 г. японские православные попы активно борются против Советской власти и ведут гнуснейшую контрреволюционную и шпионскую работу.

По заданию епископа Сергия японский православный поп Симон Мий осенью 1917 г. поехал в Россию, чтобы установить контакт с всероссийским церковным собором — главным центром антисоветской религиозной организации. Он передал пленуму собора пожелания успеха от японцев, а собор в свою очередь через японского попа приветствовал японскую церковь.

Несколько позже, когда японская военщина уже приступила к оккупации нашего Дальнего Востока, Симон Мий, этот шпион в православной рясе, вместе со своим сообщником, тоже японским попом Павлом Морита, приезжал в Сибирь по поручению японских капиталистов и военной разведки. Выполняя задание японской разведки, эти попы выпустили воззвание, опубликованное в ноябре 1918 г. в церковном журнале «Известия по омской епархии». В этом воззвании шпионы заявляли, что они приехали с целью выразить всем православным «сердечное соболезнование» от имени японской церкви, оказать им «посильные услуги» и «послужить делу укрепления дружественных отношений». В какой же форме тогда выражались «дружественные отношения» японских генералов и их

«посильные услуги» населению Сибири? Еще в ноябре 1917 г. японские крейсера вошли во Владивосток, 5 апреля 1918 г. был высажен первый десант, 4 августа — второй десант. «Посильные услуги» японской военщины выразились в отправке стотысячной оккупационной армии, обильно снабженной пушками, снарядами, патронами, бомбами, гранатами.

Свою грабительскую политику интервенции в советской Сибири японская военщина прикрывала лживыми и лицемерными заверениями о своем желании «помочь святым элементам России объединиться против грабителя земли и души — немца — и восстановить на святой Руси мир и порядок».

Сейчас, когда германский и японский фашизм так трогательно подружились и закрепили эту дружбу особым официальным договором, японским генералам, вероятно, даже неприятно вспоминать о том, что устами своих шпионов они не так еще давно называли своих теперешних друзей-немцев — грабителями. Но ни для кого не секрет, что не в немцах было дело, когда японские империалисты пошли вооруженным походом против советской власти. Цель японской оккупации была совершенно определенная и ясная: империалистический грабеж и захват советской Сибири.

В тот период весь аппарат японской православной церкви проводил самую разнообразную антисоветскую и шпионскую работу, а глава миссии епископ Сергий давал тайной полиции сведения о приезжавших в Японию эмигрантах.

Очень многие японские православные церковники были мобилизованы для службы в частях оккупационной армии, действовавшей на территории Дальнего Востока.

Бывший белогвардейский генерал Болдырев, член уфимской эсеровской директории, посетивший Японию в 1919 г. и впоследствии служивший интервентам на Дальнем Востоке, в своих воспоминаниях пишет: «Воспитанники Суррагадайской семинарии, получившие образование за счет миссии... командируются переводчиками в японские полки, находящиеся в Сибири, где благодаря недурному знанию русского языка оказывают немалую услугу по изучению столь интересующего японцев материка».

В действительности услуги, которые японские церковники оказывали оккупационной армии, выражались не только в «изучении материка», но также в самой разнообразной шпионской деятельности и содействии войскам. Благодаря знанию русского языка и своему церковному званию японские православные попы устанавливали нужные связи, собирали шпионские сведения, активно участвовали в борьбе с партизанским движением, помогали японским генералам в составлении и

распространении лицемерных воззваний «о сочувствии». Сам начальник японского генерального штаба генерал Уехара говорил тогда Болдыреву, что в японской оккупационной армии духовенство выполняет «большую работу».

Японские попы участвовали в нападении японских войск на партизанские части 4—5 апреля 1920 г. во Владивостоке, Нижне-Уссурийске, Хабаровске и многих других городах. Японские войска при участии попов устраивали в те дни кровавые погромы в рабочих кварталах, убили тысячи рабочих и крестьян Дальнего Востока.

Епископ Сергий имел тесную связь с атаманом Семеновым. Японские православные попы получали у Семенова деньги на японское православие и ездили к нему с различными поручениями от японских фирм.

На протяжении всей своей дальнейшей истории японское православное духовенство ведет гнусную работу продажных шпионов и разведчиков, широко пользуясь испытанным средством всякого шпионажа — ложью и лицемерием. Достаточно сказать, что после захвата японскими войсками Манчжурии епископ Сергий возвестил открытие «земного рая» на манчжурской земле. Этот «рай», как известно, строится пушками и кровью. В таком «строительстве» религиозные организации всегда помогают своим хозяевам.

Наряду с использованием японских православных попов японская разведка вербует шпионов и среди русских православных попов, считая их шпионскую работу особенно эффективной и ценной.

Свою вербовочную работу среди православных русских попов японская разведка проводит с начала текущего столетия. Уже тогда некоторые попы охотно служили ей в качестве шпионов. Знаменитый провокатор поп Гапон выполнял шпионские поручения японской разведки, которая оплачивала его «услуги» через японского военного атташе в Стокгольме.

После Великой пролетарской Октябрьской революции агенты японского империализма, организаторы шпионажа, встречали самое сочувственное отношение со стороны православного духовенства. Попы Симон Мий и Павел Морита получили от сибирских епископов и попов документ, в котором последние приветствовали выступление японских империалистов против Советской власти, благословляли высадку японских войск на Дальнем Востоке и восхваляли «доблесть» японского оружия.

Вербовку в шпионы и организацию церковно-шпионских гнезд японская агентура проводила очень тонко. В Японии был создан «Комитет по оказанию продовольственной помо-

щи населению Сибири». Путем ничтожных подачек широко рекламировалось японское «благородство» и попутно устанавливались широкие агентурные связи. Сибирские православные попы, по поручению японского командования, раздавали населению по особым билетикам куски мыла, или носки, или по два кило сахарного песку. После раздачи попы произносили проповеди, в которых восхваляли «доброту» японского командования и советовали подчиниться оккупантам.

В Забайкалье во время японо-семеновской диктатуры местные попы стали шпионами семеновской контрразведки. Это было раскрыто органами ОГПУ в 1923 г., уже после установления Советской власти на территории всего Дальнего Востока.

Газета «Дальневосточный край» (№ 11 за 1923 г.) в статье «Епископ и забайкальский епархиальный совет — семеновские контрразведчики» сообщала:

«Местным отделом ГПУ арестованы епископ Сафроний (бывший протоиерей Сергей Старков) и секретарь забайкальского епархиального совета Анатолий Попов.

Арест вызван фактом участия Сафрония и Попова в работе семеновской контрразведки. Сафронию при аресте предъявлен был документ, подлинность которого ни он, ни секретарь епархиального совета не отрицают».

На суде выяснилось, что, по специальному распоряжению забайкальского епархиального совета, все духовенство в обязательном порядке привлекалось к делу сыска и белогвардейского террора. Были установлены специальные штаты, церковные инструкторы по политическому сыску разъезжали по епархии, давали указания попам-шпионам и собирали сведения для передачи японским оккупантам и семеновским бандитам. На основе этих сведений организовывались жестокие расправы, пытки и убийства восставших рабочих. Церковные богослужения и на этот раз служили только ширмой для контрреволюционной, шпионской деятельности православного духовенства.

В лице попов японские оккупанты имели своих послушных агентов. Это признали и сами обвиняемые.

Один из главных обвиняемых на вопрос судьи, признает ли он, что духовенство служило японским оккупантам и семеновцам, ответил: «Признаю».

В свою очередь агент японских палачей — атаман Семенов за свою белобандитскую деятельность получил высшую церковную награду: иерусалимский патриарх Дамиан наградил его званием «кавалера святого гроба господня» и прислал ему золотой крест «на александровской ленте с подлинной (!) ча-

стицей животворящего гроба господня». За золото японской разведки церковники окружали палача и бандита ореолом святости.

Бандит Семенов получил и другую награду; магометанское духовенство Аравии прислало Семенову в 1919 г. «орден святого Магомета» и присвоило ему звание «святого защитника религии, науки и права».

Так японские оккупанты, иерусалимский патриарх, магометанское духовенство и православные попы дружным хором прославляли палача сибирских рабочих и крестьян.

После разгрома колчаковщины и освобождения Дальнего Востока от японских оккупантов около 100 тыс. белогвардейцев эмигрировало в Манчжурию. Органы диктатуры рабочего класса изгнали из нашей страны вместе с бывшими офицерами, чиновниками, помещиками, купцами, кулаками, всевозможными бандитами и их церковных соратников — тех православных, старообрядческих, магометанских, ламаистских церковников и сектантских вожаков, которые принимали активное участие в борьбе против Советской власти и Красной Армии и оказали немало услуг японским оккупантам.

Свой главный притон белые эмигранты устроили в Харбине. Несколько тысяч поселилось недалеко от советских границ, в районе Трехречья. Вся эта свора давала китайским и японским генералам столь нужные им кадры для проведения налетов на советские учреждения, для антисоветского шпионажа, террористических и диверсионных актов.

Церковные черносотенцы и погромщики, активные участники белогвардейских банд, занимали далеко не последнее место среди этой братии. Шпионаж, клевета, фабрикация фальшивок, распространение антисоветской литературы, проповедь с призывами к вооруженной борьбе против Советской власти, религиозная подготовка вооруженных налетов и нападения на советских граждан — все эти средства пускают в ход церковные эмигранты в своей бандитской, контрреволюционной деятельности...

Неопровержимые факты и тщательное расследование показали, что церковники-эмигранты в Харбине и других частях Манчжурии принимали и принимают живейшее участие в организации погромной работы фашистов.

Во время конфликта на КВЖД в 1929 г. церковники помогали продажным китайским генералам и белогвардейцам во всех их наглых, провокационных действиях против СССР, в закрытии советских учреждений, организации антисоветских банд, налетов и т. д. Епископ Мефодий участвовал в белогвардейском «Комитете действия». Во всех харбинских церк-

вах служили молебны о «даровании победы» белогвардейским бандам. Духовенство организовывало фашистские отряды «крестоносцев» — налетчиков и бандитов. Старый японо-белогвардейский агент епископ Нестор объезжал линию КВЖД и призывал белогвардейцев к вооруженному походу против Советской власти. Представитель епископа Нестора — протодиакон Матвеев приезжал в Трехречье и на привезенные деньги вербовал белобандитов — налетчиков и шпионов...

Что касается православного духовенства, то оно поспешило, по сообщению японского агентства «Ниппон Демпо», даже вести переговоры со штабом квантунской армии (японской оккупационной армии и Манчжурии) о создании этого вожделенного белогвардейского государства. Японо-белогвардейские планы, как известно, не осуществились. Руки оказались коротки!

«Религиозная программа» японской разведки встречала и встречает поддержку со стороны ряда церковников и сектантов, мечтающих о свержении Советской власти и реставрации капитализма. Через своих агентов японская военщина много раз оказывала материальную поддержку религиозным организациям, которые она совершенно правильно считает одним из надежнейших орудий реакции и контрреволюции...

Церковники и сектанты нашего Дальнего Востока оказывали и оказывают всяческое сопротивление мероприятиям Советской власти по укреплению и развитию дела социализма.

Нападение японских войск на советские границы неоднократно сопровождалось антисоветской агитацией церковников, заявлявших, что скоро будет война с Японией, и призывавших крестьян срочно выписываться из колхозов...

Из всех этих фактов мы должны сделать четкие выводы. Надо помнить, что враги советского народа пользуются самыми разнообразными средствами для создания своей шпионской агентуры, для использования шпионских организаций в борьбе против страны социализма и советского народа. Наша бдительность должна быть во сто крат усилена также и на антирелигиозном фронте. Мы должны научиться распознавать и своевременно разоблачать шпионскую, диверсионную и вредительскую работу церковников. Систематическая антирелигиозная работа — важнейший участок борьбы за новые победы социализма, за еще большее процветание нашей прекрасной родины.

ИЗ СТАТЬИ «ПОДРЫВНАЯ РАБОТА ЯПОНСКОЙ РАЗВЕДКИ»[374]

...Белогвардейцы, остатки различных разгромленных контрреволюционных формирований, «бывшие люди» всех мастей: крупные царские чиновники, полицейские, бывшие капиталисты и помещики, попы и т. д. и т. п. — все это было использовано во время интервенции японской разведкой для насаждения шпионско-диверсионной агентуры на советской земле. Известно, что в Сибирь и на Дальний Восток вместе с отступавшими белыми армиями откатывались значительные толпы «бывших», искавших спасения от настигавшей их по пятам могучей Красной Армии. К моменту окончательного разгрома Колчака и в период ликвидации приморских игрушечных «правительств», поставленных японцами, многие из этих «бывших людей» и активных белобандитов спешно меняли свое обличие и превращались в «трудящихся». Движимые страхом и ненавистью, надеясь на то, что им удастся «отсидеться» от большевиков, эти враги брались и за физический труд, становились «рабочими», «железнодорожниками», «монтерами» и т. д.

...Вскрытые недавно японские шпионско-диверсионные гнезда на советском Дальнем Востоке выявили одну чрезвычайно характерную черту, присущую методам японской разведки. Целый ряд лиц из числа антисоветского продажного отребья, привлеченных к суду в 1936—1937 гг. за шпионаж и диверсию по заданиям японцев, оказался старыми японскими разведчиками, завербованными еще в годы интервенции (1913—1922 гг.). В течение 10—15 лет эти гады смирно сидели в своих норах, выжидая инструкций от своих хозяев. Когда, после восстановления японо-советских дипломатических отношений, на территории СССР появились японские консульские, концессионные и иные учреждения, связь японской разведки с этими законсервированными агентами стала восстанавливаться. Но и в это время японская разведка иногда даже осаживала своих наиболее торопливых агентов.

Ряд шпионских дел говорит о том, что среди массы завербованных шпионов японская разведка выделяет определенную категорию особо доверенных агентов, которые на протяжении многих лет систематически были связаны с закордонным разведывательным центром. Этим агентам или «резидентам» японской разведки поручались не только сбор шпионских сведений и устройство диверсионных актов, но и вербовка новых шпионов.

...Источниками пополнения кадров японских шпионов против Советского Союза являются:

1) белые эмигранты, в том числе так называемые «харбинцы», т. е. русское население Харбина и других манчжурских населенных пунктов, среди которых японцы проводили усиленную вербовку после оккупации Манчжурии;

2) кулацкие и спекулянтско-контрабандистские элементы корейской национальности, имевшиеся в известном количестве на советском Дальнем Востоке, а также переброшенные в Советский Союз японской разведкой из-за границы;

3) антисоветские контрреволюционные элементы внутри СССР, в первую очередь троцкисты и бухаринцы.

Последние представляют собой основную и самую драгоценную агентуру для японского империализма благодаря тому, что, маскируясь партийными билетами, они проникали на... Так, например, в 1935 г. японский вербовщик, действовавший на нашей территории, успел завербовать в диверсионную ячейку семь человек. Из этих семи человек оказались: три троцкиста, маскировавшиеся партийными билетами, один бывший деникинский офицер, один бывший царский офицер, один бывший кулак и один крупный сектант.

...Кадры для японской вербовки за рубежом находятся главным образом в Манчжурии и в Корее. Среди множества захудалых белобандитских генералов, выброшенных историей на помойку и слоняющихся в ожидании «работы» на задворках японских военных миссий в Манчжурии, в наибольшем фаворе у японцев пребывает «атаман» Семенов. Этот старый японский агент, отличившийся не только как свирепый палач трудящихся на Дальнем Востоке во времена японской интервенции, но и как крупный вор, живет в собственном имении в Южной Манчжурии и претендует чуть ли не на роль «вождя» всех дальневосточных белобандитов. Время от времени в зловонных харбинских белых газетках появляются безграмотные и бессвязные «интервью» этого «атамана», в которых он клянется в любви к «Ниппон» (так на белохарбинском японизированном жаргоне именуется Япония) и обещает отличиться в борьбе против СССР.

...После продажи советским правительством КВЖД начался массовый разъезд бывших работников дороги — советских граждан из Манчжурии в СССР. Среди этих отъезжавших также оказались люди, завербованные японской разведкой. Японцы воспользовались тем, что среди русских, работавших на КВЖД, было немало лиц, ничем, кроме формального гражданства, не связанных с Советским Союзом. Некоторая часть бывших работников КВЖД принадлежала к выходцам из враждебной социальной среды, якшалась с белогвардей-

щиной. Многие из этих господ, симпатизируя белогвардейцам, держались за советский паспорт или ходатайствовали о его получении, лишь цепляясь за работу на КВЖД. После того как КВЖД была продана, часть этой публики поспешила ликвидировать свое советское гражданство и вернулась в первобытное эмигрантское состояние. Но те, кто был завербован японцами, получили от них категорическое указание не выходить из советского гражданства, а, наоборот, утвердиться в нем и ехать в СССР для шпионско-диверсионной работы. Ряд таких шпионов был разоблачен органами НКВД.

В 1932 г. японцы приступили в Харбине к организации специальных «курсов» для будущих разведчиков, посылаемых в СССР. Эти курсы маскируются маркой учебного заведения, дающего определенную квалификацию (шофера, радиста и т. д.). Белоэмигрантская молодежь, проходившая специальную техническую подготовку на таких курсах, получала задание от японцев (перекрасившись предварительно в защитные «советские» цвета) попасть в СССР и устроиться там на промышленные предприятия военного значения, на важные железнодорожные узлы, электростанции, в воинские части. Пользуясь преступной беспечностью легкомысленных людей, эти завербованные японцами харбинские «молодые люди» иногда без всякой проверки принимались в СССР с распростертыми объятиями, а подчас получали комсомольские и партийные билеты.

Японская разведка в Манчжурии и в Корее далеко не всегда может полагаться на то, что все лица, намеченные для шпионско-диверсионной и террористической работы в СССР, пойдут на это добровольно и охотно. За исключением сравнительно небольшого количества злейших врагов СССР: махровых белогвардейцев, членов японо-фашистских «партий» и уголовно-преступного сброда, просто покупаемого за деньги, вербовка японцами и так называемых «харбинцев» и корейцев, перебрасываемых из-за кордона в СССР, в большинстве случаев происходит под угрозой репрессий, связана с насилием и шантажом.

...Иногда, вербуя шпионов против СССР, японская разведка эксплуатирует родственные или иные связи нужных ей людей. Известны случаи, когда японцы вербовали жен советских работников, находившихся за границей. Установив затем в СССР связь с завербованной таким путем женой какого-либо ответственного работника, японцы или принуждали этого работника самого стать шпионом (под угрозой разоблачения предательства жены), или использовали его «втемную», т. е. жена выпытывала у мужа необходимые японцам шпионские сведения, оставляя его в неведении относительно последствий его преступной болтливости...

ИЗ КНИГИ В. П. ВОЛКОВА «КУРС САМОЗАЩИТЫ БЕЗ ОРУЖИЯ "САМБО". УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ ШКОЛ НКВД» (Москва: Издание школьно-курсового отделения отдела кадров НКВД СССР, 1940)[375]

От составителя:

«Данная книга, находящаяся в архиве А. А. Харлампиева, имеет дарственную надпись автора:

"Хотя эта книга во многом читателя не удовлетворяет, но все-таки она двигает мысль вперед. Эту книгу дарю хорошему товарищу и хорошему учителю тов. Харлампиеву А. А.

д-р Волков
4.III.1941 г."».

<...> В системе «Джиу-джитцу» имеется раздел боевых приемов, которые фигурируют под этим же названием как система самозащиты. Из истории Японии известно, что отдельные приемы «Джиу-джитцу», но не объединенные в единую систему, еще были и при самурайстве (японском рыцарстве) и применялись при войнах, игрищах и т. д., но как целостная система «Джиу-джитцу», превращенная в дальнейшем в «Дзюу-до», получила свое значение с момента учреждения в 1882 году в Токио специального научного института, называемого «Кодокан-дзюу-до».

«Дзюу-до» делится на спортивное «Дзюу-до» и военно-прикладное «Дзюу-до»...

В системе «Дзюу-до» имеется ряд недостатков, а именно:

1. «Дзюу-до» изобилует приемами, разработанными на каждый случай нападения. Помимо того, что чрезмерное количество приемов загромождает память обучающегося, который не в состоянии их запомнить, борьба по готовому бесчисленному количеству рецептов является рискованной. Нужно научить обучающихся принципам борьбы и оснастить на базе этих принципов техникой приемов, а не заставлять их заучивать многочисленные и разнообразные приемы.

2. Сложность, нагромождение приемов «Дзюу-до» не дают быстро и хорошо изучить систему. Если у нас нужно потратить на подготовку самбиста год, то в «Дзюу-до» подготовка исчисляется годами.

3. Методика разработана непоследовательно.

Поэтому мы считаем японское «Дзюу-до» неприемлемым в наших, советских условиях.

<...> Нельзя обойти молчанием о существующей в Советском Союзе среди спортивных добровольных обществ борьбе вольным стилем.

Она введена как специальная норма на значок ГТО II ступени.

Данная борьба выросла на базе завезенной к нам японской системы «Дзюу-до» и материале ряда приемов национальной борьбы.

Борьба вольным стилем больше «коверная» борьба, вооруженного огнестрельным или холодным оружием, так и против невооруженного противника. Система «Самбо» развивает выносливость, хладнокровие, быстроту, подвижность и умение выйти из самых затруднительных положений.

Основателем советской системы «Самбо» является Спиридонов В. А. На протяжении ряда лет эту систему совершенствовали, ввели дополнительные группы приемов и разработали целый ряд методов для тренировки.

Самозащита без оружия («Самбо») является одним из военно-прикладных видов борьбы в системе физической подготовки сотрудников НКВД как специальная спортивно-прикладная дисциплина.

«Самбо» занимает значительное место и входит самостоятельной нормой в число норм значка ГТО II ступени (по линии «Динамо»).

ИЗ МАТЕРИАЛОВ «КОМИССИИ ПО РАЗБОРУ ВОПРОСА, СВЯЗАННОГО С ОБВИНЕНИЕМ СПИРИДОНОВА, АВТОРА КНИГИ "КУРС САМОЗАЩИТЫ БЕЗ ОРУЖИЯ 'САМБО'" ВОЛКОВА В ПЛАГИАТЕ»[376]

ПРОТОКОЛ № 1

8 октября 1940 года

Присутствовали:

Члены комиссии тт. ЖАМКОВ Ф. и БУДЗИНСКИЙ А. — ОСО ЦС «Динамо», РУБАНЧИК А. — Центр, школа ГУ РКМ, ХАРЛАМПИЕВ А.

ДСО «Крылья Советов», МАСЛОВ В. — 8-й Райсовет «Динамо», ВОЛЧИХИН — МГС «Динамо».

От ОСО ЦС «Динамо» — зам. нач. ОСО т. МОРАРЬ К. На заседании Комиссии отсутствовали члены Комиссии т. ПРОНИН А. — МГС «Динамо» и МУРАТОВ — ГУРКМ.

ПОВЕСТКА ДНЯ

1. Обсуждение вопроса о наличии плагиата в книге т. ВОЛКОВА В. «Курс самозащиты без оружия "Самбо"».

2. Проработка книги т. ВОЛКОВА В. «Курс самозащиты без оружия "Самбо"».

...Отмечая 3-ю неявку т. СПИРИДОНОВА В. на заседания Комиссии, считать необходимым приступить к проработке повестки дня в его отсутствие. Назначенные на 30.IX и 31.X заседания Комиссии были отменены, ввиду неявки на заседания Комиссии т. СПИРИДОНОВА.

...Тов. ХАРЛАМПИЕВ как пример наличия в книге т. ВОЛКОВА плагиата перечисляет номера рисунков, помещенных в учебнике, но взятых из трудов других авторов:

1) На стр. 9 — все четыре рисунка взяты из книги т. МОРДОВИНА Ю. К., но ссылки на их источник т. ВОЛКОВ в своей книге не сделал.

2) Рисунок № 15 — взят из книги д-ра ФОХТА без ссылки на автора.

3) На стр. 16 т. ВОЛКОВ ссылается на книгу т. ОЗНОБИШИНА «Искусство рукопашного боя», изд. 1927 г. Эта книга была издана не в 1927 г., а в 1930 г. и вскоре после выхода в свет изъята. Кроме того, фамилия автора этой книги не ОЗНОБИ-

ШЕВ, как это напечатано в книге т. ВОЛКОВА, а ОЗНОБИШИН.

4) В своей книге т. ВОЛКОВ использовал фотоснимки и рисунки из материалов т. ОЩЕПКОВА В., изданных в Сборнике материалов по учебным дисциплинам 1932—1933 гг. Гос. центр, института физической культуры. Снимки №№ 99, 100, 101 на стр. 115 и 116 в книге т. ВОЛКОВА и на стр. 372 рис. 12, 13, 14.

5) На стр. 269 рис. № 238 взят из материалов т. ОЩЕПКОВА Сборник материалов ГЦИФК.

6) На стр. 328 рис. №№ 296 и 297 взяты из материалов т. ОЩЕПКОВА (Сборник материалов ГЦИФК 1932—1933 гг., стр. 375 рис. №№ 20—21).

7) На стр. 330 рис. №№ 298, 299 и 300 взяты из материалов т. ОЩЕПКОВА (Сборник материалов ГЦИФК 1932—1933 гг., стр. 375 рис. №№ 22, 23 и 25).

8) На стр. 331 рис. № 301 взят из материалов т. ОШЕПКОВА (Сборник ГЦИФК 1932—1933 гг., стр. 374 рис. 17).

9) На стр. 332, 333 рис. 302 и 303 взяты из материалов т. ОЩЕПКОВА (Сборник ГЦИФК 1932—1933 гг., стр. 374 рис. № 18 и 19).

10) На стр. 333 рис. №№ 304 и 306 взяты из материалов т. ОЩЕПКОВА.

11) На стр. 335 рис. №№ 307 и 308 взяты из материалов т. ОЩЕПКОВА.

12) На стр. 336 рис. №№ 309, 310 и 311 взяты из материалов т. ОЩЕПКОВА.

13) На стр. 339 рис. 314 и 315 взяты из материалов т. ОЩЕПКОВА (Сборник ГЦИФК 1932—1933 гг., стр. 377 рис. №№ 28 и 29).

14) На стр. 340 рис. №№ 316 и 317 взяты из материалов т. ОЩЕПКОВА (Сборник материалов ГЦИФК 1932—1933 гг., стр. 378 рис. №№ 30 и 31).

15) На стр. 343 рис. №№ 320 и 321 взяты из материалов т. ОЩЕПКОВА (Сборник материалов ГЦИФК 1932—1933 гг., стр. 367 рис. № 1 на стр. 368 рис. 4).

16) На стр. 344 рис. № 322 взят из материалов т. ОЩЕПКОВА (Сборник материалов ГЦИФК 1932—1933 гг., стр. 368 рис. 5—6).

17) На стр. 345, 346, 347 и 348 рис. №№ 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 531 взяты из материалов т. ОЩЕПКОВА.

18) На стр. 349 рис. № 332 взят из материалов т. ОЩЕПКОВА.

19) На стр. 387 рис. №№ 359 и 360 взяты из материалов г. ОЩЕПКОВА (Сборник материалов ГЦИФК 1932—1933 гг., стр. 393 рис. 83 и 84).

20) На стр. 388 и 389 рис. №№ 361, 362, 363 и 364 взяты из материалов т. ОЩЕПКОВА (Сборник материалов ГЦИФК 1932—1933 гг., стр. 393 рис. 85, стр. 395 рис. 93, стр. 394 рис. 88 и 89).

21) На стр. 390 и 391 рис. №№ 365 и 566 взяты из материалов т. ОЩЕПКОВА (Сборник материалов ГЦИФК 1932—1933 гг., стр. 394 рис. №№ 90—91).

22) На стр. 392 рис. № 367 и на стр. 393 рис. № 368 взяты из материалов т. ОЩЕПКОВА (Сборник материалов ГЦИФК 1932—1933 гг., стр. 395 рис. № 92 и стр. 393 рис. № 97).

23) На стр. 395 рис. №№ 371, 372 и стр. 396 рис. 373 и 374 взяты из материалов т. ОЩЕПКОВА (Сборник материалов ГЦИФК 1932—1933 гг., стр. 395 рис. №№ 91, 95, 96 и 97).

24) На стр. 399 рис. №№ 378 и 379 и стр. 400 рис. 380 и 381 взяты из материалов т. ОЩЕПКОВА (Сборник материалов ГЦИФК 1932—1933 гг., стр. 396 рис. №№ 98, 99, 100, 101 и на стр. 397 рис. 102).

Весь материал, имеющийся в Сборнике материалов по учебным дисциплинам 1932—1933 гг., ГЦИФК был издан на правах рукописи, что не давало права т. ВОЛКОВУ В. использовать этот материал в таком объеме, как это он сделал, выпуская свой учебник по самбо, где он ни разу не сослался на автора этих материалов — т. ОЩЕПКОВА...

ИЗ ТЕЗИСОВ А. А. ХАРЛАМПИЕВА «СОЗДАНИЕ САМБО И ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЛИНИЯ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СПОРТА»[377]

<...>

8. Наша отечественная система самбо в целом выглядит так:

Фундаментом всей системы является спортивная борьба самбо. Развивая все качества, она одновременно прививает основные навыки, необходимые для рукопашного боя...

Боевая часть самбо состоит из приемов, в которых за основу взяты спортивные приемы, тренируемые при физическом плюс интеллектуальном сопротивлении противника и дополненные небольшими, но очень мощными деталями, ускоряющими победу так же, как некоторые химические реакции ускоряются катализаторами.

9. Спортивную часть системы — борьбу самбо, как и всякий прогрессирующий вид спорта, необходимо культивировать как можно шире. Мы должны стремиться организовать первенства Европы и мира, а также ввести борьбу самбо в программу Олимпийских игр...

Основы самбо нужно преподавать в общеобразовательных школах. Самозащиту нужно ввести в ГТО и ГЗР. Необходимо также широко распространить изучение соответствующих комплексов самбо для дружинников.

Специальные приемы самбо надо оставить для тех контингентов, которые в них нуждаются. Комплексы специальных приемов целесообразно дифференцировать для милиции, десантников, разведчиков и т. д.

<...>

11. Борьба самбо является первой в мире интернациональной борьбой. Более того, это первый в мире интернациональный вид спорта...

Борьба самбо, взяв все лучшее из национальных видов борьбы, не поглотила их. Национальные виды борьбы жили, живут и будут жить, пока живы национальности, как ступеньки к интернациональной борьбе, если не обязательные, то по крайней мере желательные.

В свою очередь, самбо помогает совершенствованию и популяризации национальных видов борьбы. По примеру борьбы самбо многие национальные виды борьбы ввели весовые категории, письменные правила соревнований, в которых много внимания уделяется безопасности и т. д.

Борьба самбо даст выход на мировую арену борцам из любой национальной борьбы, не ущемляя их национального достоинства и создавая подлинно объективные условия для победы каждого из них. Тесная связь борьбы самбо с национальными видами борьбы — это связь великой реки с ее истоками.

<...>

13. Выходу борьбы самбо на всесоюзную и мировую арены мешали некоторые препятствия. Преодолением этих препятствий был насыщен весь путь становления и развития борьбы самбо в СССР и на международной арене.

а. Часть преподавателей самозащиты... шумно ратовали за использование готового заграничного опыта — японской национальной борьбы Дзю-до.

б. Часть руководителей спортивных обществ не признавали борьбу самбо как спорт и утверждали, что это — «ведомственная боевая подготовка», нужная только чекистам и армии...

в. Часть инструкторов и преподавателей самозащиты отрывались от спорта и даже противопоставляли себя ему. Их нереальные приемы дискредитировали самозащиту и мешали развитию спортивной борьбы...

<...>

15. Огромное богатство, заимствованное из национальных видов борьбы и в дальнейшем приумноженное, легло в основу системы самбо. Пришла очередь испытать систему в жизни.

Старинные способы, где основатель системы преподавал ее своим ученикам как «полностью готовую» и доведенную до совершенства, для задуманного не подходили.

Ведь основателями борьбы самбо были все народы нашей необъятной и многонациональной Родины, а не какой-то один человек.

<...>

13 июня 1938 г. ВКФКиС при СНК СССР организовал первый Всесоюзный тренерский сбор...

Закончился он Всесоюзной конференцией, где единодушно были утверждены:

— основы системы борьбы вольного стиля,

— терминология борьбы вольного стиля,

— правила соревнований по борьбе вольного стиля...

16 ноября 1938 г. — «день рождения самбо», когда вышел приказ ВКФКиС № 633 «О развитии борьбы вольного стиля»... Так борьба самбо, именовавшаяся тогда «борьбой вольного стиля», получила права гражданства и стала культивироваться в масштабе всей нашей Родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Новость об открытии памятника В. С. Ощепкову размещена на официальном сайте администрации Приморского края — http://www.primorsky.ru/news/118680/. Дата обращения 02.10.2016, а также: Аргументы и факты. 2016. № 39, 28 сентября.

[2] Подробно о версиях происхождения фамилии см.: Происхождение фамилий Камышловского уезда Пермской губернии: Ощепков // *Мосин А. Г.* Словарь Уральских фамилий. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 2000. — http://www.okorneva.ru/proishojdenie-familiy-kamyishlovskogo-uezda-slovar-uralskih-familiy/oschepkov/.

[3] РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 2. Д. 1376. Л. 1—4.

[4] ГАПК Ф. 37. Оп. 2. Д. 114. Л. 7.

[5] Там же. Л. 15.

[6] Там же. Д. 178. Л. 363.

[7] Здесь и далее цит. по: *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... М., 2003. С. 7—10.

[8] РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 2. Д. 1376. Л. 2.

[9] *Дорошевич В. М.* Каторга. М., 1903. С. 17.

[10] См., например: *Храмов Б.* Контрразведчик, придумавший самбо // Южно-Сахалинск сегодня. 2005. 15 сентября.

[11] РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 2. Д. 1376. Л. 2.

[12] Список ссыльнокаторжных, ссыльнопоселенцев, крестьян из ссыльных и их семейств Александровского округа, прибывших и убывших в течение февраля месяца 1902 г. — РГИА ДВ. Ф. 1133.

[13] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 8—9.

[14] *Чехов А. П.* Остров Сахалин. М., 2011. С. 136—137.

[15] *Дорошевич В. М.* Указ. соч. С.17.

[16] *Чехов А. П.* Указ. соч. С. 140.

[17] Отчет по опекунству над имуществом и личностью сироты Василия Ощепкова опекуна Емельяна Евдокимова Владыко. — Архив А. М. Горбылева.

[18] См., например: *Смекалов Г.* «Черный монах» сообщает... — Sakhalin.info.7.04.2011. URL: http://www.sakhalin.info/files/66349/

[19] Жертвы политического террора в СССР: База данных Международного общества «Мемориал» / Правозащитного центра «Мемориал» (далее — Мемориал). — URL: http://lists.memo.ru/d7/f128.htm

[20] *Чехов А. П.* Указ. соч. С. 173.

[21] Там же. С. 153.

[22] Там же. С. 43.

[23] ЦА МО РФ. Оп. 280. Д. 1. Л. 2.

[24] http://www.statdata.ru/spg_russia_ussr. Дата обращения: 28.07.2016.

[25] *Чехов А. П.* Указ. соч. С. 154.

[26] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_(1891%E2%80%941892). Дата обращения: 28.07.2016.

[27] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 7—8.

[28] *Колупаев Ростислав (игумен).* Обзор некоторых событий церковной истории на Сахалине и Курильских островах. — URL: http://krotov.info/history/19/1800/sahalin.html

[29] *Чехов А. П.* Указ. соч. С. 157—159.

[30] Характерный пример — работа Е. Малофеевой «Неизвестные острова. Разведчик под кличкой "Монах"». — URL: http://sakhalin-war.livejournal.com/51544.html

[31] Из переписки с автором.

[32] ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 106. Л. 4.

[33] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 10.

[34] См., например: *Храмов Б.* Указ. соч.

[35] *Архиепископ Японский Николай.* Русские воспитанники в Токийской семинарии // Россія. 1908. № 953. 31 декабря.

[36] Там же.

[37] Буквально: «Дом Николая». Звук «л» японцы произносят очень близко к «р». Подробнее об истории собора и православия в Японии см.: *Саблина Э. Б.* 150 лет православия в Японии: История Японской православной церкви и ее основатель архиепископ Николай. М.; СПб., 2006.

[38] Дневники святого Николая Японского. Саппоро, 1994. С. 250—251.

[39] По материалам издания: Дневники святого Николая Японского: В 5 т. СПб., 2004. Т. 5.

[40] *Сёдзи С.* Как я стал христианином // Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников. М., 2012. С. 387—390.

[41] Подробнее об этом: *Саблина Э. Б.* Указ. соч. С. 66—69.

[42] *Позднеев Д. М.* Архиепископ Николай Японский (Воспоминания и характеристика) // Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников. С. 63.

[43] Там же. С. 63, 123.

[44] Там же. С. 95—96.

[45] Там же. С. 50—51.

[46] Там же. С. 97.

[47] *Хохлов А. Н.* Подготовка русских переводчиков-японистов в Японии и деятельность И. Д. Касаткина (вторая половина XIX — начало XX в.) // Восток / Oriens. 1994. № 5; *Хохлов А. Н.* Роль Токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2. СПб., 1996.

[48] Подробнее об обучении русских семинаристов в Токио см.: *Куланов А. Е.* В тени Восходящего солнца. М., 2014. С. 8—60.

[49] *Архиепископ Японский Николай.* Русские воспитанники в Токийской семинарии.

[50] *Позднеев Д. М.* Указ. соч. С. 114.

[51] Дневники святого Николая Японского: В 5 т. Т. 5. С. 11.

[52] Там же. С. 170. Запись от 8/21 декабря 1904 г.

[53] Там же. С. 332—333.

[54] *Хохлов А. Н.* Роль Токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов. С. 70.

[55] Дневники святого Николая Японского: В 5 т. Т. 5. С. 402. Запись от 18 июня /1 июля 1908 г.

[56] *Кузнецов С. И.* Первые русские ученики в Японии // Восток — Запад в контексте мировой истории: Материалы Всероссийской научной конференции. Иркутск, 2011. С. 206—215.

[57] *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II: В 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 210—212.

[58] *Изместьев П. И.* О нашей тайной разведке в минувшую кампанию. Варшава, 1910. С. 28.

[59] Здесь и далее документ цит. по: *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 210—212.

[60] *Кузнецов С. И.* Указ. соч. С. 207.

[61] Дневники святого Николая Японского: В 5 т. Т. 5. С. 525, 624, 637, 656, 775.

[62] Там же. С. 433.

[63] Там же. С. 443.

[64] Там же. С. 450.

[65] *Шулатов Я. А.* Разведка и японоведы: Становление осведомительной службы // История и культура традиционной Японии. М., 2010. С. 319.

[66] Дневники святого Николая Японского: В 5 т. Т. 5. С. 449.

[67] Там же. С. 447.

[68] Там же. С. 471.

[69] *Архиепископ Японский Николай.* Русские воспитанники в Токийской семинарии.

[70] Дневники святого Николая Японского: В 5 т. Т. 5. С. 72.

[71] Там же. С. 445.

[72] *Позднеев Д. М.* Указ. соч. С. 114—115.

[73] Дневники святого Николая Японского: В 5 т. Т. 5. С. 351. Запись от 15/28 января 1908 г. Вторник.

[74] Там же. С. 744.

[75] Там же. С. 403.

[76] *Архиепископ Японский Николай.* Русские воспитанники в Токийской семинарии.

[77] *Позднеев Д. М.* Указ. соч. С. 114—115.

[78] Дневники святого Николая Японского: В 5 т. Т. 5. С. 400. Запись от 16/28 июня 1908 г.

[79] Там же. С. 664. Запись от 15 июня/2 июля 1910 г.

[80] Там же. С. 714. Запись от 8/21 декабря 1910 г. Личность «младшего» Плешакова, вероятно, Александра, остается загадкой. Никаких других упоминаний об этом человеке нет, а в следственном деле Владимира Плешакова по состоянию на 1937 год младшие братья у него не значатся.

[81] Там же. С. 774. Запись от 15/28 июня 1911 г.

[82] Цит. по: *Хохлов А. Н.* Роль Токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов. С. 71.

[83] Из архива семьи Незнайко.

[84] ГА РФ. Ф. Р-5973. Оп. 1. Д. 114. Л. 10.

[85] Дневники святого Николая Японского: В 5 т. Т. 5. С. 434, 544, 560. Записи от 31 августа /13 сентября 1908 г., 3/16 июля и 7/20 августа 1909 г.

[86] Там же. С. 560.

[87] *Архиепископ Японский Николай.* Русские воспитанники в Токийской семинарии.

[88] *Косоротов С. А., Арабаджиев А. Д.* Каноны дзюдо. М., 2007. С. 20.

[89] По данным Кодокан. Из переписки с автором.

[90] Дневники святого Николая Японского: В 5 т. Т. 5. С. 517.

[91] Там же. С. 691—692. Запись от 23 сентября / 6 октября 1910 г.

[92] По данным Кодокан. Из переписки с автором.

[93] Установлено А. М. Горбылевым.

[94] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 11.

[95] Из переписки с автором.

[96] *Maruyama Sanzo.* SekaiJudoshi. Tokyo, 1967. P. 13. Пер. с япон. А. М. Горбылева.

[97] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 11—12.

[98] Там же. С. 12.

[99] Статья из журнала «Budokwai» (1929. Сентябрь). Сообщено А. М. Горбылевым.

[100] Из архивов А. А. Будзинского и Л. С. Матвеева.

[101] Подробнее о В. К. Самойлове: *Подалко П. Э.* Япония в судьбах россиян: Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. М., 2004. С. 78—89.

[102] Из архива М. Н. Лукашева.

[103] *Алексеев М.* «Монах» с черным поясом // Родина. М., 1997. № 8. С. 66.

[104] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 23.

[105] Следственное дело Ощепкова В. С. — ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-14806. Л. 6.

[106] *Такэюки Т.* Утида Рёхэй: Взгляд на Россию // Япония [Ежегодник]. М., 2012. С. 396.

[107] Цит. по: *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 12.

[108] Там же.

[109] Там же. С. 13.

[110] Там же. С. 13—14.

[111] Цит. по: *Моргун З. Ф.* Японская мозаика Владивостока: 1860—1937. Владивосток, 2014. С. 154.

[112] Там же. С. 156—157.

[113] ГА РФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. П-14806. Л. 19.

[114] Урадзио тайику кайсюсай-но мото-ни дзюкэн то кёги кайкайсай [Пройдет соревнование по дзюдо и боксу, организованное Владивостокским обществом спорта] // Урадзио ниппо [Ежедневная владивостокская газета]. 1918. 23 февраля. Пер. А. М. Горбылева.

[115] Дзоку. Гэндай си сирё [Источники по новейшей истории. Продолжение. Т. 5]. Кайгун. Като Хирохару никки [Военно-морской флот. Дневники Като Хирохару]. Токио: Мисудзусёбо, 1994. С. 5. Пер. А. М. Горбылева. Необходимо заметить, что в переводе японских специалистов К. Мурано и Э. Имамура этот эпизод выглядит несколько иначе: не Ощепков «заставил» Като бороться с ним, а Като предложил Ощепкову продемонстрировать ката дзюдо с неким напарником (очевидно, из числа японских офицеров-дзюдоистов).

[116] *Лота В. И.* За гранью возможного: Военная разведка России на Дальнем Востоке: 1918—1945 гг. М., 2008. С. 8—9.

[117] Там же. С. 59.

[118] Там же. С. 40.

[119] *Шинин О. В.* Большевистская «партийная» разведка в период существования в Приморской области буржуазных правительств (май 1921 г. — октябрь 1922 г.) // Исторический журнал: Научные исследования. 2011. № 5 (5). С. 33.

[120] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 23.

[121] Анкета В. С. Ощепкова [копия]. — Архив М. Н. Лукашева.

[122] *Лота В. И.* Указ. соч. С. 9.

[123] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 17—18.

[124] *Кирмель Н. С., Шинин О. В.* Красные против белых: Спецслужбы в Гражданской войне 1917—1922 гг. М., 2016. С. 133—134.

[125] Подробнее о Т. С. Юркевиче: *Куланов А. Е.* В тени Восходящего солнца. С. 107—125.

[126] *Шинин О. В.* Указ. соч. С. 33.

[127] *Подалко П. Э.* Указ. соч. С. 235.

[128] *Устрялов Н. В.* В борьбе за Россию [Сборник статей]. Харбин, 1920. С. 62—63.

[129] *Ильин И. С.* На службе у японцев // Новый журнал. Нью-Йорк, 1965. № 80. С. 183.

[130] *Клембовский В. Н.* Тайные разведки (военное шпионство) // Антология истории спецслужб. Россия: 1905—1924. М., 2007. С. 29.

[131] *Лота В. И.* Указ. соч. С. 12.

[132] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 23.

[133] Там же. С. 13—14.

[134] Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. С. 473.

[135] ЦГАСА. Ф. 39472. Д. 41. 1929—1931 гг. Управление 18-го стрелкового корпуса.

[136] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 18.

[137] Цит. по: Там же. С. 18; Анкета В. С. Ощепкова [копия]. — Архив М. Н. Лукашева.

[138] Там же.

[139] *Алексеев М.* «Монах» с черным поясом // Родина. № 8. 1997. С. 66.

[140] *Дацышен В. Г.* Русско-японские отношения на Северном Сахалине в период японской оккупации (1920—1925 гг.) // Япония [Ежегодник]. М., 2014. С. 195.

[141] *Савченко С. Н., Левкин Г. Г.* Интервенционистские силы Японии на российском Дальнем Востоке (1918—1922 гг.) // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Хабаровск, 1999. С. 147—163.

[142] *Дацышен В. Г.* Указ. соч. С. 198—199.

[143] *Лота В. И.* Указ. соч. С. 27.

[144] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 20.

[145] *Лота В. И.* Указ. соч. С. 28.

[146] Цит. по: *Дацышен В. Г.* Указ. соч. С. 195.

[147] Победа Советской власти на Северном Сахалине (1917—1925): Сборник документов и материалов. Южно-Сахалинск, 1959. С. 251.

[148] Цит. по: *Лота В. И.* Указ. соч. С. 33—34; *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 19.

[149] *Лота В. И.* Указ. соч. С. 34.

[150] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 21.

[151] Там же.

[152] Там же.

[153] Из архива М. Н. Лукашева.

[154] *Лота В. И.* Указ. соч. С. 31.

[155] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 20.

[156] *Лота В. И.* Указ. соч. С. 32—33.

[157] Там же. С. 32.

[158] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 21.

[159] *Клембовский В. Н.* Указ. соч.; *Рябиков П. Ф.* Разведывательная служба в мирное и военное время // Антология истории спецслужб. Россия: 1905—1924. М., 2007.

[160] Из архива М. Н. Лукашева.

[161] Документ получен на условиях анонимности источника.

[162] *Лота В. И.* Указ. соч. С. 35.

[163] Там же.

[164] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 21.

[165] *Звонарев К. К.* Агентурная разведка: Издание IV управления Штаба РККА: В 2 кн. Киев, 2005. С. 38—40.

[166] Там же.

[167] *Рябиков П. Ф.* Указ. соч. С. 251.

[168] Из архива М. Н. Лукашева.

[169] *Март В. Н.* В японском кино // Новый зритель. 1927. № 2. С. 16.

[170] Из архива М. Н. Лукашева.

[171] Цит. по: *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 22.

[172] Там же.

[173] *Лота В. И.* Указ. соч. С. 37.

[174] Там же. С. 39—40.

[175] Там же. С. 41.

[176] РГВА. Ф. 900. Д 851 (1922—[1]940 гг.).

[177] Там же. Ф. 902. Д. 30 (1924—1927, 1933 гг.).

[178] *Лурье В. М., Кочик В. Я.* ГРУ: Дела и люди. М., 2003. С. 154.

[179] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 4.

[180] Там же.

[181] *Алексеев М.* «Монах» с черным поясом. С. 66.

[182] По поводу назначения псевдонимов и цифровых номеров М. Алексеев сообщает: «Следует оговориться, что каждому агенту присваивался (помимо псевдонима) и цифровой номер. Встречались случаи, когда резиденты (а это была их прерогатива), позиционируя агента, ограничивались одним цифровым номером. Каждый резидент, принимая агентурную сеть, если не распускал ее, то начинал работу со смены псевдонимов и цифровых номеров агентов... Подобная чехарда не раз ставила в тупик Центр, который гадал "на кофейной гуще", что за личность скрывается под тем или иным номером. И догадка далеко не всегда соответствовала действительности. Что скрывалось за увлечением менять номера — своеобразное понимание правил конспирации, желание запутать противника? А на деле удавалось поставить в тупик только собственный Центр». См.: *Алексеев М.* «Ваш Рамзай». Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае: 1930—1933 гг. М., 2010. С. 286.

[183] Подробнее о И. Я. Незнайко см.: *Куланов А. Е.* В тени Восходящего солнца. С. 143—156.

[184] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 21, 24.

[185] *Подалко П. Э.* Указ. соч. С. 235.

[186] Там же. С. 24—25.

[187] *Лота В. И.* Указ. соч. С. 43.

[188] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 24.

[189] *Лота В. И.* Указ. соч. С. 42—43.

[190] *Горбунов Е. А.* Схватка с черным драконом: Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002. С. 216.

[191] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 25.

[192] Из архива М. Н. Лукашева.

[193] Из личной беседы с П. Э. Подалко.

[194] *Подалко П. Э.* Указ. соч. С. 235.

[195] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 25—26; *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 67; *Лота В. И.* Указ. соч. С. 44—45.

[196] *О'Конрой Т.* Японская угроза. М., 1934. С. 28, 31.

[197] См., например: *Савелли Д.* Борис Пильняк в Японии: 1926. М., 2004. С. 186, 192—193.

[198] В. И. Лота пишет, что Сиба окончил православную семинарию, как и Ощепков, но основания для такого утверждения не указаны.

[199] *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 67.

[200] *Рябиков П. Ф.* Указ. соч. С. 213.

[201] *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 67.

[202] *Лота В. И.* Указ. соч. С. 50.

[203] *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 67.

[204] Там же.

[205] Там же.

[206] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 26—27.

[207] В ноябре 2015 года между Москвой и Токио случился шпионский скандал, основой которого был точно такой же сценарий, что и отношения между Ощепковым и Абэ. Бывший командующий Восточной армией генерал-лейтенант в отставке Идзуми Кадзусигэ передал русскому военному разведчику учебник (по другим данным — копии нескольких страниц учебника), содержащий не секретную, но конфиденциальную, доступную только военным информацию о японских вооруженных силах. См.: *Ко-*

ростиков М. Японского офицера обвиняют в работе на Москву // Коммерсант. 2015. 4 декабря.

[208] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 26—27.

[209] *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 67.

[210] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 28.

[211] Похоже, что это было общим местом для советской разведки того времени. Рихард Зорге, работавший на разведку Коминтерна примерно в те же годы, 20 ноября 1928 года сообщал в Москву из Берлина: «Большая часть моих задач в связи со съездом состоит в том, что я должен бывать на различных окружных съездах, чтобы там помогать в подготовке, но сейчас это совершенно исключено, так как я боюсь проехаться даже на трамвае из-за финансовой ситуации». Цит. по: *Фесюн А. Г.* Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. М., 2000. С. 39.

[212] Там же. С. 29.

[213] Там же.

[214] Там же.

[215] Там же. С. 29—30.

[216] Там же. С. 29.

[217] Дневники святого Николая Японского: В 5 т. Т. 5. С. 306.

[218] Подробнее о В. Д. Плешакове: *Куланов А. Е.* В тени Восходящего солнца. С. 132.

[219] *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 68.

[220] Архивный отдел МИД Японии. № 5451. Пер. с япон. Тэрагути Рёити.

[221] Там же. № 4141. Пер. с япон. Ф. В. Кубасова.

[222] *Горбунов Е. А.* Указ. соч. С. 173—210.

[223] ГА РФ. Ф. Р-5973. Оп. 1. Д. 114. Л. 2.

[224] *Беседовский Г. З.* На путях к Термидору. М., 1997. С. 187—188.

[225] *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 68.

[226] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 28.

[227] *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 68.

[228] Подробнее о топографических совпадениях в биографиях В. Ощепкова и Р. Зорге: *Куланов А. Е.* Шпионский Токио. М., 2014. С. 186—190.

[229] Архивный отдел МИД Японии. № 8399. Пер. Э. Имамура.

[230] В книге А. Е. Куланова «Шпионский Токио» (с. 53) Мунэмицу ошибочно назван Мунэацу.

[231] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 30.

[232] Начальник столичной полиции докладывал министру внутренних дел Японии: «О прибытии в Токио советского гражданина, требующего особого внимания. Директор филиала советского "Доброфлота" в Хакодатэ Михаил Яхонтов, 39 лет. Остановился в гостинице "Маруноути". О визите вышеуказанного человека ранее были сообщения из префектур Ямагути и Хёго. Он прибыл вчера, 14 марта, в 9 часов утра на станцию Токио, будучи под надзором полиции. Приехал через Симоносэки и Нагасаки. Остановился в указанной гостинице, но сразу посетил офис торгового атташе в посольстве» // Архивный отдел МИД Японии. № 4418. Пер. с япон. Тэрагути Рёити.

[233] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 31.

[234] Там же. С. 30—31.

[235] Из архива М. Н. Лукашева.

[236] *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 71.

[237] Там же. С. 31.

[238] Архивный отдел МИД Японии. № 1133. Пер. Э. Имамура.

[239] *Лота В. И.* Указ. соч. С. 51.

[240] Здесь и далее: *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 18, 32; *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 68—69.

[241] *Лота В. И.* Указ. соч. С. 53.

[242] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 32.

[243] Там же. С. 33.

[244] Там же. С. 35. По данным А. М. Горбылева, курсы были трехмесячными. См.: *Горбылев А. М.* Краткий очерк становления системы дзюудо Ощепкова — самбо // Хидэн. М., 2011. Вып. 6. С. 65.

[245] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 35.

[246] *Горбылев А. М.* Специальная библиотека В. С. Ощепкова М., 2013. С. 36.

[247] *Горбылев А. М.* Краткий очерк становления системы дзюудо Ощепкова — самбо. С. 63.

[248] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 34—35.

[249] *Лота В. И.* Указ. соч. С. 104.

[250] Там же. С. 105.

[251] *Lensen A. G.*. Japanese Diplomatic and Consular Officials in Russia. Tokyo, 1968. P. 43, 142.

[252] Судя по справочнику А. Дж. Ленсена (С. 54), речь может идти о Такахаси Сэйсиро, служившем в японском министерстве иностранных дел в качестве переводчика с русского языка с 1921 года, в том числе в Новосибирске в 1927—1930 годах.

[253] Здесь и далее в описании новосибирского периода жизни В. С. Ощепкова, включая цитаты из газеты, с согласия автора использован источник: *Горбылев А. М.* Новосибирский период в деятельности В. С. Ощепкова. [Рукопись.]

[254] *Зорге Р.* После путча // Известия. 1936. 15 апреля.

[255] *Горбунов Е. А.* Указ. соч. С. 41.

[256] *Кимура Хироси.* Три лица одного писателя // Бунгэй Сюндзю. 1974. № 1. С. 633. (Япон. яз.)

[257] *Лота В. И.* Указ. соч. С. 103—104.

[258] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 36.

[259] *Лота В. И.* Указ. соч. С. 52—53.

[260] *Головин С. А.* Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20—30-е годы XX века // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 66. С. 179.

[261] *Горбылев А. М.* Краткий очерк становления системы дзюудо Ощепкова — самбо. С. 63—64.

[262] Там же. С. 67.

[263] Там же. С. 67—69.

[264] *Кулагин А.* Что нужно для охраны окраин Новосибирска // Советская Сибирь. 1927. 25 декабря.

[265] *Рабочий.* Женщине-милиционеру трудно задержать хулигана // Советская Сибирь. 1928. 15 ноября.

[266] Джиу-Джитсу // Советская Сибирь. 1927. 8 января.

[267] Информация о Висмане и Евстратове получена от А. М. Горбылева, а тем — от С. А. Слугина.

[268] Преподавание дзюудо в новосибирском «Динамо» подтверждает сам В. С. Ощепков. См.: *Ощепков В. С.* Прохождение дзюудо. [Рукопись. 11 с.] — Копия из архива А. М. Горбылева.

[269] Там же.

[270] Там же.

[271] *Ларионов А. М.* История самбо (самозащиты без оружия) в СССР. [Рукопись. 31 с.] Ленинград, 1986.

[272] См. дарственную надпись В. С. Ощепкова на экземпляре книги «Сборник материалов по учебным дисциплинам 1932—1933 уч. г.» (М.: ОГИЗ; Физкультура и туризм, 1934).

[273] В Иркутске начинаются окружные военно-спортивные состязания // Советская Сибирь. 1928. 13 июля.

[274] Всеармейские состязания в Москве. Кто прибыл на состязания... от Сибирского ВО // Красноармейская звезда. 1927. 19 августа.

[275] Цит. по: *Алексеев М.* «Монах» с черным поясом. С. 70.

[276] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 36.

[277] *ВСО [Василий Сергеевич Ощепков].* Акклиматизация «Дзюу-До» в Советском Союзе // Красная звезда. 1929. 29 ноября.

[278] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 36—37.

[279] Там же. С. 40.

[280] Додзё. Спецвыпуск. М., 2007. С. 24—27.

[281] *Горбылев А. М.* Истоки совершенствования системы дзюудо Ощепкова // Хидэн. Вып. 7. М., 2011. С. 278—279.

[282] *Горбылев А. М.* Краткий очерк становления системы дзюудо Ощепкова — самбо. С. 73.

[283] По рассказам А. А. Будзинского.

[284] *Горбылев А. М.* Краткий очерк становления системы дзюудо Ощепкова — самбо. С. 71.

[285] По данным М. Н. Лукашева (Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 46), таких приемов было 43, в том числе семь носили сугубо спортивный, а 20 — боевой характер, в том числе с использованием оружия и шанцевого инструмента.

[286] Подробнее о Т. С. Юркевиче, В. Д. Плешакове, Н. П. Мацокине, Р. Н. Киме и В. Н. Крылове см.: *Куланов А. Е.* В тени Восходящего солнца.

[287] По воспоминаниям Л. С. Матвеева.

[288] Цит. по: *Куланов А. Е.* В тени Восходящего солнца. С. 285—287.

[289] Там же.

[290] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 53.

[291] Там же.

[292] Из воспоминаний А. А. Будзинского. Цит. по: *Куланов А. Е.* В тени Восходящего солнца. С. 255.

[293] ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 12. Ед. хр. 313. Л. 23.

[294] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 48.

[295] Сообщение посла Хирота // Дзюдо. Кодокан бункакай. 1932. № 5. С. 11—12. (Япон. яз.)

[296] Цит. по: *Горбылев А. М.* Источники совершенствования системы дзюудо Ощепкова. С. 89.

[297] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 55.

[298] Цит. по: *Горбылев А. М.* Источники совершенствования системы дзюудо Ощепкова. С. 91.

[299] Цит. по: *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 56.

[300] Единственное подробное исследование биографии В. А. Спиридонова и его вклада в развитие отечественных систем рукопашного боя также принадлежит М. Н. Лукашеву. См.: *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Система САМ превращается в САМБО. М., 2003.

[301] Подробнее о системе борьбы В. А. Спиридонова см.: *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Система САМ превращается в САМБО.

[302] Воспоминания А. М. Рубанчика цит. по: О самбо // Додзё. М., 2006. № 2. С. 5—10.

[303] Письмо В. С. Ощепкова здесь и далее цит. по: Ощепков — Спиридонов: История конфликта С. 3—7.

[304] Цит. по: *Шестаков В. Б., Ерегина С. В.* Василий Ощепков — основатель самбо. М., 2014. С. 84—85.

[305] *Епископ Сергий (Тихомиров).* Памяти высокопреосвященного Николая, архиепископа Японского // Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников. М., 2012. С. 202.

[306] *Горбылев А. М.* Краткий очерк становления системы дзюудо Ощепкова — самбо. С. 81.

[307] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо. — http://www.sambo.spb.ru/history/hist1_1.htm

[308] *Горбылев А. М.* Краткий очерк становления системы дзюудо Ощепкова — самбо. С. 77.

[309] Процесс Антисоветского троцкистского центра. М., 1937. С. 255.

[310] Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД (1937—1938). М., 2004. С. 639.

[311] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-23731. Т. 1. Л. 53.

[312] Цит. по: Додзё. Спецвыпуск. М., 2007. С. 62—63.

[313] ГА РФ. Ф. Р-5973. Оп. 1. Д. 114. Л. 33.

[314] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-23731. Т. 1. Л. 53—54.

[315] ГА РФ. Ф. Р-9427. Оп. 1. Д. 374. Л. 57.

[316] *Мелешин К. Ю.* Процессуальный аспект осмысления опыта политической полиции Российской империи по использованию в доказывании сведений, полученных негласным путем, органами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Доклад на XIV Всероссийских исторических чтениях «Гороховая, 2»: «Отечественные спецслужбы в эпоху войн и революций. XX век. 20—21.04.2017». [В печати.]

[317] *Епископ Сергий (Тихомиров).* Памяти высокопреосвященного Николая, архиепископа Японского. С. 235.

[318] Здесь и далее следственное дело В. С. Ощепкова цит. по: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-14806. Л. 2—25.

[319] *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956: Опыт художественного исследования. Т. 1. М., 2008. С. 566.

[320] *Быстролетов Д. А.* Путешествие на край ночи. М., 1996. С. 22—23.

[321] *Лаврентьева А. Г.* Жертвы произвола // ...Иметь силу помнить: Рассказы тех, кто прошел ад репрессий / Сост. Л. М. Гурвич. М., 1991.

[322] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-14806. Л. 21—22.

[323] *Клементьев В. Ф.* В большевистской Москве. М., 1998. С. 363.

[324] *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. М., 2003. С. 413.

[325] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-37962.

[326] Там же. Д. П-50737.

[327] База данных «Жертвы политического террора в СССР» правозащитного общества «Мемориал».

[328] Там же.

[329] *Лурье В. М., Кочик В. Я.* Указ. соч. С. 357.

[330] База данных «Жертвы политического террора в СССР» правозащитного общества «Мемориал».

[331] *Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я.* Энциклопедия военной разведки: 1918—1945 гг. М., 2012. С. 88.

[332] *Горбунов Е. А.* Указ. соч. С. 216.

[333] Нина Розанова: Ощепков был интеллигентнейшим человеком // Додзё. М., 2005. № 1. С. 9.

[334] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 71.

[335] Герц Адольфович Крупкин: Ощепков легко выдергивал меня из ковра! // Додзё. М., 2005. № 3. С. 19.

[336] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 71.

[337] Из переписки с автором.

[338] *Сидоров В. В.* Письмо в Совет ветеранов борьбы самбо от 25 февраля 1989 г. — Архив А. А. Будзинского.

[339] *Горбылев А. М.* Источники реконструкции и изучения эволюции системы дзюдо В. С. Ощепкова // Хидэн. М., 2011. Вып. 8. С. 137—138.

[340] Здесь и далее письмо Г. Н. Звягинцева и ответ на него цит. по материалам следственного дела В. С. Ощепкова. — ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-14806. Л. 23, 25.

[341] *Харлампиев А. А.* Воспоминания. М., 2014. С. 439—468.

[342] Там же. С. 431—432.

[343] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 71.

[344] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-45013.

[345] *Харлампиев А. А.* Борьба самбо. М., 1964. С. 16.

[346] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 71.

[347] *Горбылев А. М.* Источники совершенствования системы дзюдо Ощепкова. С. 76.

[348] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... С. 74.

[349] *Горбылев А. М.* Краткий очерк становления системы дзюдо Ощепкова — самбо. С. 83.

[350] В том числе: *Горбылев А. М.* Приказ № 633 и его роль в развитии борьбы самбо // Материалы XIII Международной научно-практической конференции «75 лет самбо. Итоги и перспективы». М., 2013. С. 8—23.

[351] *Харлампиев А. А.* Борьба самбо. С. 16—17.

[352] *Харлампиев А. А.* Борьба самбо: Учебное пособие. Ч. 1. М., 1952. С. 12.

[353] Из архива А. А. Будзинского.

[354] *Гаткин Е. Я.* Все о самбо. М., 2008. — https://www.litmir.info/br/?b=220937&p=7, дата обращения: 16.10.2016.

[355] *Горбылев А. М.* Краткий очерк становления системы дзюудо Ощепкова — самбо. С. 84—85.

[356] Там же. С. 86—87.

[357] Заседание пленума Всесоюзной секции борьбы самбо. 19 октября 1956 года. — ГА РФ. Ф. 7576. Оп. 14. Д. 209. Л. 99—102. Цит. по: *Горбылев А. М.* Приказ № 633 и его роль в развитии борьбы самбо. С. 8—23.

[358] *ВСО [Василий Сергеевич Ощепков].* Акклиматизация «Дзюудо» в Советском Союзе // Красная звезда. 1929. 29 ноября. Цит. по: Хидэн. М., 2011. Вып. 7. С. 217.

[359] Хидэн. М., 2011. Вып. 7. С. 206.

[360] Там же. С. 212.

[361] Там же. С. 224.

[362] *Гаткин Е. Я.* Указ. соч.

[363] Сэйнэн [Юношество]. 1907. Февраль. (Япон. яз.)

[364] Тюо симбун. 1906. 17 декабря. (Япон. яз.)

[365] Россія. 1908. № 953. 31 декабря.

[366] Цит. по: Система самбо: Становление и развитие. Из семейного архива Харлампиевых. С. 21—27.

[367] Там же.

[368] Там же. С. 156—160.

[369] Там же. С. 214—220.

[370] Там же. С. 243—250.

[371] Цит. по: Ощепков — Спиридонов: История конфликта // Додзё. 2006. № 1. С. 3—7.

[372] Цит. по: Спецвыпуск, посвященный юбилею В. С. Ощепкова: 115 лет со дня рождения. М., 2007. С. 62—66.

[373] Спутник агитатора. 1937. № 14. С. 24—27.

[374] Правда. 1937. 9 и 10 июля.

[375] Цит. по: Система самбо. Становление и развитие. Из семейного архива Харлампиевых. С. 335—338.

[376] Там же. С. 338—343.

[377] Там же. С. 410—413.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. С. ОЩЕПКОВА

1890, октябрь — прибытие на Сахалин Марии Семеновны Ощепковой. Возможно, начало ее совместной жизни с Сергеем Захаровичем Плисаком.

1892, 25 декабря — рождение Василия Ощепкова.

31 декабря — крещение в церкви Александровского Поста на Сахалине.

1899 — возможное начало обучения в Александровском реальном училище или в школе.

1902 — смерть отца.

1904, 24 апреля — смерть матери.

1907, 1 сентября — прибытие в Токио и прием на обучение в Токийскую православную духовную семинарию.

1908 — появление дзюдо среди предметов, преподаваемых в Токийской семинарии.

1911, 29 октября — прием Василия Ощепкова и Трофима Попилева на обучение в Кодокан.

1912 — Василия Ощепкова поставили на довольствие в Российском военном ведомстве.

1913, 15 июня — окончание обучения в Кодокане с присвоением мастерской степени 1-го дана.

23 июня — окончание обучения в Токийской православной духовной семинарии.

1913 или 1914—1916, первая половина — служба в контрразведке Штаба отдельного Заамурского округа пограничной стражи или, по другим источникам, в отделе контрразведки Штаба Приамурского военного округа в Хабаровске. Возможное начало преподавания дзюдо в кружке «Спорт» на Корабельной набережной, 21, во Владивостоке.

1916 — служба в отделе контрразведки Штаба крепости Владивосток (по 1917 год).

1917, 16 июня — под руководством Ощепкова проводятся первые в истории международные командные соревнования по дзюдо между кружком «Спорт» (Россия, Владивосток) и командой высшего коммерческого училища города Отару (Япония) под руководством Томабэти Хидэтоси.

4 октября — Василий Ощепков становится первым русским, получившим очередную мастерскую степень по дзюдо — 2-й дан в токийском Кодокане.

1918, 23 февраля — спортивные встречи Ощепкова с офицерами японской оккупационной эскадры во Владивостоке. Адмирал Като называет его «Василием Великолепным». Работа на «вольных хлебах», попытки торговать обувью, преподавать японский язык, открытие переводческой конторы.

1919—1921, начало — служба в японском Управлении военно-полевых сообщений во Владивостоке.

1920, 5 февраля — начало сотрудничества с большевистской разведкой.

1921, середина года — (возможно) отъезд на Сахалин.

Декабрь — смена псевдонима Японец на «Д. Д.».

1922, 26 мая — «последний парад Белой армии» во Владивостоке. «Человек, похожий на Ощепкова», проходит вместе со строем кадетов перед трибуной.

1923 — фиктивный (?) брак с Екатериной Николаевной Журавлевой.

1 сентября — документально подтвержденная дата начала работы на советскую военную разведку в качестве резидента на Северном Сахалине.

1924, октябрь—ноябрь — конец сахалинской командировки. Выезд в Японию через Харбин и Шанхай. Обвенчан в Харбине с уроженкой Сахалина семнадцатилетней Марией Григорьевной.

23 или 24 ноября — прибытие в Кобэ (Япония).

1925, февраль — поездка в Харбин, переговоры с компанией Алексеева, встреча с Заколодкиным, получение новых инструкций по работе в Японии.

Июнь — встреча в Кобэ с однокашником Василия — немцем Клейе, предложение переехать в Токио.

Июль—август — встреча в Харбине с резидентом Яхонтовым, получение заданий для работы в Токио.

Август — переезд Ощепковых в Токио.

1926 — Василий Ощепков стал первым разведчиком, получившим информацию о создании сверхсекретных японских подразделений по исследованию химического и бактериологического оружия. Он сообщил об этом в Центр в донесении «Об использовании ядовитых газов и принципах применения их японской армией».

17 апреля — отъезд Василия Ощепкова из Кобэ.

19 апреля — возвращение во Владивосток.

Май — возвращение из Японии жены, Марии Григорьевны Ощепковой.

1927, 27 января — подписан приказ (с указанием даты 15 апреля 1926 года) о назначении на должность переводчика разведотдела штаба Сибирского военного округа с убытием к месту прохождения службы в Новосибирск.

24 апреля — встреча в Новосибирске с японскими разведчиками.

30 апреля — публикация в издании штаба Сибирского военного округа «Красноармейская звезда» статьи «Японскую "дзюу-дзюцу" — в Красную армию». Начало спортивно-пропагандистской деятельности.

14 августа — начало преподавания дзюудо в частях ОГПУ и в Новосибирском отделении «Динамо».

Август — демонстрация приемов дзюудо на 3-й Всеармейской спартакиаде в Москве.

1928, июль — демонстрация дзюудо на спартакиаде войск Сибирского военного округа.

Август—сентябрь — демонстрация дзюудо на 1-й Всесоюзной спартакиаде.

1928 или 1929 (точная дата неизвестна) — смерть жены, Марии Григорьевны Ощепковой, от туберкулеза.

1929 — вступление в брак с Анной Ивановной Казем-Бек.

Осень — переезд в Москву. Начало преподавания дзюудо в ЦДКА. Пропагандистские акции по привлечению внимания и популяризации дзюдо во всесоюзном масштабе.

1930 — подготовка главы 9, «Рукопашный бой», для учебного пособия «Физические упражнения в РККА».

5 апреля — победа в первенстве Московского военного округа по штыковому бою.

1931 — включение дзюудо в первый комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО). Начало преподавания в Центральной высшей школе Рабоче-крестьянской милиции и в Государственном центральном институте физкультуры (ГЦИФК, ГЦОЛИФК). Выход статьи о джиу-джицу в XXI томе первого издания Большой советской энциклопедии. Первая попытка сравнения систем самообороны Ощепкова и Спиридонова.

1932 — первые соревнования по дзюудо в Москве (первенство Института физкультуры).

7 декабря — ГТО II ступени; принятие решения о необходимости владения приемами дзюудо всеми преподавателями физкультуры в СССР.

1933 — вторая неудачная попытка сравнения системы рукопашного боя Спиридонова и Ощепкова.

1934 — введение специализации по дзюудо в ГЦОЛИФКе, начало подготовки профессиональных тренеров по этому виду борьбы. Закрытие школы Ощепкова в ЦВШ РКМ в пользу группы Спиридонова. Первые съемки фильма о дзюудо оператором Борисом Буртом.

1935 — создание московской и ленинградской секций борьбы вольного стиля дзюудо. Проведение первых межгородских соревнований. Дзюудо выходит на всесоюзный простор. Появление первой детской секции.

Апрель — письмо в Высший совет физической культуры о противостоянии с В. А. Спиридоновым.

1936 — утверждение Правил соревнований по дзюудо, Комплекса приемов самозащиты по системе дзюудо, первого спортивного комплекса приемов борьбы вольного стиля дзюудо и Комплекса боевых приемов по системе дзюудо для военнослужащих РККА. Возобновление преподавания дзюудо в «Динамо» после трехлетнего перерыва. Одновременное исключение дзюудо из программы физкультурных техникумов и учебных планов институтов физкультуры. Срыв матча «Москва — Ленинград».

1937, 6 июня — арестован Николай Устрялов, идеолог дальневосточного сменовеховства.

8 июня — письмо Ощепкова спортивному руководству о состоянии дел в дзюудо.

16 августа — арестованный чекист Роман Ким дал показания о том, что Ощепков «является японским шпионом».

Август — выход статьи «Церковные шпионы японского империализма».

1—7 сентября — арестованы (и вскоре расстреляны) дальневосточные друзья Ощепкова Владимир Крылов и Владимир Плешаков.

20 сентября — подписан приказ НКВД СССР № 00593 «О харбинцах».

29 сентября — подписано постановление об аресте Ощепкова.

Ночь с 1 на 2 октября — арест.

10 октября, 18.55 — Василий Сергеевич Ощепков умер в Бутырской тюрьме.

* * *

1937, 10 октября — первый матч по «борьбе вольного стиля» между командами Москвы и Ленинграда.

1939 — «Матч шести городов» и 1-е Всесоюзное личное первенство по «борьбе вольного стиля».

1946 — появление названия «вольная борьба самбо».

1948 — принятие названия «самбо» для бывшей ощепковской «борьбы вольного стиля» — прямой наследницы ощепковского дзюудо.

1957, 2 февраля — Василий Сергеевич Ощепков реабилитирован.

ЛИТЕРАТУРА

Документы

Архивный отдел МИД Японии

№ 1133.
№ 4141.
№ 5451.
№ 8399.

Государственный архив Приморского края (ГАПК)

Ф. 37. Оп. 2. Д. 114. Л. 7, 15.
Там же. Д. 178. Л. 363.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. 5283. Оп. 12. Ед. хр. 313. Л. 23.
Ф. 7576. Оп. 14. Д. 209. Л. 99—102.
Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-14806. Л. 2—25.
Там же. Д. П-37962.
Там же. Д. П-45013.
Там же. Д. П-50737.
Ф. Р-5973. Оп. 1. Д. 114. Л. 2, 10, 33.
Ф. Р-9427. Оп. 1. Д. 374. Л. 57.

Государственный архив Сахалинской области (ГАСО)

Ф. 23. Оп. 1. Д. 106. Л. 4.

Личные архивы

Архив А. А. Будзинского.
Архив А. М. Горбылева.
Архив Т. В. Ксендзовой.
Архив Л. С. Матвеева.
Архив М. Н. Лукашева.
Архив семьи Незнайко.
Архив Г. Н. Смекалова.

Российский государственный военный архив (РГВА)

Ф. 900. Д 851 (1922—[1]940 гг.).
Ф. 902. Д. 30 (1924—1927, 1933 гг.).

Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ)

Ф. 1133. Оп. 2. Д. 1376. Л. 1—4.

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ)

Оп. 280. Д. 1. Л. 2.

Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ)

Д. Р-23731. Т. 1. Л. 53—54.

Центральный государственный архив Советской армии (ЦГАСА)

Ф. 39472. Д. 41. 1929—1931 гг. Управление 18-го стрелкового корпуса.

Книги и статьи

Алексеев М. «Ваш Рамзай». Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае: 1930—1933 гг. М., 2010.

Алексеев М. «Монах» с черным поясом // Родина. М., 1997. № 8. *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II: В 2 кн. М., 1998. Кн. 2.

Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я. Энциклопедия военной разведки: 1918—1945 гг. М., 2012.

Архиепископ Японский Николай. Русские воспитанники в Токийской семинарии // Россія. 1908. № 953. 31 декабря.

Беседовский Г. З. На путях к Термидору. М., 1997.

Быстролетов Д. А. Путешествие на край ночи. М., 1996.

В Иркутске начинаются окружные военно-спортивные состязания // Советская Сибирь. 1928. 13 июля.

Весь Харбин на 1926 год: Адресная и справочная книга / Ред.-изд. С. Т. Тернавский. Харбин: Тип. Китайской восточной ж. д., 1926.

Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2003.

ВСО [Василий Сергеевич Ощепков]. Акклиматизация «Дзюудо» в Советском Союзе // Красная звезда. 1929. 29 ноября.

Гаткин Е. Я. Все о самбо. М., 2008.

Герц Адольфович Крупкин: Ощепков легко выдергивал меня из ковра! // Додзё. М., 2005. № 3.

Головин С. А. Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20—30-е годы XX века // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 66.

Горбунов Е. А. Схватка с черным драконом: Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002.

Горбылев А. М. Истоки совершенствования системы дзюудо Ощепкова // Хидэн. М., 2011. Вып. 7.

Горбылев А. М. Источники реконструкции и изучения эволюции системы дзюудо В. С. Ощепкова // Хидэн. М., 2011. Вып. 8.

Горбылев А. М. Краткий очерк становления системы дзюудо Ощепкова — самбо // Хидэн. М., 2011. Вып. 6.

Горбылев А. М. Новосибирский период в деятельности В. С. Ощепкова. [Рукопись.]

Горбылев А. М. Приказ № 633 и его роль в развитии борьбы самбо // Материалы XIII Международной научно-практической конференции «75 лет самбо. Итоги и перспективы». М., 2013.

Горбылев А. М. Специальная библиотека В. С. Ощепкова. М., 2013.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983.

Дацышен В. Г. Русско-японские отношения на Северном Сахалине в период японской оккупации (1920—1925 гг.) // Япония [Ежегодник]. М., 2014.

Дзоку. Гэндай си сирё [Источники по новейшей истории. Продолжение]. Т. 5. Кайгун. Като Хирохару никки [Военно-морской флот. Дневники Като Хирохару]. Токио: Мисудзусёбо, 1994. (Япон. яз.)

Дневники святого Николая Японского: В 5 т. СПб., 2004. Т. 5.

Дорошевич В. М. Каторга. М., 1903.

Епископ Сергий (Тихомиров). Памяти высокопреосвященного Николая, архиепископа Японского // Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников. М., 2012.

Звонарев К. К. Агентурная разведка: Издание IV управления Штаба РККА: В 2 кн. Киев, 2005.

Зорге Р. После путча // Известия. 1936. 15 апреля.

Изместьев П. И. О нашей тайной разведке в минувшую кампанию. Варшава, 1910.

Ильин И. С. На службе у японцев // Новый журнал. Нью-Йорк, 1965. № 80.

Кимура Хироси. Три лица одного писателя // Бунгэй Сюндзю. 1974. № 1. (Япон. яз.)

Кирмель Н. С., Шинин О. В. Красные против белых: Спецслужбы в Гражданской войне 1917—1922 гг. М., 2016.

Клембовский В. Н. Тайные разведки (военное шпионство) // Антология истории спецслужб. Россия: 1905—1924. М., 2007.

Клементьев В. Ф. В большевистской Москве (1918—1920). М., 1998.

Коростиков М. Японского офицера обвиняют в работе на Москву // Коммерсант. 2015. 4 декабря.

Косоротов С. А., Арабаджиев А. Д. Каноны дзюдо. М., 2007.

Кузнецов С. И. Первые русские ученики в Японии // Восток — Запад в контексте мировой истории: Материалы Всероссийской научной конференции. Иркутск, 2011.

Кулагин А. Что нужно для охраны окраин Новосибирска // Советская Сибирь. 1927. 25 декабря.

Куланов А. Е. В тени Восходящего солнца. М., 2014.

Куланов А. Е. Шпионский Токио. М., 2014.

Лаврентьева А. Г. Жертвы произвола // ...Иметь силу помнить: Рассказы тех, кто прошел ад репрессий / Сост. Л. М. Гурвич. М., 1991.

Ларионов А. М. История самбо (самозащиты без оружия) в СССР. [Рукопись. 31 с.] Ленинград, 1986.

Лота В. И. За гранью возможного: Военная разведка России на Дальнем Востоке: 1918—1945 гг. М., 2008.

Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД (1937—1938) / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2004.

Лукашев М. Н. Сотворение самбо: Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... М., 2003.

Лукашев М. Н. Сотворение самбо: Система САМ превращается в САМБО. М., 2003.

Лурье В. М., Кочик В. Я. ГРУ: Дела и люди. М., 2003.

Март В. Н. В японском кино // Новый зритель. 1927. № 2.

Мелешин К. Ю. Процессуальный аспект осмысления опыта политической полиции Российской империи по использованию в доказывании сведений, полученных негласным путем, органами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Доклад на XIV Всероссийских исторических чтениях «Гороховая, 2»: «Отечественные спецслужбы в эпоху войн и революций. XX век. 20—21.04.2017». [В печати.]

Моргун З. Ф. Японская мозаика Владивостока: 1860—1937. Владивосток, 2014.

Нина Розанова: Ощепков был интеллигентнейшим человеком // Додзё. М., 2005. № 1.

О самбо // Додзё. М., 2006. № 2.

О'Конрой Т. Японская угроза. М., 1934.

Ощепков — Спиридонов: История конфликта // Додзё. М., 2006. № 1.

Ощепков В. С. Прохождение дзюудо. [Рукопись. 11 с.]

Победа Советской власти на Северном Сахалине (1917—1925): Сборник документов и материалов. Южно-Сахалинск, 1959.

Подалко П. Э. Япония в судьбах россиян: Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. М., 2004.

Позднеев Д. М. Архиепископ Николай Японский (Воспоминания и характеристика) // Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников. М., 2012.

Процесс Антисоветского троцкистского центра. М., 1937.

Рабочий. Женщине-милиционеру трудно задержать хулигана // Советская Сибирь. 1928. 15 ноября.

Рябиков П. Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время // Антология истории спецслужб. Россия: 1905—1924. М., 2007.

Саблина Э. Б. 150 лет православия в Японии: История японской православной церкви и ее основатель архиепископ Николай. М.; СПб., 2006.

Савелли Д. Борис Пильняк в Японии: 1926. М., 2004.

Савченко С. Н., Левкин Г. Г. Интервенционистские силы Японии на российском Дальнем Востоке (1918—1922 гг.) // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Хабаровск, 1999.

Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников. М., 2012.

Система самбо: Становление и развитие. Из семейного архива Харлампиевых. М., 2007.

Спецвыпуск, посвященный юбилею В. С. Ощепкова: 115 лет со дня рождения. М., 2007.

Солженицын А. И. Архипелаг Гулаг. 1918—1956: Опыт художественного исследования. Т. 1. М., 2008.

Такэюки Т. Утида Рёхэй: Взгляд на Россию // Япония [Ежегодник]. М., 2012.

Урадзио тайику кайсюсай-но мото-ни дзюкэн то кёги кайкайсай [Пройдет соревнование по дзюдо и боксу, организованное Владивостокским обществом спорта] // Урадзио ниппо [Ежедневная владивостокская газета]. 1918. 23 февраля. (Япон. яз.)

Устрялов Н. В. В борьбе за Россию [Сборник статей]. Харбин, 1920.

Фесюн А. Г. Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. М., 2000.

Харлампиев А. А. Борьба самбо. М., 1964.

Харлампиев А. А. Борьба самбо: Учебное пособие. Ч. 1. М., 1952.

Харлампиев А. А. Воспоминания. М., 2014.

Хохлов А. Н. Подготовка русских переводчиков-японистов в Японии и деятельность И. Д. Касаткина (вторая половина XIX — начало XX в.) // Восток / Oriens. 1994. № 5.

Хохлов А. Н. Роль Токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2. СПб., 1996.

Чехов А. П. Остров Сахалин. М., 2011.

Шестаков В. Б., Ерегина С. В. Василий Ощепков — основатель самбо. М., 2014.

Шинин О. В. Большевистская «партийная» разведка в период существования в Приморской области буржуазных правительств (май 1921 г. — октябрь 1922 г.) // Исторический журнал: Научные исследования. 2011. № 5 (5).

Шулатов Я. А. Разведка и японоведы: Становление осведомительной службы // История и культура традиционной Японии. М., 2010.

Lensen A. G. Japanese Diplomatic and Consular Officials in Russia. Tokyo, 1968.

Периодика

Тюо симбун. 1906. 17 декабря. (Япон. яз.)

Сэйнэн [Юношество]. 1907. Февраль. (Япон. яз.)

Россія. 1908. № 953. 31 декабря.

Красноармейская звезда. 1927. 19 августа.

Советская Сибирь. 1927. 8 января, 25 декабря; 1928. 13 июля, 15 ноября.

Новый зритель. 1927. № 2.
Будоквай [Budokwai]. 1929. Сентябрь. (Англ. яз.)
Красная звезда. 1929. 29 ноября.
Дзюдо. Кодокан бункакай. 1932. № 5. (Япон. яз.)
Известия. 1936. 15 апреля.
Правда. 1937. 9 и 10 июля.
Спутник агитатора. 1937. № 14.
Бунгэй Сюндзю. 1974. № 1. (Япон. яз.)
Восток / Oriens. 1994. № 5.
Родина. М., 1997. № 8.
Додзё. М., 2005. № 1, 3; 2006. № 1, 2.
Южно-Сахалинск сегодня. 2005. 15 сентября.
Додзё. Спецвыпуск. М., 2007.
Исторический журнал: Научные исследования. 2011. № 5 (5).
Хидэн. М., 2011. Вып. 6—8.
Коммерсант. 2015. 4 декабря.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 6

Глава первая. Ощепки 12
Глава вторая. Рожденный в неволе 23
Глава третья. Семинария 34
Глава четвертая. Школа шпионов? 46
Глава пятая. Восхождение 64
Глава шестая. Василий Великолепный 75
Глава седьмая. Смена вех 86
Глава восьмая. Больной вопрос 99
Глава девятая. «Давать некачественные сведения не могу» 110
Глава десятая. Русский бэнси собирается в Японию 118
Глава одиннадцатая. Шпион по контракту 129
Глава двенадцатая. Русский Кобэ 136
Глава тринадцатая. Плановое хозяйство 146
Глава четырнадцатая. Семеновская карусель 152
Глава пятнадцатая. Два лейтенанта 161
Глава шестнадцатая. Провал 170
Глава семнадцатая. Новая жизнь 180
Глава восемнадцатая. Сибирский пропагандист 185
Глава девятнадцатая. В условиях, приближенных к боевым 197
Глава двадцатая. Готовность к труду, обороне и новым победам 206
Глава двадцать первая. Ближний круг 215
Глава двадцать вторая. Вот такое кино 225
Глава двадцать третья. Схватка бульдогов у борцовского ковра 234
Глава двадцать четвертая. Свободное дыхание 247
Глава двадцать пятая. 1937-й 255
Глава двадцать шестая. Приобретенное наследие 273

Вместо заключения. История одного зеркала, или Зеркало одной истории 290

Приложения
Приложение 1. Японская пресса о русских семинаристах 294
Приложение 2. Русские воспитанники в Токийской семинарии 298
Приложение 3. Выдержки из разведывательных донесений В. С. Ощепкова 304
Приложение 4. Материалы по комплексу ГТО 1-й и 2-й ступени со вступительной статьей председателя ВСФК СССР 308

Приложение 5. Из перевода японских правил по дзюдо, выполненных В. С. Ощепковым. 313
Приложение 6. Из работы В. С. Ощепкова по истории дзюдо 316
Приложение 7. Из статьи В. С. Ощепкова «Дзюу-дзюцу и дзюу-до в странах Европы и в Америке» 321
Приложение 8. Из интервью с учениками В. С. Ощепкова . . 326
Приложение 9. Письмо В. С. Ощепкова в Высший совет физической культуры 329
Приложение 10. Письмо В. С. Ощепкова в ГЦОЛИФК 336
Приложение 11. Из статьи Б. Кандидова «Церковные шпионы японского империализма» 341
Приложение 12. Из статьи «Подрывная работа японской разведки» 347
Приложение 13. Из книги В. П. Волкова «Курс самозащиты без оружия "самбо". Учебное пособие для школ НКВД» 350
Приложение 14. Из материалов «Комиссии по разбору вопроса, связанного с обвинением Спиридонова, автора книги "Курс самозащиты без оружия "самбо" Волкова в плагиате» 352
Приложение 15. Из тезисов А. А. Харлампиева «Создание самбо и генеральная линия развития отечественного спорта» 355

Примечания 357
Основные даты жизни и деятельности В. С. Ощепкова 372
Литература 376

Куланов А. Е.
Ощепков / Александр Куланов.

Эта книга не о разведке, хотя ее главный герой был воспитанником одной из самых загадочных из когда-либо существовавших «школ шпионов» и стал нелегальным резидентом в Японии — «предтечей Рихарда Зорге».

Эта книга не о спорте, хотя ее герой — первый русский обладатель черного пояса по дзюдо, вдохновенный пропагандист дзюдо и патриарх для всех современных российских дзюдоистов. Более того, герой книги стал основоположником нового вида борьбы — самбо, создав и развив школу, равной которой сегодня в мире нет.

Эта книга не о репрессиях, хотя ее герой родился на сахалинской каторге, а умер в сталинской тюрьме, брошенный туда по ложному обвинению и реабилитированный лишь два десятилетия спустя.

Это книга о настоящем патриоте, борце, мыслителе, мученике — Василии Сергеевиче Ощепкове (1892—1937) — замечательном человеке трагической судьбы, искренне любившем свою родину и сделавшем для нее, как немногие, много, но несправедливо оболганном и на долгие годы забытом.